

Журналы РАН, выходящие в свет на русском языке

Автоматика и телемеханика*
 Агрохимия
 Азия и Африка сегодня
 Акустический журнал*
 Алгебра и анализ
 Астрономический вестник*
 Астрономический журнал*
 Биологические мембраны*
 Биология внутренних вод*
 Биология моря*
 Биоорганическая химия*
 Биофизика*
 Биохимия*
 Ботанический журнал
 Вестник РАН*
 Вестник древней истории
 Вестник ЮНЦ
 Водные ресурсы*
 Вопросы истории естествознания и техники
 Вопросы ихтиологии*
 Вопросы философии
 Вопросы языкознания
 Восток
 Вулканология и сейсмология*
 Высокомолекулярные соединения (Сер. А, В, С)*
 Генетика*
 Геология рудных месторождений*
 Геомагнетизм и аэрономия*
 Геоморфология
 Геотектоника*
 Геохимия*
 Геоэкология, инженерная геология, гидрогеология, геокриология
 Государство и право
 Дефектоскопия*
 Дискретная математика
 Дифференциальные уравнения*
 Доклады Академии наук*
 Журнал аналитической химии*
 Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова
 Журнал вычислительной математики и математической физики*
 Журнал неорганической химии*
 Журнал общей биологии
 Журнал общей химии*
 Журнал органической химии*
 Журнал прикладной химии*
 Журнал технической физики*
 Журнал физической химии*
 Журнал эволюционной биохимии и физиологии*
 Журнал экспериментальной и теоретической физики*
 Записки Российского минералогического общества
 Земля и Вселенная
 Зоологический журнал
 Известия РАН. Механика жидкости и газа*
 Известия РАН. Механика твердого тела*
 Известия РАН. Серия биологическая*
 Известия РАН. Серия географическая
 Известия РАН. Серия литературы и языка
 Известия РАН. Серия математическая
 Известия РАН. Серия физическая*
 Известия РАН. Теория и системы управления*
 Известия РАН. Физика атмосферы и океана*
 Известия РАН. Энергетика
 Известия русского географического общества
 Исследование Земли из космоса
 Кинетика и катализ*
 Коллоидный журнал*
 Координационная химия*
 Космические исследования*
 Кристаллография*
 Латинская Америка
 Лесоведение
 Литология и полезные ископаемые*
 Математические заметки*
 Математический сборник
 Математическое моделирование
 Микология и фитопатология
 Микробиология*
 Микроэлектроника*
 Мировая экономика и международные отношения
 Молекулярная биология*
 Наука в России
 Научное приборостроение
 Нейрохимия*
 Неорганические материалы*
 Нефтехимия*
 Новая и новейшая история
 Общественные науки и современность
 Общество и экономика
 Океанология*
 Онтогенез*
 Оптика и спектроскопия*
 Палеонтологический журнал*
 Паразитология
 Петрология*
 Письма в Астрономический журнал*
 Письма в Журнал технической физики*
 Письма в Журнал экспериментальной и теоретической физики*
 Поверхность*
 Почвоведение*
 Приборы и техника эксперимента*
 Прикладная биохимия и микробиология*
 Прикладная математика и механика
 Природа
 Проблемы Дальнего Востока
 Проблемы машиностроения и надежности машин*
 Проблемы передачи информации*
 Программирование*
 Психологический журнал
 Радиационная биология. Радиоэкология
 Радиотехника и электроника*
 Радиохимия*
 Расплавы
 Растительные ресурсы
 Российская археология
 Российская история
 Российский иммунологический журнал
 Российский физиологический журнал имени И.М. Сеченова
 Русская литература
 Русская речь
 Сенсорные системы
 Славяноведение
 Социологические исследования
 Стратиграфия. Геологическая корреляция*
 США. Канада. Экономика - политика - культура
 Теоретическая и математическая физика
 Теоретические основы химической технологии*
 Теория вероятностей и ее применение
 Теплофизика высоких температур*
 Труды Математического института имени В.А. Стеклова*
 Успехи математических наук
 Успехи современной биологии
 Успехи физиологических наук
 Физика Земли*
 Физика и техника полупроводников*
 Физика и химия стекла*
 Физика металлов и металловедение*
 Физика плазмы*
 Физика твердого тела*
 Физикохимия поверхности и защита материалов*
 Физиология растений*
 Физиология человека*
 Функциональный анализ и его применение
 Химическая физика*
 Химия высоких энергий*
 Химия твердого топлива*
 Цитология*
 Человек
 Экология*
 Экономика и математические методы
 Электрохимия*
 Энергия, экономика, техника, экология
 Этнографическое обозрение
 Энтомологическое обозрение*
 Ядерная физика*

* Материалы журнала издаются группой Pleiades Publishing на английском языке

РОССИЙСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ<http://www.naukaran.ru>

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2012

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редационный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редационная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2012 г.
© Редакция журнала "Российская археология"
(составитель), 2012 г.

ПОДПИСКА-2013
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 Российские и зарубежные газеты и журналы
2 Книги и учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2012

Социальная структура населения фатьяновской культуры <i>Волкова Е.В.</i>	5
К истории коллекции предметов из Литого (Мельгуновского) кургана <i>Бабенко Л.И.</i>	20
Новые материалы по земледелию населения милоградской культуры <i>Лошенков М.И.</i>	28
Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка 3) <i>Скворцов К.Н.</i>	36
О земледелии алан Кисловодской котловины в I тыс. н.э. <i>Коробов Д.С., Борисов А.В.</i>	50
Влияние Китая на культуру кочевых народов Средней Азии в домонгольский период <i>Баринаева Е.Б.</i>	63
Детские погребения на Пятницком раскопе в Старой Руссе: археологический комментарий к Новгородской первой летописи <i>Торопова Е.В., Бужилова А.П.</i>	72

Новые данные по археологии Византии

Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. <i>Армарчук Е.А., Мимоход Р.А., Седов Вл.В.</i>	78
Две глиняные ампулы с изображением Святого Мины из Крыма <i>Журавлев Д.В.</i>	91
Бамборский храм и проблема “купольного зала” в Византии и на Кавказе <i>Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.</i>	97
Западное Закавказье и Каппадокия: некоторые иконографические параллели в период Македонской династии <i>Ендольцева Е.Ю.</i>	109

Работы молодых ученых по естественно-научным методам

Технология изготовления украшений могильника Мамисондон (Северная Осетия) <i>Столярова Д.А.</i>	115
Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV <i>Решетова И.К.</i>	129
Влияние выпаса скота на динамику растительности пустыни Негев (Израиль) в голоцене по палинологическим и археологическим данным <i>Бабенко А.Н.</i>	137
Почвенно-геохимические исследования культурных отложений Великого Новгорода (Ильменский раскоп) <i>Долгих А.В.</i>	143

Промысел кольчатой нерпы (<i>pusa hispida</i>) морскими зверобоями Чукотки в позднем голоцене <i>Горлова Е.Н.</i>	149
--	-----

История науки

Археологические памятники у с. Тюнино на Верхнем Дону: история изучения и современное состояние <i>Бессуднов А.Н., Захарова Е.Ю.</i>	158
---	-----

Критика и библиография

Germania–Sarmatia II: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Щукина. Калининград; Курск, 2010 <i>Мастыкова А.В.</i>	171
История башкирского народа. Т. 1. М., 2009 <i>Горбунов В.С., Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Кореняко В.А.</i>	176
Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье, 2010 <i>Кирилко В.П.</i>	180

Хроника

Немецкий археологический конгресс “Археология вокруг Северного моря” (Бремен, 2011) <i>Свешникова О.С.</i>	184
Памяти незабвенного друга Николая Яковлевича Мерперта <i>Мунчаев Р.М.</i>	185
Леопольд Дмитриевич Сулержицкий <i>Коллеги и друзья</i>	186
Памяти Демура Семеновича Бжания <i>Скаков А.Ю., Джошуа А.И., Агумаа А.С.</i>	188
Памяти Ольги Николаевны Аксеновой <i>Сотрудники редакции</i>	189
Список сокращений	191

CONTENTS

Number. 3, 2012

The social structure of the Fatyanovo culture population <i>Volkova E.V.</i>	5
On the history of the finds from Litoj (Melgunovsky) mound <i>Babenko L.I.</i>	20
New data on crop farming in Milogradskaya culture <i>Loshenkov M.I.</i>	28
Graves with horse remains from the Sambia peninsula (Alleika 3 cemetery, 1 st millennium AD) <i>Skvortsov K.N.</i>	36
On the agriculture of Alans in the Kislovodsk basin in the 1 st millennium AD <i>Korobov D.S., Borisov A.V.</i>	50
Chinese influence in the culture of Central Asian nomad peoples of the pre-Mongol period <i>Barinova E.B.</i>	63
Children's burials from the Pyatnitsky excavation site in Staraya Russa: an archaeological commentary to the first Novgorod chronicle <i>Toropova E.V., Buzhilova A.P.</i>	72

New Data on Byzantine Archaeology

The Christian church near Veseloye village: a preliminary publication of the results of the 2010 excavations <i>Armarchuk E.A., Mimokhod R.A., Sedov V.V.</i>	78
Two clay ampullae with image of St. Minas from the Crimea <i>Zhuravlev D.V.</i>	91
The Bambora church and Kuppelhalle in Byzantium and the Caucasus <i>Vinogradov A.Yu., Beletsky D.V.</i>	97
Western Transcaucasia and Cappadocia: certain iconographic parallels from the time of the Macedonian dynasty <i>Yundoltseva E.Yu.</i>	109

Natural Science Methods: Studies by Young Scientists

Manufacturing technology of the ornaments from Mamisondon cemetery (North Ossetia) <i>Stolyarova D.A.</i>	115
New anthropological materials of Saltovo-Mayatsk culture from Upper Saltov-IV cemetery <i>Reshetova I.K.</i>	129
The impact of cattle-grazing on the vegetation dynamics of Negev desert (Israel) in the Holocene according to palynological and archaeological data <i>Babenko A.N.</i>	137
Pedological and geochemical studies of the occupation deposits in Veliky Novgorod (Ilmensky excavation site) <i>Dolgikh A.V.</i>	143
Hunting of ringed seal (<i>Pusa hispida</i>) by ancient Eskimos of the Chukotka in the late Holocene <i>Gorlova E.N.</i>	149

History of Science

Archaeological sites near Tyunino village on the Upper Don: history of research and current state

Bessudnov A.N., Zakharova E.Yu.

158

Critics and Bibliography

Germania–Sarmatia II: collected studies on the archaeology of Central and East European peoples. In memoriam M.B. Schukin. Kaliningrad; Kursk, 2010

Mastykova A.V.

171

History of the Bashkir people. V. 1. M., 2009

Gorbunov V.S., Ivanov V.A., Obydenova G.T., Korenyako V.A.

176

Gavrilyuk N.A., Ibragimova A.M. The türbe of Haji Gherai Khan (based on the materials from the 2003–2008 archaeological investigations). Kiev; Zaporozhye, 2010

Kirilko V.P.

180

Chronicle

German Archaeology Congress (Bremen, 2011)

Sveshnikova O.S.

184

In memory of Nikolai Yakovlevich Merpert

Munchaev R.M.

185

Leopold Dmitrievich Sulerzhitsky

Colleagues and friends

186

In memory of Demur Semyenovuch Bzhania

Skakov A.Yu., Dzhopua A.I., Agumaa A.S.

188

In memory of Olga Nikolaevna Akwsyonova

Editorial staff

189

List of Abbreviations

191

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2012 г. Е.В. Волкова

*Институт археологии РАН, Москва
(volk_h@mail.ru)*

Ключевые слова: эпоха бронзы, центр Восточной Европы, фатьяновская культура, Волосово-Даниловский могильник, социальная организация, социальная стратификация, погребальный обряд, керамика.

The article reconstructs the social structure of Fatyanovo society based on the material from Volosovo-Danilovsky cemetery, a major burial site in Yaroslavl Oblast. The author uses all the available information on the cemetery, including its planigraphy, the funeral rite, the age-and-gender structure. Especial attention is given to pottery analysis. The author studies the family structure and the social hierarchy of Fatyanovo society.

Под “социальной структурой” общества в данной статье понимается его социальная организация, т.е. состав и особенности групп людей, которые это общество образуют, и социальная иерархия, т.е. наличие в обществе групп людей, различных по своему общественному положению.

Социальная структура фатьяновского общества рассматривается в этих двух аспектах: анализ социальной организации включает исследование родовой структуры общества, характера семейной организации, линейности счета родства и локальности поселения, а изучение социальной стратификации – выявление степени социального расслоения этого общества.

Поскольку данная работа имеет методический характер, в качестве исследовательского “полигона” использован Волосово-Даниловский могильник фатьяновской культуры в Ярославской обл. (исследовался в 1962–1969 гг. Д.А. Крайновым). Выбор его был обусловлен тем, что, во-первых, это самый крупный из известных сегодня фатьяновских могильников: на площади около 2400 м² было вскрыто 117 одиночных и коллективных погребений; во-вторых, в ходе раскопок был получен значительный керамический материал – около 400 сосудов, а также другой погребальный инвентарь; в-третьих, результаты его раскопок подробно отражены в отчетах и публикациях (Крайнов, Гадзяцкая, 1987); в-четвертых, несколько лет назад была разработана методика определения половозрастного состава погребенных в фатьяновских могильниках (Волкова, 2000) и методика выделения сосудов, изготовленных одним мастером (Волкова, 1998). Все это позволило

в достаточно полной мере использовать материалы Волосово-Даниловского могильника для отработки обозначенных методических вопросов.

К сожалению, при использовании материалов могильника имелись и определенные сложности. В частности, приходится учитывать, что Волосово-Даниловский могильник сильно пострадал как от деятельности современных людей (большого карьера и построенного здесь овощехранилища), так и был сильно разграблен еще в древности. Скорее всего, ограбление могил в поисках изделий из металла происходило почти сразу после окончания его функционирования как кладбища, поскольку могилы было легко обнаружить по каменным выкладкам над погребениями. В силу всех этих обстоятельств из 117 погребений не потревоженными остались только 28. Все остальные погребения имеют ту или иную степень сохранности.

По углю из погр. 58 могильник в целом датируется 3650±80 л.н. (ЛЕ-1044) (Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 38) или 2140–1920 до н.э. (68.2%) по калиброванным датам (Черных и др., 2011. С. 62). По периодизации Д.А. Крайнова он относится к третьему, Волосово-Даниловскому, этапу развития фатьяновской культуры. Это был этап ее расцвета. По Д.А. Крайнову и О.С. Гадзяцкой для него характерны: 1) группировки могил по семейному признаку; 2) увеличение числа парных погребений; 3) разнообразие кремневых орудий; 4) распространение металлических изделий разных форм; 5) ритуальные погребения животных (медведь, овца, собака); 6) “усложнение социально-экономических отношений (развитие патриархальной общины) и религи-

озных представлений (медвежий и соляренный культ)” (1987. С. 40).

Работа над материалом могильника началась со специального анализа всей доступной документации. Это выявило много противоречий между чертежами и описанием конкретных могил. По результатам анализа этой документации был внесен целый ряд коррективов, в частности, в план могильника. Прежде всего важно обратить внимание на наличие четырех столбовых ям, идущих через весь могильник по линии ССЗ–ЮЮВ. После всех уточнений, касающихся планировки и ориентации могильных ям, можно было перейти к более строгому анализу всего могильного комплекса.

В статье остановимся на следующих вопросах: общие черты и половозрастные различия в погребальном обряде волосово-даниловского населения (речь пойдет о выделении устойчивых “мужских”, “женских” и “детских” погребальных традиций); реконструкция родового и семейного устройства фатьяновского общества по гончарным традициям, выявленным по посуде могильника; социальная иерархия этого общества по данным сравнительного изучения погребальных и гончарных традиций.

*Особенности погребального обряда
волосово-даниловского населения
и планировка могильника*

Могильник представлен в основном одиночными погребениями мужчин (34 случая), женщин (24) и детей (35). Здесь используется разделение на половозрастные группы, предложенное Д.А. Крайновым и О.С. Гадзяцкой (1987. С. 58–70), только погребения “детей” и “мальчиков” объединены в одну группу. На могильнике также раскопаны пять парных погребений: два погребения мужчины с ребенком, одно погребение мужчины с индивидом не определенного пола и возраста, одно погребение женщины с ребенком и одно погребение взрослого и ребенка.

По имеющемуся материалу удалось выделить как общие для разных половозрастных групп традиции погребального обряда, так и специфические устойчивые традиции, характерные для погребения мужчин, женщин и детей.

К общим традициям для разных половозрастных групп относятся: 1) наличие могильной ямы, ориентированной по линии СВ–ЮЗ; 2) помещение в могилу одного покойного в скорченном положении на боку в специальной внутренней конструкции из органического материала; 3) наличие сопровождающего погребального инвентаря, обычно это сосуды, кремневые ножи и топоры-клинья, бусы,

проколки, пронизки, подвески; 4) наличие костей домашних животных (остатки пищи); 5) часто присутствие обкладки или выкладки камнями уже засыпанной могильной ямы.

Выделены следующие устойчивые традиции погребального обряда каждой половозрастной группы покойных.

Мужчины всегда клались в погребении на правый бок, преимущественно головой на юго-запад (74% мужских погребений). Размеры могильной ямы в среднем – 270 × 190 см, глубина – 150. Наличие у покойного двух и более сосудов, топора-молота (у головы), кремневых ножа (у пояса), топора, подвесок из клыков и зубов животных, бус, пронизок, только в мужских погребениях найдены наконечники стрел.

Женщины хоронились на левом боку, головой преимущественно на северо-восток (40% всех женских погребений) или на восток (33%). Средние размеры могильной ямы – 260 × 180 см, глубина – 130. Среди погребального инвентаря два и более сосуда, кремневые нож и топор-клин в ногах, а также бусы, пронизки, подвески из клыков и зубов животных.

Дети помещались на любом боку в могилу меньшего размера – в среднем 180 × 120 см, глубиной 110. Погребального инвентаря у них меньше, чем в могилах взрослых. Вещи часто имеют votивный характер: это глиняные копии каменных топоров-молотов, маленькие сосудики. Каменные выкладки детских могил редки (14% детских погребений).

Таким образом, по материалам Волосово-Даниловского могильника фиксируются устойчивые погребальные традиции, специфические для мужских, женских и детских погребений.

Нельзя не заметить, что на могильнике большая часть погребений располагается группами. Выделены группы, во-первых, из мужских и женских погребений (3 группы), во-вторых, из мужских, женских и детских погребений (6 групп), в-третьих, из мужских и детских погребений (6 групп), в-четвертых, из ряда мужских погребений (2 группы); и, наконец, из женских и детских погребений (2 группы). Наиболее представительны группы погребений из мужчин, женщин и детей, а также из мужчин и детей (по 32% каждая). Напомню, что в парных погребениях похоронены преимущественно мужчины с детьми.

Кроме того, практически одновременные погребения, выделенные по сосудам, изготовленным одним мастером (Волкова, 1998. С. 242–248), находятся либо в разных частях могильника (пары погр. 1 и 98, 21 и 74), либо относятся к разным

группам могил (4 и 7, 9 и 11, 61 и 85, 63 и 80), кроме одного случая (погр. 66 и 68 расположены в одной группе).

Приведенные данные о расположении на могильнике мужских, женских и детских погребений позволили выдвинуть следующие гипотезы. Во-первых, о наличии парной семьи у волосово-даниловского населения, на что указывают регулярные погребения в одних группах мужчин, женщин и детей. Во-вторых, о делении кладбища на участки, закрепленные за отдельными семьями, о чем говорят группы разнополых погребений и посуда, сделанная одним мастером, зафиксированная в разных могильных группах. В-третьих, о патрилинейности семейных связей этого населения, на что указывают парные погребения мужчин с детьми и частая сгруппированность детских погребений рядом с мужскими.

тикальных или наклонных линий” (87%), “неоконтурный ромб” (41%), “горизонтальный зигзаг” (35%) и “горизонтальная прямая линия” (33%).

В результате проведенного анализа выяснилось, что обычно взрослому покойному индивиду приносили сосуды представители двух родовых групп – это родственники “по крови” и “по браку”. Сосуды в детских погребениях чаще всего однородны по культурным традициям. Кроме того, посуда, поставленная в могилу, имеет некоторую специфику, связанную с полом и возрастом погребенного (табл.1).

Так, большая часть мисок (63%) происходит из детских погребений. Шаровидные горшки широко представлены во всех половозрастных группах, амфоровидные сосуды ставили преимущественно в погребения взрослых любого пола, а кубки –

Таблица 1. Распределение категорий форм сосудов по половозрастным группам погребенных (число сосудов и %)

Погребения	Миски	Амфоры	Горшки	Кубки
Мужские	4 (25)	30 (45)	77 (43)	3 (30)
Женские	2 (12)	21 (32)	46 (26)	5 (50)
Детские	10 (63)	15 (23)	55 (31)	2 (20)
Всего	16 (100)	66 (100)	178 (100)	10 (100)

О родовом и семейном устройстве волосово-даниловского общества

Теперь выясним, насколько выдвинутые гипотезы об устройстве этого общества подтверждаются результатами исследования гончарных традиций.

Керамический комплекс могильника включает 399 сосудов, из которых 176 – это целые формы, а остальные – развалы сосудов. Небольшая группа находок представлена отдельными фрагментами. Исследованию подверглись также пять изделий из глины (один топор, две ложки, “тигель” и шарик). Поскольку эти глиняные предметы сделаны из тех же формовочных масс, что и сосуды, они рассматривались вместе с ними.

Традиции составления формовочных масс керамики представлены двумя массовыми рецептами: “глина + органика + шамот” (70%) и “глина + органика + шамот + дресва” (28%), и одним редким рецептом – “глина + органика + дресва” (2%). Формы сосудов разделяются на четыре категории: шаровидные горшки (67%), амфоровидные сосуды (25%), кубки (3%) и миски (5%). Абсолютное большинство сосудов орнаментировано (93%). Традиции декорирования (подробней см. Волкова, 1998) характеризуются четырьмя массовыми орнаментальными образами: “горизонтальный ряд вер-

в женские погребения (50%). Кроме того, сосуды из детских погребений были, как уже отмечено выше, небольшого размера и чаще всего без следов использования в быту. Последнее может указывать на то, что это были дети, не прошедшие обряда инициаций. Важно обратить внимание на тот факт, что степень сходства по категориям сосудов между мужскими и детскими погребениями составляет 99%, а между женскими и детскими погребениями – только 86% (о правилах оценки степени сходства см. Волкова, 2010. С. 93). Это явно указывает на принадлежность детей к мужской группе погребенных.

В керамике всех половозрастных групп доминирует рецепт “глина + органика + шамот”, но в керамике женских погребений его доля наиболее низкая за счет более широкого распространения рецепта “глина + органика + шамот + дресва” (табл. 2). В формовочных массах шамота также во всех половозрастных группах преобладает рецепт “глина + органика + шамот”, кроме сосудов из женских погребений, где доминирует рецепт “глина + органика + шамот + дресва”. Причем соотношение рецептов формовочных масс и сосудов, и шамота в керамике мужских и детских погребений почти одинаковое. По составу формовочных масс керамики степень сходства мужских и детских погребений

Таблица 2. Распределение рецептов формовочных масс сосудов и рецептов шамота по половозрастным группам (число сосудов и %)

Погребения	Рецепты формовочных масс сосуда				Рецепты формовочных масс шамота			
	Г+О+Ш*	Г+О+Д	Г+О+Ш+Д	всего	Г+О+Ш	Г+О+Д	Г+О+Ш+Д	всего
Мужские	106 (78)	3 (2)	28 (20)	137 (100)	60 (52)	7 (6)	50 (42)	117 (100)
Женские	59 (63)	2 (2)	32 (35)	93 (100)	35 (43)	7 (9)	38 (48)	80 (100)
Детские	80 (77)	2 (2)	22 (21)	104 (100)	40 (51)	10 (13)	28 (36)	78 (100)

*Г – глина; О – органика; Ш – шамот; Д – дресва.

Таблица 3. Распределение сосудов с зубчатым и гладким штампами по половозрастным группам (число сосудов и %)

Штампы	Погребения			
	мужские	женские	детские	всего
Зубчатый	63 (49)	30 (24)	35 (27)	128 (100)
Гладкий	20 (40)	11 (22)	19 (38)	50 (100)

составляет 96%, а женских и детских погребений всего 87%. Это опять же говорит о преимущественной связи детей с мужской частью общества.

Хотя во всех половозрастных группах преобладают сосуды, украшенные зубчатым штампом (табл. 3), на посуде в мужских и детских погребениях намного чаще (38–40%), чем в женских (22%) применялся гладкий штамп. Уточняя эти данные, можно отметить, что если связь женских и детских погребений по частоте использования зубчатого штампа достаточно высока (89%), то связь мужских и детских погребений по использованию гладкого штампа значительно выше (95%).

Особенности керамики разных половозрастных групп проявляются также на уровне орнаментальных образов (рис. 1) и наиболее ярко на уровне орнаментальных мотивов (рис. 2).

Анализ образов орнамента показал, что мужские погребения выделяются посудой с более массовым распространением образов “горизонтальная прямая линия” (52%) и “неоконтурный ромб” (42%). На посуде из детских погребений также часто используется образ “горизонтальная прямая линия” (33%) и значительно реже, чем у взрослых, образ “горизонтальная решетка” (10%). Здесь удалось выяснить, что разные орнаментальные образы в одних случаях указывают на связь женских и детских погребений, а в других – на связь мужских и детских погребений. В первом случае это образы “горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий”, “горизонтальная прямая линия” и “неоконтурный ромб” (средняя степень сходства по ним равна 89%). Во втором случае это образы “горизон-

тальный зигзаг” и “косая решетка” (здесь средняя степень сходства выше – 94%).

Также следует отметить, что в качестве разделителя орнаментальных зон на сосудах мужских и детских погребений чаще используется образ “горизонтальная линия”, а на сосудах женских погребений – образ “горизонтальный зигзаг”. Кроме того, последний образ на посуде из мужских и детских погребениях в отличие от женских чаще используется в многорядном мотиве. Посуда детских погребений выделяется широким применением образа “неоконтурный ромб” в однорядном мотиве и образа “косая решетка” – только в дополнительном мотиве.

По мотивам орнамента на сосудах степень сходства керамики мужских и детских погребений составляет 92%, а женских и детских – 87%. Кроме того, орнамент на донной части сосудов (табл. 4) чаще встречается именно в мужских и детских погребениях (сходство 92%), а в женских и детских – значительно реже (только 78%). Таким образом, по данным изучения орнамента на сосудах во всех случаях прослеживается большая связь мужских и детских погребений.

Таким образом, погребения детей по технологическим и орнаментальным гончарным традициям наиболее близки именно мужским погребениям. Следовательно, умершим мужчинам и детям приносили сосуды “родственники” преимущественно по одной линии, а женщинам – по другой. Это подтверждает выдвинутую по группировке погребений на могильнике гипотезу о том, что дети у волосово-даниловского населения принадлежали к роду мужчин, т.е. имели место патрилинейность рода, счет родства

Погребения	Образы					Всего
	1. //////////////	2. ^ ^	3. —	6. //	12. xxxx	
Мужские	95 (90)	36 (34)	55 (52)	44 (42)	18 (17)	105 (100)
Женские	59 (83)	25 (35)	19 (26)	24 (33)	13 (18)	71 (100)
Детские	63 (86)	24 (33)	24 (33)	21 (29)	7 (10)	73 (100)

Рис. 1. Орнаментальные образы на посуде разных половозрастных групп (число сосудов и %). Указаны номера наиболее массовых орнаментальных образов по общему списку (Волкова, 1998).

Погребения	1. //////////////			2. ^ ^			6. //			12. xxxx		
	о	д	всего	1	2	всего	ш	1	всего	о	д	всего
Мужские	18 (19)	82 (86)	95 (100)	23 (64)	13(36)	36 (100)	38 (86)	10 (23)	44 (100)	4 (22)	14 (78)	18 (100)
Женские	13 (22)	46 (78)	59 (100)	24 (96)	1 (4)	25 (100)	22 (92)	6 (25)	24 (100)	1 (8)	12 (92)	13 (100)
Детские	13 (20)	59 (94)	63 (100)	17 (71)	9 (38)	24 (100)	19 (90)	10 (48)	21 (100)	—	7 (100)	7 (100)

Рис. 2. Орнаментальные мотивы на посуде разных половозрастных групп (число сосудов и %). За 100% взято число сосудов в половозрастной группе с определенным орнаментальным образом. Сокращенные обозначения: о – основной мотив; д – дополнительный мотив; ш – шахматный мотив; 1 – расположение образа в один ряд; 2 – расположение образа в два ряда и более.

Таблица 4. Орнамент на донной части сосудов (число сосудов и %)

Погребения	Наличие орнамента		Всего
	есть	нет	
Мужские	41 (43)	55 (57)	96 (100)
Женские	7 (13)	48 (87)	55 (100)
Детские	22 (35)	42 (65)	64 (100)

по мужской линии, и, наиболее вероятно, партилокальность рода. Поскольку керамические комплексы почти всех погребений взрослых индивидов характеризуются двойственностью культурных традиций, можно предположить наличие в могильнике погребенных, как минимум, двух родовых групп, между которыми имелись брачные связи.

Тот факт, что родовые различия в погребальном обряде и гончарных традициях проявляются только на количественном уровне анализа, указывает на достаточно глубоко зашедший и длительный процесс смешения представителей этих родов путем брачных контактов, в результате которых произошло “сглаживание” первоначальных культурных особенностей каждого родового коллектива.

Социальная иерархия фатьяновского общества

К сожалению, из-за плохой сохранности могил об этом имеются очень скудные данные. Помимо типичных по обряду погребений в могильнике вы-

делены также нетипичные (около 20%), в которых фиксируются иные погребальные традиции. К этим нетипичным традициям можно отнести: 1) сооружение парных погребений; 2) установку столба рядом с могильной ямой; 3) очень большие размеры могилы; 4) глиняную обмазку внутренней конструкции; 5) наличие охры в погребении; 6) песчаную подсыпку в яме под внутренней конструкцией; 7) погребения собаки; 8) наличие углей в погребении; 9) присутствие в могиле пяти и более сосудов, изготовленных тремя и более гончарами; 10) костяные или кремневые наконечники стрел в погребальном инвентаре; 11) ориентировку ямы не по линии СВ–ЮЗ; 12) погребение мужчины на левом боку. Рассмотрим, как эти нетипичные традиции распространены на могильнике.

Начнем с парных погребений (рис. 3). В Волосово-Даниловском могильнике раскопано пять таких погребений, в том числе два погребения мужчины с ребенком (30 и 42а), одно погребение мужчины с индивидом неопределенного пола и возраста (21),

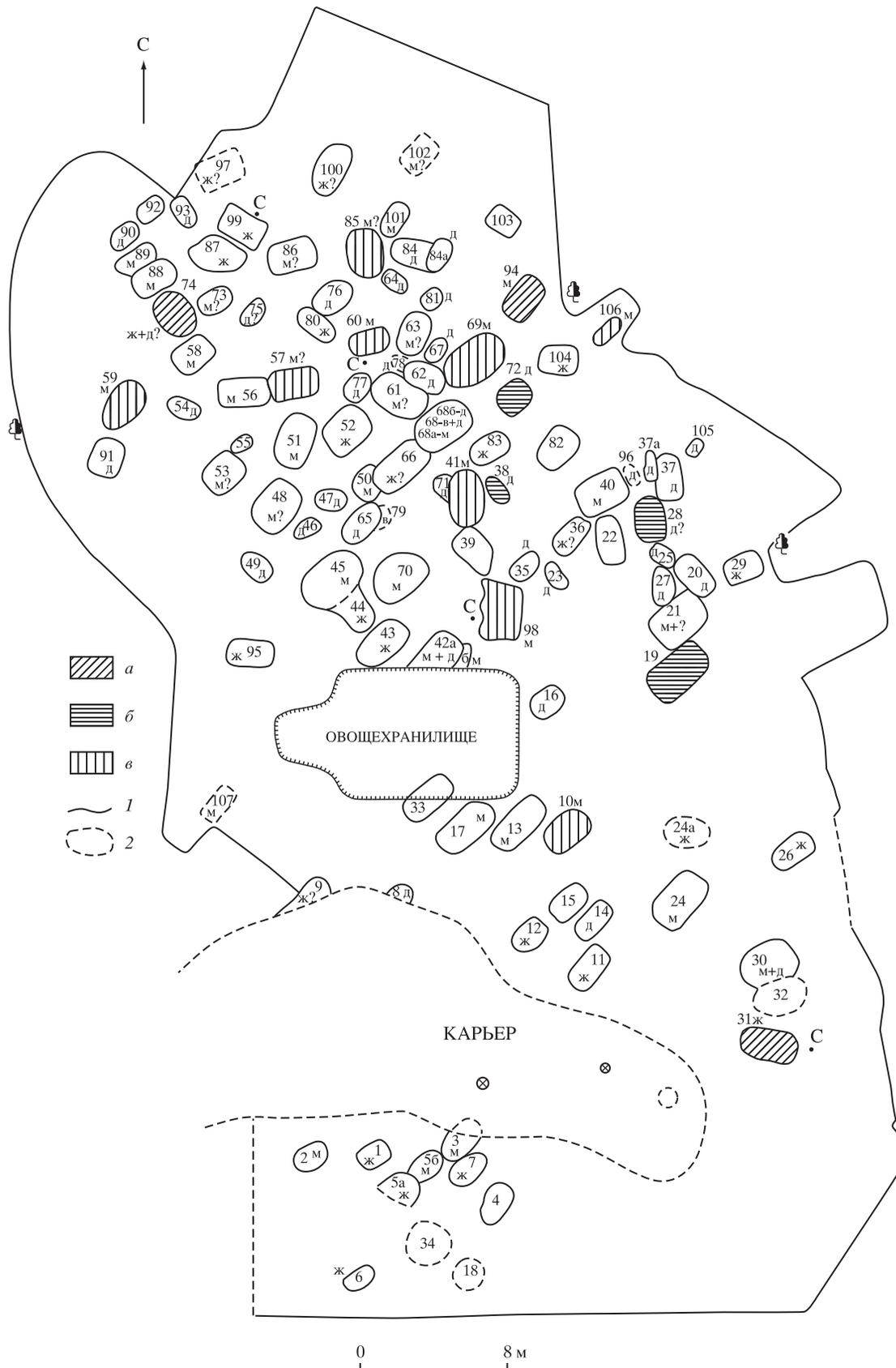


Рис. 3. План расположения погребений Волосово-Даниловского могильника. Условные обозначения: *a* – в “глиняном ящике”; *b* – с остатками глиняной обмазки; *v* – погребения с собакой; здесь и далее *1* – граница раскопа; *2* – разрушенная могильная яма.

одно – женщины с ребенком (74) и одно – взрослого индивида с ребенком (68). Четыре погребения имеют стандартную ориентировку (СВ–ЮЗ), и только погребение женщины с ребенком ориентировано нетрадиционно, по линии СЗ–ЮВ. Эти погребения не локализованы на одном участке, а расположены как по краям, так и в центральной части могильника.

Наличие столбов рядом с могильными ямами. На могильнике зафиксированы четыре ямы от столбов, приуроченных к определенным погребениям. Ямы расположены по одной линии (ССЗ–ЮЮВ), идущей через весь могильник. На краях могильника они имеются около двух женских погребений (99 и 31), в центре – около двух мужских (60 и 98). Причем оба женских погребения и одно мужское (98) имеют нетипичную ориентировку. Интересно отметить, что размеры всех четырех столбовых ям разные. Яма от северного столба имеет размеры 90 × 70 см, следующая – 25 × 25, третья – 70 × 55 см и, наконец, последняя яма от южного столба – 12 × 12.

Очень большие размеры могильной ямы. Как уже отмечалось, ямы мужских погребений примерно на 10 см больше и на 20 см глубже женских. Ямы детей, как уже сказано выше, намного меньше ям взрослых и не такие глубокие. Ямы парных погребений значительно больше даже одиночных мужских, но не такие глубокие. Здесь будут рассмотрены только ямы мужских, женских и детских погребений, которые значительно превышают стандартные для ям своих половозрастных групп размеры.

Очень большие ямы характерны для двух мужских погребений: 13 (380 × 270 см, глубина 280) и 17 (380 × 250 см, глубина 220); двух женских погребений: 9 (яма нарушена, поэтому ее первоначальная ширина не известна, сохранившаяся длина 350 см, глубина 150) и 66 (350 × 220 см, глубина 185); и двух детских погребений: 14 (260 × 150 см, глубина 100) и 65 (250 × 120 см, глубина 118). Из шести больших могильных ям четыре сосредоточены в южной части могильника (это два мужских погребения, одно женское и одно детское) и два погребения (женское и детское) находятся в центре могильника. Все они ориентированы по доминирующей традиции – СВ–ЮЗ.

Глиняная обмазка внутренней конструкции (рис. 3) зафиксирована в семи погребениях: мужском (94), женском (31), женском с ребенком (74), в трех детских погребениях (28, 38 и 72) и одном погребении индивида не определенного пола и возраста (19). В детских погребениях и погр. 19 прослеживается либо тонкий (4–5 см), либо частичный слой глиняной обмазки. В погребениях взрослых сооружался практически “глиняный ящик” с толщиной стенок около 10 см и более. У

четырех из семи погребений с глиняной обмазкой ориентировка нестандартная. Погребения взрослых в “глиняных ящиках” расположены по трем углам могильника – северо-западному, северо-восточному и юго-восточному. Детские погребения и погр. 19 расположены в северной части могильника: вдоль его восточной границы или недалеко от нее.

Наличие охры зафиксировано только в одном погр. 30. Это парное погребение мужчины с ребенком, расположенное в юго-восточном углу могильника.

Песчаная подсыпка под внутренней конструкцией имеется также только в одном погр. 98. Около западной стенки могильной ямы этого мужского погребения, расположенного в центре могильника, имеется одна из четырех столбовых ям.

Наличие погребения собаки (рис. 3). На могильнике раскопано девять мужских погребений (10, 41, 57, 59, 60, 69, 85, 98, 106), рядом с которыми была погребена собака, и одно погребение (70) с отдельными костями собаки в заполнении ямы. Все погребения, кроме одного (10), находятся в северной части могильника. Три погребения ориентированы по линии С–Ю, два – по линии ВСВ–ЗЮЗ, пять имеют стандартную ориентацию.

Наличие углей в погребении. В 24 погребениях, расположенных на могильнике, найдены отдельные угольки или их скопления. Из них 13 мужских, 5 женских, 2 детских, 3 парных и 1 погребение индивида не определенного пола и возраста (19). Здесь надо отметить, что два детских погребения (49 и 62), в которых зафиксирован уголь, имеют нестандартную ориентировку и большое количество сосудов, не свойственное детским погребениям.

Наличие в погребении пяти и более глиняных сосудов, изготовленных тремя и более гончарами. Такое значительное число сосудов, изготовленных более чем двумя мастерами, отмечено в 20 погребениях. Из них 6 мужских, 5 женских, 4 детских, 3 парных и 2 погребения индивидов не определенного пола и возраста. Большая часть этих погребений (70%) находится в северной части могильника.

Наличие в погребении наконечников стрел. В шести погребениях в составе погребального инвентаря имеются костяные или кремневые наконечники стрел. Это два погребения молодых мужчин (59 и 89), два погребения предположительно мужчин (61 и 102) и два парных погребения мужчины с ребенком (42а) и мужчины с индивидом не определенного пола и возраста (21). Все погребения находятся в северной части могильника. Они ориентированы стандартно, кроме одного (61), ориентированного по линии СЗ–ЮВ.

Нетрадиционная ориентировка могильной ямы. На могильнике (помимо доминирующей ориентировки СВ–ЮЗ – 67% случаев) фиксируются еще три традиции ориентации погребений: СЗ–ЮВ (21%), С–Ю (8%) и З–В (4%). По линии СЗ–ЮВ ориентированы в основном детские (50%) и женские (23%) погребения. Такую ориентацию имеют только два мужских погребения (9%). По линии С–Ю ориентированы только мужские и детские погребения (по 44%). По линии З–В – преимущественно женские погребения. Важно подчеркнуть, что 94% погребений с нестандартной ориентировкой расположены в северной части могильника (из них 20% – у его северного края) и только 6% погребений (все женские) – в южной части могильника.

Положение мужчины на левом боку. В четырех погребениях могильника мужчины положены не на правый, а на левый бок. В одном погребении лежал подросток (70), в другом – мужчина 25–30 лет (56), в двух остальных (61 и 73), также мужчины, пол которых реконструирован по набору погребального инвентаря, включающего каменный сверленный топор-молот. Только одно из четырех погребений ориентировано нестандартно, по линии СЗ–ЮВ (61). Все они находятся в северной части могильника.

Следует заметить, что последние две нетипичные традиции (нестандартная ориентировка погребений и положение мужчины на левом боку) указывают скорее на родовые отличия, чем на социальный статус погребенных.

Итак, в Волосово-Даниловском могильнике наряду с типичными по погребальному обряду захоронениями фиксируется целый ряд погребений с более сложными и разнообразными чертами погребального обряда. Попробуем выяснить, с чем это связано.

Допустимо предположить, что усложненные традиции погребального обряда указывают на особый социальный статус этой группы погребенных, который проявился в повышенном внимании к ним со стороны обеих родовых групп волосово-даниловского населения. К такому предположению склоняет ряд фактов.

Во-первых, выделяются погребения, которые характеризуются разным числом нетипичных традиций. Их максимальное количество в одном погребении равно шести – это погр. 98.

Погр. 98 (рис. 4, 1; 5), расположенное в центре могильника, характеризуется крупными размерами могильной ямы (320 × 245 см, глубина 240), ориентированной по линии С–Ю, рядом с погребением находился мощный столб, от которого сохранилась яма размерами 70 × 55 см. Погребение нарушено.

В заполнении ямы фиксируются углистое пятно и скопления камней. Похороненный здесь мужчина 20–25 лет лежал, предположительно, скорченно, головой на юг. Под дном внутренней конструкции прослежена подсыпка песка (единственный случай). Найдены кремневые ножи и топор-клин, костяное шило, подвеска из клыка и 14 сосудов, изготовленных, как минимум, пятью разными мастерами. Параллельно южной стенке внутренней конструкции была погребена собака, возможно также в особом погребальном сооружении.

По пять нестандартных традиций имеют три погребения – 74, 31 и 61.

Парное погр. 74 (рис. 4, 2; 5) – единственное на могильнике погребение женщины с ребенком, расположено у северо-западной границы могильника. Могильная яма размерами 300 × 190 см и глубиной 115 ориентирована по линии СЗ–ЮВ. На стенках и дне погребального сооружения зафиксирована обмазка из серой глины толщиной от 5 до 20 см (“глиняный ящик”). Погребение нарушено, кости женщины и ребенка разбросаны. Выявлено много угольков. Найдены три глиняных сосуда, осколки кремня, костяное орудие. Сосуды сделаны двумя разными мастерами.

Женское погр. 31 (рис. 4, 3; 5) ориентировано по линии СЗ–ЮВ, рядом с погребением стоял столб, от которого осталась яма диаметром 12 см. Фиксируются скопление камней, над погребением – уголь. Размеры могильной ямы – 270 × 205 см, глубина – 140. Покойница лежала на левом боку, головой на восток во внутренней конструкции, обмазанной слоем глины в 10 см толщиной (“глиняном ящике”). Найдены кремневые топор-клин и нож, костяная проколка, 24 просверленных зуба животных, 125 пронизок из птичьих костей, клык кабана, 6 сосудов, изготовленных, как минимум, тремя мастерами. Погребение находится у южного края могильника и, возможно, маркирует его южную границу.

В погр. 61 (рис. 4, 4; 5), ориентированном по линии СЗ–ЮВ, мужчина лежал на левом (а не правом) боку, головой на юго-восток (а не на юго-запад). Имеются скопления угля. Найдены каменный сверленный топор, кремневые топор-клин и нож, две медные пронизки и шило, костяные кинжал, наконечник стрелы, долото и приколка, шесть сосудов, изготовленных, как минимум, тремя разными гончарами, украшения из птичьих костей, зубов животных и раковинных бус, кроме того, каменная плитка, кости свиньи и кабаньих клык. Погребение находится в центре северной части могильника.

Два погребения (21 и 30) имеют по четыре нестандартных традиции (рис. 5). В парном погр. 21

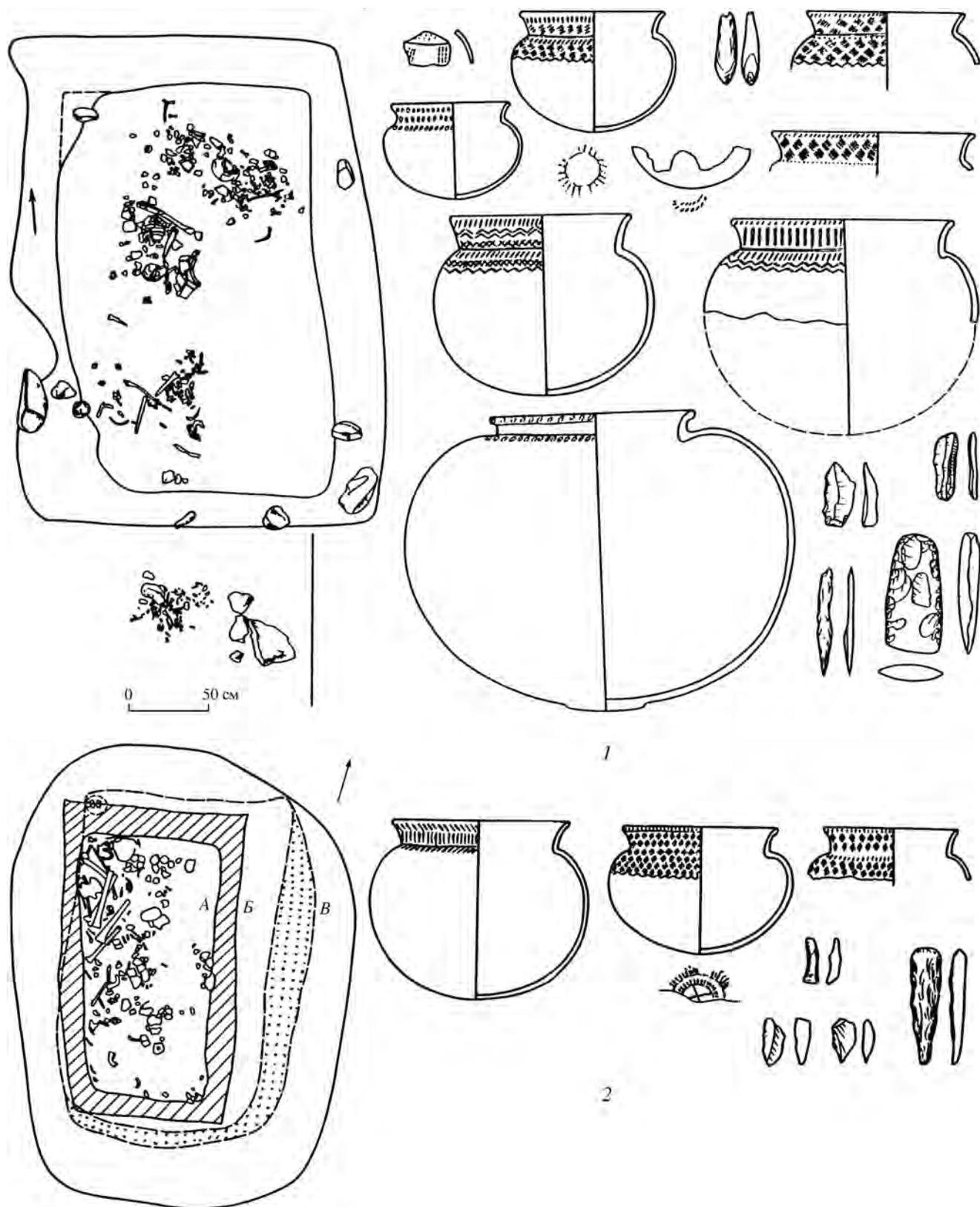


Рис. 4. Планы и инвентарь: 1 – погр. 98; 2 – погр. 74; 3 – погр. 31; 4 – погр. 61 (по: Крайнов, Гадзяцкая, 1987. С. 94, 103, 108, 114).

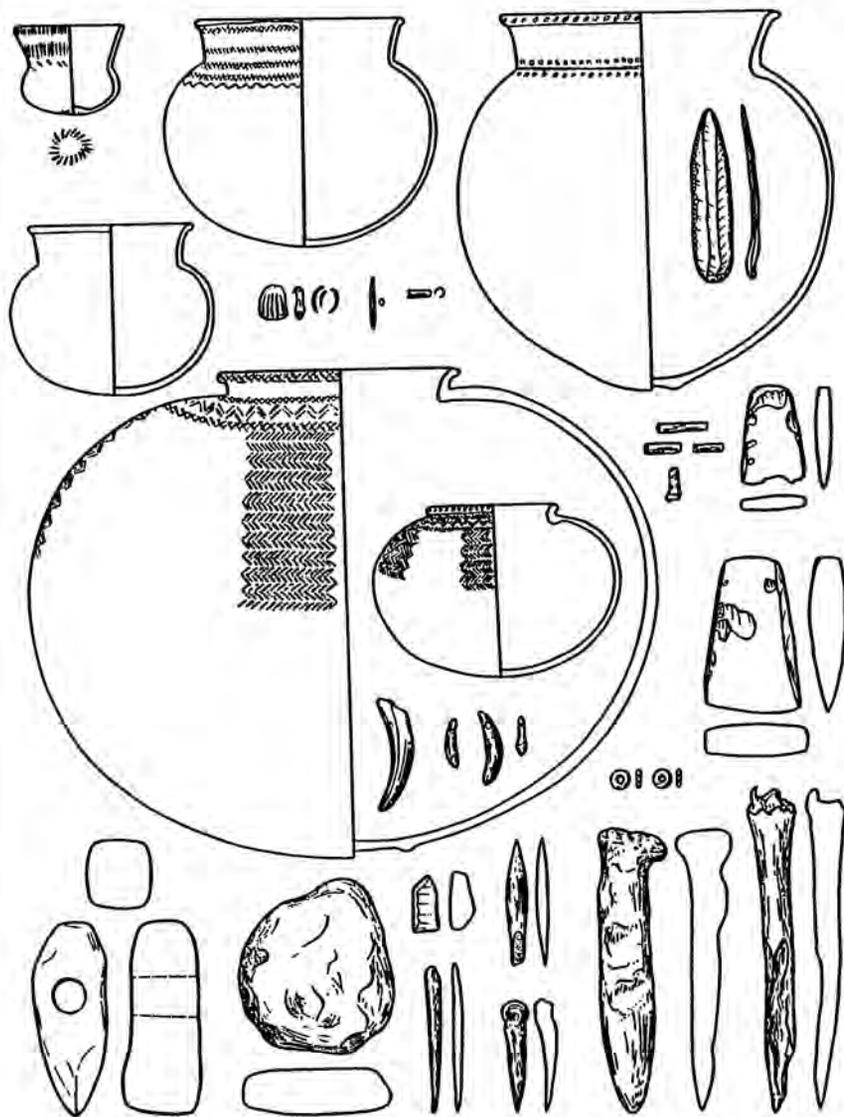
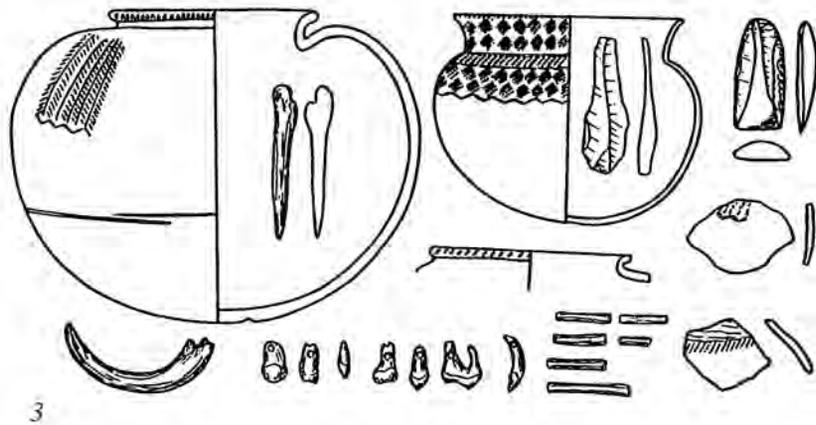


Рис. 4. Окончание.

похоронен мужчина с индивидом не определенного пола и возраста. Оно ориентировано по доминирующей традиции, по линии СВ–ЮЗ. Размеры могильной ямы – 280 × 220 см, глубина – 80. В заполнении ямы зафиксированы угли. Могила нарушена. Кости двух скелетов лежали в беспорядке. Здесь найдены пять сосудов, глиняные тигель и две двухстворчатые формы для отливки вислообушных топоров, костяной наконечник стрелы, кремневый скребок и плитка из песчаника. Сосуды сделаны, как минимум, тремя разными мастерами. Погребение находится в северной части могильника недалеко от его восточной границы.

В парном погр. 30 похоронен мужчина с ребенком. Могила ориентирована по линии СЗ–ЮВ и имела размеры 295 × 270 см и глубину 120. В заполнении ямы выявлены угли. Погребение нарушено. Кости мужчины 30–40 лет и ребенка разбиты и разбросаны. В могиле найдены семь глиняных сосудов, кремневое орудие, шесть подвесок из зубов животных, клык кабана, кусок глины и кусочки охры. Сосуды были изготовлены, как минимум, четырьмя разными гончарами. Могила расположена в южной части кладбища у его юго-восточного угла рядом с погр. 31.

Восемь погребений (рис. 5) имеют по три нестандартные традиции (погр. 19, 38, 41, 49, 59, 60, 62 и 85).

Могильная яма погр. 19 ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имела размеры 330 × 260 см и глубину 85. Две стенки погребальной конструкции были покрыты глиняной обмазкой толщиной 5 см. Погребение нарушено, кости индивида не определенного пола и возраста лежали в беспорядке. Найдены пять сосудов, костяная проколка, кремневая ножевидная пластина. Под одним из сосудов лежали угольки. Сосуды изготовлены тремя разными мастерами. Могильная яма находилась рядом с погр. 21, частично нарушая его южную стенку.

Могильная яма погр. 38 ориентирована по линии СЗ–ЮВ, имела размеры 100 × 160 см, глубину 100. У южного угла внутренней конструкции прослежена глиняная обмазка. Скелет ребенка лежал скорченно на левом боку, головой на юго-восток. Найдены четыре целых сосуда и фрагмент от пятого, обломки медных подвесок из тонкой проволоки, 15 подвесок из зубов свиньи, 5 подвесок из зубов не определенного вида животных, 39 пронизок из птичьих костей, бусы из раковин, ожерелье из 10 зубов животных с окисью меди и раковинных бус, кремневый нож и костяная проколка. Сосуды сделаны двумя разными мастерами. Погребение находится в северной части могильника.

Могильная яма погр. 41 ориентирована по линии С–Ю и имела размеры 200 × 120 см, глубину 150. Погребение нарушено. Мужчина, судя по положению костей ног, лежал скорченно на правом боку головой на юго-запад. В погребении найдены девять сосудов, кремневый клиновидный топор, два кабаньих клыка, медвежий клык со сверлиной и костяная проколка. За южной стенкой внутренней конструкции находилось погребение собаки. Сосуды изготовлены, как минимум, четырьмя разными мастерами. Погребение расположено в северной части могильника рядом с погр. 38.

Могильная яма детского погр. 49 ориентирована по линии СЗ–ЮВ, имела размеры 180 × 150 см и глубину 120. Погребение нарушено. В заполнении ямы зафиксированы угольки. Найдены девять глиняных сосудов и глиняный шарик с отверстием. Сосуды изготовлены, как минимум, четырьмя разными гончарами. Погребение находится в северной части могильника у его северо-западной границы.

Могильная яма погр. 59 ориентирована по линии СВ–ЮЗ, имела размеры 300 × 230 см и глубину 110. В ее заполнении выявлены угли. Погребение сильно нарушено. Кости мужчины 18–20 лет лежали в беспорядке в юго-западной части внутренней конструкции. Найдены сосуд, три кремневых наконечника стрел и две костяные проколки. За северо-восточной стенкой погребальной конструкции находилось погребение собаки. Могила расположена в северной части могильника у его северо-западной границы.

Могильная яма погр. 60 ориентирована по линии ВСВ–ЗЮЗ (т.е. почти З–В), имела размеры 300 × 240 см и глубину 140. У южной ее границы зафиксирована столбовая яма (диаметром 25 см). Погребение нарушено. Мужчина был, вероятно, положен скорченно, головой на запад-юго-запад. Найдены четыре глиняных сосуда, кремневый нож, медные шило и спиралька, медвежий клык с отверстием и кость лошади. Сосуды изготовлены двумя разными гончарами. За западной стенкой внутренней конструкции была погребена собака. Могила находилась в центре северной части могильника.

Могильная яма детского погр. 62 ориентирована по линии СЗ–ЮВ, имела размер 210 × 145 см и глубину 150. В заполнении выявлены угольки. Могила потревожена, кости мальчика (?) разбросаны, возможно, он лежал головой на юго-восток. Найдены 10 сосудов (целых и во фрагментах), медная подвеска, кремневый клиновидный топор, 2 ножевидных кремневых отщепа, 2 просверленных зуба свиньи. Сосуды изготовлены, как минимум, четырьмя мастерами. Погребение находится в центре северной

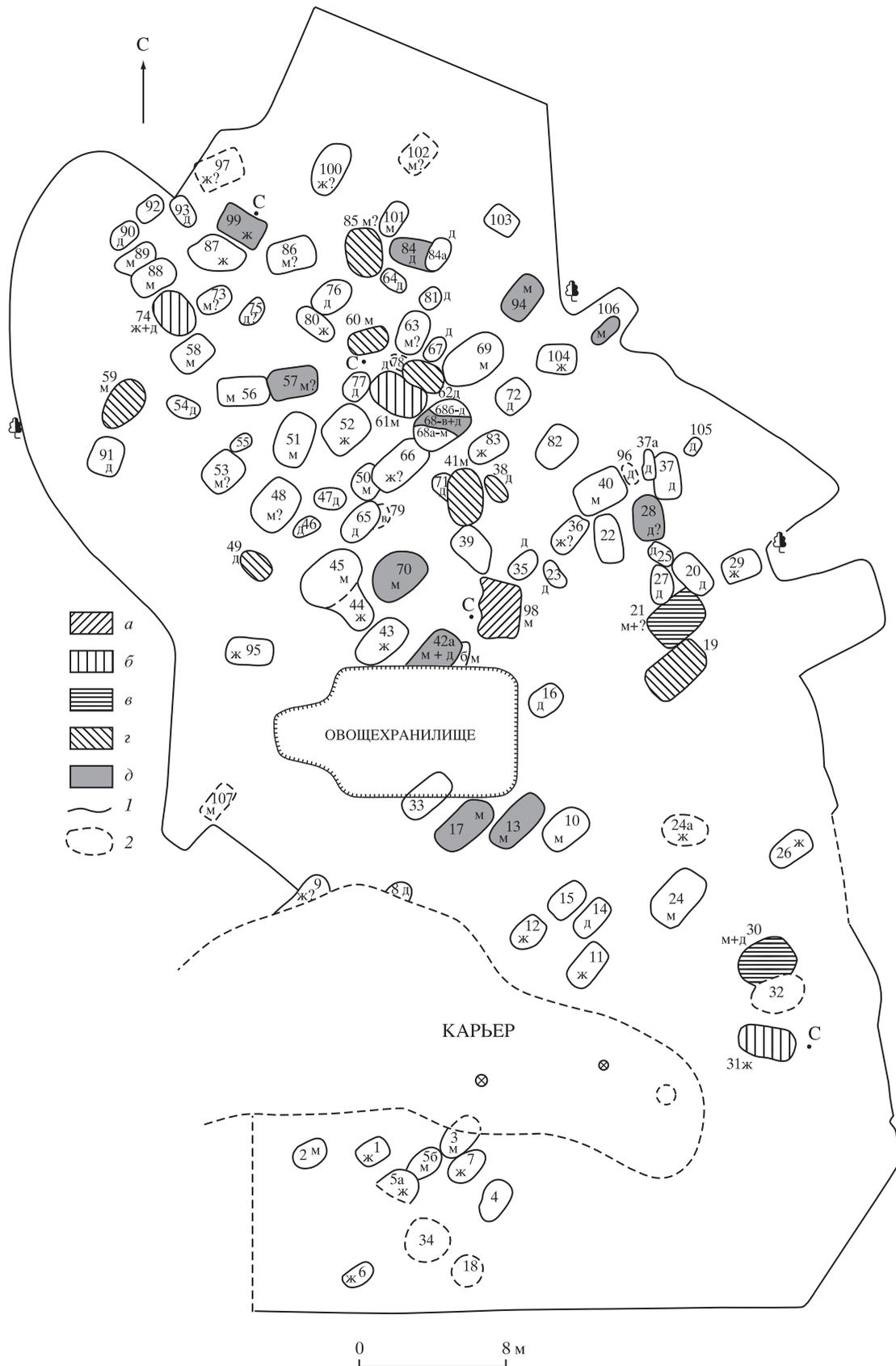


Рис. 5. Расположение на могильнике погребений с нестандартными традициями. Условные обозначения (число традиций): а – шесть; б – пять; в – четыре; г – три; д – две.

части могильника. Оно читалось одним пятном с погр. 67 и 78.

Могильная яма погр. 85 ориентирована по линии С–Ю, имела размеры 255 × 165 см и глубину 150. Погребение нарушено, кости мужчины (?) сломаны и разбросаны в северной половине внутренней конструкции. В заполнении ямы зафиксированы угольки. Найдены фрагменты от четырех разных сосудов, сделанных двумя разными мастерами. За южной стенкой внутренней конструкции захоронена собака. Могила расположена недалеко от северной границы могильника.

Еще в 11 погребениях зафиксировано по две нестандартные традиции (погр. 13, 17, 28, 42а, 57, 68, 70, 84, 94, 99 и 106). Проведенный анализ этих, и рассмотренных выше погребений позволяет перейти к обобщенным выводам.

Итак, зафиксировано 25 погребений с нетипичными погребальными традициями. Из них 1 погребение имеет шесть нетипичных традиции, 3 погребения – по пять, 2 – по четыре, 8 погребений – по три нетипичных традиции и 11 погребений с двумя нестандартными традициями. Из этих 25 погребений (с двумя и более нестандартными традициями) 1 погребение содержит 14 сосудов, сделанных пятью гончарами (98), 6 погребений (29, 30, 41, 49, 62 и 84) содержат от 7 до 10 сосудов, изготовленных четырьмя гончарами, и 6 погребений (19, 21, 31, 61, 68 и 69) содержат по 5–8 сосудов, изготовленных тремя разными гончарами. Во всех этих случаях имеются свидетельства того, что эти погребения, во-первых, отличаются богатством инвентаря, во-вторых, усложненным погребальным обрядом, в-третьих, большим количеством сосудов, изготовленных мастерами с разными гончарными традициями.

Эти факты склоняют к выводу, что в данных погребениях были похоронены индивиды, пользовавшиеся в коллективе повышенным вниманием членов обеих родовых групп, т.е. это были люди особого социального статуса. К ним с наибольшей вероятностью можно отнести девять погребений – 98, 74, 21, 30, 31, 41, 49, 61 и 62, и с несколько меньшей вероятностью еще четыре погребения – 19, 38, 60 и 99.

Посмотрим, как эти погребения располагаются на плане могильника (рис. 6). Начнем с севера. Здесь на краю могильника находится погр. 99 (со столбом), к которому может быть привязано погр. 74; далее к югу – группа погр. 60 (со столбом), 61, 62; еще южнее – группа погр. 38 и 41 и погр. 98 (со столбом) – в центре могильника, на

южном крае могильника – группа из погр. 30 и 31 (со столбом). Кроме того, к западу от линии столбов находится одиночное погр. 49, а к востоку от этой линии – группа из погр. 19 и 21.

Таким образом, погребения, совершенные с особым вниманием к покойным, располагаются прежде всего строго по линии столбов, идущих через весь могильник (девять погребений), а в стороне от этой линии находятся только четыре погребения.

Все приведенные факты однозначно указывают на особый социальный статус некоторых погребенных индивидов, т.е. мы вправе говорить о наличии в фатьяновском обществе выраженной социальной иерархии. Есть основания предполагать, что не у всех выделенных погребенных был одинаковый социальный статус.

Наиболее значимой фигурой представляется мужчина 20–25 лет, похороненный в погр. 98. Чуть ниже по иерархической лестнице, вероятно, находилась женщина из погр. 74 и мужчины из погр. 21 и 30. Все эти три погребения парные. Кроме того, есть данные, что погр. 74 и 21, расположенные далеко друг от друга, совершены одновременно или с очень небольшим промежутком времени, поскольку в них зафиксированы сосуды, изготовленные одним и тем же мастером. Но погр. 74 (женщины с ребенком) окружено мужскими погребениями, а погр. 21 (мужчины с индивидом неясного пола и возраста) – детскими погребениями. Погр. 30 (мужчины с ребенком) находится рядом с пустой могилой (кенатафом?) и женским погр. 31. Скорее всего, к этой иерархической группе относятся также женщина из погр. 31 и мужчина из погр. 61. Можно предположить, что эти индивиды (две женщины и трое мужчин) были особо значимы для какого-либо одного из родов (или для определенных семей) волосово-даниловского общества.

Единственными детскими погребениями, где зафиксирован уголь и большое число сосудов (9 и 10), изготовленных четырьмя разными мастерами, были погр. 49 и 62.

Таким образом, представляется возможным заключить, что, во-первых, социальная организация волосово-даниловского общества представляла собой дуально-родовую структуру; во-вторых, это общество было разделено на семьи с патрилинейным счетом родства и вероятной патрилокальностью; в-третьих, общество было социально стратифицировано, т.е. в его среде выделялись индивиды, занимающие более высокое социальное положение, и рядовые члены родовых коллективов.

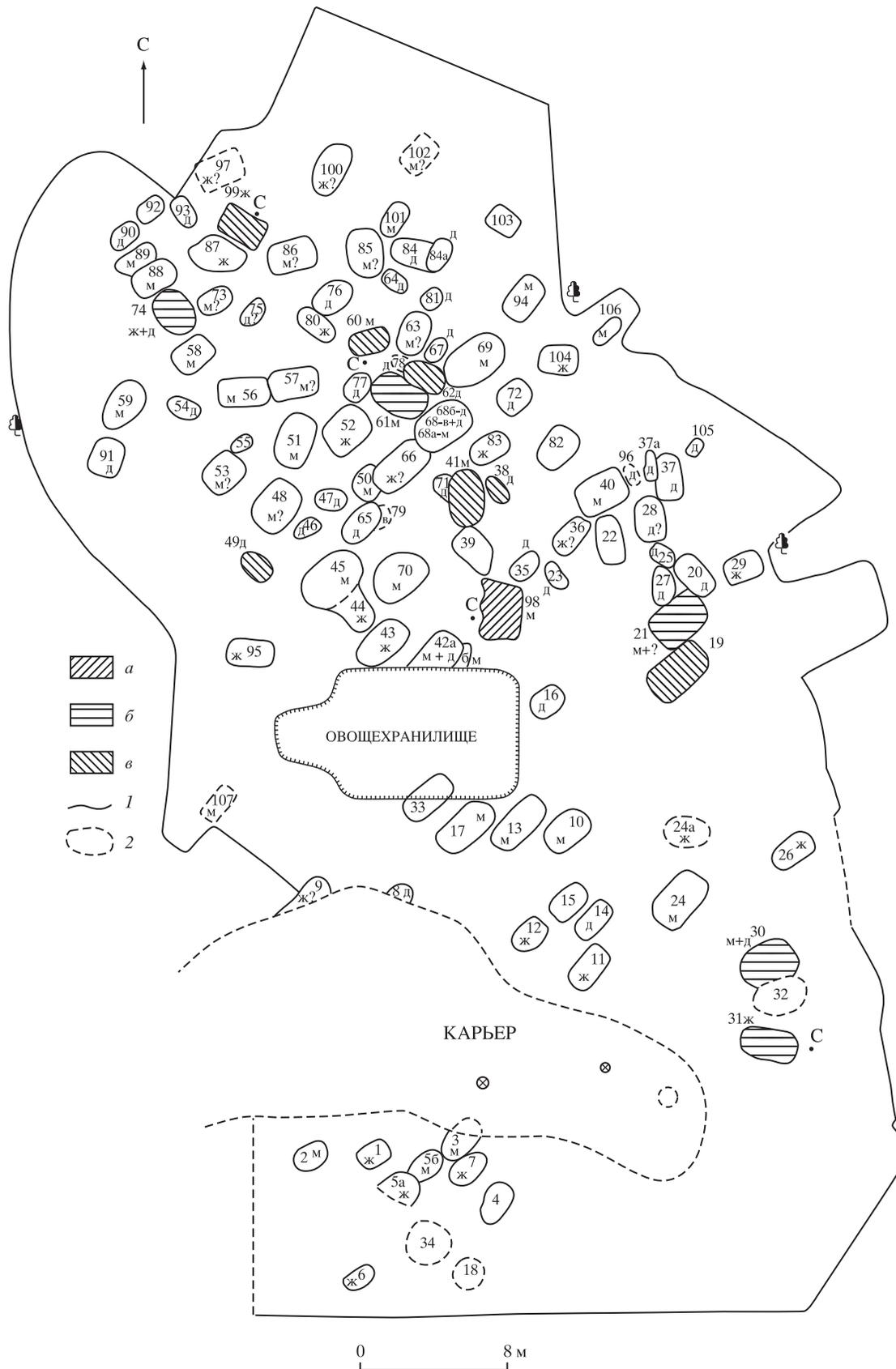


Рис. 6. Расположение на могильнике погребений индивидов, имевших особый социальный статус. Условные обозначения (степень значимости): *a* – первая; *b* – вторая; *v* – третья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волкова Е.В.* Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998.
- Волкова Е.В.* Опыт реконструкции пола и возраста погребенных из фатьяновских могильников Новинки 1 и 2 // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. I.
- Волкова Е.В.* Новинковские могильники фатьяновской культуры. М., 2010.
- Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. М., 1987 (САИ; Вып. В1-22).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. Вып. 2. М., 2011.

К ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИИ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЛИТОГО (МЕЛЬГУНОВСКОГО) КУРГАНА

© 2012 г. Л.И. Бабенко

Харьковский исторический музей (babenkoleonid@yandex.ru)

Ключевые слова: *Мельгуновский клад, Литой курган, скифы, Эрмитаж, Харьковский исторический музей, Паритетная комиссия.*

In 1763 A.P. Melgunov gave orders to excavate the Litoy mound, which event marks the emergence of Scythology. The finds were transported to the Kunstkamera in St. Petersburg, and later became part of the collection of the Imperial Hermitage. In 1932 the Parity Commission ruled that part of the Melgunov hoard be transported from the Hermitage to the Kharkov Historical Museum in the Ukraine. For many years the Khakov part of the Melgunov hoard was considered lost in the Great Patriotic War. However, several objects from the assemblage have been discovered in the vaults of the Kharkov Historical Museum. The objects comprise a leg of a throne stool and fragments of three silver tubes, and help clarify the location where the hoard was stored.

Рождение скифологии, 250-летний юбилей которой будет вскоре отмечаться, традиционно связывают с раскопками в 1763 г. по распоряжению генерал-поручика А.П. Мельгунова Литого кургана, получившего по фамилии инициатора исследования свое второе название – Мельгуновский (широко распространен также термин “Мельгуновский клад”). На протяжении всего периода интерес к “старейшине скифских древностей” и “великому Патриарху” (Бокий, 1992. С.13, 14) был неизменно высок. Дважды, с перерывами почти в столетие, проводились работы по доисследованию самого кургана: в 1892 г. В.Н. Ястребовым (Отчет..., 1894. С. 36, 37) и в 1990 г. Н.М. Бокий, а в 1949 г. он был осмотрен А.И. Тереножкиным во время разведок по Кировоградской обл. (Тереножкин, 1952. С. 113). Сам памятник еще в дореволюционное время, случай редчайший, стал объектом монографического исследования (Придик, 1911). В дальнейшем к материалам кургана обращались многие авторитетные скифологи (Ростовцев, 1925. С. 469, 470; Манцевич, 1958; Онайко, 1966. С. 31, 33; Граков, 1971. С. 126, 127; Артамонов, 1974. С. 68–70; Черненко, 1980; Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 99–104; Мурзин, 1984. С. 19, 20; Бессонова, 1990 и др.). Уже в новейшее время были отдельно изучены как ряд предметов этого комплекса (Кисель, 2003; Metdepenningen, 1997; Michel, 1995), так и вопросы, связанные с историей изучения кургана (Тункина, 1998; 2006; Tunkina, 2007). Являясь одним из древнейших погребальных памятников скифской аристократии

Северного Причерноморья, Литой курган прочно занял опорное место в кругу древностей скифской архаики (Алексеев, 2003. С. 295).

Коллекция предметов из Литого кургана имеет непростую судьбу. По извлечению находки были доставлены в Петербург, именованным указом Екатерины II переданы в Академию наук и помещены в Минц-кабинет Кунсткамеры. В 1859 г. по повелению Александра II несколько предметов (ножны акинака, диадема и ножки парадного табурета) были переданы из Нумизматического кабинета Академии наук в коллекцию Императорского Эрмитажа. Оставшаяся часть предметов Мельгуновского клада поступила в Эрмитаж в 1894 г. по причине упразднения Музея классической археологии при Академии наук (Тункина, 2006. С. 140, 143).

Дальнейшее перемещение предметов Мельгуновского клада состоялось в 1932 г., когда по решению Паритетной комиссии из Эрмитажа в Украину были переданы, полностью либо частично, материалы шести скифских курганов: помимо Мельгуновского это Александропольский, Шульговка, Чмырева Могила, Ильинецкий и Первый Мордвиновский курганы (Сидоренко, 1972; Кот, 1993; Нестуля, Нестуля, 2006; Гетьман, 2007). При этом часть коллекции Мельгуновского клада была оставлена в Эрмитаже для снятия гальванокопий. Ниже приводятся выдержки из Списка оставленных и Описи передаваемых предметов в части, касающейся непосредственно предметов Мельгунов-

ского клада (стилистика и орфография документов сохранены, явные опечатки исправлены) ¹ .		1615	1/3	на обратной стороне припаяны 4 ушка
		1616	1/4	на обратной стороне припаяны 4 ушка
Список предметов, остающихся в Эрмитаже для снятия гальванопластических копий. 1763 г. Мельгуновск. курган				
№ п/п	№ инв.	Наименование		
1	1/10	Бляшка-птица	1618	1/6 на обратной стороне припаяны 4 ушка
2	1/18	Диадема с розетками	1619	1/7 на обратной стороне припаяны три ушка
3	1/19-20	Ножны меча и рукоять	1620	1/8 на обратной стороне припаяны три ушка
4	1/21	Надломка пластины с обезьяной	1621	1/9 на обратной стороне припаяны 4 ушка
5	1/23	Ножка трона серебряная	1622	1/11 на обратной стороне припаяны 4 ушка
6	1/27	Трубочка серебряная	1623	1/12 на обратной стороне припаяны 4 ушка
7	1/31	Цилиндр серебряный прорезной	1624	1/13 на обратной стороне припаяны 4 ушка
8	1/34	Гвоздь серебряный	1625	1/14 на обратной стороне 4 ушка
9	1/35	Гвоздь серебряный, малый	1626	1/15 на обратной стороне припаяны 4 ушка
10	1/38	Стрела бронзовая плоская с шипом	1627	1/16 на обратной стороне припаяны 3 ушка
11	1/39	Стрела бронзовая трехгранная с шипом	1628	1/17 металл более желтый. Пропорции другие
12	1/40	Стрела бронзовая трехгранная	1529	1/22 25 обломков золотой обивки в виде ленты ³
13	1/41	Стрела бронзовая трехгранная	1630	1/24 Предмет в виде трубки серебряной
14	1/42	Стрела бронзовая трехгранная меньшая	1631	1/25 Предмет в виде трубки серебряной
15	1/43	Стрела бронзовая трехгранная иного типа	1632	1/26 Предмет в виде трубки серебряной
16	1/44	Стрела бронзовая трехгранная иного типа	1633	1/28 Трубочка серебряная
Опись предметов, передаваемых из Гос. Эрмитажа в Музей УССР, согласно постановления Паритетной Комиссии из б. Эллино-Скифского Отделен.				
Литой курган близ Елисаветграда, Херсонск. губ. Раскопки по поручению Мельгунова				
1763 г.				
№ п/п	№ инв.	Наименование		
1613	1/1	17 ² блях золотых	1634	1/29 Трубочка серебряная
1614	1/2	на обратной стороне припаяны 4 ушка	1635	1/30 Трубочка серебряная
			1636	1/32 Обломок бронзового предмета
			1637	1/33 Обломок железного предмета
			1638	1/34 18 гвоздей бронзовых ⁴

¹ Подлинные Опись и Список хранятся в Архиве Государственного Эрмитажа (Ф.1. Оп. V-1932. Д. № 88). Согласно отношения № 0193-1964 г. в Харьковский исторический музей были переданы копии этих документов, заверенные подписями заместителя директора Государственного Эрмитажа по науке В.Ф. Левинсона-Лессинга и старшего научного сотрудника Архива Государственного Эрмитажа В.П. Колокольниковой.

² Явная опечатка. Всего в кургане было обнаружено 17 блях, одна оставлена в Эрмитаже, а в Украину передано 16 (за исключением инвентарного номера 1/10), что прекрасно видно из публикуемой описи (16 инвентарных номеров – 1/1–1/9, 1/11–1/17).

³ Обломки пластины, украшенные точечным орнаментом (Придик, 1911. Табл. II).

⁴ В этой и следующей позициях материал гвоздей (бронза) указан явно ошибочно. В списке оставленных в Эрмитаже предметов такие же гвоздики записаны как серебряные. Е.В. Придик считал их железными с обтянутой золотой пластиной головкой (1911. С. 20), но в последующих работах гвоздики атрибутированы как серебряные с обтянутой золотой фольгой шляпкой (Манцевич, 1958. С. 199; Кисель, 2003. С. 130). Также где-то “потерялся” один большой гвоздик – по Е.В. Придику их было 20 (1911. С. 20), один оставлен в Эрмитаже, в Харьков в этом случае должны были передать не 18, а 19 гвоздей.

1639	1/35	2 гвоздя бронзовых
1640	1/36	Обломки серебряного предмета
1641	1/37	Палочка бронзовая, круглая ⁵
1642	1/38	8 наконечников стрел бронзовых
1643	1/39	18 наконечников стрел бронзовых
1644	1/40	5 наконечников стрел бронзовых
1645	1/41	2 наконечника стрелы бронзовые
1646	1/45	5 серебряных и 1 железный обломок
1647	1/46	2 обломка серебряного прорезного цилиндра

В научной литературе сложилось стойкое убеждение о гибели во время Великой Отечественной войны в Харькове переданных из Эрмитажа скифских коллекций (Алексеев, 1985. С. 32; 2003. С. 263; 2006. С. 43; Монахов, 1999. С. 432; Тункина, 2006. С. 143 и др.). К сожалению, это в значительной степени соответствует действительности, но все же не исчерпывающе характеризует сложившуюся ситуацию.

История эвакуации музейных ценностей из Харькова в преддверии оккупации города драматична и даже трагична. Для вывоза коллекций Харьковского исторического музея им. Г.С. Сковороды, Центрального музея революции СССР и краеведческого музея было выделено всего два вагона, в которых смогли разместить лишь 22 ящика с музейными предметами, в 8 из которых содержались предметы из золота и серебра (Рибальченко, 1996. С. 63; Кот, 2009. С. 137). Из фондов исторического музея для вывоза были отобраны только изделия из драгоценных металлов, коллекции медалей и монет, некоторые этнографические и археологические собрания, знамена, наиболее ценные предметы живописи. Вероятнее всего, и коллекция Мельгуновского клада была в очередной раз разделена: изделия из серебра и золота эвакуированы, а бронзовые и железные предметы оставлены в Харькове.

2 (возможно, 3) октября 1941 г. (за три недели до сдачи города) эшелон вышел из Харькова, а уже 10 октября в десять утра на станции Алексеевка Белгородской обл. прямым попаданием немецкой авиабомбы один из вагонов был полностью уничтожен, при этом погибли и директора обоих музеев – И. Яблочник и С. Компаниец. По воспоминаниям очевидца событий, бойца истребительного батальона Алексеевского отдела НКВД А. Головки, «многочисленные монеты, медали, золотые и серебряные вещи были разбросаны взрывом по всей

станции. Некоторые вещи висели на телеграфных проводах». По распоряжению военного коменданта станции музейные экспонаты были собраны бойцами истребительного батальона, упакованы в восемь ящиков и отправлены в Уфу (Кот, 1993. С. 324; 2009. С. 138).

На этом злоключения коллекции не закончились. Прибыв в Уфу без сопровождения, до декабря месяца экспонаты находились в разбитых вагонах, многие «картины были выброшены, попали под дождь, долго валялись в сырости, частью были расхищены» (Кот, 1993. С. 331). От полной гибели коллекцию спасли банковские работники, передавшие на временное хранение сохранившиеся картины в Башкирский художественный музей, остальные экспонаты, сохранившиеся в восьми ящиках, до мая 1942 г. находились в Башкирской конторе Госбанка, а затем были переданы уполномоченным представителям Народного комиссариата просвещения СССР. При передаче была проведена инвентаризация содержимого ящиков. Согласно акту передачи, предметы из археологических коллекций могли находиться в ящиках № 5, 6 и 7, содержавших, по определению авторов документа, «металлические вещи церковного характера». Все ящики были «сильно повреждены, очевидно, во время бомбардировки, так как на многих вещах имеются следы пробоин осколками снарядов.

От некоторых вещей остались только части, многие сплющены и превращены в бесформенную массу, поэтому комиссия решила принять эти вещи по весу.

«Ящик № 5 общий вес вещей 116.665 кг

Ящик № 6 -//- 124.800 кг

Ящик № 7 -//- 88.615 кг»

(Кот, 1993. С. 333).

В феврале 1944 г., перед отправкой вещей в Украину, во время передачи коллекции сопровождавшим лицам была проведена повторная инвентаризация, при этом вес вещей из ящика № 7 совпал с предыдущим взвешиванием, в ящике № 6 вес содержимого был больше на 4.5 кг (128.3 кг), зато в ящике № 5 зафиксирована недостача в 19.165 кг (97.5 кг), т.е. часть вещей могла быть похищена и в промежутке между маем 1942 и февралем 1944 г. Очень важно, что при осмотре вещей из ящика № 6 отдельно отмечены «мелкие предметы и среди них экспонаты «Киевская Русь» и проч.». Это прямо свидетельствует, что указанные ящики содержали не только «вещи церковного характера», а и предметы из археологических коллекций (Кот, 1993. С. 333, 334).

⁵ Колчанная застежка (Придик, 1911. С. 20).

В этом же году остатки эвакуированной коллекции были перевезены из Уфы в Киев и, наконец, 5 ноября 1944 г. доставлены в Харьковский исторический музей.

Совсем недавно киевскому историку С.И. Коту удалось отыскать еще несколько подробностей истории эвакуации харьковских музейных коллекций – отрывочных и довольно противоречивых. Так, в письме заместителя наркома образования УССР С. Бухала к начальнику Воронежского областного управления НКВД утверждалось, что на станции Алексеевка было разбито только четыре ящика с экспонатами. Эти ящики были взяты на учет сотрудниками Алексеевского отдела НКВД и переданы на хранение в подвалы планового отдела Алексеевского райсовета, однако дальнейшая их судьба неизвестна (Кот, 2009. С. 139).

Второе свидетельство еще более туманно. По воспоминаниям бойца Красной Армии П. Иванова, в конце октября 1941 г. на станции Купянск-Узловая он обнаружил шесть ящиков с пометкой “Харьковский исторический музей”, погрузил их в вагон и в сопровождении раненого сослуживца отправил в Саратов (Кот, 2009. С. 138).

Судьба коллекций, оставшихся в Харькове, не менее драматична. Неэвакуированные музейные коллекции с самого начала оккупации подверглись разграблению – как стихийному, целью которого было получение “сувениров” на память о взятии Харькова и принявшего к ноябрю 1941 г., по воспоминаниям очевидцев, характер спортивного состязания, так и организованному рабочей группой Оперативного штаба Розенберга (*Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg*), отвечавшего за поисковые и эвакуационные операции, связанные с архивами, библиотеками и музеями на оккупированных территориях.

В ноябре 1941 г. городской управой путем объединения четырех музеев (исторического, краеведческого, антирелигиозного и революции) был создан Музей Слобожанщины (директор О.Н. Рудинский). Сотрудниками музея была разработана тематическая структура новой экспозиции, в которой первые пять разделов посвящались древнему прошлому края (Рибальченко, 1996. С. 63, 64).

Однако с июля 1942 г. по инициативе оккупационных властей начались работы по созданию отдельной археологической выставки, которой отводилась важная пропагандистская задача – посредством презентации прежде всего черняховских древностей обосновать права захватчиков на территории, занятые в позднеримское время готскими племенами. Для этой цели археологические коллек-

ции исторического музея и фонды археологического музея Харьковского университета были свезены в здание педагогического института, занятое незадолго перед этим под медицинский склад (Сумская, 33). Выставка открылась 1 ноября, один из ее разделов был посвящен непосредственно и скифскому периоду (комната № 6, тема “Греция и скифы”). В ночь с 14 на 15 февраля 1943 г., перед уходом из города немецкими оккупантами здание, в котором находилась археологическая выставка, было подожжено сразу в нескольких местах.

Во время второй оккупации Харькова (март–август 1943 г.) была предпринята попытка по созданию новой выставки (в том числе и с использованием уцелевших археологических материалов) в здании бывшей картинной галереи (Бассейная, 18). Однако вплоть до окончательного освобождения Харькова 23 августа сожженная археологическая выставка оставалась неразобранной и лишь с октября 1943 г. И.Ф. Левицким на протяжении “трех сезонов” проводились систематические работы по спасению уцелевших экспонатов. Среди внесенных в реестр найденных во время раскопок экспонатов значатся и некоторые предметы “эрмитажной коллекции”, в частности бронзовые круглые бляхи и колокольчики из Александропольского кургана, обломок навершия с головой оленя из Чмыревой Могилы, многие из которых имеют следы пребывания в огне (копоть, оплавленные части), но вещей, атрибутированных как “мельгуновские”, в списке нет.

Интереснейшим документом является “Инвентарная опись культурно-исторических ценностей и материалов Украинского государственного исторического музея, разграбленных и уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками в 1941–43 гг.”. Из-за гибели всей учетной документации опись составлена по памяти (авторы археологической части И.Ф. Левицкий и С.А. Семенов-Зусер) и содержит подробнейший перечень археологических материалов из довоенных коллекций харьковских музеев – как из местных памятников, так и отдаленных. В описи учтен “вещевой материал” (№ 1–63), “археологические собрания” (№ 93–172), “древности Древнего Египта, Греции и Рима” (№ 178–196) и т.д. (общее количество предметов составляет 44544 экз.), однако материалы эрмитажной коллекции здесь представлены в самом конце и чрезвычайно скромно. Под № 197 отмечена “часть материалов Александропольского кургана, неэвакуированная в 1941 г. (бронза и железо)”, всего 60 экз., и под № 198 – “часть материалов из Чмыревой Могилы (бронза, железо)”, всего 25 экз. Создается впечатление, что авторы описи имели весьма отдаленное представление о составе эрмитажной коллекции

(при том что И.Ф. Левицкий с марта 1932 г. был заведующим отделом доклассового общества исторического музея, а С.А. Семенов-Зусер с 1937 г. – заведующим кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета) – в противном случае остается труднообъяснимым тот факт, почему при заметном (и справедливом) стремлении составителей создать как можно более репрезентативный документ, оказались “забыты” несколько эрмитажных комплексов (помимо Мельгуновского клада Шульговка и Ильинецкий курган), также содержавших предметы из недрагоценных (а стало быть и неэвакуированных) материалов. Да и указанное количество предметов из Александрополя и Чмыревой Могилы вызывает недоумение, общее количество неэвакуированных предметов из этих комплексов превышает данные из описи на порядок, а то и два.

По всей видимости, все девять довоенных лет эрмитажная коллекция скифских древностей оставалась малодоступной местным археологам для изучения и даже простого ознакомления.

В результате целевого поиска сохранившихся предметов “эрмитажной коллекции” в фондах Харьковского исторического музея было выявлено и несколько уцелевших предметов Мельгуновского клада, возвращенных из Уфы, но до последнего времени не опознанных, а именно: один наконечник ножки

притронного табурета и обломки трех серебряных трубочек. В учетной документации вещи были записаны как “подставки для скифских знамен” – тем самым был посрамлен скептицизм Г.Ф. Миллера, который атрибутировал эти детали как “подсвечники” и полагал, что “другого употребления сих вещей едва ли изъяснить можно” (Придик, 1911. С. 17).

Выяснилось также, что перипетии эвакуации удалось пережить всем трем наконечникам ножек. В 50-е годы они экспонировались отделом истории феодального общества как те же “подставки для скифских знамен” и 1 мая 1957 г. два наконечника (№ 5528/ЛБ-295 и 5730/ЛБ-57) вместе с 24 золотыми бляшками из Александропольского кургана были похищены из экспозиции, о чем и был составлен акт, хранящийся в отделе фондов музея.

Внешний вид наконечника ножки притронного табурета хорошо известен по многочисленным публикациям – он представлен полым усеченным серебряным конусом с едва вогнутыми стенками (ЛБС-265). В верхней части находится орнаментальный пояс из 14 рифленых лепестков, обращенных острым концом вниз. Под лепестками размещается еще один пояс, состоящий из трех валиков: узких гладких по краям и широкого, орнаментированного косым рифлением, посередине. Валики и лепестки обтянуты тонкой золотой пластиной (рис. 1, 1, 2).



Рис. 1. Наконечник ножки табурета. 1, 3 – общий вид; 2 – вид сверху (диам. нижний – 5,8 см, диам. верхний – 5,7 и 5,9; высота – 11; размеры здесь и далее – максимальные).



Рис. 2. Полые цилиндрические трубочки. 1, 2 (оборотная сторона) – ЛВС-28, ЛВС-30; 3, 4 (вид снизу) – фрагмент (ЛВС-27); 5 – фрагмент (ЛВС-29). (1, 2 – высота 5.7 см; 2 – диам. нижний 3.4; 3, 4 – диам. 3.5/3.6; 5 – высота 4.2 см, диам. – 3.3).

В верхней части конуса под орнаментальным пояском наконечник ножки имеет повреждение в виде небольшого пролома с неровными краями, в остальном состоянии предмета вполне удовлетворительно (рис. 1, 3). Примечательно, что Е.М. Придик зафиксировал повреждение одной из ножек, у которой был “выломан кусочек” (1911. С. 18). Тем не менее затруднительно установить, речь идет об одном и том же предмете или повреждение “харьковской” ножки имеет более позднее происхождение и соответственно это разные изделия. Разница в весе (248.7 против 243.8 г), казалось бы, свидетельствует в пользу второго предположения, однако нельзя исключать вероятность типографской опечатки (если поменять цифры по обе стороны запятой, вес предметов практически совпадает), изменение веса в результате загрязнения предмета, наконец, погрешности взвешивания. К примеру, при взвешивании наконечника ножки во время экспертизы в Пробнадзоре в 1983 г. был зафиксирован вес 245 г, при повторной экспертизе в 1989 г. – 248.7 г, а при взвешивании предмета на электронных лабораторных весах 3-го класса точности Adventurer при подготовке настоящей публикации вес составил 248.34 г. Необходимо заметить, что вес похищенных наконечников ножек, указанный в инвентарной книге, заполненной во второй половине 1940 – первой половине 1950-х годов, составлял 245 и 260 г, причем у последней ножки также отмечено повреждение в виде пробитой дырочки. Однако высокая степень погрешности данных этой книги (для оставшегося наконечника указан вес 220 г, т.е. отклонение от реального веса составляет минимум 25 г) не позволяет ими воспользоваться.

Высота предмета – 11–11.1 см, диаметр в нижней части – 5.8. Общий вес – 248.7 г. Чистый вес серебра (900°) в изделии составляет 196.8 г (с лигатурой – 218.7 г), чистый вес золота (900°) в орнаментальной обтяжке – 27 г (с лигатурой – 30 г).

Несмотря на “серийность” изделий, каждому предмету свойственны индивидуальные особенности, наиболее отчетливо прослеживаемые в оформлении орнаментальных поясков. Благодаря этому рассматриваемые детали табурета довольно легко узнаваемы на иллюстрации в публикации Е.М. Придика. В частности, “харьковский” наконечник ножки здесь расположен четвертым (1911. Табл. I).

Состояние полых цилиндров в виде трубочки, украшенной двумя орнаментальными поясками (аналогичными по виду нижнему поясу наконечника ножки), расположенными по краю и по середине цилиндра, значительно хуже – ни один из трех предметов не сохранил первоначальный облик. Трубочки в музейной описи обозначены четырьмя



1



2

Рис. 3. Отслоение золотой обтяжки (высота – 1 см).
1 – ЛВС-30; 2 – ЛВС-28.

номерами (ЛВС-27 – ЛВС-30). При этом под двумя номерами (ЛВС-27, ЛВС-29) учтено по одному фрагменту трубочки, еще под двумя (ЛВС-28, ЛВС-30) – по два фрагмента. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что все четыре фрагмента (ЛВС-28, ЛВС-30) принадлежат одному цилиндру – разорванному и сильно помятому (рис. 2, 1, 2). У Е.В. Придика данная трубочка расположена на

четвертой позиции (1911. Табл. I), что легко подметить благодаря особенностям орнаментации срединного кольца – это единственный экземпляр, украшенный не косым, а вертикальным рифлением.

Факт принадлежности двух оставшихся фрагментов, представленных концевым орнаментальным кольцом (ЛВС-27) и срединным кольцом с остатками цилиндра (ЛВС-29), разным трубочкам, а не одной, удается установить лишь благодаря изображениям в указанной таблице. Очевидно, что фрагмент с концевым кольцом – часть трубочки (рис. 2, 3, 4), расположенной в таблице на третьей позиции, фрагмент со срединным кольцом (рис. 2, 5) – на второй (Придик, 1911. Табл. I).

Во многих местах излома очень хорошо прослеживается отслоение золотого листа от серебряной основы (рис. 3). Толщина листа, измеренная в местах отслоения, составляет 0,2 мм.

Интересно также, что экспертизой Пробнадзора во всех четырех фрагментах зафиксирована одинаковая проба серебра – 916°, тогда как проба золотой обтяжки во всех случаях (даже в пределах одного изделия) разная: 600° (ЛВС-27), 500° (ЛВС-28), 958° (ЛВС-29), 900° (ЛВС-30). Это свидетельствует об использовании мастером для обтяжки металла разного происхождения, скорее всего, отходов, оставшихся от изготовления других изделий.

Таким образом, в настоящее время предметы из “старейшины скифских древностей” входят в состав двух музейных собраний – Государственного Эрмитажа и Харьковского исторического музея. Обнаружение, казалось бы, уже безвозвратно утерянных коллекций позволяет надеяться на вероятность подобных находок и в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. 1985. Вып. 50.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.
- Алексеев А.Ю.* Акинак или махайра? Мечи из раскопок Н.И. Веселовского у с. Шульговки в 1891 г. // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Артамонов М.И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Бессонова С.С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
- Бокий Н.М.* Мельгуновский курган – исследования и версии // Киммерийцы и скифы. Мелитополь, 1992.
- Гетьман Д.* Діяльність паритетної комісії із взаємобміну музейними цінностями між РСФРР та УСРР в 1933–1936 рр. // Київська старовина. 2007. № 1.
- Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.
- Кисель В.А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- Кот С.І.* Нові документи про долю культурних цінностей, переданих з музеїв РСФРР на Україну // Український археографічний щорічник. Вип. 2. Київ, 1993.
- Кот С.І.* Реліквії козацтва в контексті українсько-російських переговорів щодо їх повернення (1920–1930-ті рр.) // Український історичний журнал. 2009. № 1.
- Манцевич А.П.* Головка быка из кургана VI в. до н.э. на р. Калитве // СА. 1958. № 2.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999.
- Мурзин В.Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Нестуля О.О., Нестуля С.І.* Українські культурні цінності в Росії: Спроба діалогу про повернення. 1930. Полтава, 2006.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М., 1966 (САИ; Вып. Д1-27).
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1892 г. СПб., 1894.
- Придик Е.* Мельгуновский клад // МАР. 1911. Вып. 31.
- Рибальченко Л.Л.* Харківський історичний музей в період німецької окупації 1941–1943 рр. // Культура України. Вип. 3. Харків, 1996.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Сидоренко В.О.* З історії обміну культурними цінностями між РРФСР та Україною // Український історичний журнал. 1972. № 2.
- Тереножкін О.І.* Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області // Археологія. 1952. Т. VII.
- Тункина И.В.* Первый исследователь скифских курганов: к биографии А.П. Мельгунова (1722–1788) // Очерки истории отечественной археологии. Вып. 2. М., 1998.
- Тункина И.В.* Сокровища Литого кургана и академик Г.Ф. Миллер // ВДИ. 2006. № 3.
- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи: Мельгунов и Келермес // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Metdepenningen C.* La relation entre l'art urarteen au temps du roi Rusa II et les epees-akinakes de Kelermes et de Melgounov // Iranica Antiqua. V. 32. Leiden, 1997.
- Michel S.* Der Fisch in der skythischen kunst: zur Deutung skythischer Bildinhalte // Europäische Hochschulschriften. Reihe. Bd. 38. Archäologie. Bd. 52. Frankfurt am Main; Berlin; Bern, 1995.
- Tunkina I.V.* Academician G.F. Miller and the Treasures from Litoi Kurgan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2007.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЗЕМЛЕДЕЛИЮ НАСЕЛЕНИЯ МИЛОГРАДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2012 г. М.И. Лошенко

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск (Loshenkov_mihail@mail.ru)

Ключевые слова: *милоградская культура, археоботаника, коллекции, отпечатки зерен на керамике, виды растений, палеоэтноботанический спектр, палеоэтноботанический комплекс, органические включения.*

The occupation layer at sites of the Milogradskaya culture (7th – 3^d cc. BC) in South Belarus has not preserved any grains. Hence, the imprints of grains on crockery are a very valuable resource. The author has studied the collections of pottery (44517 items) from 15 ancient settlements (tables 1, 2). They are located in the western part of the Gomel region of Belarus: 9 on the right bank of the Dnieper and 6 to the east of the Polesye lowlands. One thousand and twenty-seven imprints of grains have been identified on 854 fragments of vessels in the laboratory of flora and classification of plants of the Institute of Experimental Botany of the National Academy of Sciences of Belarus. They belong to three species of cereals: millet (*Panicum miliaceum* L.) – 918, barley (*Hordeum vulgare* L.) – 26 and wheat (*Triticum aestivum* L.) – 15. The cultured crops include two species of beans: peas (*Pisum sativum* L.) – 2 and bean (*Vicia faba* L.) – 4. The imprints of cultivated crops comprise 94% of all the plants. Six per cent of the imprints are from 10 species of weeds, including rye (*Secale cereale* L.).

Земледелие – одна из главных отраслей древнего производящего хозяйства. Для его изучения археологи обычно привлекают четыре вида источников: орудия обработки почвы (целые и в фрагментах); конечный продукт земледельцев – зерно (карбонизированное либо сожженное); жатвенные орудия – серпы, ножи; орудия по переработке урожая – зернотерки. Крайне редко исследователям удается обнаружить на одном поселении все четыре компонента источников. На практике чаще фиксируются жатвенные орудия и зернотерки. Например, по данным О.Н. Мельниковской и новым сведениям автора, в древностях населения милоградской археологической культуры (VII – начало II в. до н.э.) Беларуси известно 70 зернотерок. В их числе нижние камни составляют более трети, а остальную часть – верхние, терочки.

Среди учтенных автором серпов на памятниках с материалами милоградской культуры 40 орудий разной степени сохранности. Семь экз. в коллекции представлены небольшими фрагментами. На четырех городищах Приднепровья исследователями выявлен 21 серп. Рассматриваемые жатвенные орудия, к сожалению, малочисленны в Полесском регионе (12 ед.) и на левом берегу Днепра, в Нижнем Посожье (5 ед.). В коллекции два орудия с территории Украины (Великая Солтановка и Подгорцы), а остальные из Беларуси, где они обнаружены на 12 по-

селениях: Горошков – 8, Ивань – 4, Лемешевичи – 2, Лиски – 4, Милоград – 3, Моховское второе – 1, Подгорье – 1, Присно второе – 1, Уваровичи – 3, Хильчицы – 1, Чаплин – 9, Ястребка – 1 (Петровская, 1971. С. 13, 14. Рис. 3, 2).

Семена культурных растений, несомненно, являются весьма ценным источником в характеристике земледелия. Но, к сожалению, зерно культивируемых растений в супесчаных отложениях культурных слоев поселений более чем двухтысячелетней давности не сохраняется. Хорошую сохранность имеют лишь пережженные зерна. Находки именно таких материалов – явление исключительно редкое в Беларуси. Более чем за 80-летнюю практику раскопок горелое зерно в республике на памятниках раннего железного века встречалось всего лишь 6 раз. Оно обнаружено на следующих городищах: Банцеровщина – в 1926–1928 гг. С.А. Дубинским; Загорцы – в 1934 г. А.Н. Лявданским и А.Д. Коваленей; Качановичи – в 1953 г. А.Г. Митрофановым; Зборов – в 1958 г. А.Г. Митрофановым; Мысли – в 1988 г. М.Ф. Гуриным и Новое Село – в 2003 г. П.Н. Подгурским (Ляўданскі, Палікарповіч, 1936. С. 222; Лашанкоў, Трацякоў, 2007. С. 86–103; Гурин, 2000. С. 26, 36; Подгурский, 2004. С. 539; 2005. С. 180. Табл.). Укрепленные поселения Загорцы и Новое Село оставлены населением днепро-двинской культуры на северо-востоке и юге современ-

ной Витебской обл. Городища же Банцеровщина, Зборов, Качановичи и Мысли расположены в западной части Центральной Беларуси и принадлежали племенам культуры штрихованной керамики. У населения милоградской культуры коллекции горелого зерна ни разу не отмечены исследователями более чем за 55 лет раскопок памятников.

Если в 40-е годы прошлого века В.А. Петров (1940. С. 41, 42) только обозначил такой вид источников по земледелию, как отпечатки зерен и других растительных примесей в древней керамике, то в 60–70-е годы этот метод весьма успешно применила на практике З.В. Янушевич, используя материалы 65 памятников археологии Молдавии и 30 – Украины (Яковенко, Янушевич, 1971. С. 160–163; Янушевич, 1976. С. 8–13). В 80-е годы в фондах Института археологии АН Украины Г.А. Пашкевич изучила более 200 тыс. фрагментов керамики с отпечатками зерен растений с одновременных памятников от неолита до средневековья (1992. С. 2). В связи со сказанным нельзя не заметить, что это направление археоботаники в XX в. не получило должного развития в Беларуси, как в Молдавии и на Украине (Янушевич, 1976; Пашкевич, 1991а; б; Лашанкоў, Трацякоў, 2005. С. 56). Весьма красноречиво об этом говорят лишь несколько эпизодических фактов.

Они отмечены О.Н. Мельниковской, Л.Д. Поболем и К.В. Каспаровой. О.Н. Мельниковская ограничилась констатацией трех случаев фиксации отпечатков зерен на керамике из городищ Асаревичи (проса), Горошков и Чаплин (пшеницы мягкой) (Мельниковская, 1967. С. 129; см. также: Краснов, 1971. С. 16. Табл.). Подобную информацию по Чаплинскому комплексу памятников опубликовал Л.Д. Поболь: “В стенках четырех сосудов выявлены обгорелые зерна пшеницы” (1960. С. 12); отмечено зерно пшеницы в стенке горшка из погр. 132 и ржи – из погр. 238 (1971. С. 145; 1973. С. 126, 182). По сведениям С.П. Пачковой и определениям З.В. Янушевич, на 20 фрагментах керамики с Чаплинского городища (раскопки Л.Д. Поболя 1957, 1958 гг.) имелось 26 отпечатков зерен шести культур: пшеницы (4), ячменя (6), проса (13), гороха (1), конопли (1) и льна (1) (Пачкова, 1974. С. 14. Табл. 1; Лошенко, 2008. С. 238, 239). Весьма обстоятельные палеоботанические данные еще по двум памятникам зарубинецкого населения в Полесье (могильнику Отвержичи и селищу Ремель) приводит К.В. Каспарова (1976. С. 49; 1987. С. 67. Рис. 15). На протяжении 60–80-х годов прошлого века археоботанические сведения опубликованы только по шести памятникам археологии в Беларуси: Асаревичи, Горошков, Отвержичи, Ремель, Чап-

лин (городище и могильник). Автор полагает, что отмеченные выше материалы с памятников Южной Беларуси в какой-то мере неполные. Характер публикаций позволяет думать об отсутствии четкой системы в работе с такими материалами.

Чтобы исключить случайности и получить максимально объективный результат в работе над таким видом источников, как отпечатки зерновок на обломках керамики, автор предлагает придерживаться следующих методов.

На первом, предварительном, этапе обрабатывается полностью вся коллекция керамики (с раскопа одного года либо всего памятника за несколько лет). Выборка образцов-фрагментов осуществляется визуально. При этом ставится задача пересмотреть каждый обломок посуды с целью отобрать фрагменты, которые содержат отпечатки зерновок. После такой проработки коллекции непременно фиксируются два показателя: общее количество керамики, из которой осуществлена выборка образцов (в ед.); количество взятых образцов после проведенной выборки (в ед.).

На втором этапе работа продолжается в лаборатории и только с материалами выборки. Уже в лабораторных условиях под микроскопом каждый отпечаток зернышка на фрагменте-образце идентифицируется с конкретным видом эталонных семян растений. Определение осуществляет специалист-биолог. Обязательно фиксируются размеры каждого отпечатка. Затем в описании указывается место, где обнаружен данный отпечаток: на внутренней или внешней поверхности либо же в толще при поперечном разломе; на каких частях сосуда: венчике, шейке, плечике, тулове, днище. Естественно, что на втором этапе количество образцов первичной выборки непременно сокращается до объективной документальности. Поэтому число выборки корректируется уже в соответствии с количеством документальных образцов.

По данной методике автор изучил коллекции обломков глиняной посуды общей численностью 44517 фрагментов с 13 милоградских памятников (табл. 1). К числу указанных в таблице городищ следует добавить два местонахождения (возможно, селища): Асаревичи I и Новая Гребля (Лошенко, 2010а. С. 412). В таблицу включены и два “немых” памятника (городище Асаревичи и поселение Подгорцы на Украине), сведения по которым не содержат данных статистики. Из всех памятников шесть расположены в пределах Восточнополесской низменности: Балашевка, Липняки, Лиски, Рассвет, Старое Красное и Ястребка. Восемь – в Приднепровье: Асаревичи, Горошков, Красная Горка, Отрубы, Проскурни, Черное и местонахождения Асаревичи I,

Таблица 1

Памятники, вскрытая площадь, м ²	Авторы раскопок и годы	Керамика		Отпечатки							
		всего просмотрено	выбрано с от- печатками	пшеница	ячмень	просо	горох	боб	сорняки	всего	
Асаревичи (Брагин- ский р-н), 12	О.Н. Мельников- ская, 1955, 1957	?	На дни- ще со- суда			+					+?
Асаревичи I, подъемный материал	Н.Н. Кривальце- вич, 2007	?	3			+					+?
Балашевка (Речицкий р-н), 4	И.Н. Езепенко, 2009	323	4			3			1		4
Горошков (Речицкий р-н), 5400	О.Н. Мельников- ская, 1952, 1954 –1961	?	На стен- ке сосу- да	+							+?
Подъемный материал	Г.В. Штыхов, 1976	53	7			8			2		10
Подъемный материал	М.И. Лошенко в, 1985	203	4		1	3					4
Красная Горка (Жлобинский р-н), 44	Н.Н. Дубицкая, 2004, 2006, 2007	1703	18	1		18			1		20
Липняки (Лоевский р-н), 200	М.И. Лошенко в, 1977	214	5		2	4					6
Лиски (Речицкий р-н), 2620	М.И. Лошенко в, 1980–1983	9274	316	4	9	352		1	12		378
Подъемный материал	Г.В. Штыхов, 1976	65	9			9					9
Новая Гребля (Брагинский р-н), подъемный материал	Н.Н. Кривальце- вич, 2007	30	1			1					1
Отрубы (Жлобинский р-н), 360	Н.Н. Дубицкая, 1997, 2000–2006	8853	73	1	5	86	1	3			96
Подгорцы (Обуховский р-н), 200	В.Н. Даниленко, 1950	?	?	+		+					+?
Проскурни (Жлобинский р-н), 64	А.Г. Тимофеенко, 2008, 2009	1546	25	1		26			1		28
Рассвет (Речицкий р-н), 160	М.И. Лошенко в, 1981, 1983	700	9			10			1		11
Старое Красное (Речицкий р-н), 480	М.И. Лошенко в, 1982, 1983	3560	205	5	7	207			41		260
Подъемный материал	Г.В. Штыхов, 1976	8	2			3					3
Черное (Речицкий р-н), 120	М.И. Лошенко в, 2003, 2004	15537	157	2	1	170	1		3		177
Ястребка (Лоевский р-н), 1396	М.И. Лошенко в, 1978, 1979	2385	16	1	1	15					17
Всего		44517	854	15	26	918	2	4	62		1027

Новая Гребля. Если городище Отрубы находится в междуречье Березины и Днепра, то Черное – на левом берегу Днепра, несколько ниже устья Березины. Почти все поселения локализируются западнее Днепра в Гомельской обл. Общая выборка фрагментов с отпечатками составила 854 экз. (1.9%). Это количество фрагментов содержит 1027 отпечатков зерен культурных и сорных растений.

Коллекции половины памятников – поселений Балашевка, Красная Горка, Липняки, Отрубы, Проскурни, Черное, Ястребка – обработаны полностью. Иначе обстоят дела с коллекциями поселений Рассвет, Лиски и Старое Красное. По ним исследования проведены не в полном объеме. Так, в материалах 1983 г. городища Рассвет из 1650 ед. керамики пересмотрено только 700 фрагментов, хранящихся в фондах Института истории НАН Беларуси (Лашанкоў, 1985. С. 37). Из общей коллекции керамики (24–185 ед.) в Старом Красном удалось проработать только седьмую часть – 3560 ед. (Лошенко, 1991. С. 16). В коллекции керамики с городища Лиски численностью 30 321 ед. обработано чуть более трети – 9274 ед. Нами пересмотрены небольшие коллекции керамики, полученные в результате обследований (разведок), проведенных Г.В. Штыховым в 1976 г. на городищах Горошков, Лиски, Старое Красное (1977. С. 419, 420). На городище Балашевка в 2009 г. И.Н. Езепенко исследовано 4 м². Зафиксирован культурный слой (0.25–0.47 м), выявлено 323 обломка милоградской посуды (Язэпенка, 2009. С. 83).

Хронологические рамки каждой из коллекций определяются временем функционирования поселений. Наиболее ранние памятники – Лиски (VII–III вв. до н.э.), Старое Красное (VI–III вв. до н.э.), Отрубы (VI–V – начало II в. до н.э.) и Красная Горка (VI–V – начало II в. до н.э.). Городища Черное и Ястребка датируются V–III, возможно, началом II в. до н.э. Два поселения (Липняки и Рассвет) синхронны: начало IV – начало II в. до н.э. По-видимому, этим же временем следует датировать поселения Проскурни и Балашевка. О.Н. Мельниковская определила время городища Горошков второй половиной IV – I в. до н.э. (1967. С. 9).

Идентификация отпечатков зерен на обломках сосудов в лабораторных условиях позволила установить их видовую принадлежность (табл. 1, 2). Включения принадлежат 5 видам культурных растений и 10 сорным. Среди 1027 отпечатков 965 принадлежат культурным растениям: просу, пшенице, ячменю, гороху и бобу. На сорные растения приходится только 62 оттиска семян.

Культурные виды. Культурные растения представлены, судя по включениям семян в качестве

органических примесей, злаковыми (пшеницей, просом, ячменем) и бобовыми (горохом, бобом). В целом, эти пять видов составляют 94% от всех выявленных отпечатков на 13 памятниках милоградской культуры. Включения бобовых очень редки: четыре отпечатка боба (*Vicia faba* L.) и два – гороха (*Pisum sativum* L.) (Лошенко, 2010б. С. 70. Табл. 1, 3). Если на две бобовых культуры приходится только шесть отпечатков (0.6%), то на злаковые – 99.4%. Среди злаковых культур доминируют искусственные добавки проса – 95.7%. А вот ячмень и пшеница подсыпались мастерами-керамистами лишь изредка. Их включения составляют соответственно 2.7 и 1.6%. Таковы обобщенные данные по органическим примесям в исследованной керамике.

Просо (*Panicum miliaceum* L.). В коллекциях образцов керамики с зафиксированными следами зерен (образцов-документов) просо весьма прочно занимает ведущее место – 918 отпечатков (89.4%). Среди злаковых культур его удельный вес 95.7%. На рассматриваемых памятниках оно присутствует в разных количествах (табл. 1). Включения проса в керамике у “милоградцев” выявлены на 12 городищах. На местонахождении Асаревичи I среди 63 фрагментов милоградской посуды есть три стенки с его отпечатками на внешних (2) и внутренней поверхностях. В Новой Гребле керамики мало (30 ед.), в их числе – венчик с оттиском зерновки проса размерами 1.5 x 1 мм на внешней поверхности шейки (Лошенко, 2010а. С. 412). Об отпечатках проса на керамике с поселения Подгорцы на Украине сообщал В.Н. Даниленко (1953. С. 206; 1956. С. 10).

В аналогичных материалах просо доминирует не только у населения милоградской культуры, но и у “зарубинцев” (Пашкевич, 1989. С. 31, 32. Табл.; Лошенко, 2008. С. 238. Табл. 1; Горбаненко, Пашкевич, 2010. С. 38, 169–171, 193–195. Табл. 2.1; 6.1; 6.16, 1). Преобладает оно и на шести поселениях (Лысуха, Палицкое, Петровичи, Прилепы, Сорочи, Щатково) культуры штрихованной керамики (Лошенко, 2000. С. 132; Лашанкоў, Трацякоў, 2007. С. 90). На памятниках данной культуры зафиксированы не только оттиски проса на обломках посуды, но и горелое зерно: в виде спекшихся остатков каши на городищах Банцеровщина и Мысли, россыпью – в Качановичах (Лашанкоў, Трацякоў, 2007. С. 90).

Пшеница (*Triticum aestivum* L.). Находки включений пшеницы в отличие от проса немногочисленны. Они обнаружены на девяти памятниках (табл. 1). Автором учтены 15 отпечатков зерен этой культуры в коллекциях с 7 городищ. Количественные данные по поселению Подгорцы отсутствуют.

Таблица 2

Растения	Памятники								Всего
	Балашевка	Горошков	Красная Горка	Лиски	Проскурни	Рассвет	Старое Красное	Черное	
Горец войлочнолистый (<i>Polygonum tomentosum</i> Schrank)				1			2		3
Горец почечуйный (<i>Polygonum persicaria</i> L.)	1		1						2
Гречишка вьюнковая (<i>Fallopia convolvulus</i> (L.) A. Löve)				3			10		13
Ежовник обыкновенный (<i>Echinochloa crusgalli</i> (L.) Beauv)							1		1
Костер ржаной (<i>Bromus secalinus</i> L.)				1			1		2
Марь белая (<i>Chenopodium album</i> L.)				2			9		11
Подмаренник цепкий (<i>Galium aparine</i> L.)				1					1
Рожь (<i>Secale cereale</i> L.)						1	2		3
Щетинник зеленый (<i>Setaria viridis</i> (L.) Beauv)		1		3			13	2	19
Щетинник сизый (<i>Setaria pumila</i> (Poir.) Roem. et Schult.)							1	1	2
Гвоздиковые (<i>Caryophyllaceae</i>)		1							1
Горошек (<i>Vicia</i> sp. <i>Fabaceae</i>)					1		2		3
Злаки (<i>Poaceae</i>)				1					1
Всего	1	2	1	12	1	1	41	3	62

Размеры отпечатков свидетельствуют, что во всех случаях представлены зерна мягкой пшеницы. Индексы отношений длины к ширине у них соответственно 1.78 и 1.8. Именно этот ее вид ранее был известен уже в материалах городища Горошков (Мельниковская, 1967. С. 129; Краснов, 1971. С. 16. Табл.). Включения пшеницы есть в керамике днепро-двинской культуры с городища Кривель (Шкловский р-н Могилевской обл.). В целом же по Беларуси, как на милоградских памятниках, так и на памятниках других культур эпохи раннего железа, пшеница была отмечена 20 раз (Лашанкоў, Трацякоў, 2007. С. 88, 89, 102. Мал. 2).

Ячмень (*Hordeum vulgare* L.). Семена этого злака в виде отпечатков выявлены на 7 поселениях из 13 (табл. 1). Всего обнаружено 26 включений: по 1 – в Горошкове, Черном, Ястребке, 2 – в Липняках, 5 – в Отрубях, 7 – в Старом Красном и 9 – в Лисках. Размеры зерновок ячменя на всех памятниках разные. Длина их – от 5.5 до 9 мм, ширина – от 2.6 до 3.5 мм, индексы варьируются от 1.6 до 2.6. Если в начале 50-х годов XX в. П.Д. Либеров отмечал единичный факт отпечатков двух зерновок ячменя на керамике Каменского городища, то теперь на памятниках Лесостепи таких находок значительно больше (Либеров, 1952. С. 85. Рис. 3; Моруженко, Янушевич, 1984. С. 130–135. Табл. 1, 2; Шрамко, Янушевич, 1985. С. 49, 56, 57. Табл. 5; Пашкевич, Гейко, 1998. С. 39, 40. Табл. 1). На территории Бе-

ларуси включения зерен ячменя зафиксированы в материалах памятников зарубинецкой культуры, днепро-двинской (Кривель, Новое Село), культуры штрихованной керамики (Пачкова, 1974. С. 18–20. Табл. 1, 2; Пашкевич, 1989. С. 31, 32. Табл.; Лошенко, 2000. С. 132; 2008. С. 238, 239).

Сорные растения. Сорняки в коллекциях отпечатков зерен на рассматриваемых милоградских памятниках составляют только семнадцатую часть: 62 из 1027. Несмотря на их небольшое количество, они, тем не менее, важны. Их разнообразие составляют 10 видов (табл. 2) 4 семейств (*Chenopodiaceae*, *Poaceae*, *Polygonaceae*, *Rubiaceae*). Кроме того, выявлены включения зерен, которые определены до семейств: гвоздиковые (Горошков), бобовые (Проскурни) и злаки (Лиски). В семействе бобовых один род – горошек. Наибольшим количеством семян выделяются три вида: марь белая (11 ед.), гречишка вьюнковая (13 ед.) и щетинник зеленый (19 ед.). Если щетинник – специализированный засоритель проса, то костер ржаной был сорняком яровых пшеницы и ячменя, а лишь намного позднее (в конце I – начале II тыс. н.э.) – ржи озимой. Заметим, что все семена сорных растений зафиксированы только на восьми городищах. При этом минимальным количеством они отмечены на четырех памятниках (Балашевка, Красная Горка, Проскурни, Рассвет), а максимальным – на двух: Лиски (12 ед.) и Старое Красное (41 ед.). Из 15 памятников сорняки

отсутствуют в материалах 7 поселений (табл. 1). В больших коллекциях лучше просматривается засоренность выращиваемых культур. К числу сорных растений автор относит и рожь.

Рожь (*Secale cereale* L.) обнаружена только на двух памятниках: Рассвет и Старое Красное (табл. 2). На последнем из них один оттиск (размерами 5 × 2 мм) расположен на внешней поверхности венчика, а другой (7.5 × 1.8 мм) – на внутренней поверхности стенки. На поселении Рассвет аналогичный экземпляр (6.5 × 2.2 мм) выявлен на внешней поверхности стенки горшка. Отпечатки зерновок ржи удлинённой формы мелкого размера: ширина и толщина их около 2 мм. Если длина у них максимальная, то ширина минимальная, а индексы соответственно 2.5 и 2.9. Автор полагает, что эти включения принадлежат сорно-полевой ржи либо же дикорастущим растениям. Ранее в археоботанических материалах милоградской культуры рожь ни разу не отмечалась. В аналогичных древностях “зарубинцев” эта культура в пределах Беларуси зафиксирована 3 раза на двух памятниках: два отпечатка – на днище и стенке в коллекции селища Хотомель и обугленное зерно – в могильнике Чаплин, погр. 238 (Пачкова, 1974. С. 14, 20. Табл. 1; Лошенко, 2008. С. 232, 239. Табл. 1). В зарубинецкое время на Среднем Днепре и Нижней Десне единичные находки отпечатков ржи пока не дают оснований, как пишет З.В. Янушевич, “...для утверждения о возделывании ее в чистых посевах” (1976. С. 132), с чем нельзя не согласиться. По сведениям Г.А. Пашкевич, в древностях зарубинецкого населения Среднего Поднепровья отпечатки ржи составляют 3–4%, и культура эта в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. рассматривается как сорное растение (Пашкевич, 1989. С. 31, 33. Табл.; 1992. С. 20; Горбаненко, Пашкевич, 2010. С. 199). Располагая новейшими данными по культуре ржи у племен Лесостепи, ясно, что высказывание И.Т. Кругликовой о том, что “...рожь в лесостепной полосе уже в скифское время существовала как самостоятельная культура наряду с пшеницей, ячменем и просом” (1967. С. 153), документально не подтверждается. О выращивании данной культуры на южной окраине лесной полосы, в пределах Южной Беларуси и Северной Украины, в эпоху раннего железа было сказано в предположительной форме (Кругликова, 1967. С. 158).

Ценность рассмотренных археоботанических коллекций состоит в том, что они в определенной мере расширяют источники по видам выращиваемых культур общинами изученных поселений. Для характеристики земледелия они представляют хорошую документальную базу культивируемых ра-

стений и, возможно, растительных сборов. Суммируя палеоботанические спектры по рассмотренным поселениям, можно с уверенностью обозначить палеозноботанический комплекс (далее ПБК) милоградской культуры: ему свойственна устойчивость высеваемых яровых злаковых (мягкой пшеницы, ячменя, проса), а из бобовых – гороха, боба. В концентрированном виде этот комплекс (1027 отпечатков зерен) выглядит следующим образом: просо + ячмень (пленчатый) + пшеница (мягкая) + боб + горох. Палеозноботанический спектр (далее ПБС) поселений (памятников) указывает на слабую засоренность выращиваемых земледельцами злаковых посевов. Подчеркнем, что ПБС и ПБК изучаемого населения выведены только по отпечаткам зерен на керамике. В силу своей природы такие палеозноботанические спектры статичны. О земледельческих культурах по ним можно судить лишь опосредованно: через технологию изготовления керамики (Лошенко, 2010б. С. 71).

В малочисленной коллекции керамики (61 ед.) с пяти памятников Лесостепи (городища Бельское, Коломакское, Полковная Никитовка, Циркуны и селище Мысовое 1) выявлено 50 отпечатков зерен культурных растений. Среди них от проса – 25, ячменя пленчатого – 12, голозерного – 1, пшеницы пленчатой – 6, спельты – 1 и гороха – 5 (Шрамко, Янушевич, 1985. С. 56, 57, 59. Табл. 5). Весьма схожая ситуация и на городище Трахтемиров (Ковпаненко, Янушевич, 1975. С. 147–151). У степных же скифов IV в. до н.э. на девяти поселениях и трех курганных группах выборка документальных образцов составила 4.8% из 2519 учтенных единиц (Гаврилюк, Пашкевич, 1991. С. 54. Табл. 1). В материалах определений из 80 отпечатков сорным растениям принадлежит шесть, а остальные – культурным: просу – 41, ячменю пленчатому – 14, голозерному – 5, пшенице-двухзернянке – 8, мягкой – 5, спельте – 1. В сравнительных данных несложно заметить, что в далекой степи и лесостепном регионе половина и более всех включений в керамике принадлежит одному злаку – просу.

Территориально ближе, в Среднем Поднепровье, на семи памятниках населения зарубинецкой культуры Г.А. Пашкевич обработала около 33 тыс. ед. керамики (1989. С. 31. Табл.). Был определен ПБК “зарубинцев”: просо, ячмень пленчатой и голозерной форм, пшеница-двухзернянка, мягкая и карликовая, горох (Пашкевич, 1992. С. 14, 19). Как видим, и у населения зарубинецкой культуры на территории Украины просо значительно преобладает (65%) над остальными посевными культурами (Пашкевич, 1989. С. 32. Табл.; 1992. С. 20).

Некоторой противоположностью милоградским палеоэтноботаническим спектрам являются ПБС, выведенные на другой основе – флотации культурного слоя и анализах карбонизированных макроостатков (Лебедева, 2005. С. 159–169; Антипина, Лебедева, 2005. С. 70–72; Лебедева, 2007. С. 293). Такой ПБС прямого действия: он отражает динамику соотношений различных видов растений. Так, в дьяковской культуре ПБС на четырех памятниках – городища Дьяково (нижний слой), Ростиславль (слой 2), Настасьино и Отмичи – почти одинаковые (Лебедева, 2005. С. 166, 168. Рис. 2, 1–3; Антипина, Лебедева, 2005. С. 73, 74; Лебедева, 2008. С. 243, 244).

Наличие в милоградской керамике включений злаковых культур, бобовых и сорняков свидетельствует о преднамеренной подсыпке их мастерами-керамистами в приготавливаемое глиняное тесто. Зерна растений зафиксированы в разных частях сосудов: в венчиках, шейках, плечиках, стенках тулова и днищах. Формовочная глиняная масса с добавками органических примесей вымешивалась не всегда тщательно.

Выборки образцов-документов из полностью пересмотренных коллекций небольшие: от 0.6–0.8 до 1–2.3%. Такой показатель заметно выше в тех коллекциях, где материалы обработаны частично. Например, самый высокий процент дают два памятника: Лиски – 3.4% и Старое Красное – 5.7%.

Несмотря на малую фактологическую базу таких источников, автор считает, что правомерно ставить вопрос об органических искусственных примесях в милоградской керамике. Такому аспекту в технологии изготовления посуды у “милоградцев” внимание ранее не уделялось. О растительных примесях в керамике милоградского населения, с учетом рассмотренных артефактов, теперь можно говорить утвердительно, не объясняя данное явление единичностью фактов либо их случайностью.

Таким образом, изучение археоботанических коллекций с памятников милоградской культуры позволило установить палеоэтноботанический комплекс выращиваемых культур: мягкая пшеница, ячмень пленчатый, просо, горох и боб. В столь раннее время (VI – начало II в. до н.э.) впервые отмеченная на территории Беларуси рожь была сопутствующим сорно-полевым растением. В процессе изготовления посуды мастера милоградских поселений добавляли зерно растений в ограниченном количестве – от 0.6 до 2.3%.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю. Опыт археоботанических исследований земледелия и скотоводства: модели взаимодействия // РА. 2005. № 4.

Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. Земледельческий компонент в экономике степных Скифов конца V – IV в. до н.э. // СА. 1991. № 2.

Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О. Землеробство давних слов'ян. Київ, 2010.

Гурин М.Ф. Археологические материалы из городища Мысли // ГАЗ. 2000. № 15.

Даниленко В.Н. Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Докл. VI Науч. конф. ИА АН УССР. Киев, 1953.

Даниленко В.М. Дослідження пам'яток підгірського та бобринського типів на Київщині в 1950 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VI. Київ, 1956.

Каспарова К.В. Новые материалы могильника Отвержици и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. 1976. № 17.

Каспарова К.В. Зарубинецкое поселение Ремель в Белорусском Полесье // АСГЭ. 1987. № 28.

Ковпаненко Г.Т., Янушевич З.В. Отпечатки злаков на керамике из Трахтемировского городища // Скифский мир. Киев, 1975.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971 (МИА; № 174).

Кругликова И.Т. Земледелие у племен Северного Причерноморья в предскифское и в скифо-сарматское время // Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.

Лашанкоў М.І. Паселішча ранняга жалезнага веку // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. № 3. Мінск, 1985.

Лашанкоў М., Трацякоў Д. Палеаэтнабатанічныя даследаванні матэрыялаў з помнікаў ранняга жалезнага веку Паўднёва-Усходняй Беларусі // ГАЗ. 2005. № 20.

Лашанкоў М., Трацякоў Д. Археабатанічныя матэрыялы жалезнага веку ў зборы Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі // Acta archaeologica Albaruthenica. V. I. Мінск, 2007.

Лебедева Е.Ю. Культурные растения Ростиславля: археоботанические материалы из дьяковского городища и древнерусского города // Археология и естественнонаучные методы. М., 2005.

Лебедева Е.Ю. Методические аспекты археоботанических исследований // Матеріалы та дослідження в археології Східної України. Від неоліту до киммерійців: збірник наукових праць. Вип. 7. Луганськ, 2007.

Лебедева Е.Ю. Результаты археоботанического анализа образцов с городища Отмичи из раскопок 2002 г. // Исланова И.В. Городище Отмичи. М., 2008 (Раннеславянский мир; Вып. 11. Прил. 3).

Либеров П.Д. К истории земледелия у скифских племен Поднепровья эпохи раннего железа в VI–II вв. до н.э. // Материалы по истории земледелия СССР. Т. 1. М., 1952.

- Лошенко М.И. Городище милоградской культуры Старое Красное // Гомельщина: археология, история, памятники: Тез. Второй Гомельской обл. науч. конф. Гомель, 1991.
- Лошенко М.И. Городище Палицкое // Iš Baltų kultūros istorijos: skiriama Adolfo Tautavičiaus 75-mečiui. Vilnius, 2000.
- Лошенко М.И. Археоботанические материалы с зарубинецкого селища Хотомель // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Вып. 35. Минск, 2008.
- Лошенко М.И. Палеоботанические находки на археологических памятниках милоградской культуры Беларуси // Ботаника (исследования): сб. науч. тр. Вып. 38. Минск, 2010а.
- Лошенко М.И. Археоботанические коллекции с городищ милоградской культуры Черное, Отрубы и Красная Горка в Беларуси // РА. 2010б. № 3.
- Ляўданскі А.Н., Палікарповіч К.М. Археалагічныя до-следы ў БССР у 1933–1934 г. // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. Кн. 5. Мінск, 1936.
- Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Моруженко А.А., Янушевич З.В. Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII–III вв. до н.э. в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья III–I тыс. до н.э.: Межвузовский сб. науч. тр. Днепрпетровск, 1984.
- Пачкова С.П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974.
- Пашкевич Г.О. Культурні рослини зарубинецького часу // Український ботанічний журнал. Т. 46. № 3. Київ, 1989.
- Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.: Каталог I. Препринт. Киев, 1991а.
- Пашкевич Г.А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.: Каталог II. Препринт. Киев, 1991б.
- Пашкевич Г.А. Культурные растения Украины от неолита до средневековья (по палеоботаническим материалам): Автореф. дис. ... д-ра биолог. наук. Киев, 1992.
- Пашкевич Г.О., Гейко А.В. Палеоботанічні дослідження та деякі питання виготовлення кераміки скіфського часу з Дніпровського лісостепового лівобережжя // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1, 2. Полтава, 1998.
- Петровська Є.О. Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. 1971. № 2.
- Поболь Л.Д. Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960.
- Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск, 1971.
- Поболь Л.Д. Славянские древности Белоруссии (могильник раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск, 1973.
- Подгурский П.Н. Раскопки городища Новое Село // АО–2003. 2004.
- Подгурский П.Н. Земледельческие орудия труда железного века и раннего средневековья Витебского Подвинья // Романовские чтения: Сб. тр. Междунар. науч. конф. Могилев, 2005.
- Шрамко Б.А., Янушевич З.В. Культурные растения Скифии // СА. 1985. № 2.
- Штыхов Г.В. Обследование городищ и курганов в Речицком р-не // АО–1976. 1977.
- Язэпенка І.М. Балашаўка // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1. Мінск, 2009.
- Яковенко Э.А., Янушевич З.В. Определение отпечатков растений на лепной керамике из Восточного Крыма // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1971.
- Янушевич З.В. Культурные растения Юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976.

ПОГРЕБЕНИЯ С КОНЯМИ I тыс. н.э. НА САМБИЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (могильник Алейка 3)

© 2012 г. К.Н. Скворцов

Институт археологии РАН, Москва (sn_arch_exp@mail.ru)

Ключевые слова: римское время, Самбия, всаднические комплексы, вельбаркская культура, пшеворская культура, янтарная торговля.

Of the 554 burials investigated at Aleika 3 cemetery, 517 date to the 2nd – beginning of the 5th cc., and 37 – to the end of the 11th – the 12th c. The grave goods from some of the earlier burials allow assuming that the community to which the site belonged could have been a polyethnic one, most probably including representatives of the Wielbark culture in a Baltic milieu. In the group of older graves (2nd – beginning of the 5th cc.), horses have been found in 52 of the men's burials, most of which (48 out of 52) date to the end of the 2nd – beginning of the 3^d cc. The numerous analogies from the Danube region and the chronology of the oldest burials allow assuming that the ritual had found its way to Sambia as a result of Germanic-Sarmatian contacts in the time of Marcomanni wars. The abundant finds of imported Roman goods, including luxury items, most probably indicate that the community was an active participant in the amber trade.

На сегодняшний день в ареале самбийско-нотангской культуры известно не менее 41 могильника с конскими захоронениями I–V вв., памятников же с погребениями, содержащими в составе инвентаря предметы конского и всаднического снаряжения, значительно больше. Археологические данные свидетельствуют об использовании лошадей населением Самбии уже в эпоху бронзы (La Vaume, 1944. S. 2), но появление конских и всаднических захоронений в культурах западнобалтского круга, в том числе в ареале самбийско-нотангской, относится к раннеримскому времени (Nowakowski, 1996. S. 63). Количество погребений всадников с конями для римского времени невелико, что позволяет рассматривать их как индикаторы социального положения умершего и его принадлежности к родовой верхушке. Ситуация радикально меняется лишь к V в., когда количество конских захоронений резко увеличивается. С конца эпохи Великого переселения народов присутствие коней – характерный признак мужских погребений (Jaskanis, 1974. S. 171) вплоть до завоевания Пруссии Немецким Орденом (Пронин и др., 2006). В данной работе, посвященной конским погребениям самбийского некрополя Алейка 3, рассмотрены возможные причины появления этого обряда в самбийско-нотангской культуре.

Общая характеристика и особенности могильника Алейка 3

Могильник Алейка 3 (бывш. *Jaugenen, Kr. Samland*) расположен в северной части Самбийского (Калининградского) п-ова (рис. 1), в 1.75 км восточнее пос. Романово Зеленоградского р-на Калининградской обл. (бывш. *Pobetten, Kr. Samland*) на юго-восточном пологом склоне коренного левого берега р. Алейка. Памятник, неизвестный в довоенное время, был открыт в ходе разведок (Калашников, 2004). В результате раскопок, проведенных в 2005–2008 гг. Самбийской экспедицией ИА РАН, исследована площадь 4600 м² (Скворцов, 2006; 2007а; 2008). Изучены 554 погребения, из которых 517 датировались с периода В по хронологии римского времени до начала периода D, а 37 погребений – периодом Н европейской хронологии (эти поздние погребения в данной работе не рассматриваются). Исследованная часть памятника составляет приблизительно 70% от его предполагаемой площади. Практически на всей изученной площади зафиксированы следы разрушений погребальных комплексов во время сельскохозяйственных работ. Непотроженными остались лишь около 30% исследованных погребений. Но даже частично сохранившиеся объекты представляют собой полноценный источник информации о функционировании могильника в римское время и эпоху Великого

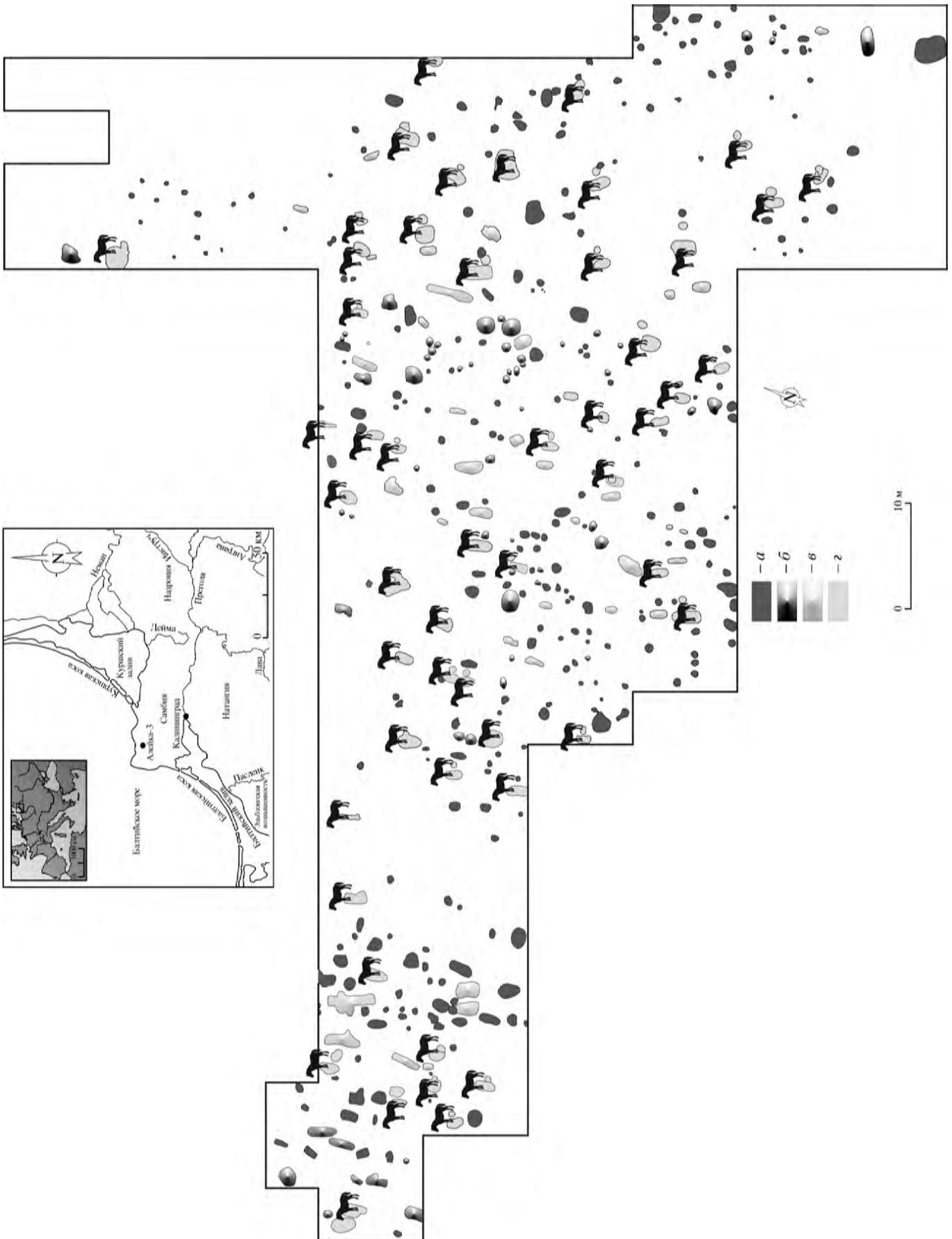


Рис. 1. Местоположение грунтового могильника Алейка 3 в Юго-Восточной Прибалтике и сводный план раскопов его ранней зоны. Условные обозначения: а – кремации; б – неопределены; в – ингумации; з – погребения всадников и коней.

переселения народов. При этом подавляющая часть конских погребений осталась непо потревоженной. В ряде случаев состав погребального инвентаря этих конских захоронений позволяет в целом датировать и разрушенные комплексы всадников. Погребения на могильнике распределяются на две зоны. Южная была практически полностью занята погребениями, датированными римским временем и эпохой Великого переселения народов, а северная содержала объекты, относящиеся к XI–XII вв.

Среди погребений римского времени и эпохи Великого переселения народов доминируют урновые и безурновые трупосожжения, и лишь 46 захоронений были совершены по обряду ингумации. Из них 5 датированы II в., остальные 41 – III–IV вв. В целом, инвентарь захоронений традиционен для самбийско-натангийской культуры римского времени: различные бронзовые и железные фибулы, серебряные стержневые гривны, пластинчатые браслеты, янтарные и стеклянные бусы, железные орудия труда и предметы вооружения, лепная керамика и т.д. Часть керамических форм находит параллели в материалах соседних пшеворской и вельбаркской культур (Смирнова и др., 2007. С. 57–73). В некоторых погребениях обнаружены бронзовые и серебряные римские монеты II в. Однако два момента отличают могильник Алейка 3 от обычных самбийско-натангийских памятников.

Во-первых, Алейка 3 на сегодняшний день – единственный могильник самбийско-натангийской культуры, на котором присутствуют ингумации с северной ориентировкой, датированные III–IV вв. Общеизвестно, что ингумации с северной ориентировкой типичны для могильников вельбаркской культуры. Инвентарь этих погребений содержит ряд элементов, связанных с кругом германских древностей, например грибовидные янтарные подвески (о них см. Щукин, 1977. Рис. 4, 8; Мастыкова, 1999), серебряные браслеты со змеевидными окончаниями и т.д. (о них см. Wojcik, 1978. S. 35–113). Часто встречаются фибулы типа *Almgren 158*, место происхождения которых, по мнению некоторых исследователей, – ареал пшеворской культуры (Godłowski, 1970. P. 15–17), а также подвзные фибулы *Almgren 161-162*, типичные для вельбаркской культуры (см. карты распространения: Щукин, 1977. Рис. 2, 4; Kokowski, 1995. Мара 22). Янтарные бусины, найденные в данных погребениях, относятся к самым ранним (изготовлены, вероятно, при помощи токарного станка) и датируются началом III в. (период C1, т.е. 160/180–250/270 гг. по хронологии европейского Барбарикума). Подобные бусины широко представлены в материалах синхронных могильников эльблонгской группы вельбаркской культуры

(Pietrzak, 1997. Taf. LXVII; LXXII; CXII). Эти факты позволяют говорить о возможном включении в балтский социум, оставивший могильник Алейка 3, носителей вельбаркской (и пшеворской?) культуры или, по крайней мере, о заметном вельбаркском (или вельбаркско-пшеворском) влиянии на их материальную и духовную культуру. Согласно выводам Е. Окулича, в это время центр вельбаркской культуры соотносился с Эльблонгской возвышенностью, откуда шли культурные импульсы на территорию Украины, Молдавии, Румынии, подпитывающие зарождающуюся черняховскую культуру (Okulicz-Kozarin, 1992. S. 104, 105).

Во-вторых, могильник Алейка 3 выделяется по богатству инвентаря. Стоит отметить многочисленные находки оплавленного серебра как в пахотном слое, так и на древней дневной поверхности, а также фрагменты изделий из серебра, в том числе фрагменты двух серебряных римских ложек (*ligulae*). Подобные ложки широко представлены в составе погребального инвентаря позднеримского времени в так называемых княжеских погребениях варварской знати от *Germania Libera* до *Sarmatia* (Ondrouch, 1957. S. 219. Tab. 28, 2; Eggers, Stary, 2001. Taf. 341, 10, 11; Šarov, 2003. S. 39, 40. Taf. 13, 3–5; Brøndsted, 1963. P. 202; Schulz, 1953. Taf. XIX, 2; Stenberger, 1977. S. 282. Abb. 177). Большая часть этих находок связана с погребениями периода C1, т.е. конца II – начала III в. Некоторые из этих редких артефактов происходят из Дунайских провинций Римской империи и относятся ко времени, близкому к Маркоманским войнам. Обращает на себя внимание обилие находок янтаря-сырца в погребениях и в культурном слое могильника, в том числе и находки заготовок для изготовления трапециевидных и секировидных подвесок. Куски янтаря-сырца зачастую имеют размер и форму, типичные для находок в составах янтарных кладов и янтарных мастерских в Южной Польше (если можно так выразиться, “товарный размер”) (Cofta-Broniewska, 1999. S. 157–175). Возможно, янтарь и послужил источником относительного богатства общины, которой принадлежал могильник Алейка 3.

Конские захоронения могильника Алейка 3

В группе из 517 погребений могильника Алейка 3, относящихся к позднеримскому времени и началу Великого переселения народов, 52 мужских захоронения сопровождались конскими захоронениями (рис. 1). Основной массив обнаруженных погребений всадников с конями (48 из 52) на могильнике Алейка 3 датируется периодом C1. Просматривается определенная планиграфическая взаимосвязь значительной части этих погребений:

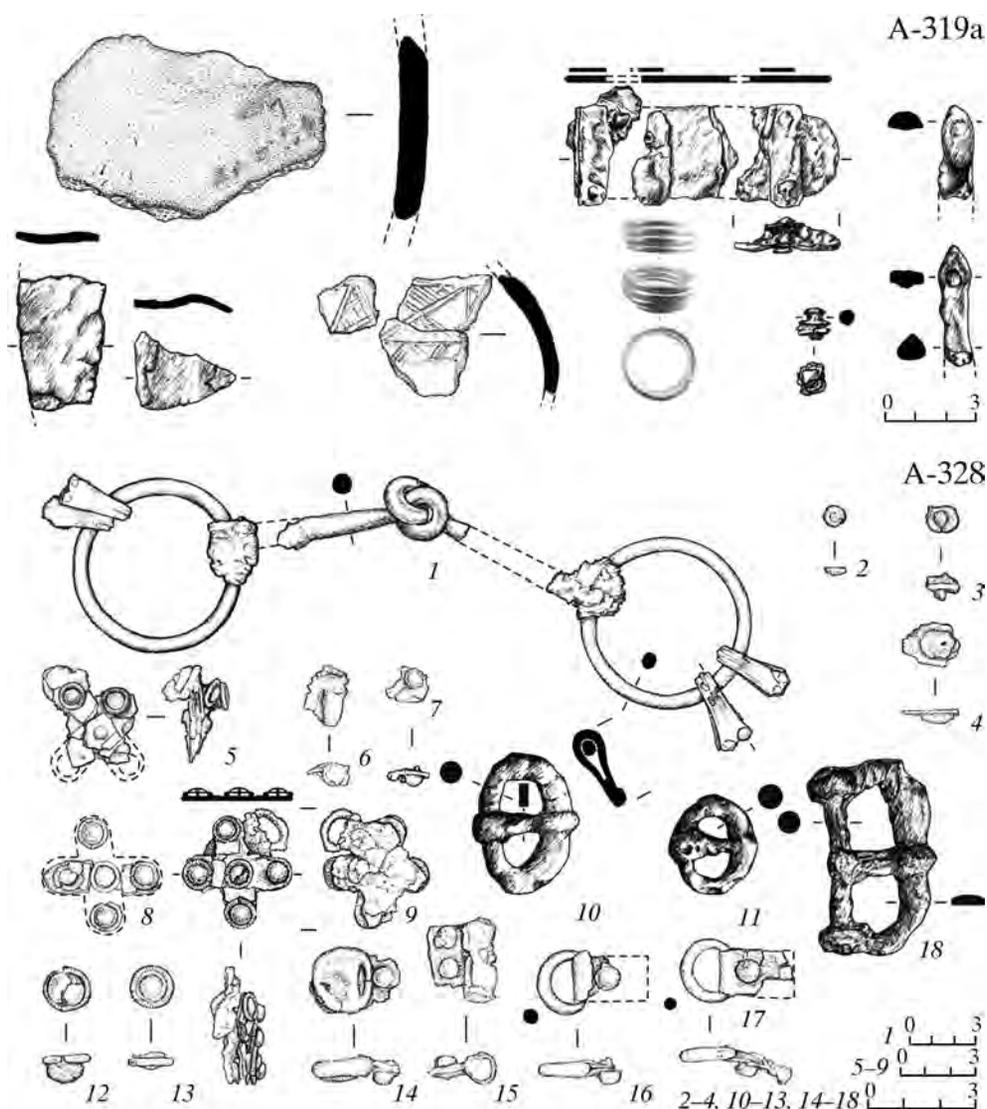


Рис. 2. Инвентарь разрушенной кремации всадника (А-319а) и относящегося к ней конского захоронения (А-328).

они располагаются, вероятнее всего, рядами, ориентированными по линии СЗ–ЮВ, со средним расстоянием между погребениями около 5 м.

Эти погребения типичны для самбийско-натангической культуры, к западу от урновых кремаций всадников располагались сопровождавшие их конские захоронения. Конские костяки расположены в ямах головой на юг, с различными отклонениями, ямы ориентированы по оси СВ–ЮЗ. Как правило, погребения были перекрыты остатками каменных кладок, в большинстве случаев разрушенных распашкой. Следует отметить, что процент погребений всадников с конями здесь значительно выше, чем на всех раскопанных крупными площадями самбийских могильниках римского времени. Например, на синхронном Алейке 3 могильнике *Lauth/Большое Исаково* обнаружены 27 конских захоро-

нений из более 250 исследованных. Из них лишь 7 датированы римским временем и 20 – эпохой Великого переселения народов (Skvorzov, 2004/2005. S. 111–219; Скворцов, 1998–2000; 2002–2004).

Керамический набор наиболее ранних погребений всадников представлен разнообразными лепными сосудами. Остальной инвентарь комплексов, сопровождавшихся захоронениями коней, как правило, более разнообразен, чем в погребениях без коней. Это различные типы железных наконечников копий, ножи, втульчатые топоры, умбоны и рукояти щитов, шпоры, бритвы, ножницы, скобели, оселки, кресала, шилья, булавки, пинцеты, детали поясной гарнитуры из железа и бронзы.

Большая часть фибул – арбалетовидные подвязные (целые и фрагментированные) из бронзы и железа, реже из серебра. В большинстве случаев

представлены варианты типов *Almgren 161-162*, а в погр. 275 обнаружена бронзовая фибула типа *Almgren 130*, покрытая припаянными листами тисненой золотой фольги. Подобные фибулы хорошо представлены в ареале вельбаркской культуры, на островах Балтийского моря и в Скандинавии (Machajewski, 1998. S. 190). В погр. 263 найден фрагментированный гребень из рога. В разрушенной кремации всадника 319а, датированной позднеримским временем, наряду с другими фрагментами предметов погребального инвентаря находилось спиральное золотое кольцо весом около 13 г (рис. 2, фото). Присутствуют в погребениях и единичные находки бусин из стекла и янтаря, а также куски необработанного янтаря без следов воздействия огня, что может свидетельствовать о помещении янтаря в могилу в качестве заупокойного дара на заключительном этапе погребального ритуала.

Как правило, во всех мужских погребениях было найдено от одной до трех бронзовых римских монет. Следует отметить, что именно с середины II в. впервые в составе погребального инвентаря на могильниках самбийско-нотангской культуры, прежде всего в мужских захоронениях, в значительном количестве появляются римские бронзовые монеты, которые зачастую находятся в погребениях вместе с кусками необработанного янтаря, что может быть косвенным свидетельством особой роли мужчин-воинов в янтарной торговле. Все эти монеты в основном относятся к эмиссиям династии Антонинов от Траяна до Комода (Bollin, 1926. S. 203–240). Как правило, они не имеют следов длительного обращения. Судя по состоянию монет и датировке остатального инвентаря, они попадали в погребения без значительного запаздывания, что позволяет для этого периода использовать их нумизматическую датировку (Nowakowski, 1996. S. 75). Это обстоятельство может быть свидетельством особой интенсивности янтарной торговли со второй половины II в. Как правило, монеты обнаружены в погребениях с многочисленными предметами вооружения, которые имеют большое число аналогий в материалах пшеворской культуры и в Скандинавии¹. В позднеримское время монеты в отличие от периода В2/С1 (160/180–200 гг.) встречаются в погребениях всех возрастных групп и полов без половых различий. Именно в периоды С1 и С2 (160/180–250/270 гг. и 250/260 – 300/320 гг.), особенно в эпоху “Готских” войн второй – третьей четверти III в.,

римские бронзовые монеты встречаются гораздо чаще, чем в предшествующее время.

Бронзовые римские монеты в это время становятся в торговых отношениях самым распространенным товарозаменителем (Bursche, 1988. S. 43). При этом для периодов С1 и С2, как и в предшествующее время, большая часть монет относится к эмиссиям династии Антонинов. Однако в отличие от предыдущего периода значительная часть монет сильно затерта, иногда они используются в качестве подвесок. Это же явление можно наблюдать и в погребениях черняховской культуры, где монеты в большинстве своем либо являются подвесками, либо стерлись от длительного обращения (Тиханова, 1979. С. 40, 41). Следует также уточнить, что подавляющая часть монет принадлежит италийским ателье. Это позволяет предполагать, что в основном они происходят с территорий, граничащих с римской Дакией: лишь здесь бронзовые римские монеты обращались в значительном количестве (Кропоткин, 1961. С. 25).

Вероятнее всего, эти монеты попали в ареал самбийско-нотангской культуры и на сопредельные территории первоначально в результате военной и торговой активности носителей пшеворской культуры во II в., в частности, в эпоху Маркоманских войн, а затем в результате военных акций готов в III в. на Дунае (Буданова, 1990. С. 103). Возможно, все эти давно вышедшие из употребления монеты происходили из каких-то государственных хранилищ. Косвенное подтверждение этому – информация о выплатах варварам в III–IV вв., при этом использовались уже вышедшие из употребления монеты Марка Аврелия и Антонина Пия (Кропоткин, 1970. С. 52, 53; Тиханова, 1979. С. 38, 39). Правда, в этих случаях речь идет о монетах из драгоценных металлов, но, возможно, вышедшие из употребления монеты из бронзы и меди также собирались и использовались для выплат.

Что же касается собственно конских захоронений, то следует отметить, что в силу особенностей химического состава местных почв от конских скелетов, как правило, почти ничего не сохраняется, за исключением зубов и так называемой тени, т.е. контуров костяка в заполнении могилы. Инвентарь в этих погребениях был представлен типичным набором: удила разнообразных вариантов, как правило, кольчатые, изготовленные из железа; железные пряжки от упряжи и другие детали сбруи из железа, бронзы, реже серебра. В ряде случаев в той же яме были железные шпоры, серпы, ножи и скобели, которые, судя по расположению, первоначально лежали в переметных сумках.

¹ Напомним, что вооружение вельбаркской культуры известно очень плохо, поскольку погребальный обряд ее носителей исключал помещение в могилы предметов вооружения (о вельбаркских находках см. Kokowski, 1993).

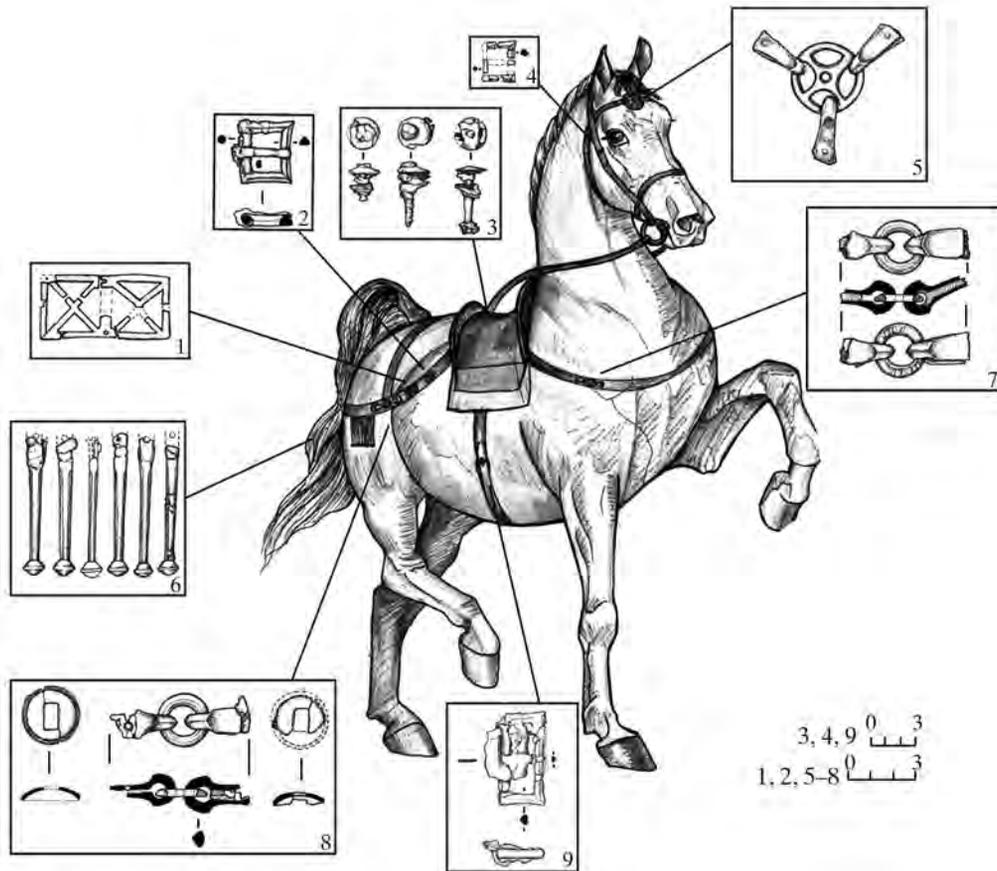
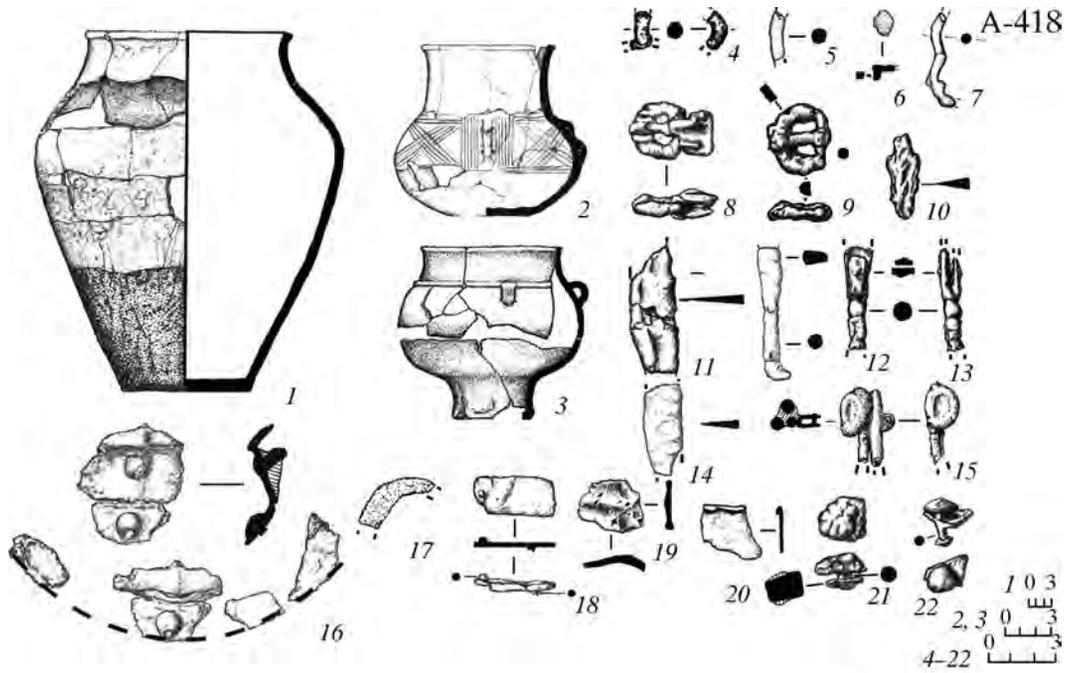


Рис. 3. Инвентарь разрушенной кремации всадника (А-418) и вариант реконструкции конского снаряжения из относящегося к ней конского захоронения.

Среди редких находок, обнаруженных в погребениях коней, особо стоит отметить полную гарнитуру конской сбруи из погр. 418 (рис. 3), датированного периодом С1. Она изготовлена из бронзы и включала многочисленные круглые и прямоугольные накладки в стиле *opus interrasile*, 10 бронзовых наконечников ремней и разделительные кольца. В погребении также обнаружено несколько крупных железных заклепок с бронзовыми головками, которые, судя по их расположению и размеру, служили для крепления деталей деревянного седла. Аналогичные по составу конские гарнитуры известны в это время в римских провинциях и местах болотных жертвоприношений в Скандинавии (Oldenstein, 1977. Taf. 62–64; von Carnap-Bornheim, Ilkjær, 1996. S. 106. Abb. 74). В погр. 478 (конец II в., начало периода С1) присутствовал бронзовый литой наносник (рис. 4, 4; 5, 3) с необычным оформлением верхней части.

В погр. 460, датированном периодом С1 (160/180–250/270 гг.), был обнаружен бронзовый литой распределитель ремней крестовидной формы (рис. 4, 3; 5, 1), аналогии которому известны в римских крепостях на Дунайском участке лимеса, где они датируются II в. (Gschwind, 2004. S. 176. Taf. 60. C710–C712; Herramhof et al., 1986–1987. S. 303. Abb. 154, 1). Находка такого рода в ареале самбийско-нотангской культуры и в целом в Юго-Восточной Прибалтике обнаружена впервые. В двух других погребениях того же времени (период С1) около останков конских черепов найдены небольшие бронзовые римские колокольчики (рис. 4, 2), так называемые *tinnabula*, а в погр. 302 и 550 были обнаружены железные римские ботала (рис. 4, 1). Подобные колокольчики пирамидальной формы часто входят в состав инвентаря сарматских погребений (Nowakowski, 1988. S. 99–123; Juściński et al., 2004. S. 73, 129. Рис. 6). В ареале самбийско-нотангской культуры подобные находки уже встречались, однако не в столь большом количестве, как на могильнике Алейка 3 (Nowakowski, 1996. S. 67).

В погр. 423 (рис. 6), датированном началом III в. (период С1), обнаружены железные удила с пропеллеровидными псалиями (рис. 5, 4). Данный тип удил многими исследователями связывается с сарматами (von Carnap-Bornheim, 2003. S. 378, 379. Abb. 4, 5). Довольно близкие по типу пропеллеровидные псалии происходят из Дакии (Werner, 1983. Abb. 2). В ареале западных балтов известно еще два места находок подобных удил, также датированных периодом С1 (La Vaume, 1944. S. 17. Abb. 26). Удила подобного типа происходят и с места болотных



Рис. 4. Находки из конских захоронений римского времени. 1 – инвентарь погр. А-302; 2 – бронзовый колокольчик из погр. А-415; 3 – бронзовый разделитель ремня из погр. А-460; 4 – подвеска-наносник из погр. А-478.

жертвоприношений Торсберг на севере Германии (Raddatz, 1987. S. 85).

В погр. 328, датированном периодом С2 (т.е. 250/260–300/320 гг.), сохранилось практически полное оголовье коня со множеством элементов (рис. 2; 5, 2): разделительные кольца, наконечники ремней, пряжки и накладки крестовидной формы с серебряной плакировкой, кольцевой гарнитурой и бронзовыми заклепками с серебряной обтяжкой. Близкие по форме накладки известны в материалах позднего римского времени и в древностях соседних балтских культур (Bluijienė, Butkus, 2007. P. 104. Fig. 8; Banyte-Rowell, 2004. P. 46. Pav. 6, 1–3; Bitner-Wróblewska, 2007. Tab. XXXVIII, 8).

Следует отдельно отметить четыре конских захоронения, датированных концом II – началом III в., т.е. периодом С1, в каждом из которых находились останки двух коней. Возможно, факт наличия в таких погребениях парного захоронения коней – не только признак высокого социального положения умершего, но и отражение религиозных воззрений древних жителей здешних мест. Подобные погребения в римское время на данной территории встречаются крайне редко. Аналогичное погребение, датированное концом II в. (период С1), было найдено на могильнике *Gross Ottenhagen* (Березовка) и находилось под невысоким (до 1.2 м) курганом с

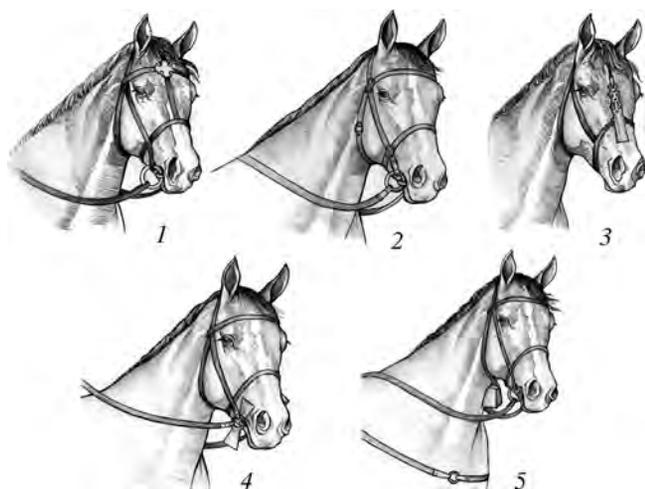


Рис. 5. Варианты реконструкции конских оголовий: 1 – погр. А-460; 2 – погр. А-328; 3 – погр. А-478; 4 – погр. А-423; 5 – погр. А-302.

мощной каменной кладкой диаметром около 7 м, с кремациями не менее двух человек (Ibsen, Skvorzov, 2004. S. 402–404. Abb. 7, 13).

В ранней зоне могильника самое позднее захоронение всадника с конем – погр. 356 (рис. 7), датированное в рамках периодов D1 (360/370–400/410 гг.) – D2 (380/400–440/450 гг.). Кремация всадника подверглась разграблению, инвентарь сохранился лишь частично, а конское захоронение осталось нетронутое. В нем находились останки двух коней с деталями конской упряжи, среди которых следует отметить биметаллические орнаментированные удила, изготовленные из бронзы и железа. Данный тип удил отличается своеобразной конструктивной особенностью: наличием бронзового, чаще серебряного, граненого наконечника с кольцевой петлей, надетого на свободный конец железного стержня. Подобные удила характерны для гуннской эпохи (Засецкая, 1994. С. 40, 41. Табл. 4, 12, 13, 16, 30; 5, 20, 21, 44, 47), однако существуют и в позднеримское время, например в аристократических погребениях Боспора Киммерийского (Šarov, 1994. Abb. 3). Ближайшие аналогии удил данного типа известны на территории Польши в

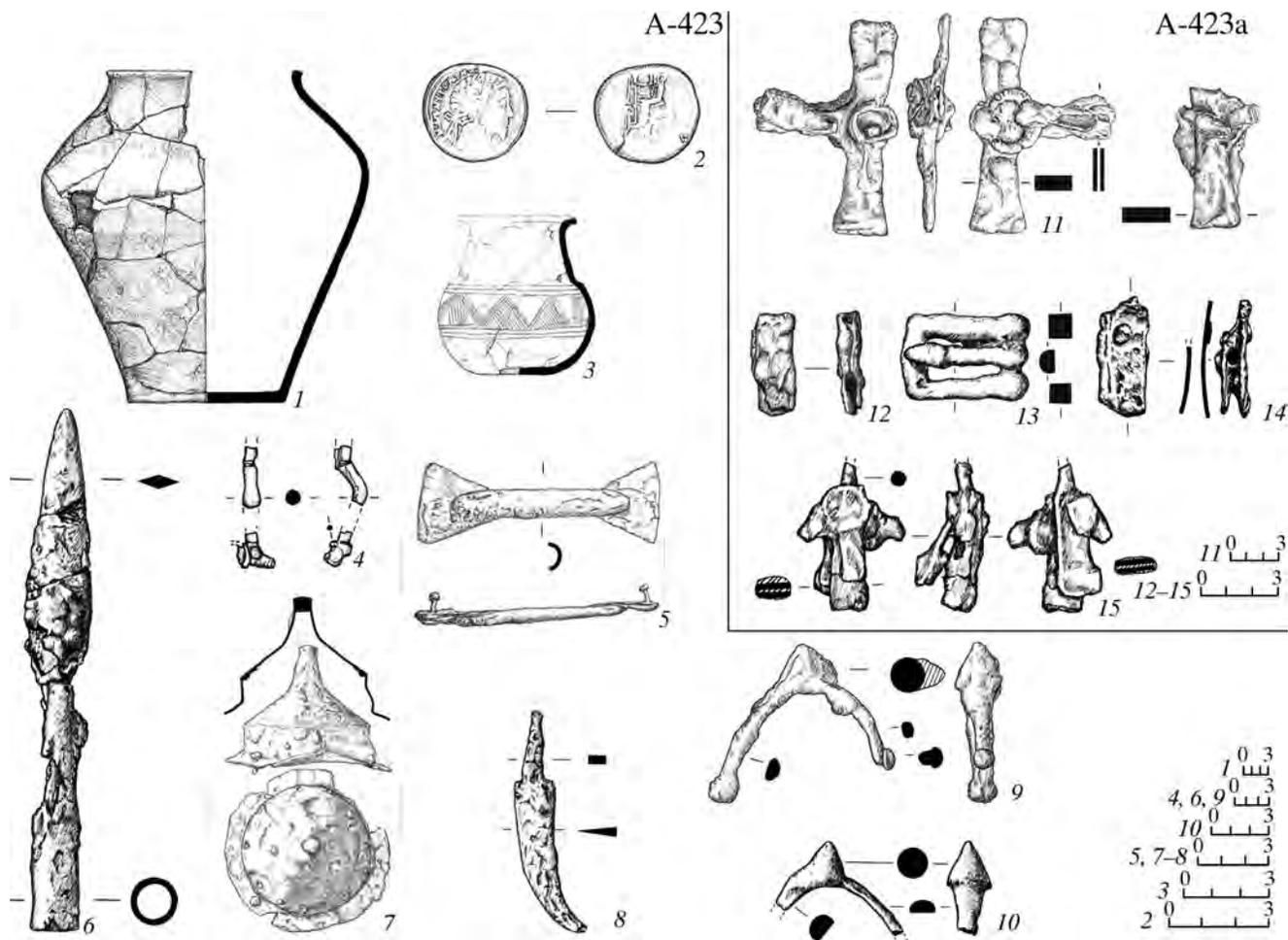


Рис. 6. Инвентарь погр. А-423 (1–10) и А-423а (11–15).

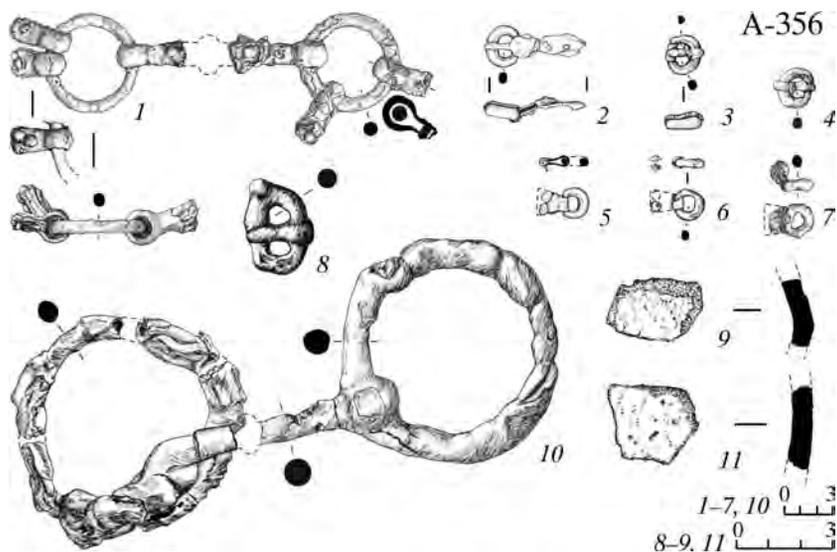


Рис. 7. Инвентарь парного конского захоронения А-356.

погребениях Луги (*Lugi/Koenigsbruch*) и Якушовице (*Jakuszowice*) периодов D1 и D2 (Petersen, 1934. S. 139–156; Godłowski, 1995. S. 155–179. Abb. 4, 1).

*Могильник Алейка 3 в историческом контексте
Самбии римского времени*

Могильник Алейка 3, как представляется в настоящий момент, – исключительное явление для самбийско-натангийской культуры, развитие которой связано с резко возросшим в I в. н.э. интересом к янтарю. Спрос на него в Риме и его провинциях привлек внимание к Южной Прибалтике соседних варваров (Щукин, 1994. С. 278). Налаживание торговых связей между римскими провинциями и западными балтами в раннеримское время до начала Маркоманских войн и некоторое время после них происходило, вероятно, в основном при посредничестве носителей пшеворской культуры бассейна Вислы, которых сейчас идентифицируют с лугиями и вандалами. Учитывая наличие у “пшеворцев” развитой системы контактов с другими варварами Центральной Европы и Скандинавии (Щукин, 1994. С. 228–232), такое развитие ситуации представляется вполне реалистичным. Это время характеризуется и появлением на Самбии и Натангии большого количества римских, в том числе норико-паннонских импортов, а также их дериватов, изготовленных уже в варварской среде (Щукин, 1998. С. 199–204).

С момента своего возникновения преобладающим погребальным обрядом самбийско-натангийской культуры в период В2 (во второй половине I – первой половине II в.) было труположение с

северной ориентировкой. Во второй половине II в. обряд ингумации в течение непродолжительного отрезка времени полностью исчезает, сменяясь урновыми и безурновыми кремациями. Тип погребального обряда, как и большинство инноваций в погребальном инвентаре в данный период, связан своим происхождением с континентальными культурами германского круга, прежде всего с пшеворской, а также со Скандинавией. При этом к концу II – началу III в. (период С1) значительно увеличивается доля импортов из ареала вельбаркской культуры (Bliujienė, 2007. P. 312, 317). Вероятно, это связано с экспансией носителей вельбаркской культуры, в частности, с их продвижением на территории, занятые ранее населением пшеворской культуры. “Пшеворцы”, которые идентифицируются с *Superores Barbari* письменных источников, в это время оказываются втянутыми в события Маркоманских войн (Godkowski, 1984), что могло привести к их ослаблению. Не исключено, что сдвинутая волной вельбаркских переселенцев часть “пшеворцев” была вынуждена покинуть ранее заселенные ими территории и влиться в состав населения некоторых культур западнобалтского круга.

Тогда же в материалах могильников долины р. Прегель появляются и римские импорты, которые можно отнести к предметам роскоши: кинжал – *pugio* из Дивное/*Alt-Ilischenken*, фрагментированная чаша *terra sigillata* из погребения у Изобильное/*Klein Fleiß* и др. (Nowakowski, 1996. S. 68, 72. Taf. 92, 1; 99, 8; 102, 2). На территории Мазурского поозерья наблюдается схожая ситуация, вызванная теми же процессами, что и на Самбии: наибольшее количество римских импортов здесь приходится

именно на периоды B2/C1–C1 (160/180–200 гг. и 160/180–250/270 гг.) (Nowakowski, 2001. S. 26, 27).

В периоды C1 и C2 на могильниках самбийско-натангийской культуры появляется горизонт богатых захоронений. Они содержат многочисленные украшения из серебра и бронзы, в том числе такой характерный инвентарь, как фибулы типа *Monstruoso* (Скворцов, 2000), серебряные браслеты со змеевидными окончаниями, а также другие вещи, напрямую связанные своим происхождением с ареалом вельбаркской культуры, Скандинавией и другими регионами *Germania Libera*. Вероятно, значительная часть погребенных с таким инвентарем была либо германского происхождения, либо принадлежала к балтам, тесно связанным с вождескими группировками германского Барбарикума, в первую очередь Эльблонгской возвышенности и Скандинавии.

С III в. происходит усиление роли представителей вельбаркской культуры в торговле янтарем на приоритетном направлении отрезка янтарного пути Самбия – устье Вислы. Об этом свидетельствуют и новые находки, сделанные на ряде могильников римского времени (Скворцов, 2007б; Говердовский, 2008; Andrzejowski, Cieśliński, 2007. S. 279). Значимость отрезка янтарного пути из Самбии вдоль берега Вислинского залива к дельте Вислы трудно переоценить. Население, оставившее могильник Алейка 3, могло контролировать сбор янтаря в начале пути. В радиусе 5 км от данного некрополя известно еще не менее восьми синхронных могильников, что указывает на высокую плотность заселения этой территории в указанное время. Жители Самбийского п-ова по долинам малых рек выходили к р. Прегель. Оттуда они могли достигать устья Вислы, где аккумулировался янтарь для последующего его продвижения от побережья Балтийского моря к римским пределам.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

1. В материалах могильника Алейка 3 на сегодняшний день отмечено самое большое количество погребений всадников с захоронением коней во всем ареале самбийско-натангийской культуры. Появление данного типа обряда, предполагающего помещение в могилу вместе с воином и его коня, приходится на начало–сердину II в. Данный обряд появляется на Самбии уже в сложившемся виде. Наличие многочисленных аналогий инвентаря конских погребений могильника Алейка 3 в материалах Подунавья позволяет предполагать, что его формирование связано с германо-сарматским контактом периода Маркоманских войн (Kokowski, 2003. S. 275–291; Tejral, 2003. S. 239–274. Tab. 1, 3–5, 7,

16–18). С германцами, участвовавшими в этих войнах, данный обряд и достигает ареала западных балтов. С этого же момента погребения с конями появляются и в других балтских культурах: богачевской и в культуре могильников с каменными венцами Западной Литвы (Bliujienė, Butkus, 2007. P. 115). Уже в позднеримское время известны единичные случаи проникновения этого обряда из ареала самбийско-натангийской культуры на острова Балтийского моря и в Данию. Здесь, на могильнике Сковгард на о. Зееланд было обнаружено захоронение коня № 26, датированное III в. (Ethelberg, 2000. S. 252–254). Это погребение, равно как и находки удил в погребениях на о. Фюн, которые не встречаются на соседних территориях, по мнению К. Раддаца, указывают на связи с западнобалтскими племенами Самбийского п-ова в римское время (Raddatz, 1956. (1962). S. 173–175).

2. Самые ранние из обнаруженных на могильнике Алейка 3 погребений всадников относятся к периоду B2/C1 (160/180–200 гг.), а самые поздние датируются в рамках периодов D1/D2 (360/370–400/410 гг. – 380/400–440/450 гг.).

3. Возникновение большей части всаднических комплексов близко по времени заключительному этапу Маркоманских войн и, может быть, отражает именно эти события, происходившие в дунайских провинциях Римской империи. Вероятнее всего, обилие находок римских импортных изделий на рассматриваемом памятнике, в том числе и предметов роскоши, – результат участия представителей данного полиэтничного социума, похороненных на могильнике Алейка 3, в янтарной торговле региона. Возможно воины, погребенные на могильнике Алейка 3, контролировали начальный отрезок Янтарного пути и представляли собой верхушку этого сообщества с периода Маркоманских войн до раннегуннского времени, когда последние очаги вельбаркской культуры исчезают из Повислинья (Godłowski, 1970. Pl. VII; Kokowski, 1999). В меньшей степени находки новых категорий римских импортов можно связывать с вероятным участием представителей данного социума в заключительном этапе Маркоманских войн. Отметим все же, что снаряжение всадников Алейки 3 практически ничем не отличается по составу от снаряжения всадников *Germania Libera*. В качестве примера типичного набора вооружений населения, близкого самбийскому, можно привести изображение с надгробия свебского всадника на римской службе из Хайдельберга (рис. 8) (Speidel, 1992. P. 89–104). Это свидетельствует о влиянии военных технологий времени Маркоманских войн на балтов Самбии.

4. Материалы исследований могильника Алейка 3 в контексте других памятников самбийско-натан-

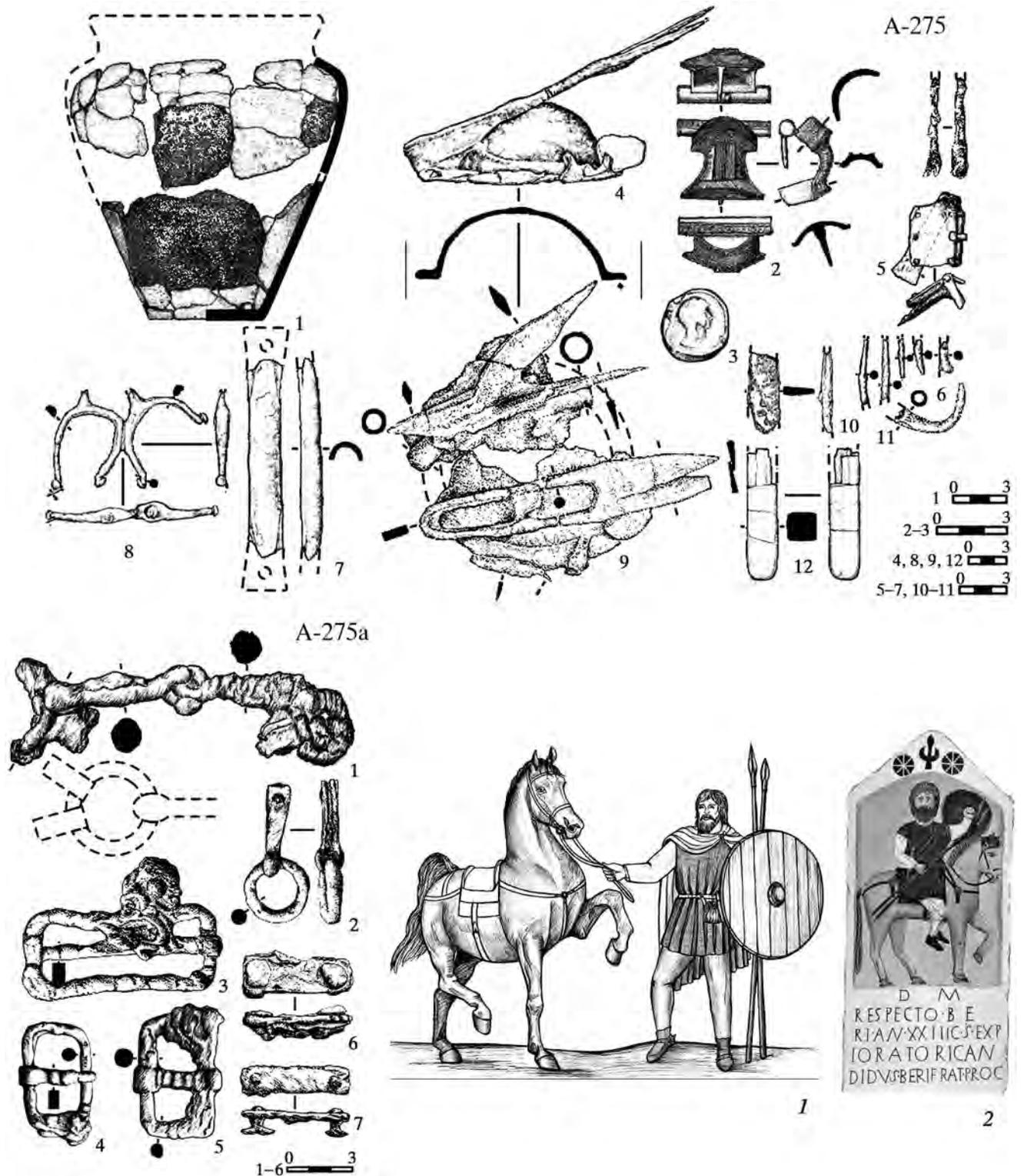


Рис. 8. 1 – предметы инвентаря из погр. А-275 и вариант реконструкции снаряжения всадника и коня; 2 – надгробие свебского всадника из Хайдельберга.

гийской культуры римского времени позволяют прийти к выводу, что во II в. на этой территории фиксируется начало процесса формирования воинских элит. Это было обусловлено проникновением

в балтскую среду германского этнического компонента, вовлеченного в торговлю янтарем. Данный процесс мог начаться только в течение или по окончании Маркоманских войн, влияние которых

проявилось не только в экономико-социальных изменениях на территории пограничного с Римом Барбарикума, но затронуло и периферию варварского мира, в том числе территорию Самбии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Говердовский Д.А.* Отчет о разведках в Багратионовском р-не Калининградской обл. Западной археологической экспедицией НПЦ // Архив ИА РАН. 2008. Р-1.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (IV–V вв.). СПб., 1994.
- Калашиников Е.А.* Отчет о разведках в Зеленоградском р-не Калининградской обл. Черняховским отрядом Деснинской экспедицией ИА РАН // Архив ИА РАН. 2004. Р-1.
- Кропоткин В.В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961 (САИ; Г4-4).
- Кропоткин В.В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (I в. до н.э. – V в. н.э.). М., 1970 (САИ; Д1-27).
- Мастыкова А.В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- Пронин Г.Н., Смирнова М.Е., Мишина Т.Н., Новиков В.В.* Могильник Поваровка X–XIII вв. (Калининградская обл.). М., 2006 (Матер. охранных археолог. исследований; Т. 8).
- Скворцов К.Н.* Отчет Натангийского отряда БАЭ ИА РАН по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 1998. Р-1. № 21982.
- Скворцов К.Н.* Отчет Натангийского отряда БАЭ ИА РАН по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 1999. Р-1. № 23285.
- Скворцов К.Н.* Отчет Натангийского отряда БАЭ ИА РАН по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2000. Р-1. № 24733.
- Скворцов К.Н.* Отчет Натангийского отряда БАЭ ИА РАН по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2002. Р-1. № 25795.
- Скворцов К.Н.* Отчет Натангийского отряда БАЭ ИА РАН по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2003 Р-1. № 25796.
- Скворцов К.Н.* Отчет Натангийского отряда БАЭ ИА РАН по охранным раскопкам грунтового могильника Лаут–Большое Исаково в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2004. Р-1. № 25797.
- Скворцов К.Н.* Отчет Самбийской экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Алейка-3 в Зеленоградском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2006. Р-1.
- Скворцов К.Н.* Отчет Самбийской экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Алейка-3 в Зеленоградском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2007а. Р-1.
- Скворцов К.Н.* Отчет Самбийской экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Шоссейное в Гурьевском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2007б. Р-1.
- Скворцов К.Н.* Отчет Самбийской экспедиции ИА РАН по раскопкам грунтового могильника Алейка-3 в Зеленоградском р-не Калининградской обл. // Архив ИА РАН. 2008. Р-1.
- Смирнова М.Е., Кулаков В.И., Калашиников Е.А. и др.* Охранные работы в зоне строительства подземного хранилища газа в Зеленоградском р-не Калининградской обл. // АО–2005. 2007.
- Тиханова М.А.* К вопросу о достоверности датировки скрытых комплексов с римскими монетами // КСИА. 1979. № 159.
- Щукин М.Б.* Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. 1977. № 18.
- Щукин М.Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в. н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
- Щукин М.Б.* Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. Вып. 4. СПб., 1998.
- Andrzejowski J., Cieśliński A.* Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrocie sąsiedztwo? // Ed. A. Bitner-Wróblewska. Kultura bogaczewska w 20 lat później. Seminarium Bałtyjskie. T. I. Warszawa, 2007.
- Banyte-Rowell R.* Metalinės diržų ir kamanų detalės iš Stragnų kapinyno // Archaeologia Lithuania. 5. Vilnius, 2004.
- Bitner-Wróblewska A.* Netta // Monumenta Archaeologica Barbarica. T. XII. Warszawa, 2007.
- Bliujienė A.* Lietuvos preistorės gintaras. Vilnius, 2007.
- Bliujienė A., Butkus D.* Armed Men and Their Riding Horses as a Reflection of the Warrior Hierarchy in Western Lithuania during the Roman Iron Age // Archaeologia Baltica. 8. Klaipėda, 2007.
- Bollin S.* Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // Prussia. Bd. 26. Königsberg, 1926.
- Brøndsted J.* Eisenzeit in Dänemark // Nordische Vorzeit. Bd. 3. Neumünster, 1963.
- Bursche A.* Kontakty cesarstwa rzymskiego z ludnością kultury wielbarskiejwIIIiIVw.w.świetle źródeł numizma-

- tycznych / Eds Gurba, A. Kokowski. *Kultura Wielbarska w młodym okresie rzymskim*. Lublin, 1988.
- Cofta-Broniewska A.* Amber in the material culture of the communities of the region of Kuiavia during the Roman period / B. Kosmowska-Ceranowicz, H. Parker. *Investigation into Amber*. Gdansk, 1999.
- Eggers H.J., Stary P.F.* Funde der Vorrömischen Eisenzeit, der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Pommern // *Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg – Vorpommerns*. Bd. 38. Lübstorf, 2001.
- Ethelberg P.* Skovgårde. Ein Bestattungsplatz mit reichen Frauengräbern des 3. Jhs. n. Chr. auf Seeland. København, 2000.
- Godłowski K.* The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // *Prace Archeologiczne* 11. Krakow, 1970.
- Godłowski K.* “Superiores Barbari” und die Markomannenkriege im Lichte archäologischer Quellen // *Slovenská Archeológia*. 1984. XXXII/2.
- Godłowski K.* Das “Fürstengrab” des 5. Jhs. und der “Fürstensitz” in Jakuszowice in Südpolen / Dirs. F. Vallet, M. Kazanski. *La noblesse romaine et les chefs barbares du III^e au VII^e siècle*. Saint-Germain-en-Laye, 1995.
- Gschwind M.* Abusina. Das römische Auxiliarkastell Eining an der Donau vom 1. bis 5. Jh. n. Chr. München, 2004.
- Herramhof S., Herrmann F.R., Koschik H. et al.* Archäologische Funde und Ausgrabungen in Mittelfranken // *Fundchronik 1970–1985*. Jahrbuch des historischen Vereins für Mittelfranken. Bd. 93. Ansbach, 1986–1987.
- Ibsen T., Skvorzov K.* Das Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen. Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 85. Mainz, 2004.
- Jaskanis J.* Obrządek Pogrzbowy zachodnich bałtów u schyłku starożytności (I–V w.n.e) // *Biblioteka Archeologiczna*. T. 23. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
- Juściński M., Kokowski A., Niezabitowska B.* Pochówek książniczki z Gordeevki // Ed. A. Kokowski. *Sarmaci i Germanie*. Lublin, 2004.
- Kokowski A.* L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) / Dirs. F. Vallet, M. Kazanski. *L'armée romaine et les Barbares du III^e au VII^e siècle*. Saint-Germain-en-Laye, 1993.
- Kokowski A.* Grupa masłomęcka. Lublin, 1995.
- Kokowski A.* La fin de la civilisation de Wielbark et ses conséquences // Dirs. J. Tejral, C. Pilet, M. Kazanski. *L'Occident romain et l'Europe centrale à l'époque des Grandes Migrations*. Brno, 1999.
- Kokowski A.* Zur Geschichte der gotisch-sarmatischen Beziehungen im Licht der Maslomecz-Gruppe und der Kulturen des Goten-Kreises // Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. *Kontakt–Kooperation–Konflikt*. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Neumünster, 2003.
- La Baume W.* *Altpreußisches Zaumzeug* // *Alt-Preussen*. H. 1/2. Königsberg, 1944.
- Machajewski H.* Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas / Hrsg. J. Kunow. *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg*. 5. Wünsdorf, 1998.
- Nowakowski W.* Metallglocken aus der römischen Kaiserzeit im europäischen Barbaricum // *Archaeologia Polona*. 27. Warszawa, 1988.
- Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt // *Veröffentlichungen des Vorgesellschaftlichen Seminars Marburg*. Sonderband 10. Marburg, 1996.
- Nowakowski W.* Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum // *Polen*. Bd. 1. Masuren. Warszawa, 2001.
- Okulicz-Kozarin J.* Ett kulturcentrum vid Weichsels mynning under de första århundradena av vår tideräkning // *Folkvandrings-och äldremedeltida symposiet i Lidköping 1992*. Lidköping, 1992.
- Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten // *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 57. Mainz, 1977.
- Ondrouch V.* Bohaté hroby z doby rímskej na Slovensku. Bratislava, 1957.
- Petersen E.* Neue wandalische Grabfunde aus dem 2.–4. Jahrh. n. Chr. // *Altschlesien*. Bd. 4. Breslau, 1934.
- Pietrzak M.* Pruszcz Gdański // *Monumenta Archaeologica Barbarica* T. IV. Krakow, 1997.
- Raddatz K.* Fynske jernaldergrave II // *Offa*. Bd. 51. Neumünster, 1956 (1962).
- Raddatz K.* Der Thorsberger Moorfund. Katalog // *Offa-Bücher*. Bd. 65. Neumünster, 1987.
- Šarov O.* Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Marburg, 1994.
- Šarov O.* Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospur / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. *Kontakt–Kooperation–Konflikt*. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Neumünster, 2003.
- Schulz W.* Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin, 1953.
- Skvorzov K.* Das Gräberfeld der Römischen Kaiserzeit von Bol'šoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg) // *Offa*. Bd. 61/62. Neumünster, 2004/2005.
- Speidel M.P.* Exploratores. Mobile Elite Units of Roman Germany // *Roman Army Studies* II. *Mavors* 8. Stuttgart, 1992.
- Stenberger M.* Vorgeschichte Schwedens // *Nordische Vorzeit*. Bd. 4. Neumünster, 1977.

- Tejral J.* Zur Frage der germanische-sarmatischen kulturellen Beziehungen an der Wende von alteren zur jüngeren Kaiserzeit / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Neumünster, 2003.
- von Carnap-Bornheim C.* Zu "magischen" Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfunden / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrhundert nach Christus. Neumünster, 2003.
- von Carnap-Bornheim C., Ilkjær J.* Illerup Ådal. Bd 5. Die Prachtausrüstungen. Aarhus, 1996.
- Werner W.M.* Ein dakischer Trensenknebel aus Augsburg-Oberhausen // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 13. Mainz, 1983.
- Wojcik T.* Pomorskie formy bransolet wezowatych z okresu rzymskiego // Materiały Zachodniopomorskie. T. XXIV. Warszawa, 1978.

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ АЛАН КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ В I тыс. н.э.

© 2012 г. Д.С. Коробов*, А.В. Борисов**

*Институт археологии РАН, Москва (dKorobov@mail.ru)

**Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино

Ключевые слова: *Кисловодская котловина, аланы, земледелие, раннее средневековье, линчеты, кельтские поля.*

The investigations conducted by the authors in the Kislovodsk basin in 2005–2010 have shown that in the 1st millennium AD the Alanic population used two types of agricultural plots: long narrow ploughable terraces on smooth slopes and small rectangular or square plots with low stone walls as boundaries (types 2 and 3 of agricultural plots in the Kislovodsk basin). Analogies of such agricultural plots can be found in Europe (so-called lynchets and Celtic fields). The authors are of the opinion that the first type of agricultural plot could have existed in the first half of the 1st millennium AD or in the 10th–12th cc., and the second – in the 5th–8th cc. Instead of being an indicator of regression, the fact that in the middle of the 1st millennium AD the tools used for tillage became more primitive and the technologies of land farming became simpler appears to indicate how the population adapted to the new landscape.

Характеризуя в 1969 г. некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии, выдающийся исследователь земледелия Ю.А. Краснов писал о перспективности изучения систем и методов древнего земледелия по следам полей, несущих информацию о типах орудий и способах обработки почвы. При этом он с сожалением констатировал, что, за исключением Сибири и Средней Азии, на большей части территории нашей страны подобные следы в силу объективных причин вряд ли могут быть обнаружены. Открытия следов древних полей автор ожидал в некоторых районах Прибалтики (Краснов, 1969. С. 67).

За прошедшие 40 лет с момента выхода упомянутой статьи были накоплены новые знания о древних и средневековых земледельческих угодьях на территории бывшего СССР. Прежде всего, продолжается изучение следов древних земельных наделов в окрестностях античных поселений Крыма и Таманского п-ва (Горлов, Лопанов, 1995; Паромов, 2000; Carter et al., 2000; Гарбузов, 2003), для чего исследователями активно применяются данные дистанционного зондирования Земли. Как и предполагал Ю.А. Краснов, в последние десятилетия на территории Прибалтики были найдены следы пахотных наделов эпохи раннего железного века, имеющие аналогии в скандинавской археологии (Lang, 1994). В лесной зоне Европейской части России также активно ведется поиск древних и средневековых пахотных наделов, форма которых не прослежива-

ется на современной дневной поверхности. В этом случае удастся обнаружить пахотные горизонты в ходе археологических раскопок и палеоботанических исследований (Александровский, Кренке, 1995; Гунова и др., 1996; Алешинская и др., 2008). Вероятно, здесь можно ожидать появления новой информации о формах земельных наделов по аналогии с залесенными территориями Центральной Европы, где под заповедными лесами сохранились в неприкосновенности пахотные угодья эпохи средневековья. С этой целью зарубежными коллегами применяются современные технологии топографического лазерного сканирования местности LIDAR (Зитлер и др., 2008).

В связи с поиском агроландшафтов, не потревоженных поздним антропогенным воздействием, особое значение имеет изучение окрестностей Кисловодска. Здесь как в своеобразном заповеднике сохранились в неприкосновенности многочисленные следы человеческой деятельности в виде поселенческих памятников разных видов, а также сопровождающие их участки земледелия. Исследователи неоднократно обращали внимание, прежде всего, на следы террасирования, повсеместно встречающиеся в Кисловодской котловине, которые связывали с деятельностью аланских племен эпохи раннего средневековья (Аржанцева и др., 1998; Афанасьев и др., 2002; 2004. С. 69–78; Афанасьев, Коробов, 2008) или с сельскохозяйственной активностью на-



1



2



3

Рис. 1. Выделенные типы сельскохозяйственных наделов Кисловодской котловины. 1 – террасы 1-го типа; 2 – террасы 2-го типа; 3 – участки с межевыми стенками.

селения майкопской культуры (Скрипникова, 2004; 2007. С. 40).

Для решения вопроса о времени возникновения и степени воздействия террасирования на почвы и ландшафты Кисловодской котловины нами были начаты новые комплексные почвенно-археологические исследования. В результате удалось выделить основные типы сельскохозяйственных угодий, функционировавших в этом регионе в разное время: 1) нерегулярные одиночные, двойные или тройные крупные террасы с высокими откосами на крутых склонах (рис. 1, 1); 2) каскады из длинных невысоких террас на более пологих склонах (рис. 1, 2); 3) выложенные мысовые участки с небольшими наделами правильной формы, разграниченными межевыми стенками (рис. 1, 3). Эта первичная классификация послужила основой для дальнейших ис-

следований древнего и средневекового земледелия Кисловодской котловины.

Один из способов решения вопроса о времени возникновения и использования сельскохозяйственных наделов разных видов – изучение пространственной приуроченности угодий к поселенческим памятникам разных эпох. Для этого можно применять методы геоинформатики. Нами было проведено картографирование описанных выше видов наделов при помощи аэрофотосъемки. С помощью пакета программ обработки изображений Leica Geosystems ERDAS Imaging 9.3 было проанализировано около 500 снимков, сделанных в 1970–1975 гг.¹

Пространственная привязка и стереоанализ аэрофотоснимков позволили впервые создать геоинформационную систему участков террасного земледелия Кисловодской котловины. В результате было осуществлено картографирование всех видимых на аэрофотосъемке следов террасирования с разделением их на два типа террас. По материалам аэрофотосъемки был выделен 131 участок террас 1-го типа общей площадью более 635 га и 90 участков террас 2-го типа площадью более 688 га (рис. 2А, Б, 3). Результаты картографирования террас разных типов заложили основу для их дальнейшего анализа методами ГИС.

Построенные в ходе анализа карты с очевидностью говорят о том, что ареалы террас разных типов не совпадают. Террасы 1-го типа (рис. 1, 1) распределяются более или менее равномерно по долинам рек Аликоновка, Березовая, Кабардинка и Сухая Ольховка, занимая центральную часть Кисловодской котловины на высотах от 900 до 1500 м (в зоне залегания плодородных горных черноземов), на что уже неоднократно обращали внимание исследователи (Афанасьев и др., 2002. С. 75; 2004. С. 80). Имеется небольшое количество подобных террас в нижнем течении Эшкакона и на левом берегу Кич-Малки. Ареал террасирования 1-го типа достигает по площади 129 км², а по периметру – 69 км.

Террасы 2-го типа (рис. 1, 2) обнаруживаются на ограниченных территориях по обоим берегам Эшкакона в его нижнем течении, а также на Теплушке и Перепрыжке, и в небольшом количестве – на правом берегу Подкумка напротив современного селения Первомайское. Отдельные небольшие участки подобных террас можно встретить в боковых балках Аликоновки, Березовой, Сухой Ольховки, а также на правом берегу Подкумка ниже впадения

¹ Использована демонстрационная версия программы, которая была получена Г.Е. Афанасьевым и любезно предоставлена нам для апробации.

в него указанных рек. Следует отметить, что террасы 2-го типа сохраняются хуже, поскольку занимают пологие склоны нижних участков холмов, где происходит накопление эрозионного материала и сглаживание рельефа. Кроме того, эти участки активно распахивались в советское время. Ареал максимальной плотности террас 2-го типа приходится на нижнее течение Эшкакона в месте впадения его в Подкумок и составляет около 49 км² по площади и 34.5 км по периметру.

Третий тип сельскохозяйственных угодий, открытых нами в Кисловодской котловине, представлен прямоугольными полями с межевыми стенками (рис. 1, 3). Такие поля всегда располагаются в нижней части склона в зоне минимальной эрозии, на выходах известняка. Площадь их невелика – от 0.03 до 0.5 га; межевые стенки сложены из камней, которые, по-видимому, находились в пахотном слое и затрудняли обработку почвы. В том случае, если данные поля располагаются на суглинистых отложениях, межевые стенки не сохраняются. Третий тип сельскохозяйственных угодий практически не виден на имеющихся аэрофотоснимках (требуется аэрофотосъемка с более низких высот), поэтому их обнаружение возможно только при визуальном осмотре территории при благоприятном освещении. В настоящий момент изучены три участка подобных следов межевания в долинах Кич-Малки, Березовой и Аликоновки (Борисов, Коробов, 2009. С. 28, 30. Рис. 2, 4; 6); еще один распознается на аэрофотоснимках у подножия холма, занятого укреплением Подкумское б на окраине пос. Терезе (рис. 3, 3).

Сопоставление ареалов террасирования Кисловодской котловины с расположением обнаруженных здесь 13 поселений майкопской культуры (рис. 2А, 1) не позволяет согласиться с утверждением о высокой плотности сельскохозяйственного населения эпохи раннего бронзового века и приуроченности практически всех террас к поселениям IV–II тыс. до н.э., сделанным М.И. Скрипниковой (2004. С. 183). Очевидно, что численность населения в Кисловодской котловине в эту эпоху была несопоставимо меньше численности населения последующих периодов. Вряд ли стоит предполагать, что авторами подобных колоссальных преобразований ландшафта были носители майкопской культурной традиции.

Гораздо более обоснованным выглядит сопоставление ареала террас 1-го типа с поселенческими памятниками кобанской культуры (рис. 2А, 2). Они практически отсутствуют в нижнем течении Эшкакона, где в небольшом количестве присутствуют террасы 1-го типа, что может объясняться

худшей степенью изученности данного микрорегиона. Очевидно также несовпадение в пространстве зон распространения кобанских поселений и террас 2-го типа, что вряд ли можно рассматривать как случайность.

Повсеместное бытование аланских укреплений эпохи раннего средневековья с очевидностью совпадает с зонами распространения террас обоих типов и может объясняться их присутствием на данной территории (рис. 2Б, 3). Выделение сельскохозяйственных угодий эпохи раннего средневековья должно опираться на результаты полевых почвенно-археологических исследований.

Подобные исследования были проведены нами в течение 2005–2011 гг. в долинах р. Аликоновка, Кабардинка, Сухая Ольховка, Кич-Малка и Перепрыжка. Они включали в себя картирование видимых контуров террас и межевых стенок с помощью приемников глобального спутникового позиционирования (GPS) и инструментальной топоъемки современной поверхности. В наиболее информативных участках закладывались полнопрофильные почвенные разрезы и зондажи. Большое внимание уделялось археологическому материалу, обнаруживаемому в разрезах, – прежде всего керамике. Нам представляется, что данный вид находок – это основной датирующий материал для определения времени возникновения и существования сельскохозяйственных угодий, поскольку очевидно попадание керамических фрагментов в культивируемую почву вместе с органическими удобрениями с территории близлежащих поселений (Wilkinson, 1989).

В процессе полевых работ на разных видах сельскохозяйственных участков было заложено более 190 полнопрофильных разрезов и зондажей (рис. 2Б, 4), в которых найдено около 3 тыс. фрагментов керамики. В результате проведенных полевых исследований высказано предположение о том, что наиболее масштабное сельскохозяйственное освоение ландшафтов региона вплоть до террасирования склонов крутизной свыше 30°, на которых создавались террасы первого вида, осуществлялось в эпоху позднего бронзового – раннего железного века носителями кобанской культуры (Борисов, Коробов, 2009. С. 31, 32). Развернутая аргументация данной гипотезы приведена в специальной работе, посвященной земледелию Кисловодской котловины этой эпохи (Коробов, Борисов, 2011).

В данной статье мы остановимся на 2 и 3-м типах земельных угодий окрестностей Кисловодска: рассмотрим каскады из длинных невысоких террас и участки правильной формы с видимыми на поверхности межевыми границами и попытаемся

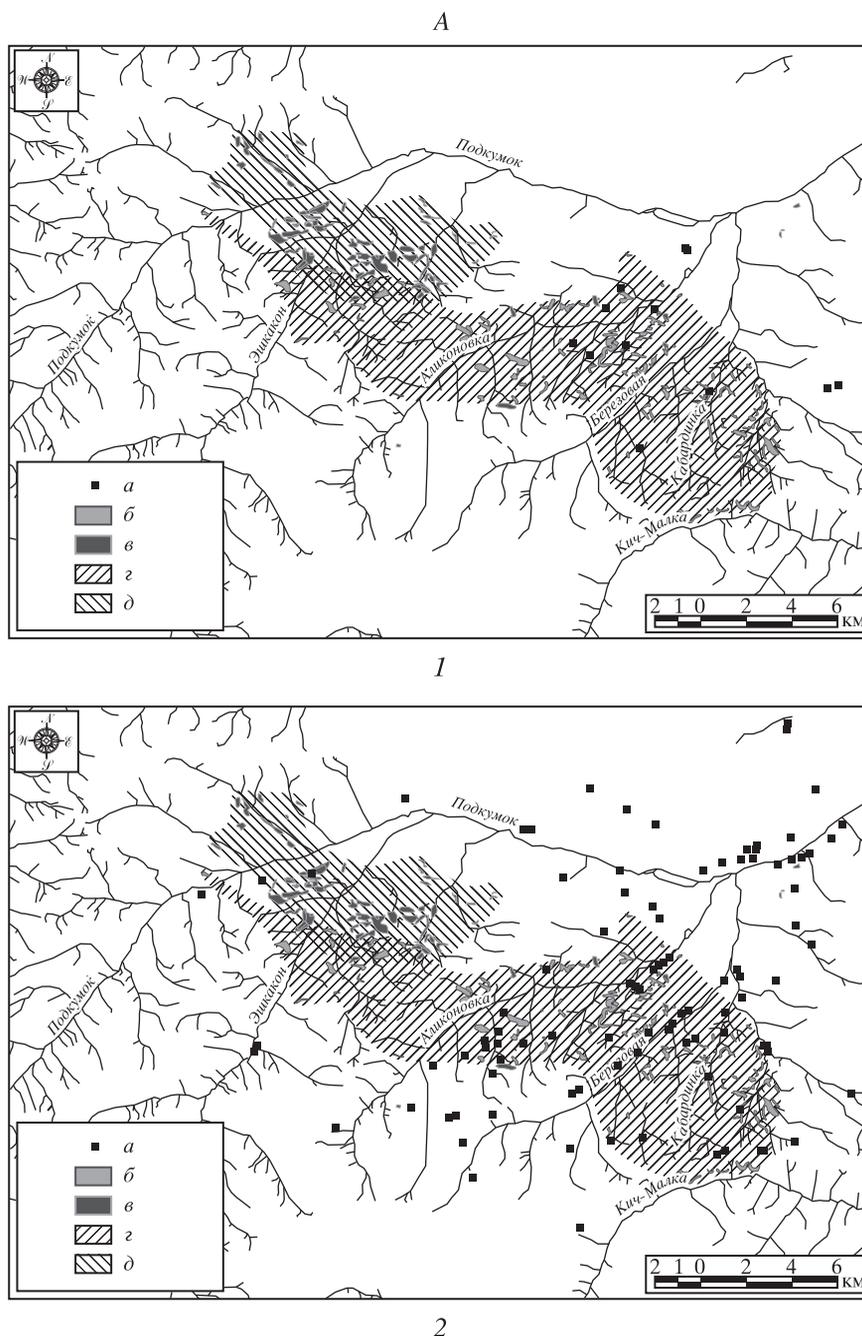


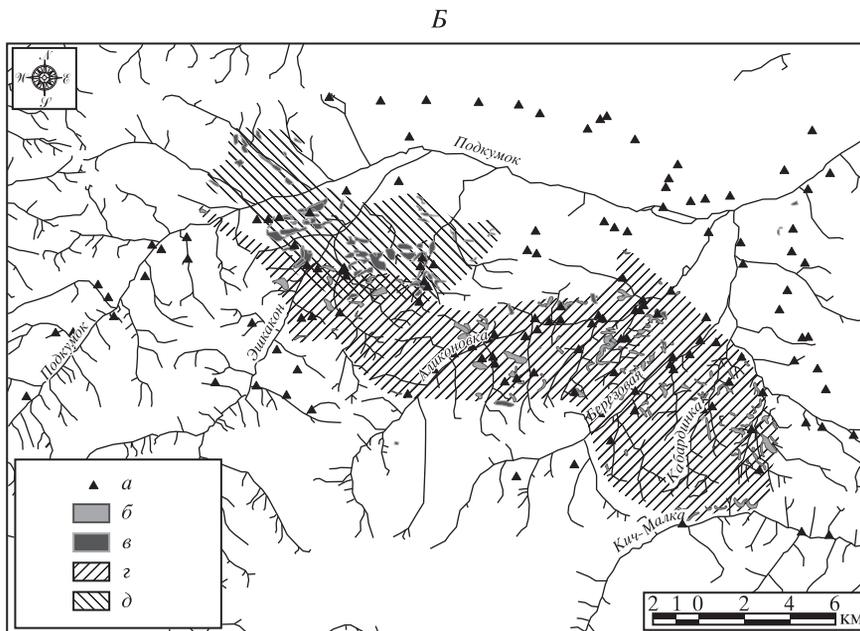
Рис. 2. Карты. А – распределение террас разных типов и поселений майкопской (1) и кобанской (2) культур. Условные обозначения: а – поселения; б – террасы 1-го типа; в – террасы 2-го типа; з – ареал террасирования 1-го типа; д – ареал террасирования 2-го типа.

установить, с какой археологической эпохой они связаны.

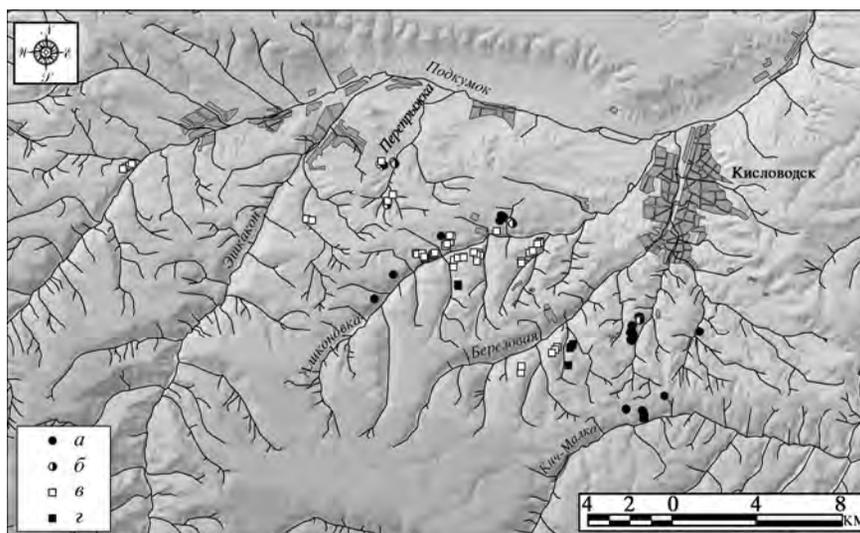
Для изучения террасных полей 2-го типа выбрано несколько ключевых участков в долине р. Перепрыжка. Данный выбор неслучаен: первые следы террасирования, сопровождающие небольшую агломерацию укрепленных поселений I тыс. н.э., были обнаружены одним из авторов данной работы еще в 1998 г. (Коробов, 2001. С. 52–54). Почвенно-археологические

исследования в этом микрорегионе проводились в 2006 и 2010 гг. Основные результаты получены в 2010 г. на ключевых участках “Левый берег р. Перепрыжки” (разрезы Б-282–Б-285) и “Правый берег р. Перепрыжки” (разрезы Б-286–Б-290).

Ключевые участки представляют собой каскады из террас, находящихся на пологом склоне крутизной около 5° (рис. 1, 2; 4, 2). Наделье располагается вблизи от укрепленных поселений Воровские Бал-



3



4

Рис. 2 (окончание). Б: 3 – распределение террас разных типов и укреплений аланской культуры. Условные обозначения: *a* – поселения; *б* – террасы 1-го типа; *в* – террасы 2-го типа; *z* – ареал террасирования 1-го типа; *д* – ареал террасирования 2-го типа. 4 – местонахождения почвенных разрезов 2005–2010 гг. Условные обозначения: *a* – разрезы на террасах 1-го типа; *б* – разрезы на террасах 2-го типа; *в* – разрезы на выположенных участках; *z* – разрезы на участках с межевыми стенками.

ки 1, 2 и 5 (рис. 3, 1; 2; 4, 1; 5). С помощью GPS-съёмки картографировано 36 террас общей площадью 7.7 га. Следует отметить высокую точность проведенного дешифрирования аэрофотосъёмки: границы картографированных с помощью GPS отдельных террасных полотен практически полностью вписываются в ареал террасирования, обозначенный в ходе обработки данных дистанционного зондирования (рис. 4, 1; 5).

Полотна террас представляют собой наделы длиной от 100 до 450 м и шириной в среднем около 10. Высота откоса террас – около 1.5 и не превышает 2 м. Наделы повторяют рельеф местности, некоторые из них имеют явно выраженный плавный изгиб на окончаниях террас (рис. 3, 1Б, 2Б; 4, 1; 5).

На данном террасном комплексе заложена серия почвенных разрезов, вскрывших две разновременные окультуренные погребенные почвы.

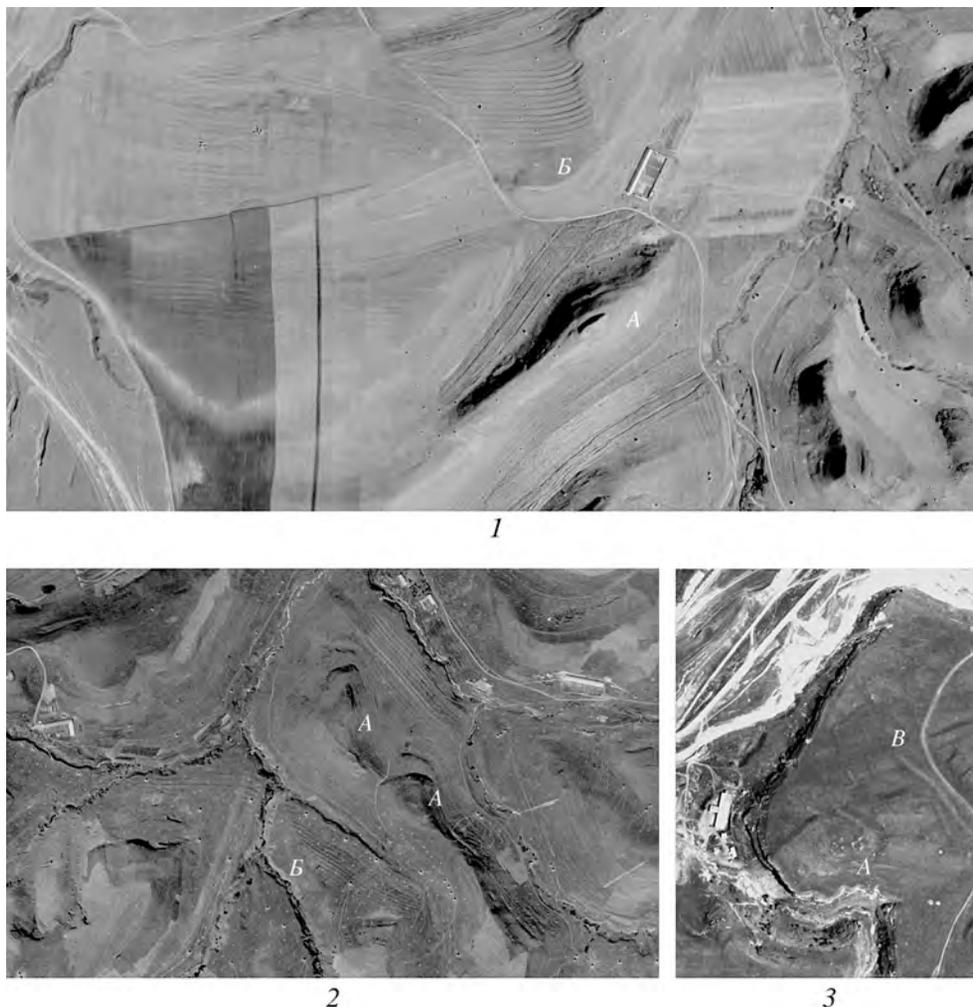


Рис. 3. Изучаемые типы земельных участков на аэрофотоснимках. 1 – ключевой участок “Правый берег р. Перепрыжки 1”; 2 – ключевой участок “Левый берег р. Перепрыжки 2”; 3 – окрестности укрепления Подкумское 6. А – укрепленные поселения; В – земельные участки террасирования 2-го типа; В – участки с межевыми стенками.

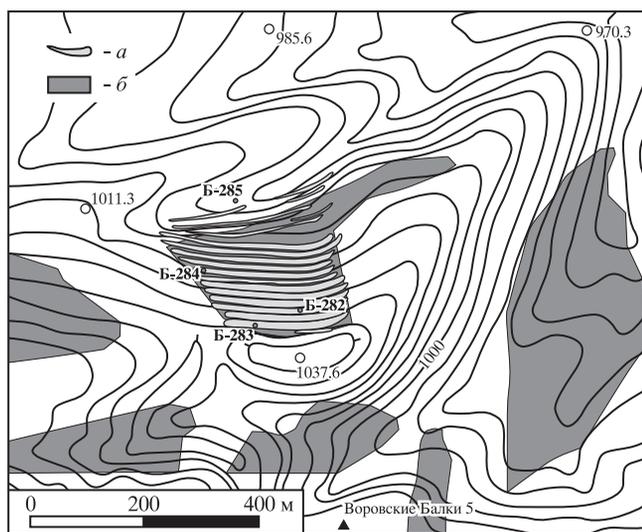
Непосредственно на материке, представленном известковистым песчаником, залегает темноцветная эродированная почва, которая осваивалась в позднем бронзовом – раннем железном веке, на что указывает большое количество кобанской керамики во всех слоях. Вероятно, в данный период участок был террасирован. В посткобанское время в результате активизации эрозионных процессов все следы террасирования были уничтожены, поверхность выровнена и покрыта слоем делювия. Подобный сценарий описан для террас 1-го типа (Борисов, Коробов, 2009. С. 33; Коробов, Борисов, 2011. С. 51). В результате данных процессов в первые века н.э. территория представляла собой ровный, без каких-либо следов террасирования склон, на котором в отдельных местах сохранилась погребенная почва кобанского времени, покрытая чехлом гумусированного делювия (рис. 6, 1). Возможно, этот слой

перекрывался слоем менее гумусированного материкового делювия.

В последующий период на склоне были нарезаны террасы 2-го типа, при этом сами террасы нарезались в слое делювия и, частично, в слое погребенной почвы кобанского времени (рис. 6, 2). В результате профиль почвы приобрел тот вид, который сохранился до настоящего времени (рис. 6, 3). Характер залегания слоя погребенной почвы кобанского времени позволяет предполагать, что исходно эта почва покрывала весь склон равномерным чехлом, а наблюдаемое в настоящее время уменьшение мощности в верхней части террасы связано с припахиванием погребенной почвы в более поздние периоды. При этом формирование слоя второй пахотной почвы происходило одновременно с накоплением делювиального материала, чем и вызвана более светлая окраска горизонта АВ (рис. 6, 3z).

Обнаруженные в почвенных разрезах на р. Перепрыжка фрагменты керамики относятся к разным периодам: найдено около 200 фрагментов керамики кобанской культуры предскифского этапа (IX–VI вв. до н.э.) (рис. 7, 1, 2, 5–7) и 57 фрагментов I тыс. н.э. (рис. 7, 3, 4, 9–12). Еще 33 фрагмента не атрибутируются в настоящий момент.

Керамика I тыс. н.э., найденная в разрезах, аналогична фрагментам, происходящим из шурфов, заложенных на площадках близлежащих укреплений Воровские Балки 2 и 5, где обнаружено более 150 фрагментов, подавляющее большинство которых также может предварительно датироваться в пределах I тыс. н.э. (рис. 7, 13–17, 19). Изредка попадает керамика кобанской культуры (4 фрагмента). В Киевской лаборатории был установлен радиоуглеродный возраст найденной под каменным завалом



1



2

Рис. 4. Участки террасирования 2-го типа. 1 – план ключевого участка “Правый берег р. Перепрыжки 1”. Условные обозначения: *a* – границы террас, нанесенные с помощью GPS; *b* – границы ареала террасирования по аэрофотоъемке. 2 – вид на ключевой участок “Левый берег р. Перепрыжки 2” с севера.

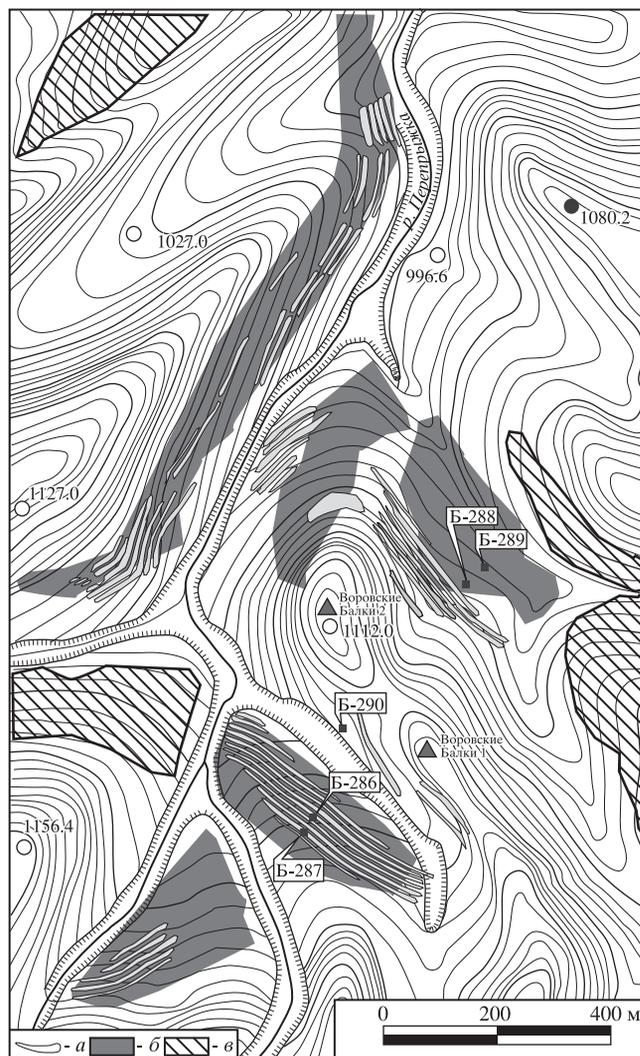


Рис. 5. План ключевого участка “Левый берег р. Перепрыжки 2”. Условные обозначения: *a* – границы террас, нанесенные с помощью GPS; *b* – границы ареала террасирования по аэрофотоъемке; *v* – границы ареала террасирования по аэрофотоъемке, где не проводились визуальные наблюдения.

в шурфе на площадке укрепления Воровские Балки 5 кости животного (Кі-16940) – 250–300 г. н.э. (68.2% вероятности) или 230–540 г. н.э. (95.4%). Полученная радиоуглеродная дата для обнаруженной там же керамики (Кі-16943) имеет больший разброс в датировке: 40 г. до н.э. – 220 г. н.э. (68.2%) или 200 г. до н.э. – 350 г. н.э. (95.4%).

Таким образом, представляется очевидной приуроченность террас 2-го типа к небольшим укрепленным поселениям, существовавшим в первой половине I тыс. н.э., скорее всего в III–IV вв. Если эта датировка подтвердится в ходе дальнейших исследований, можно будет обоснованно отнести данные укрепления к первым памятникам аланской культуры, возникшим в Кисловодской котловине

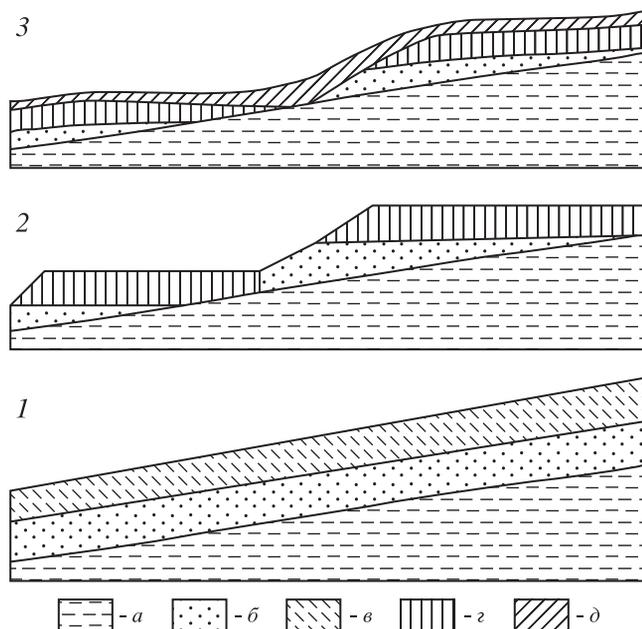


Рис. 6. Схема почвенного профиля разреза Б-286 и реконструкция эволюции почвы. 1 – состояние в посткобанское время; 2 – состояние на момент освоения в эпоху раннего средневековья; 3 – современное состояние. Условные обозначения: а – материк; б – погребенная почва кобанского времени; в – делювиальный нанос; з – пахотный слой раннего средневековья; д – гумусовый горизонт современной почвы.

накануне гуннского нашествия. Примечательно, что подобные укрепления концентрируются в месте впадения р. Эшкакон в Подкумок, где как раз наблюдается высокая плотность нахождения террас 2-го типа. То, что эти террасы сопровождают аланские укрепления данного микрорегиона, уже отмечалось исследователями (Афанасьев и др., 2002. С. 69–71; 2004. С. 71–74). Здесь же были обнаружены подкурганские катакомбные захоронения II–IV вв., отнесенные к аланскому населению (Алексеева, 1966. С. 139–143, 158–167).

Каким образом могли появиться террасные наделы 2-го типа? В зарубежной литературе на этот счет есть обоснованное мнение, что данный вид земельных угодий возникает в ходе распашки с применением отвальных орудий обработки земли (плуга или рала с отвальной доской). Террасные поля 2-го типа находят свои многочисленные аналогии на территории Великобритании, Франции, Южной Германии и других стран (Whittington, 1962. P. 115, 127, 128). Для обозначения подобного вида земляных наделов с 1920-х годов в англоязычной литературе используется термин “линчеты” (англ. *lynchets*, *strip lynchets*; нем. *Ackerterrassen*, *Streifenfluren*; франц. *rideaux*) (Whittington, 1967. P. 105), который можно наиболее адекватно переводить как “пахотные террасы”. Само появление данного термина подчерки-

вает способ возникновения подобных земельных наделов – формирование террасных ступеней в процессе длительной распашки с отвалом в одном направлении (вниз по склону) (Raistrick, Chapman, 1929. P. 173; Wood, 1961. P. 453; O’Connor, Evans, 2005. P. 241).

Существуют разные мнения по поводу датировки подобных пахотных террас. Основная точка зрения базируется на утверждении о позднем появлении отвальных пахотных орудий в Европе и соответственно о возникновении линчетов на рубеже I–II тыс. н.э. При этом авторами подчеркивается типологическая близость пахотных террас с другим видом подобных угодий – открытыми полями в виде гряд и борозд (англ. *ridge and furrow*, нем. *Wölbäker*, *Hochäker*), которые традиционно датируются эпохой развитого и позднего средневековья (Raistrick, Chapman, 1929. P. 181; Curwen, 1946.

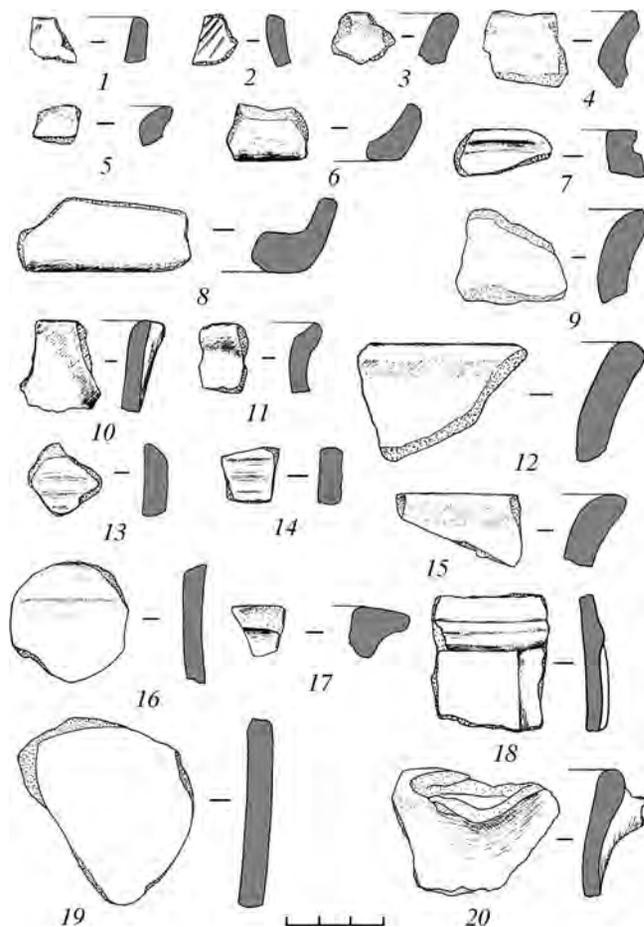


Рис. 7. Находки керамики из почвенных разрезов и шурфов в Воровских Балках (1–17, 19) и балке Зубчихинской (18, 20). 1, 4 – разрез Б-283; 2 – разрез Б-285; 3 – разрез Б-282; 5, 6, 9–11 – разрез Б-286; 7 – разрез Б-288; 8 – разрез Б-286/1; 12 – разрез Б-289; 13, 14, 16 – укрепление Воровские Балки 2, шурф 2; 15, 17, 19 – укрепление Воровские Балки 5, шурф 1; 18 – разрез Б-270; 20 – подъемный материал.

P. 49, 63, 70; Taylor, 1966. P. 279, 280; Fowler, Evans, 1967. P. 295; Hall, 1994. P. 99; Fowler, 2002. P. 196, 197). Фактически линчеты – те же гряды, только устроенные на пологих склонах (Wood, 1961. P. 453).

Однако имеются аргументы в пользу более ранних датировок некоторых пахотных террас в Великобритании и Южной Германии. Многочисленные находки керамики римского времени в пахотных слоях раскопанных террас, а также сам факт возможности существования пахотных орудий с отвальным механизмом на широкой европейской территории в эпоху поздней империи говорит в пользу подобного предположения (Whittington, 1962. P. 120; Bradley, 1978. P. 267; Müller-Wille, 1979. S. 213; Fowler, 1983. P. 177; Fries, 1995. P. 134, 152).

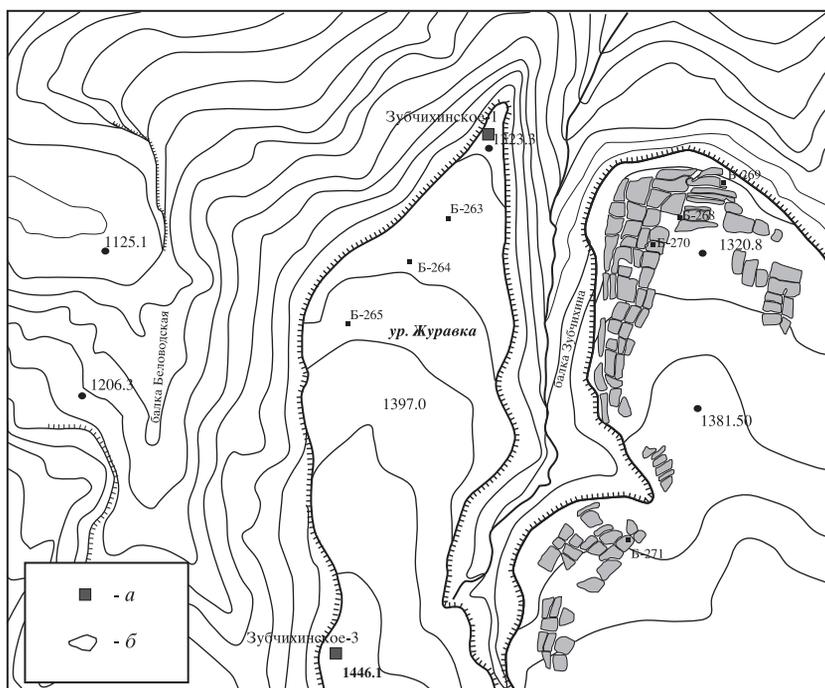
Можно поставить вопрос о существовании аналогичной технологии создания земельных наделов у аланского населения Кисловодской котловины в первой половине I тыс. н.э. В отечественной историографии имеется устоявшаяся точка зрения о позднем появлении плугов и других отвальных пахотных орудий на территории нашей страны (Краснов, 1971; 1979; 1987. С. 160, 161; Чернецов, 1972), которая не допускает подобного предположения. Однако сам факт широкого ареала террасирования, возникшего путем направленной распашки пологих склонов с помощью тяжелых пахотных орудий, не оставляет сомнения в существовании подобных орудий у алан. Логично было бы предположить, что такие орудия возникают в X–XII вв., что уже было сделано предшественниками по археологическим находкам (Минаева, 1960. С. 270, 271; Кузнецов, 1971. С. 54). В пользу такой датировки говорит также тот факт, что практически все обнаруженные на аэрофотосъемке пахотные террасы 2-го типа располагаются в ближайших окрестностях крупнейших поселений котловины X–XII вв. – городищ Рим-Гора и Уллу-Дорбунла (Афанасьев и др., 2002. С. 67, 68, 70, 71). Однако при проведенных нами почвенно-археологических исследованиях в пахотных слоях террас фрагменты керамики этого времени не обнаружены. Впрочем, не исключено, что в данную эпоху существовали другие методы внесения удобрений в пахотные наделы, при которых керамика с поселений не попадала в большом количестве на обрабатываемые поля. В пользу этого предположения говорит малочисленность находок керамики в разрезах, заложенных в 2011 г. в потенциальной пахотной зоне двух упомянутых выше крупнейших городищ X–XII вв. – Рим-Гора и Уллу-Дорбунла. Таким образом, время создания и функционирования земледельческих угодий в виде террас 2-го типа требует уточнения.

О возможности существования тяжелых пахотных орудий у алан на раннем этапе их истории говорит высокая концентрация населения на крупных городищах, расположенных на границе степи и предгорной зоны (Габуев, Малашев, 2009. С. 144, 145, 161, 162), в ареале тяжелых для обработки черноземов. Аналогичная аргументация в пользу возможности существования плуга или других отвальных механизмов для обработки земли у носителей синхронной ранним аланам черняховской культуры приведена в работе Г.Ф. Никитиной (2006), которая полемизирует с Ю.А. Красновым (1971). Существование отвальных пахотных орудий с упряжкой из нескольких пар волов или быков косвенно подтверждается самой формой террасных наделов, имеющей слабо выраженный S-видный изгиб на концах, в месте разворота упряжки и пахотного орудия (Wood, 1961. P. 449; Hall, 1994. P. 94), а также высокая концентрация костей крупного рогатого скота на памятниках ранних алан в регионе (Березин, Швырева, 2007. С. 209, 216). Разумеется, окончательный ответ на вопрос о времени возникновения и существования пахотных террас Кисловодской котловины будет дан после находок самих пахотных орудий, когда таковые будут обнаружены в изучаемом регионе.

Обратимся теперь к 3-му типу участков земли, выявленному в Кисловодской котловине: полям в виде прямоугольных наделов, ограниченных межевыми стенками из собранных в процессе обработки почвы камней. Как уже упоминалось выше, подобные наделы с трудом распознаются на аэрофотоснимках (рис. 3, 3), но при благоприятном освещении могут быть зафиксированы в процессе полевых работ. В настоящий момент картографированы три участка подобных наделов: в долине р. Кич-Малка (Борисов, Коробов, 2009. Рис. 2, 4; 6), в Медовой балке р. Аликоновка и возле поселений в балке Зубчихина на р. Березовая (рис. 2Б, 4). Однако в ходе рекогносцировочных работ такие наделы отмечались возле нескольких укреплений эпохи раннего средневековья, расположенных в верхнем течении Аликоновки, Эшкакона и Подкумка.

Наиболее изучены на сегодняшний день угодья на левом берегу Зубчихинской балки (рис. 8), где картографированы 106 наделов правильной геометрической формы общей площадью 16,7 га. Площадь участков варьирует от 360 до 4880 м², однако большинство имеет площадь в пределах 0,1–0,3 га (81 из 106). На участках и межевых стенках сделаны почвенные разрезы Б-269–Б-271 (рис. 8, 1), в которых обнаружена керамика V–VIII вв. (рис. 7, 18, 20).

Выделенные в 3-й тип земледельческих угодий Кисловодской котловины поля правильной формы



1



2

Рис. 8. Наделы с межевыми стенками в Зубчихинской балке. 1 – план; 2 – вид с северо-востока. Условные обозначения: а – поселения и укрепления; б – границы наделов, картографированные с помощью GPS.

с межевыми стенками с высокой долей вероятности могут быть отнесены к эпохе раннего средневековья и, по-видимому, составляют основную форму наделов, сопровождающих укрепленные поселения алан V–VIII вв. Расположение этих наделов в зоне потенциальной хозяйственной деятельности аланского населения укрепления Зубчихинское 1 и поселения Зубчихинское 3 подтверждено компьютерным ГИС-моделированием (Коробов, 2010. Рис. 17), а также обнаруженными кисловодским краеведом К.М. Магомедовым участками древней дороги, связывающей эти поселения с межевыми наделами на противоположной стороне Зубчихинской балки (Коробов, в печати). Есть все осно-

вания предполагать, что в раннем средневековье подобного рода сельскохозяйственные угодья располагались вблизи каждого аланского укрепленного поселения. Полевые наблюдения подтверждают это предположение, так как практически всегда в пределах потенциальной земледельческой округи поселения в радиусе 1 км можно обнаружить выположенные участки склонов, где в почве будет найдено значительное количество керамики аланского времени. Однако если слой суглинистого делювия достаточно мощный и не содержит камней, выявить данные наделы с помощью анализа аэрофотоснимков и при визуальном осмотре территории не удастся.

Существуют многочисленные аналогии обнаруженным земельным участкам 3-го типа, которые можно найти в зарубежной литературе. Подобные земляные наделы впервые зафиксированы нидерландскими картографами в конце XVII в. Изучение аэрофотосъемки на территории Великобритании, Нидерландов, Северной Германии и Франции дали возможность О. Кроуфорду и Е. Карвену в 1920-е годы выделить их как особый вид пахотных наделов, который получил название “кельтские поля” (англ. *Celtic fields*, нем. *Kammerfluren*). Исследователи подчеркивали, что подобный термин не несет этнической окраски и обозначает лишь культурно-хронологические рамки существования полей с межевными границами в доримское время (Brongers, 1976. P. 18–24; Bradley, 1978. P. 267; Klamm, 1993. S. 9–16, 27; Fries, 1995. S. 16–19; Fries-Knoblach, 2001. S. 222–224).

В настоящее время о кельтских полях существует огромная литература, которая постоянно пополняется новыми исследованиями. Можно считать установленным характер возникновения полей в виде подквадратных и прямоугольных участков в процессе распашки наделов обыкновенным ралом, ведущейся в перекрестном направлении (Müller-Wille, 1965. S. 108–114; 1979. S. 208; Bradley, 1978. P. 267; Klamm, 1993. S. 101–108, 140–153; Fries, 1995. S. 122). Характерная особенность кельтских полей – небольшие размеры культивируемых наделов в пределах 0.1–0.3 га (Müller-Wille, 1965. S. 42; 1979. S. 198, 215; Bradley, 1978. P. 270). Объяснение этому явлению находится в трудозатратах, требуемых для распашки одного участка в течение одного рабочего дня пахарем, который использует простое рало и упряжку из двух волов или быков, а также в предполагаемой интенсивной системе земледельческого использования с ротацией возделываемых культур (Brongers, 1976. P. 69, 70; Bradley, 1978. P. 268, 270; Müller-Wille, 1979. S. 237).

Датировка пахотных наделов в виде кельтских полей различна для разных территорий. В большинстве случаев речь идет об эпохе позднего бронзового – раннего железного века (Brongers, 1976. P. 64; Müller-Wille, 1979. S. 221; Klamm, 1993. S. 81, 82). Иногда верхняя граница существования подобных наделов относится к римскому времени и к раннему средневековью (Müller-Wille, 1965. S. 68; Bradley, 1978. P. 275; Fries, 1995. S. 92, 93, 133, 134, 156; Fries-Knoblach, 2001. S. 241, 309, 310). Принципиальные условия для появления таких наделов – относительно легкие для обработки почвы и присутствие достаточно простых пахотных орудий без отвальных механизмов.

Очевидно, именно такие условия имелись у аланского населения Кисловодской котловины в середине I тыс. н.э. Для этого периода характерно равномерное расселение по всей территории котловины на небольших укрепленных поселениях (рис. 2Б, 3), представляющих собой патронимические поселки из нескольких семей (Афанасьев, 1978. С. 13), в ближайших окрестностях которых имеется достаточное количество ровных участков местности с плодородными и относительно легкими для возделывания почвами (Коробов, 2010). В пользу существования рала у алан в данное время говорит находка железного симметричного наральника, обнаруженного на поселении VIII–IX вв. Козьи Скалы близ Пятигорска (Кузнецов, Рудницкий, 1998. С. 297, 298, 300. Рис. 12, 5). Аргументом в пользу отнесения пахотных наделов с межевными границами к аланским укрепленным поселениям V–VIII вв. служит керамика, найденная в шурфах на укреплениях и в разрезах на участках земледелия, а также идентичный спектр культурных злаков, зафиксированный пока в единственном случае на укреплении Кич-Малка I и в разрезах на близлежащих наделах с межевными границами (определения Е.Ю. Лебедевой).

Подытоживая результаты наших исследований, следует отметить, что для аланского населения Кисловодской котловины I тыс. н.э. выделяются две формы земледельческих участков. Первая форма связана с возделыванием земли при помощи плуга или тяжелого рала с отвальной доской, а также упряжки из нескольких пар волов или быков. В результате использования подобной техники обработки почвы появляются пахотные наделы в виде длинных узких террас на пологих склонах – описанный выше 2-й тип земледельческих наделов Кисловодской котловины. Подобные террасы имеют аналоги в зарубежной литературе, где они называются линчетами. Мы предполагаем, что данная форма участков земледелия могла существовать у алан в первой половине I тыс. н.э. в процессе их проникновения в Кисловодскую котловину, где подобные террасы зафиксированы в основном в нижнем течении р. Эшкакон в месте его впадения в Подкумок. Однако не исключено, что такая обработка пахотных наделов практиковалась в более позднее время (X–XII вв.) жителями городищ Рим-Гора и Уллу-Дорбунла.

Вторая форма земельных участков представляет собой небольшие подквадратные и подпрямоугольные наделы с межевными границами в виде небольших каменных стенок. Подобные поля могли появиться в процессе использования обычного рала с упряжкой из двух волов или быков при распашке

в перекрестных направлениях. Очевидна приуроченность наделов с межевыми границами к укрепленным поселениям Кисловодской котловины V–VIII вв. К этому периоду следует предварительно относить обнаруженные наделы данной формы, которые имеют многочисленные аналогии в виде так называемых кельтских полей. Возникшая в середине I тыс. н.э. практика использования более примитивных орудий обработки почвы и более простых способов возделывания земли не свидетельствует о регрессе, а скорее отражает особенности расселения аланского населения в новых ландшафтных условиях.

Обнаруженные в окрестностях Кисловодска новые формы земледельческих участков имеют прямые европейские аналоги, что прослежено впервые в изучении средневекового земледелия нашей страны. Появление новых данных о земледелии северокавказских алан в I тыс. н.э. позволяет смотреть с большим оптимизмом на возможность выявления подобных или других по форме следов земледельческой активности на территории России, чем это представлялось Ю.А. Краснову более 40 лет тому назад.

Приносим искреннюю благодарность Г.Е. Афанасьеву за возможность апробации программы обработки изображений. Выражаем также глубокую благодарность директору ГУП «Наследие» А.Б. Белинскому и ведущему специалисту этого учреждения А.А. Довгалеву за предоставленные данные дистанционного зондирования, а также за техническое и методическое содействие, оказанное при их обработке. Выражаем также глубокую признательность С. Райнхольд за возможность использования преобразованных космоснимков CORONA при пространственной привязке некоторых аэрофотоснимков.

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 09-06-00018а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Кренке Н.А.* Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскowie // КСИА. 1995. Вып. 208.
- Алексеева Е.П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ ЯЛ. 1966. Вып. V.
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Макаров Н.А., Спиридонова Е.А.* Становление аграрного ландшафта Суздальского Ополья в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. 2008. № 1.
- Аржанцева И.А., Седов С.Н., Скрипникова М.И.* Аланские поселения I тыс. до н.э. Кисловодской котловины: палеоландшафтные реконструкции систем жизнеобеспечения // Юбилейные Междунар. XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Ставрополь, 1998.
- Афанасьев Г.Е.* Патронимия у алан (к постановке проблемы) // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978.
- Афанасьев Г.Е., Кислов А.В., Чернышёв А.В.* К проблеме террасного земледелия на Северном Кавказе (новые методические подходы) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. статей. Вып. 1, 2. М., 2002.
- Афанасьев Г.Е., Коробов Д.С.* Где же находилась житница аш-тигоров? // Древности Юга России. М., 2008.
- Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С.* Древности Кисловодской котловины. М., 2004.
- Березин Я.Б., Швырёва А.К.* Фауна поселения Энергетик II–IV вв. на Пятигорье (по данным раскопок 2001 г.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М., 2007.
- Борисов А.В., Коробов Д.С.* Изучение следов террасного земледелия в Кисловодской котловине // РА. 2009. № 3.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М., 2009.
- Гарбузов Г.П.* Структура древнего землеустройства Таманского п-ова // РА. 2003. № 3.
- Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А.* Древнейшая система мелиорации на Таманском п-ове // ВДИ. 1995. № 3.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А. и др.* Земледелие и системы землепользования в долине Москвареки в железном веке // РА. 1996. № 4.
- Зитлер Б., Купальянц Л., Басож Ф.* LIDAR как новый инструмент в изучении объектов культурного наследия. Потенциал и ограничения в распознавании микрорельефных структур при археологическом и ландшафтном обследовании // Археология и геоинформатика. Вып. 5. М., 2008 (CD-ROM).
- Коробов Д.С.* Некоторые итоги работ Кисловодского археологического отряда в 1996–1999 гг. // Практика и теория археологических исследований. М., 2001 (Тр. отдела охранных раскопок).
- Коробов Д.С.* ГИС-моделирование сельскохозяйственных угодий эпохи раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археология и геоинформатика. Вып. 6. М., 2010 (CD-ROM).
- Коробов Д.С.* Раннесредневековые поселения в Зубчихинской балке близ Кисловодска // Проблемы истории, филологии, культуры. В печати.
- Коробов Д.С., Борисов А.В.* О земледелии эпохи позднего бронзового–раннего железного века в Кисловодской котловине // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011.

- Краснов Ю.А.* Некоторые итоги и задачи изучения истории земледелия в советской археологии // КСИА. 1969. Вып. 118.
- Краснов Ю.А.* К вопросу о существовании плуга у племен черняховской культуры // КСИА. 1971. Вып. 128.
- Краснов Ю.А.* Средневековые плуги Восточной Европы // СА. 1979. № 4.
- Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987.
- Кузнецов В.А.* Алалия в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р.* Поселение “Козьи скалы” у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 1998.
- Минаева Т.М.* К истории земледелия на территории Ставрополя // Матер. по изучению Ставропольского края. Вып. 10. Ставрополь, 1960.
- Никитина Г.Ф.* Земледелие в черняховской культуре // РА. 2006. № 4.
- Паромов Я.М.* О земельных наделах античного времени на Таманском п-ове // Археологические вести. № 7. СПб., 2000.
- Скрипникова М.И.* Изучение древнего земледелия в горах Кавказа // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа, Москва, 15–19 марта 2004 г.): Тез. докл. М., 2004.
- Скрипникова М.И.* Рукотворные террасовые агроэкосистемы горных ландшафтов Евразии // Вестн. Алтайского гос. аграрного ун-та. 2007. № 10 (37).
- Чернецов А.В.* О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. 1972. № 3.
- Bradley R.* Prehistoric Field Systems in Britain and North-West Europe: a Review of Some Recent Work // World Archaeology. 1978. V. 9. № 3.
- Brongers J.A.* Air photography and celtic field research in the Netherlands. Amersfoort, 1976.
- Carter J.C., Crawford M., Lehman P. et al.* The Chora of Chersonesos in Crimea, Ukraine // American Jr. Archaeol. 2000. V. 104. № 4.
- Curwen E.C.* Plough and Pasture. L., 1946.
- Fowler P.G.* The Farming of Prehistoric Britain. Cambridge, 1983.
- Fowler P.* Farming in the First Millenium AD. Cambridge, 2002.
- Fowler P.J., Evans J.G.* Plough Marks, Lynchets and Early Fields // Antiquity. 1967. V. 41.
- Fries J.C.* Vor- und frühgeschichtliche Agrartechnik auf den Britischen Inseln und dem Kontinent. Eine vergleichende Studie. Internationale Archäologie. 26. Espelkamp, 1995.
- Fries-Knoblach J.* Celtic-field-Systeme bei Dorchester (Dorset, England) // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 80/1999. Mainz am Rhein, 2001.
- Hall D.* Ridge and Furrow in the English Midlands // The History of Soils and Field Systems. Aberdeen, 1994.
- Klamm M.* Aufbau und Entschtehung eisenzeitlicher Ackerfluren (“Celtic fields”). I: Stand der Forschung. Göttingen, 1993 (Göttinger Bodenkundliche Berichte; 102).
- Lang V.* Celtic and Baltic Fields in North Estonia. Fossil Field Systems of the Late Bronze Age and Pre-Roman Iron Age at Saha-Loo and Proosa // Acta Archaeologica. 1994. V. 65.
- Müller-Wille M.* Eisenzeitliche Fluren in den festländischen Nordseegebieten. Münster, 1965.
- Müller-Wille M.* Flursysteme der Bronze- und Eisenzeit in der Nordseegebieten. Zum Stand der Forschung über “celtic fields” // Untersuchungen zur eisenzeitlichen und frühmittelalterlichen Flur in Mitteleuropa und ihrer Nutzung. T. 1. Göttingen, 1979.
- O'Connor T., Evans J.G.* Environmental Archaeology: Principles and Methods. Stroud, 2005.
- Raistrick A., Chapman S.E.* The Lynchet Groups of Upper Wharfedale, Yorkshire // Antiquity. 1929. V. 3. Iss. 10.
- Taylor C.C.* Strip lynchets // Antiquity. 1966. V. 40.
- Whittington G.* The Distribution of Strip Lynchets // Transactions and Papers (Institute of British Geographers). 1962. № 31.
- Whittington G.* Towards a Terminology for Strip Lynchets // Agricultural History Review. 1967. V. 15. P. 2.
- Wilkinson T.J.* Extensive Sherd Scatters and Land-Use Intensity: Some Recent Results // Jr. Field Archaeol. 1989. V. 16. № 1.
- Wood P.D.* Strip Lynchets Reconsidered // The Geograph. Jr. 1961. V. 127. № 4.

ВЛИЯНИЕ КИТАЯ НА КУЛЬТУРУ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

© 2012 г. Е.Б. Баринаова

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва
(barinovaelena@rambler.ru)*

Ключевые слова: Китай, кочевые народы, Средняя Азия, Семиречье, Центральный Тянь-Шань, домонгольский, материальная культура, культурные контакты.

The influence of Chinese material culture in Central Asia was the key factor due to which sedentary settlements and certain crafts and building technologies appeared among the nomad peoples. The currently available data shows that whereas the nomads did import some of the ancient Chinese symbolical and mystical elements, they did not borrow the religious notions in their entirety. The strongest contacts of the Chinese civilization and the nomad peoples took place during the periods of Xiongnu dominance in Central Asia and the existence of the Kyrgyz state. East Asian influence on the material culture of Central Asian nomads was insignificant during the periods of weakening of the Chinese state and resistance against contacts with it on the part of Juan-Juan and Turkic peoples, the Uyghur Khaganate and Mongolian tribes.

Территория расселения древних кочевников Средней Азии простиралась от западных отрогов Алтая до Памира и от Семиречья до северной части Восточного Туркестана и стала единым ареалом в VIII–III вв. до н.э. в период господства здесь сакских племен.

К III в. до н.э. в Семиречье и Центральном Тянь-Шане сложились племенные союзы кочевников-скотоводов – усуней. Именно из Тянь-Шаня шло хуннское вторжение в Среднюю Азию. Тюрки Тянь-Шаня доходили на юго-востоке до китайской стены, а на западе до Дербентского прохода на Кавказе. Центральный Тянь-Шань был своеобразной сельской округой городов Чу и Таласа. Тянь-Шань через Фергану был связан с долиной Алая, а Чон-Алай и Каратегин связывали Восточный Туркестан с Тохаристаном. С одной стороны, местное население этого региона развивалось на основе собственных кочевых традиций, с другой – оно находилось на выгодных маршрутах торговых путей и миграций новых этнических групп. Все это послужило основой формирования специфической культуры, которая в целом не была похожа ни на китайскую, ни на согдийскую, ни на какую-либо другую, но впитала в себя элементы всех этих культур.

Во II в. до н.э. Китай, заинтересованный в налаживании торговли с Западом, отправляет в Семиречье военные экспедиции и послов, чтобы склонить на свою сторону воинственные племена кочевников.

Хотя пока нет прямых указаний на торговлю кочевников с Китаем, большинство импортного инвентаря найдено на памятниках, расположенных по торговому пути из Китая на Запад и в непосредственной близости от него. В курганах кочевников Семиречья найдены единичные экземпляры китайских монет, в то время как в могильниках хунну китайские монеты – частые находки. Известны сообщения китайских летописей, что хунны открывали торг на границах, об усунях же таких сообщений нет. Это не значит, однако, что они не торговали с Китаем. Правильней будет предположить, что основной формой торговли был обмен.

Степень влияния более высокой культуры на формирующийся или уже сложившийся этнос нужно оценивать в двух аспектах. Во-первых, объем и удельный вес импортных товаров в местных комплексах. Во-вторых, проникновение, адаптация и жизнеспособность инородных элементов (религиозных представлений, обрядов; новых отраслей ремесла, технологий производства, искусства, орнаментальных мотивов и т.д.) в местной среде.

На сегодняшний день большинство публикаций материалов экспедиций и исследований касается прежде всего изучения отдельных археологических памятников, типов предметов или культурных явлений на территории Центральной Азии. Наша задача – дать комплексный анализ влияния Китая на развитие материальной культуры кочевых народов этого региона в домонгольское время.

Китайские изделия на территории кочевых народов Средней Азии были обнаружены в XX в. при работе многих археологических экспедиций. Подробно эти сведения освещены в исследованиях советских и российских археологов. Анализ этих находок был прежде всего сделан отечественными учеными.

На территории Центрального Тянь-Шаня на северном берегу оз. Иссык-Куль в 1937 г. обнаружен ряд изделий из бронзы сакского времени (VI–V вв. до н.э.) – иссык-кульские жертвенники. Они представляют собой два жертвенных столика, скульптурное изображение лежащего яка, два светильника и два котла полусферической формы со слабовыраженной закраиной, под которой находились две вертикальные и две горизонтальные ручки, расположенные перпендикулярно друг другу. Такой тип котлов свойствен только Семиречью (Теплоухов, 1928). Важно, что аналогичные котлы сакрального типа скифского времени найдены и в северо-китайских комплексах (жертвенные котлы *дин*). Они приписываются хунну и датируются V–I вв. до н.э. (Egami, Mizino, 1950. P. 10, 11. Pl. XXIII–XXXIV). Более того, подобный тип котлов продолжал существовать и в более поздние периоды, причем они служили не для сакральных, а для бытовых целей. Изображение таких котлов известно в произведениях танского (618–907 гг.) времени (Бостонский музей), картины воспроизводят выезд принцессы Wenki в Монголию (Siren, 1934).

Есть и другие сходные черты между иссык-кульскими и китайскими сюжетами. Например, изображения на ножках котлов из алма-атинского музея и китайского бронзового жертвенника в коллекции Стоклэ (Брюссель). На стиге литых ножек иссык-кульских котлов – погрудные реалистические изображения архаров (*Ovis Poli*). На другом котле, на таких же ножках, внизу как бы втиснут невысокий рельеф тигра. Именно такая трактовка ножек присуща и китайскому жертвеннику, но на нем изображен леопард (Ashton, 1924. P. 1). Нижняя часть ножки третьего алма-атинского котла оканчивается простой лапой хищника с немногочисленными черточками. Аналогичные ножки в виде лап хищника встречаются у китайских чашеобразных столиков типа *P'an* эпохи Цзинь (III в. до н.э.) (Salles, 1937).

Явные аналогии между семиреченскими (шаманистско-зороастрийского культа) и китайскими сакральными предметами прослеживаются на примере жертвенников и светильников. В Семиречье найдено несколько жертвенников сакского времени в виде низких четырехугольных столиков на четырех ножках. Наиболее известны из них – “алма-атинский алтарь” и жертвенники из ущелья

Кырчин на Иссык-Куле. Они напоминают культовые предметы Древнего Китая, так называемые *фу*. Близкими аналогиями семиреченским жертвенным столам можно считать столик из бронзы эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) (Goloubev, 1930. P. 2), столики из Маньчжурии с изображением рыб из раскопок Ш. Шимада и К. Хамада (*Archaeologia Orientalis*, 1933. P. 6). На одном глиняном глазурованном столике-жертвеннике китайского происхождения эпохи Хань низ ножек стилизован под копыта животного (Ferguson, 1939). Интересные ассоциации вызывает скульптура на кырчинском (иссык-кульском) жертвеннике. Здесь сохранилось одно из восьми украшений, расположенных попарно у каждого угла жертвенника: это литые изображения лежащего быка-яка. У него большие широко расставленные рога, голова повернута вбок, ноги подогнуты. Бедрa яка украшены орнаментом в виде спирали, один конец которой вытянут, поза яка спокойная, изображение реалистичное, передающее очень точно позу отдыхающего животного. Близкие и одновременные аналогии можно проследить на серебряных предметах из Ноин-Улы (Северная Монголия), печатях из Сохи в Фергане. Примечательно, что аналогии встречаются и в древнекитайских нефритовых ритонах эпох Чжоу (1045–221 гг. до н.э.) и Хань (Hobson, Hetherington, 1923. P. 256), в танских статуэтках (Laufer, 1914. P. 168, 169) и в изделиях из нефрита, найденных в Китае юаньского времени (1271–1368 гг.). Сравнив сюжет кырчинского жертвенника с изображениями из коллекции Лу или с изображениями драконов на каменных барельефах из Шандуна, можно предположить, что это местное воспроизведение оригинала, происходящего из Китая и получившего распространение в Средней Азии. Этот мотив, широко распространенный на Востоке, вошел в искусство Средней Азии через металл, главным образом зеркала, где чаще присутствуют фантастические птицы, в частности, фениксы и другие изображения (Kümmel, 1930). Помимо аналогий, отмеченных в ханьскую эпоху, такие изображения известны и в памятниках вэйского (220–265 гг.) и суйского (581–618 гг.) Китая.

В одном из курганов в урочище Бурмачап в долинах р. Атбаш и Арпа вскрыто погребение хуннского времени I в. до н.э. – I–II вв. н.э., идентичное комплексу Кенкольского могильника (см. ниже). На костях погребенной также обнаружены остатки шелковой ткани.

В хуннском могильнике Кыз-Арт (раскопки 1949 г.) в катакомбах собран материал, отмечающий их раннее проникновение в Центральный Тянь-Шань. В кург. 9 на плечевой кости скелета сохранились фрагменты китайской ткани, а в кург. 10 –

обрывки китайского красного или синего шелка (Бернштам, 1951а. С. 141; 1952. С. 67).

На Аламышике – крупном разновременном могильнике на Тянь-Шане в Киргизии у г. Нарын (исследования 1949 г.), наиболее интересными оказались погребения тюркского времени VIII–IX вв. н.э. В кург. 102 у костяка ребенка на шее сохранились остатки ткани и бронзовая китайская монета с квадратным отверстием (диаметр – 2.3 см), относится к типу *сачжацянь* и датируется танским временем (Бернштам, 1951а. С. 143).

В районе Тянь-Шаня также была собрана коллекция китайских бронзовых зеркал того же времени, круглых блях и пряжек с прочерченным орнаментом в виде североманьчжурской астры. Первую группу составляет набор из 13 круглых малых блях, полых внутри с отверстием посередине и чеканным рисунком по внешней поверхности: на фоне малых листьев помещен четырехлепестковый цветок с отходящими в обе стороны длинными листьями, с жилкой посередине, как бы разделяющей их надвое. Такие “букеты” из маньчжурской астры расположены на поверхности симметрично (по два). Две бляхи более крупного размера имеют не по два, а по четыре букета. Было найдено еще несколько разновидностей блях с подобным орнаментом, выполненных в единой технике.

На территории Таласской долины в Кенкольском могильнике на севере Киргизии в кург. 3 с двойным (мужским и женским) захоронением обнаружено много шелковых тканей, а в кург. 5 найдены следы шелковой ткани с затканым геометрическим узором. Помимо них в этом могильнике обнаружено несколько китайских бронзовых зеркал (Кожомбердиев, 1963; Литвинский, 1978), два из которых – это массивные бронзовые зеркала классического “восьмиарочного типа” периода Западной Хань (202 г. до н.э. – 25 г. н.э.). Еще одно, датирующееся I–II вв. н.э., относится к разновидности этого типа. В углах восьмиугольной звезды – знак в виде квадрата с “усиками”, который чередуется со спиралькой. Внешнюю часть образуют пять концентрических желобков, отделенных рельефными прожилками. Вся эта полоса делится на сектора с помощью рельефных кружков. Далее следует пояс с зубцами и широкий, плоский, утолщающийся к краю бортик; край в виде скоса¹. Аналогичные

зеркала найдены в Пскентском, Ширинсайском, Вревском, Чанчарханском², Ворухском и Карабулакском могильниках. Еще одно зеркало – круглое со слегка выпуклым нешироким бортиком и боковой ручкой и маленьким отверстием в ней. Зеркало из кург. 18 отличается от предыдущих и относится к типу “стососковых” (*pai ju*) со слегка выпуклым ровным бортиком, в центре которого имеется ушко с ободком. На главном поле по всему кругу расположено 16 квадратных шишечек. Оно датируется рубежом н.э.

В Кенкольском могильнике были также обнаружены плетеные изделия, аналогичные найденным в Ворухском и Карабулакском некрополях. Такие же корзинки были широко распространены в Восточном Туркестане и Южном Китае в ханьское время (Баруздин, 1961. С. 60).

В могильнике около с. Петровка и Калининское обнаружено четыре куска бронзового китайского зеркала периода старших Хань. Центральная часть с пуговкой утрачена. В центре его – рельефное изображение дракона; на средней части – рисунок в технике высокого барельефа: сложное сплетение растительных мотивов (виноградная кисть и плетение лоз). Он окружен двумя орнаментальными круговыми поясами. По внутреннему поясу идет китайская иероглифическая надпись культового содержания (частично стерта), по внешнему – насечки. По краю – выступающий бортик шириной 5 мм (Литвинский, 1978. С. 101).

В Берккаринском могильнике (II–I вв. до н.э.) на северных склонах Каратау имеются находки китайских вещей: шелковых тканей, изделий из лака и нефрита (Бернштам, 1951б. С. 87), также зеркало из сурьмы, чашечка из нефрита.

В могильнике Кызыл-Сай в 15 км к югу от г. Талас наряду с курганами тюркского времени (конец VI – первая половина IX в.) было вскрыто одно подбойное погребение с бронзовым китайским зеркалом (Кожомбердиев, 1963. С. 58; Литвинский, 1978. С. 101).

На территории Чуйской долины в Бураинских курганах – усуньском памятнике в долине р. Чу – найдены остатки красного лака (Васильев, 1958. С. 36). На городище Сукулук найден фрагмент кувшина VI–VII вв. кафыркалинского типа с наклепным

¹ И.К. Кожомбердиев дает несколько иное описание этого зеркала: “Это диск диаметром 13.2 см с полушаровидным возвышением – ушком по середине оборотной стороны. Ушко окружено четырьмя лепестками цветка с маленькими кружками между ними, затем идет восьмиугольник, образованный хордами, в углах которого помещены восемь иероглифов. Восьмиугольник опоясан круговыми линиями, рубчатой лентой и

широким приподнятым бортиком со скошенным краем... На обнаруженном нами зеркале внутренние четыре иероглифа отсутствуют, внешние восемь ввиду плохой сохранности не поддаются чтению. По-видимому, они означают благопожелание” (1963. С. 72, 73. Рис. 14).

² Сведения о находках в этом могильнике (раскопки Ю.А. Заднепровского в 1955 г.) не опубликованы.

украшением в виде человеческого лица. Лощеный кувшин грушевидной формы, покрытый светло-желтым ангобом, с плавно изогнутой ручкой и вытянутой конической горловиной и срезанным наискось носиком. У нижнего конца ручки находится скульптурная головка с изображением мужского лица с тонко проработанными губами, углы глаз у носа наклонены вниз, брови высоко подняты и плавно спускаются к переносице. На голове убор в виде лобной повязки или диадемы. Прототипами такого скульптурного портрета являются вэйские изображения Будд и бодхисатв в Китае (Chavannes, 1914), восходящие к ранним ганд(х)арским (историческая область и название древнего царства, простиравшегося от Восточного Афганистана до Северо-Западного Пакистана) статуям. Исходным прообразом данного портрета были ганд(х)аро-вэйские скульптурные изображения, исчезнувшие в танскую эпоху. Аналогии этому портрету и своеобразному головному убору подробно рассмотрены в одной из статей А.Н. Бернштама (1947а. С. 51).

При раскопках Ак-Пешинского комплекса два храма оказались аналогичными буддийским памятникам Синьцзяна. С ними же увязывается, вероятно, и буддийская постройка (раскопана в 1962 г. П.Н. Кожемяко) возле селения Красная Речка в долине р. Чу, в одном из коридоров которой в 1962 г. была найдена лежащая на постаменте гигантская глиняная статуя Будды. На городище Красная Речка в буддийском храме была найдена китайская гранитная вотивная стела VIII в., а в Ак-Пешине – каменная подставка под статую бодхисатвы с китайской надписью 80-х годов VII в.

На городище Ак-Пешин в жилых помещениях буддийского монастыря, расположенного в киданьском квартале, обнаружено несколько фрагментов кес белой поливы с зелено-голубыми полосами “предфаянсового” типа (Чуйская долина, 1950. С. 8–13, 30) и китайские предметы из нефрита. Практически на всей раскопанной части городища встречена китайская черепица и круглые налепы для черепиц китайского типа.

Интересный материал дали погребения кочевников-тюрок, расположенные между с. Новопавловка и Новотроицкое. Помимо стандартного набора погребального инвентаря найдено бронзовое зеркало, подражающее танским китайским зеркалам.

На городище Сарыг в 30 км к востоку от г. Бишкек наиболее интересный материал получен из раскопа VIII. Стены одной из прямоугольных комнат согдийского здания VIII–X вв. были богато украшены росписями в виде букетов цветов (астр), в западной стене располагалась ниша. Черный контур рисунка наносился кистью, поле изображения за-

крашивалось желтой, синей, белой красками. Рисунок шел в виде фриза над нишей. Роспись сделана в технике *альсекко*. Фрагмент фрески с изображением Будды выполнен в той же технике. Характерны и некоторые специфические детали рисунка: приподнятые волосы на макушке, оттянутые уши, символический знак на лбу; контуры лица обозначены черной краской, веки и губы – красной, приподнятые волосы на макушке – синей, лицо и внешний фон между изображением Будды и аркой закрашены желтым (Бернштам, 1947а. С. 29). Все это дало возможность исследователям утверждать, что это работа китайского художника, выполненная непосредственно на месте.

Присутствие здесь китайского импорта подтверждается также находкой бронзового зеркала, типичного для танско-сунского времени (VII–XIII вв.): с изображением четырех симметрично расположенных (крест-накрест) духов, сидящих на фениксах. Промежутки между изображениями духов заполнены рисунками облаков и диких гусей.

На городище Александровское и на расположенном неподалеку могильнике раскопки выявили сочетание влияний и традиций китайской культуры и местной среднеазиатской караханидского времени (X–XIII вв.). На это указывают два бронзовых зеркала (местные, но подражающие китайскому, найденному в могильнике)³; полуциркулярная черепица; изделия из нефрита; селадоновая керамика; длинная (15.5 см) костяная шпилька от женской прически, один конец которой расплюсчен в виде лопаточки (Чуйская долина, 1950. С. 99, 126, 139–143). Кроме того, на городище найдена китайская керамика эпохи Сун (960–1279 гг.). Это обломки небольшого сосуда с белой глазурью и подглазурным синим орнаментом, имеющего отогнутую наружу закраину и слегка конусовидное тулово, два фрагмента от блюда с круглым поддоном, белой поливы с подглазурным орнаментом в виде тонкой резьбы типа гравировки, представляющим собой лабиринт плавно изгибающихся линий. Аналогичная сунская керамика была обнаружена на одном из участков Кунбулуньского кладбища.

В могильнике, непосредственно связанном с кара-китайским городищем, найден идентичный инвентарь. Среди находок – нефритовые изделия (ушные подвески, пуговицы, подвески на ожерельях) и черепица. Наибольший интерес представляет китайское бронзовое зеркало с сурьмой, подражания которому

³ Китайское влияние отразилось на форме зеркал. Но на местных зеркалах нет рисунка, иначе сделаны петли: то в виде столбика со сквозным отверстием, то в виде выдающегося плоского в сечении шпенька с дырочкой. Они меньше по размеру (8 и 9 мм).

известны на городище. Бортик поднят вверх. В центре – пуговка с петлей. Вокруг пуговки крест-накрест расположены рельефные рисунки, изображающие облака в условной китайской трактовке, между которыми помещены стилизованные драконы с пушистыми хвостами, возможно, фениксы (Чуйская долина, 1950. С. 98, 126. Табл. XLIX, 1).

На Кенбулуньском кладбище в пойме р. Чу и Кызылсу⁴ в одном из погребений был найден кувшин караханидского типа с вертикальной ручкой и выступающим вверх носиком. Он изготовлен из фарфоровидной массы и покрыт белой поливой с паутинкой тонких трещин *краклэ*, характерной для керамики сунского Китая X–XIII вв.

При раскопках древнего г. Нузкет найден большой кувшин, где под зеленой глазурью идет сплошная вуаль мелких трещин *краклэ*.

На памятниках Чуйской долины известен китайский фарфор танско-сунского периода, представленный кувшином из белого фарфора типа *тин-яо* без орнамента, но покрытый сеткой трещин глазури первого слоя и *краклэ* (Hobson, Hetherington, 1923. Tabl. XXIX), и сосуд с подглазурной росписью в виде мягкого, как бы размытого тушью растительного или цветочного врезного орнамента.

На Беловодском городище в верхнем слое (танско-сунского периода) был найден фрагмент темно-зеленого селадонного блюда с тисненым растительным орнаментом (Бернштам, 1943. С. 26. Табл. X. Рис. 12) в виде плавно изогнутых стеблей с листьями и цветов с крупными лепестками, возможно астр. На обороте готового блюда внутри поддона через массу селадона прорезана группа иероглифов, выполненных по линейке грубо, но четко: “залог невесте от жениха”. Тип “Лунь цзюань” (Бернштам, 1947б. С. 12, 13).

При обследовании городища к северо-востоку от с. Новопавловка найдена бронзовая китайская монета “кайюань тунбао” с квадратной дырочкой, датирующая комплекс XI–XII вв. (Чуйская долина, 1950. С. 92). Здесь же в развалинах, вероятно, культового буддийского здания обнаружены фрагменты глиняных статуй, раскрашенных яркими красками в технике альсекко, аналогичные фрагментам росписей из древнего Сарыга (Красная Речка).

В могильнике у с. Новотроицкое вскрыто интересное погребение (раскопки V отряда экспедиции по археологическому обследованию подгорной части Чуйской долины, руководитель отряда И. Олей-

ник), где скорее всего иноземец был захоронен в сидячем положении лицом на юг. При нем найдены: белый фарфоровый кувшинчик с отбитым носиком и вертикальной ручкой, биллоновая круглодонная чашечка с прямыми и тонкими стенками, два нефритовых кольца, фрагменты меча и черный камень. Погребение датируется временем господства на этой территории каракитаев (Чуйская долина, 1950. С. 93).

Все это говорит о значительном проникновении элементов китайской культуры в среднеазиатскую на этих памятниках.

В долине р. Или на городище Талгар⁵, расположенном на одной из дорог Шелкового пути, обнаружены фрагменты фарфоровой посуды (чашки голубого фарфора с подглазурной росписью северокитайского производства и белого фарфора с врезным подглазурным орнаментом, изображавшим иногда торс ребенка или растения, производство Цзин и Цзиндэчжень (первые века н.э.); печатки из кремнистого сланца с иероглифической надписью “увеличивая доходы и выгоды”; игральная кость *асык* с иероглифом “Шуй” (“вода” или какое-то имя собственное); разбитое селадонное блюдо и отдельные фрагменты селадона (Копылов, Керекеш, 1993. С. 128).

Археологический материал с памятников Семиречья и Центрального Тянь-Шаня свидетельствует о наличии тесных отношений с Китаем с древнейших времен. Например, инвентарь с Дараутского селища (Алай), датирующегося второй половиной I тыс. до н.э., имеет много общего с инвентарем архаических поселений Ганьсу (Andersson, 1945). На связь культуры этого типа (на Алае это Шартское погребение и селища Кызыл-курган и Дараут-курган) с Ферганой и Китаем указывал и Т. Арне (Arne, 1940). К сакской эпохе относится широкое распространение изображений птиц на изделиях из бронзы и росписи на сосудах, имеющие аналогии в древнекитайском искусстве (Siren, 1929) и среди находок А. Стейна в Восточном Туркестане (Stein, 1907. Tabl. 11). Подобный декор особенно ярко представлен на статуэтке из собрания О. Сирена (Siren, 1930. Tabl. 25. Fig. A). Большое количество вещей китайского происхождения найдено в погребениях усуней. Среди них обломки китайского лака, которым покрывались изделия из дерева – столики и посуда, обрывки шелка и т.д. Проникновение этих элементов в культуру кочевников влияло на формирование местных эстетических воззрений, что привело к

⁴ Расположение погребений дает основание предполагать, что кладбище находилось вдоль древней караванной дороги, соединявшей г. Баласагун и Сарыг.

⁵ В процессе раскопок было выявлено два периода существования памятника: с конца VIII до конца XI в. и карахидско-киданьский – с конца XI до начала XIII в.

появлению новых форм и подражаний. Например, к I в. до н.э. – II в. н.э. относится золотая диадема из Каргалинского ущелья (Бернштам, 1940), которая находит аналогию по сюжету и стилю в инкрустированном китайском блюде эпохи Хань (из коллекции Лу); семантически и функционально она входит в круг шаманской атрибуции. С этим же связано появление в Средней Азии инкрустации цветными камнями, вставленными в драгоценный металл и окруженными бордюрами зерни.

Вторжение северных хунну на Тянь-Шань в середине I в. до н.э. усилило влияние китайской культуры в Семиречье и положило начало интенсивному процессу монголоидной метисации и сложения типичных черт тюркской кочевой культуры. Памятник этой эпохи – курганы Кенкольского могильника.

Найденные в Семиречье комплексы светильников, жертвенных столов и котлов для изготовления ритуальной трапезы аналогичны комплексу ритуальных предметов типов *дин* и *фу* в чжоуском Китае. Эти культовые предметы иногда декорированы барельефами с фантастическими животными, которые находят аналогии в скульптуре Китая эпохи Хань.

В VI–VIII вв. в период господства западных тюрок (582–704 гг.) и тюркешей (704–766 гг.) в Семиречье происходит иммиграция согдийцев, особенно усилившаяся после вторжения арабов в Среднюю Азию с середины VII в. Согдийцы в Семиречье были носителями идей зороастризма и среднеазиатской иранской культуры, сочетавшими предписания Авесты с шаманистскими воззрениями тюрок. Наряду с влиянием, шедшим из Согдианы, следует отметить частичное проникновение культуры Ирана, Северной Индии, Византии и Китая. Это обусловило формирование новой синкретической культуры, что отразилось в археологических находках. Например, массивные подставки под крышки оформлялись чаще всего в виде фантастических животных, которые более всего близки к изображениям на могиле Сун-Вэньди возле Нанкина (453 г.) и китайской скульптуре ханьского периода, названной Р.Л. Хобсоном “Water dog” (Hobson, 1926. Tabl. IX. Fig. 65). Черты сходства в изображении животных на подставках из Семиречья и Китая были подробно проанализированы А.Н. Бернштамом (1952. С. 136). В большинстве случаев не только сами изображения, но и орнаментальные украшения идентичны орнаментам на древнекитайской бронзе, если они имитируют изображения животных (Pelliot, 1924).

Тесные связи с Китаем нашли свое отражение в распространении в Семиречье сурьмяных зеркал, а

также в большом количестве местных подражаний китайским зеркалам. Это особый тип зеркал с богатой орнаментацией, по форме напоминающий танские образцы в виде многолепесткового цветка.

Среди находок из Сукулук (в Чуйской долине) выделяются ранние формы буддийской пластики, происходящей из Ганд(х)ары и лучше всего сохранившейся в вэйской скульптуре Китая. На памятнике она представлена головой бодхисатвы под ручкой сосуда, типичного для VI–VII вв. (так называемого кафыркалинского типа). Образцом подобного скульптурного портрета служат, как уже говорилось, характерные вэйские изображения Будд и бодхисатв в Китае (Chavannes, 1914). Ближайшие аналогии головного убора – диадемы на фресках Кизила (оазис Куча) (Grünwedel, 1920. Tabl. III, IV. Fig. 2). Головные уборы подобной конструкции можно видеть у бодхисатв из Юн Мэн-шана (Китай), изданных О. Сиреном, на статуях из Мартука (Синьцзян) и у Будд из Дандан-Ойлыка (Синьцзян)⁶.

На одной из сукулукских плиток изображен китайский лотос в орнаментальном круге из перлов. На Александровском городище был найден сосуд с фигурками. По деталям костюма они находят себе аналогии в изображениях ступы из Санчи, в буддийских изображениях Китая и в мелкой и монументальной китайской пластике, особенно полно представленной в сводной монографии О. Сирена (Siren, 1929). В целом, примеров симбиоза среднеазиатского и китайского искусства, отразившегося на предметах Семиречья и Тянь-Шаня, довольно много, и связано это прежде всего с согдийской колонизацией этой территории.

Китайское влияние на тюркское искусство проявилось и в традиционной для кочевников монументальной курганной скульптуре. Аналогии характерным тюркским балбалам Л. Аштон находит среди сакральных статуй Китая на могилах китайских императоров (Ashton, 1924. Tabl. IV. Fig. 1). В. Бартольд привел такую аналогию еще в XIX в. (1966). По мнению А.Н. Бернштама, статуи на могилах китайских императоров, изображения “учеников” в буддийской живописи, балбалы на могилах тюркских воинов – это один и тот же круг изобразительного искусства, единый по композиции и порой различный по содержанию (Бернштам, 1952. С. 144)⁷. Хотя в данном случае ученые считают, что именно китайцы восприняли влияние кочевников (Siren, 1930. Tabl. 93), имеются и элементы, воспринятые тюрками из китайской традиции. Например,

⁶ Аналогии головки и головного убора из Сукулук были подобраны А.Н. Бернштамом (1947а. С. 49–52).

⁷ Здесь же приведена литература по проблеме тюркских и китайских статуй.

для одного из четырех выделенных типов изображения голов балбалов характерна трактовка лица в плане китайской традиции портрета. Господствующий тип – монголоидный. Оси лица равны, и некоторое, на первый взгляд, удлинение вертикальной оси получается из-за клиновидной бородки, придающей лицу слегка вытянутую форму. Из Китая был заимствован и один из способов установки балбала: при помощи шипа статуя крепилась на специально сделанном пьедестале. Среди других подражаний китайским образцам можно отметить скульптурные пьедесталы для статуй и стел с надписями.

В период господства тюрков, таким образом, районы Семиречья и Центрального Тянь-Шаня стали местом сложения особой синкретической культуры, которая сформировалась на основе кочевой и среднеазиатской под сильным влиянием китайской традиции.

Карлукский этап VIII–X вв. связан в Семиречье с существенными переменами: усилилась оседлость, начали появляться города, складывалась более органичная связь тюркских кочевников с оседлым населением, наступила стабилизация караванных путей. Вместе с тем продолжалось проникновение китайских элементов в местную культуру. Во многом это было обусловлено политическими событиями в самом Китае, где в 846 г. верх одержало конфуцианство, и буддисты были вынуждены бежать прежде всего в Восточный Туркестан и частично на территорию Семиречья и Центрального Тянь-Шаня. Именно с их приходом в искусстве этих регионов появляются новые стили. Однако искусство карлукского периода носит еще переходный характер.

Картина резко меняется к концу X в. при сложении в Семиречье караханидской династии. Происходит органичное включение Семиречья в среднеазиатскую общность, сочетающееся с сохранением в Семиречье (меньше всего по Таласу, больше по р. Чу и особенно сильно на Тянь-Шане и в бассейне р. Или) определенных черт самобытности. Новые элементы, пришедшие с Востока, проявились в семиреченской полихромной керамике. Частыми мотивами росписи стали вихревая розетка в центре чаш или цветная стилизация круга из перл-кромлеха. Аналогии этим мотивам известны в орнаментальных украшениях на фресках Синьцзяна, например в “пещере тысячи Будд” из Дуньхуана (Pelliot, 1920). Аналогии можно встретить и в мусульманской керамике, но синьцзянские фрески относятся к более раннему периоду. Среди других мотивов росписи, появившихся, вероятно, под китайским влиянием, можно отметить стилистичес-

кую интерпретацию лягушки, изображенную, однако, более реалистично.

Культура Семиречья и Тянь-Шаня претерпела значительные изменения с приходом на эту территорию каракитаев. Синкретизм и объединение китайско-буддийской культуры со среднеазиатской проявились на памятниках этого периода (Баласагун, поселение гончаров у с. Ворошиловское и могильник у с. Александровское). Скульптура хэнаньского типа, восходящая к вэйским стелам Будды⁸, сочетается здесь с глиняными статуями, ближайшие аналогии которым имеются в Миране (один из оазисов на юге Восточного Туркестана). Караханидская керамика найдена вместе с селадонном, керамикой типа, известного по Хара-Хото (руины древнего города Эдзина на севере Китая), фарфором с кракля типа тин-яо. Китайские монеты еще времени Кайюань (713–742 гг.) присутствуют здесь вместе с караханидскими дирхемами, а кровельная черепица типа находок из Фурдучана украшалась налепами по китайскому образцу, орнамент которых представлял собою не обычную маску Тао-тэе, а “сасанидский круг” с лотосом посередине. Такого типа круг известен и на китайском шелке, где китайский лотос сочетается с подобными орнаментальными кругами. Такие образцы шелка были найдены В.В. Радловым на Алтае, А. Стейном в Синьцзяне и т.д. А.Н. Бернштам относит происхождение подобных тканей к районам Семиречья, объясняя это тем, что на данной территории более всего находок, свидетельствующих о сплетении китайских мотивов со среднеазиатскими (1952. С. 170). На других памятниках каракитайской культуры (тепе в районе с. Ворошиловское, у с. Александровское и на городище Космычи) были обнаружены пряжки, серьги и подвески из белого и зеленоватого нефрита местного изготовления, но китайского типа. Все они имели фигурный удлиненный и конический контур с ажурными вырезами по краям и в центре, типа китайских *huan* и *pi* (Siren, 1929. Tabl. 69).

Таким образом, каракитаи принесли в Семиречье и Центральный Тянь-Шань мощную струю китайской культуры, и прежде всего культуры, связанной с буддизмом. Однако ареал каракитайской культуры гораздо меньше, чем территория, на которую распространилось китайское влияние⁹. С каракитаями пришли буддийское искусство и китайские

⁸ Экспедицией под руководством А.Н. Бернштама были найдены фрагменты таких стел с изображением Будды, бодхисатв, мифических существ *фо* и т.д. (Чуйская долина, 1950. С. 145).

⁹ Каракитайская культура наблюдается в Чуйской долине; редко в междуречье Чу–Талас; в Таласе ее уже нет. Там можно отметить лишь китайское влияние уже без синкретических элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

влияния, но они быстро растворились в искусстве Средней Азии. Там, где преобладали каракаитаи (Баласагун), родилось синкретическое искусство; там, где была более сильная местная среда (Тараз), имели место лишь влияния.

Наличие большого количества материальных объектов китайской культуры на памятниках Средней Азии позволяет говорить о значительных масштабах китайского проникновения в этот регион.

По мере накопления материала и его осмысления стало ясно, что наиболее ярко китайское культурное воздействие на искусство кочевых народов Центральной Азии проявилось в появлении новых элементов в орнаментальных мотивах и декоре. Например, широко распространенные в Семиречье изображения птиц в изделиях из бронзы и росписях на сосудах находят аналогии в китайском искусстве.

Связи с Китаем в конечном счете оказали большое влияние на развитие оседлого земледельческого хозяйства у местных кочевников, например у хунну, которые, постепенно осваивая основы китайского ремесла и строительного дела, начали создавать собственные оседлые поселения.

Таким образом, влияние китайской материальной культуры имело принципиальное значение для появления ряда отраслей местного производства. Влияние высокоразвитой земледельческой культуры Китая стало решающим фактором в появлении оседлых поселений и некоторых видов ремесла и строительного дела у кочевых народов Центрально-Азиатского региона (усуней, хунну и т.д.). Китайцы познакомили кочевые народы Средней Азии с изделиями из лака, церемониальными зонтами, некоторыми видами украшений, в том числе нефритовыми, новыми орнаментальными мотивами и узорами на шелке, зеркала, изделиях из серебра, керамике и т.д.

Наиболее интенсивные контакты китайской цивилизации с кочевыми народами Средней Азии приходится на периоды хуннского преобладания в Центральной Азии (со II в. до н.э. по III в. н.э.) и существования Кыргызского государства (VII–XI вв. с перерывами), которые совпали по времени с усилением китайской империи. Восточноазиатское влияние на материальную культуру кочевых народов Средней Азии было незначительным в периоды ослабления китайского государства и противодействия межцивилизационным контактам со стороны кочевых народов жуань-жуаней и тюрков (III–VI вв.), Уйгурского каганата (конец VIII – начало IX в.) и монгольских племен (с начала XIII в.).

- Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Соч. Т. IV. М., 1966.
- Баруздин Ю.Д.* Карабулакский могильник // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Вып. 3. Фрунзе, 1961.
- Бернштам А.Н.* Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке // КСИИМК. 1940. Вып. V.
- Бернштам А.Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943.
- Бернштам А.Н.* Буддийская терракота из Сукулука // КСИИМК. 1947а. Вып. XIV.
- Бернштам А.Н.* Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью // КСИИМК. 1947б. Вып. XVII.
- Бернштам А.Н.* Древний Тянь-Шань // КСИИМК. 1951а. Вып. XXXVIII.
- Бернштам А.Н.* Очерки истории гуннов. Л., 1951б.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая. М.; Л., 1952 (МИА; № 26).
- Васильев Л.С.* Культурные и торговые связи ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии // Вестн. истории мировой культуры. 1958. № 5.
- Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.
- Копылов И.И., Керекеш Л.И.* Талкир (древний Талгар) – развилка Великого Шелкового пути // Археологические памятники на Великом Шелковом пути. Алматы, 1993.
- Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могил Западной Ферганы. М., 1978.
- Теплоухов С.* Опыт классификации древнеметаллических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1928.
- Чуйская долина (Тр. Семиреченской археологической экспедиции). М.; Л., 1950 (МИА; № 14).
- Andersson J.* The Site of Chu Chia Chai, Hsi Ning sien, Kansu // Bulletin of the Museum for Far Eastern Antiquities. № XVII. Stockholm, 1945.
- Archaeologia Orientalis. Т. III. Tokyo; Kyoto, 1933.
- Arne T.Y.* Die funde von Luan P'ing und Hsuan Hua // Bulletin of the Museum for Far Eastern Antiquities. № V. Stockholm, 1940.
- Ashton L.* An introduction to the study of Chinese sculpture. L., 1924.
- Chavannes E.* Six monuments de la sculpture chinoise // Ars Asiatique. Т. II. Bruxelles; Paris, 1914.
- Egami N., Mizino S.* Inner Mongolia and the region of the great Wall. Tokio; Kioto, 1950.
- Ferguson J.G.* Survey of Chinese art. Shanghai, 1939.

- Goloubev V.* La province de Than-Hoa et sa ceramique. XXXIII. Khanoy, 1930.
- Grünwedel A.* Alt-Kutscha. Berlin, 1920.
- Hobson R.L.* The George Eumorfopolus collection. Catalogue of Chinese, Corean and Persian pottery and porcelain. L., 1926.
- Hobson R.L., Hetherington A.L.* The Art of Chinese Pottery. L., 1923.
- Kümmel O.* Neun chinesische Spiegel // Ostasiatische Zeitschrift. 6. Jahrgang. 3. u. 4. Hert. Berlin; Leipzig, 1930.
- Lauffer B.* Chinese clay figure // Field Museum of Natural History. Art Series. T. III. № 2. Chicago, 1914.
- Pelliot P.* Le Grottes de Touen-Houang. Paris, 1920.
- Pelliot P.* Bronzes Antiques de la Chine. Paris, 1924.
- Salles G.* Les bronzes de Li-yu // Revue des Arts Asiatiques. 1937. VIII. № 3.
- Siren O.* Histoire des Arts anciens de la Chine. I: La période préhistorique l'époque Tch'ou et Tsin. Paris; Bruxelles, 1929.
- Siren O.* La Sculpture de l'époque Han á l'époque Ming. Paris; Bruxelles, 1930.
- Siren O.* Histore de la peinture chinoise. Des origines á l'époque Song. T. I. Paris, 1934.
- Stein A.* Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan. V. I, II. Oxford, 1907.

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА ПЯТНИЦКОМ РАСКОПЕ В СТАРОЙ РУССЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

© 2012 г. Е.В. Торопова*, А.П. Бужилова**

* Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
(toropova_elena@mail.ru)

** Институт археологии РАН, Москва

Ключевые слова: Старая Русса, древнерусский город, усадьба, детские погребения, палеоантропология, палеопатология, цинга.

In Old Russian towns, anthropological materials are usually encountered in necropolises or in layers of wartime wreckage. When found elsewhere in the occupation layer, they usually signify emergencies accompanied by loss of life. In the light of the above, the 2010 find of two well-preserved children's burials under a non-domestic log building from the first third of the 13th c. is of much interest. The article gives the archaeological context of the find and offers an anthropological analysis and interpretation. The anthropological analysis suggests acute scurvy, probably resulting from starvation, as the possible cause of death. The finds from Staraya Russa are a vivid illustration to the first Novgorod chronicle, which tells of two cases of famine resulting from crop failures after spring frost: in 1215–1216 and 1228–1230.

Находки антропологических материалов в культурном слое древнерусских городов (вне некрополей и слоев военных разрушений), как правило, довольно редки. В основном они указывают на какие-либо чрезвычайные обстоятельства, сопровождавшие гибель людей. В частности, в 1984 г. на Троицком раскопе в Новгороде в слое пожара первой четверти XIII в. был обнаружен скелет молодой женщины. Усадьба, в пределах которой найдена погибшая, принадлежала боярскому клану Мирошкиничей, в 1207 г. она была разграблена, сожжена (“... а Мирошкин двор и Дмитров зажгоша, а житие их поимаша” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 51) и передана другому владельцу (Янин и др., 1986. С. 37). По всей видимости, именно поэтому останки женщины не были извлечены и похоронены родственниками. На Андреевском раскопе в Новгороде в 1995 г. между ярусами мостовой был обнаружен человеческий череп (Ершевский, Пежемский, 1997. С. 45). Аналогичные находки ранее были сделаны на Неревском, Михайловском и Нутном раскопах, что позволило авторам публикации предположить, что “...мы имеем дело со своеобразным, еще не известным, культурным феноменом” (Ершевский, Пежемский, 1997. С. 48).

Отдельные фрагменты человеческих черепов отмечены и при археологических исследованиях в Старой Руссе в напластованиях XI в. в раскопах XIV и XV (Опись находок..., 1971. Л. 15; 1985. Л. 76).

В 2010 г. на Пятницком раскопе в Старой Руссе при разборке нежилого сруба ПС-24 (усадьба А, ярус X) были обнаружены уже не отдельные фрагменты, а два детских погребения хорошей сохранности. Постройка (ПС-24), подпольное пространство которой стало местом захоронения умерших, зафиксирована в кв. 87–89, 99–101 на гл. – 402...–437 см вдоль южной границы усадьбы “А” (рис. 1) и представляет собой сруб-“четырёхстенку” размерами приблизительно 2.6 × 4.5 м (Торопова, 2011. Л. 188).

Погр. 1 зафиксировано в кв. 88 (гл. –420...–440 см). Судя по отдельным костям, прослеженным *in situ*, погребение залегало в районе переводины пола сруба в переотложенном состоянии (возможно, повреждено при разборке постройки в древности). Погр. 2 выявлено в кв. 100 (гл. –426...–435 см), в 0.2 м севернее южной стены сруба, под полом. Частично разрушено. Положение погребенного – на спине, головой на север-северо-запад (рис. 2, 1) (Торопова, 2011. Л. 208).

От сооружения, в котором зафиксированы погребения, сохранились: обгоревшее бревно нижнего венца восточной стены, фрагмент бревна южной стены, переводина пола на подкладках, а также два горизонта подкладок под углы сруба (в качестве подкладок были использованы фрагменты кольев разобранного частокола). Остатки отопительного устройства не выявлены. Индивидуальные находки

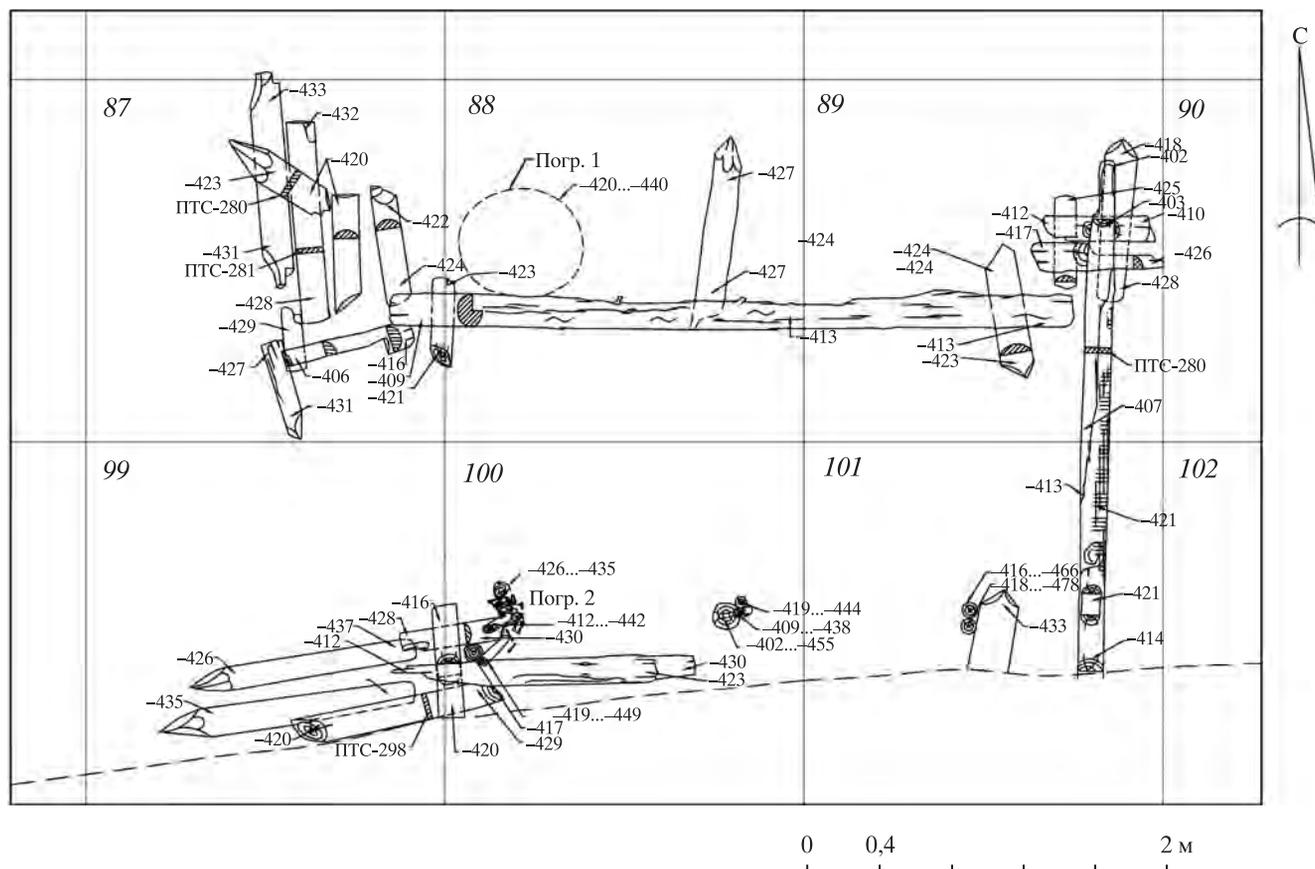


Рис. 1. Старая Русса–2010. Пятницкий раскоп. Сруб ПС-24 (первая треть XIII в.). Погр. 1 и 2.

при разборке заполнения сруба не обнаружены. Для дендрохронологического анализа отобраны пять образцов, датирован один – подкладка под юго-западный угол сруба – 1191 г. (анализ выполнен в лаборатории дендрохронологии ЦОАИ НГОМЗ канд. ист. наук О.А. Тарабардиной).

Таким образом, сруб ПС-24 построен не ранее этого времени, а скорее всего, позднее, так как датированная подкладка была использована вторично. Лежащая выше постройка, сруб ПС-21 (ярус VIII), возведена не ранее 1245 г. Между периодами функционирования этих двух сооружений отложился культурный слой мощностью не менее 20 см. Все это позволяет в порядке рабочей гипотезы отнести время существования сруба ПС-24 к первой трети XIII в.

Анализ антропологических останков

Из погр. 1 были исследованы фрагментарные останки ребенка удовлетворительной сохранности. Череп представлен почти полностью, включая верхнюю и нижнюю челюсти. Из посткраниального скелета сохранились обе плечевые кости и частично

кости предплечья. Кости предплечья (локтевая и лучевая) левой стороны демонстрируют посмертные разрушения в проксимальной части. Из костей нижних конечностей сохранилась только правая большеберцовая кость. В наличии обе ключицы, лопатки, а также кости грудины, ребра и фрагменты (в основном дуги) позвонков из различных отделов скелета (рис. 3).

Сохранившиеся длинные кости были измерены для оценки биологического возраста ребенка. Проведен палеопатологический анализ остатков скелета. При анализе биологического возраста оценивались специфические морфологические признаки оссификации элементов скелета, а также размеры трубчатых костей.

У ребенка из погр. 1 обе половинки нижней челюсти еще не сращены. Как известно, костное сращение наступает не ранее первых 6–8 месяцев жизни (Пашкова, Резников, 1978). Длина обеих плечевых костей (61–62 мм), длина правой локтевой и лучевой костей (58.5 и 50 мм), а также длина правой большеберцовой (63 мм) позволяют оценить возраст в пределах первого месяца жизни новорожденного ребенка. Обратим внимание, все размеры

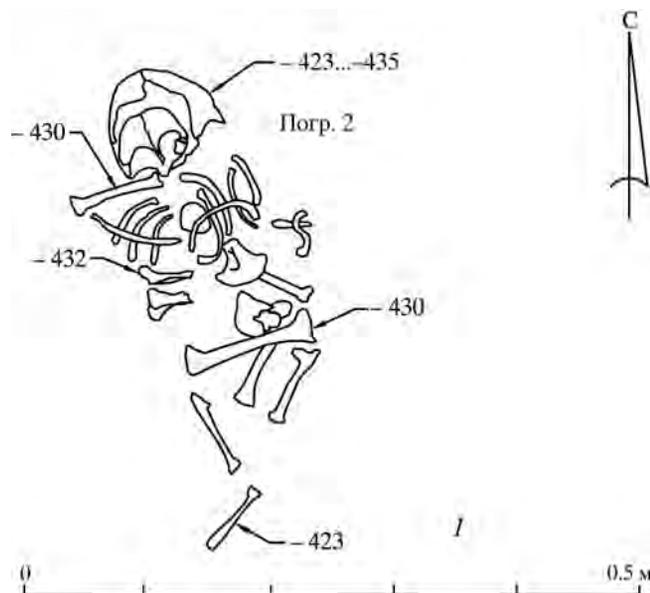


Рис. 2. Погребение 2 (1) и сохранность элементов скелета (2).



Рис. 2. Окончание.

исследованного соответствуют минимальным значениям показателей, известным для этого возраста (рис. 4, 1).

При оценке возможных причин смерти отметим характерную изменчивость на некоторых сохранившихся костях черепа и скелета в виде специфического утолщения костной поверхности вследствие обызвествления поднадкостничных кровоизлияний. Эти особенности вполне определенно позволяют поставить диагноз болезни Мюллера-Барлоу (цинга у детей). Чаще всего это заболевание проявляется на костной системе после шести месяцев жизни и может отмечаться в более старшем возрасте, например у 3–4-летних детей при явном отсутствии здоровой и питательной пищи¹.

У ребенка из погр. 1 болезнь протекала в острой форме, так как поднадкостничные кровоизлияния,

поротизация и формирование поротического гиперостоза фиксируются практически на всех крупных костях скелета, а также на лобной кости, в области орбит, сфеноидной кости черепа, на твердом небе верхней челюсти и по периметру альвеол нижней челюсти (рис. 5). Поротизация костной ткани отмечена в зоне роста длинных костей, на лопатках и других частях посткраниального скелета. Наличие этого нарушения также рассматривается как дополнительный критерий в сторону положительной оценки фиксации цинги по элементам скелета (Бужилова, 2001. С. 227–276).

Напомним, что у ребенка зафиксированы минимальные продольные размеры скелета, т.е. новорожденный на раннем этапе постнатального периода практически не развивался. Ретардацию (замедление роста и развития) можно объяснить очевидным недостатком питания и слабым здоровьем ребенка. Вероятно, ему не удалось пережить острую форму цинги и он скончался именно из-за этого заболевания.

Скелет ребенка из погр. 2 сохранился гораздо лучше. Череп представлен практически целиком, включая верхнюю и нижнюю челюсти, при этом обнаружены даже закладки молочных зубов. Посткра-

¹ В палеопатологии постановка диагноза часто осложняется отсутствием характерных таксономически ценных признаков, которые определяют конкретное заболевание у современного населения в первую очередь на мягких тканях, а не на костной системе. Цинга – не исключение, так как плохо распознается на костях половозрелых индивидов, однако на детских останках диагностика проходит гораздо успешнее. У детей цингу обозначают как болезнь Мюллера-Барлоу. Болезнь наблюдается в основном во второй половине первого года жизни. Наиболее резко изменяются места физиологического роста костей – ростковые зоны трубчатых костей. Наряду с этим отмечаются как общее разрежение костных структур, так и утолщения кости вследствие обызвествления поднадкостничных кровоизлияний на костях черепа (в области глазниц, больших крыльев сфеноидных костей, нижней челюсти, твердом небе верхней челюсти) и некоторых областей посткраниального скелета (Бужилова, 2005. С. 205).



Рис. 3. Погребение 1. Сохранность элементов скелета.

ниальный скелет также обнаружен почти целиком, за исключением костей правой кисти и обеих стоп (рис. 2, 2). Возраст ребенка определяется достаточно стандартно с учетом морфологии скелета и размеров длинных костей. На сохранившихся останках обе половинки нижней челюсти еще не сращены, что указывает на возраст ребенка не старше шести месяцев. Размеры длинных костей: плечевых (67; 66.5), локтевых (63; 63), лучевых (54; 54), бедренных (76; 76), большеберцовых (67.5; 67.5) и малоберцовых (63; 62.5) укладываются в интервал изменчивости в пределах первых месяцев жизни, но не старше шести месяцев (рис. 4, 2). Сохранившиеся закладки молочных зубов практически не имеют зачатков корней, а лишь коронки, что так же, как и другие признаки, указывает на то, что ребенок умер в возрасте нескольких месяцев, не дожив до полугода.

Исключительная сохранность поверхности костной ткани позволила провести палеопатологический анализ. Как и у первого индивида, на отдельных костях черепа и скелета этого ребенка наблюдается характерная изменчивость в виде специфического утолщения костной поверхности вследствие обызвествления поднадкостничных кровоизлияний, что вполне определенно позволяет поставить диагноз болезни Мюллера-Барлоу. Ребенок прожил чуть дольше первого индивида, но острая форма недостатка витамина С также привела к летальному исходу.

Таким образом, возможная причина смерти детей – это цинга в острой форме заболевания. Во

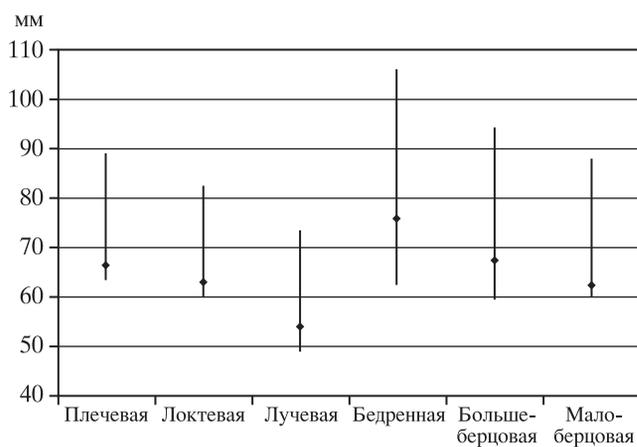
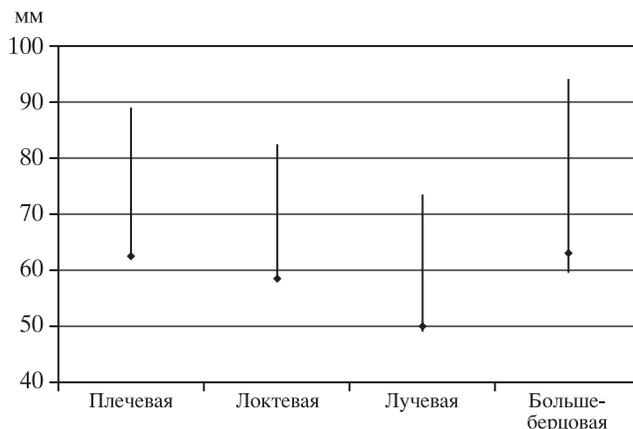


Рис. 4. Результаты оценки биологического возраста по измерениям длинных костей скелета (на фоне нормальной изменчивости размеров новорожденных). 1 – у ребенка из погр. 1; 2 – у ребенка из погр. 2.

всех странах и во все эпохи появление цинги связывали всегда с одними и теми же обстоятельствами: снижением иммунитета вследствие физического и психического стресса, с одной стороны, и условий, не позволяющих употребления свежих пищевых продуктов (зелени, фруктов, мяса, молока), с другой стороны. Особая связь между цингой и характером питания была установлена давно. По современным представлениям медицины при отсутствии хронических патологий невосполняемые запасы витамина С в организме человека могут быть израсходованы за 2–3 месяца (Karpenter, 1986. P. 29–45). Таким образом, цинга может появиться вследствие продолжительного отсутствия компенсации витамина С, например в период затяжных зим (до шести месяцев) на фоне недоброкачественного питания или недоедания. Напомним, что погибшие дети в силу своего грудного возраста целиком зависели от кормящих их матерей. Возможно, недостаток доброкачественного питания и очевидное голодание – это не частный семейный эпизод. Скорее всего, кор-

мящие матери, как и вся семья (а возможно, и община), находились в стесненных обстоятельствах, голодая по ряду причин.

Интерпретация находки

Как неоднократно отмечалось исследователями, в XIII в. начался тяжелый период в истории Древнерусского государства и не только по причинам политического характера, таким как междукняжеские распри, захват Константинополя крестоносцами и нашествие монголов. Крайне негативным фактором были климатические изменения. Это время стало началом так называемого малого ледникового периода, сопровождавшегося неурожаями, стихийными бедствиями и, как следствие, голодом (Борисенков, Пасецкий, 1983; Андреев, 1997. С. 45–54).

Как указывает Н.А. Богоявленский (1960. С. 111), опираясь на летописи псковско-новгородского происхождения, изученные им по текстам клинические признаки отдельных заболеваний ассоциируются чаще всего с цингой. В другой работе, посвященной болезням первоселов Русского Севера, Н.А. Богоявленский (1966) подчеркивает, что самыми распространенными могли быть болезни от недостатка питания, и одно из первых мест занимала, по-видимому, цинга (“синьга”). Он указывает, что эта территория отличалась голодными годами, поскольку часто из-за климата хлеб не созревал и оставался на корню, зимовал под снегом.

Опираясь на полученные дендрохронологические даты для погр. 1 и 2 (первая треть XIII в.), по текстам новгородской первой летописи реконструируется сходная картина природных бедствий. Летопись повествует о неурожаях, вызванных весенними заморозками, и, как следствие, голодных годах дважды – под 1215–1216 и 1228–1230 гг. (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 54, 55, 70, 71). Описывая бедственное положение населения Новгорода – “...ядяху люди сосновую кору и листь липовъ и мохъ...”, страшную дороговизну на продукты питания – “... кадь ржи купляхуть по 10 гривень, а овса по 3 гривнь...” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 54), летописец отмечает, что умершие оставались лежать на улицах непогребенными, родители для спасения детей от голодной смерти отдавали их в рабство – “... мъртвци по уличамъ и по търгу и по мосту по великому от псъ изедаемы, оже не можаху погръбати <...> и матери дъти свое одьренъ ис хльба гостьмъ” (Новгородская первая летопись..., 2000. С. 71).

Вполне вероятно, что обнаруженные при раскопках в Старой Руссе останки двух новорожденных связаны с подобными природными и социальными бедствиями в истории Новгородской земли.

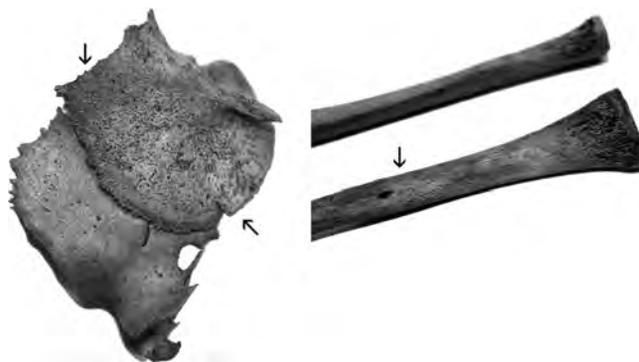


Рис. 5. Признаки поднадкостничных кровоизлияний (указано стрелками) на отдельных элементах скелета индивида из погр. 1.

Особый интерес представляет место захоронения младенцев – под полом сруба. Археологических данных о древнерусских погребениях подобного рода найти не удалось. По этнографическим материалам известно, что некрещеных младенцев могли похоронить под порогом избы (“...через порог переходит священник с крестом и тем самым крестит некрещеного младенца”) (Зеленин, 1994. С. 269). Однако в нашем случае речь идет не о жилом доме, а о хозяйственной постройке, что не позволяет прямолинейно использовать данную аналогию.

Неоднократные случаи погребения детей, погибших от цинги, фиксируются на примере древнерусского населения сельских регионов Белозерья и Поонежья (Бужилова, 2001. С. 227–276). Однако контекст захоронений там совершенно иной. Из 12 исследованных по палеопатологической программе антропологических серий (включая более 60 останков детей) частота встречаемости признаков детской формы цинги колеблется в пределах 18.9–41.5%, а в серии Манино она достигает 38%, т.е. приближается к максимальным значениям (Бужилова, 2009. С. 30–55).

Раскопки могильника Манино обнаружили совместные захоронения, когда в одной яме погребались два, иногда три или даже четыре человека одновременно. Заметим, что эти комплексы тяготеют к определенному участку кладбища, формируя компактную по площади территорию. Всего в совместных захоронениях были обнаружены останки 24 человек, из них 16 взрослых и 9 детей. В восьми совместных усыпальницах погребено по 2–3 индивида, и есть один случай погребения четырех индивидов (один взрослый и трое детей). В парных погребениях захоронены разнополые половозрелые индивиды (три случая), и среди них есть парное захоронение в одном гробу. Погребения, где захоронено более двух человек, представ-

ляют собой захоронения взрослого/взрослых и детей. Например, в двух случаях захоронены мужчина, женщина и ребенок, а в трех – мужчина и разновозрастные дети. Создается впечатление, что это семейные захоронения скоропостижно скончавшихся родственников, причем парные разнополые погребения взрослых, вероятно, представляют собой супружеские пары.

Палеопатологический анализ причин смерти дал возможность говорить определенно только о цинге, оставившей свои следы на костях неполовозрелых индивидов. Помимо совместных погребений цинга у детей была обнаружена и в одиночных захоронениях неполовозрелых индивидов (еще восемь случаев). Топографический анализ одиночных погребений детей с признаками цинги показал, что они располагаются очевидными группами вблизи друг от друга и недалеко от совместных погребений. Таким образом, располагающиеся компактно совместные и одиночные погребения с высокой концентрацией на этом участке максимального числа погребенных детей, умерших от цинги, позволяют выдвинуть гипотезу о скоропостижной смерти около 30 разнополых и разновозрастных индивидов из одной общины вследствие голода и/или нарушения обеспечением свежими пищевыми продуктами, вероятнее всего, в холодное межсезонье.

Археологический контекст “нестандартных” захоронений детей с признаками цинги, как в городской, так и в сельской среде, очевидно, можно рассматривать как отражение хронологически выделяемых неблагоприятных периодов населения, связанных в первую очередь с нарушениями обеспечения питанием из-за неурожая, вызванного весенними заморозками, затяжными зимами и прочими природными бедствиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В.Ф.* Голодные годы в Новгородской земле XII–XV вв. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Матер. науч. конф. 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997.*
- Богоявленский Н.А.* Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М., 1960.
- Богоявленский Н.А.* Медицина у первоселов Русского Севера: Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания XI–XVII вв. Л., 1966.
- Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Экстремальные природные явления в русских летописях XI–XVII вв. Л., 1983.
- Бужилова А.П.* Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.*
- Бужилова А.П.* *Homo sapiens.* История болезни. М., 2005.
- Бужилова А.П.* Средневековое население Мининского микрорегиона: анализ антропологических материалов // *Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009.*
- Еришевский Б.Д., Пежемский Д.В.* Череп из Андреевского раскопа г. Новгорода // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Матер. науч. конф. 11–13 ноября 1997 г. Новгород, 1997.*
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913 (Традиционная духовная культура славян / Из истории изучения). М., 1994.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // *ПСРЛ. Т. III. М., 2000.*
- Опись находок, профили сосудов, виды раскопа. Рисунки, фотографии. Старая Русса, раскоп XIV, 1971 г. // *Архив УНЛ СтРАЭ НовГУ. Ф. 4. Оп. 1. № 145.*
- Опись находок. Рисунки. Старая Русса, раскоп XV, 1985 г., пл. 17–24 // *Архив УНЛ СтРАЭ НовГУ. Ф. 4. Оп. 1. № 135.*
- Пашкова В.И., Резников Б.Д.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов, 1978.
- Торопова Е.В.* Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской обл. в 2010 г. Ч. 1 // *Архив УНЛ СтРАЭ НовГУ. Ф. 3. Оп. 1. № 543а. 2011.*
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С.* Новгородская экспедиция // *АО–1984. 1986.*
- Karpenter K.J.* The history of scurvy and vitamin C. Cambridge, 1986.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ
ПО АРХЕОЛОГИИ ВИЗАНТИИ**

**ХРИСТИАНСКИЙ ХРАМ У ПОС. ВЕСЕЛОЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ
ПУБЛИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ РАСКОПОК 2010 г.**

© 2012 г. **Е.А. Армарчук, Р.А. Мимоход, Вл.В. Седов**

Институт археологии РАН, Москва (sedov1960@mail.ru)

Ключевые слова: византийская архитектура, абхазская архитектурная школа, церковная археология, христианские погребения, иконография.

The article is a preliminary publication of a Middle Byzantine architectural monument excavated in 2010–2011. The monument dates to the 9th–10th cc. It belongs to the group of churches that are typical of the Abkhazian kingdom yet also shares some common features with the churches of Alania. The church is a rather large edifice of the cross-in-square type, with three apses, a narthex and three forechurches. Among the original features are the vaulted burial space under the narthex and the well which is to the south of the narthex. The domes appear to have been supported by columns not piers, which is not typical of the other churches in the region.

Развалины храма находятся в восточной части Имеретинской низменности (междуречье Мзымты и Псоу, Адлерский р-н Большого Сочи) у с. Веселое, в 1.5 км от берега Черного моря, на границе бывших совхозов “Россия” и “Сочинский”.

В 1907 г. А.А. Миллер изучил побережье от Сухума до Джубги, найдя у с. Веселое, откуда происходили случайные находки (меч, фибула), вещи VIII–X вв. (1909. С. 83. Рис. 22, 23). В 1952, 1953, 1955 гг. И.К. Недоля и Л.Н. Соловьев обследовали в совхозе “Южные культуры” средневековый могильник и городище с храмом, башней, неопределенным сооружением и двумя колодцами (Недоля, 1969. С. 16–22. Рис. 1–13). Инвентарь раскопанных погребений и вторично использованные храмовые резные плиты VI в. впоследствии вошли в литературу (Хрушкова, 1976. С. 125. Рис. 1–3; Воронов, 1979. С. 90–94. Рис. 47; Крым..., 2003. Табл. 97, 19, 20). В 1956 г. Н.В. Анфимов, И.К. Недоля и сотрудник Сочинского музея Е.И. Мерзлякова вскрыли на могильнике безынвентарные захоронения VIII–IX вв.

Н.В. Анфимов также осмотрел храм “у Адлерского овощесовхоза” («памятник на территории совхоза “Россия»»), от которого остались основания стен, подвал (со слов местного жителя) и местами обнаженная кладка фундамента (Анфимов, 1957. С. 35–39). В научной литературе это первое упоминание о храме в пос. Веселом.

С 1969 г. на побережье работал В.В. Бжания (Причерноморский отряд Северо-Кавказской

экспедиции Института археологии АН СССР). В 1972 г. в Сочинском молочно-овощном совхозе № 1 им был заложен шурф площадью 7.5 м² на юго-западном краю курганообразного возвышения с обломками кирпичей и керамики. На западе холм достигал 2 м, восточный его склон был выровнен при хозяйственном обустройстве. Как показали наши раскопки, шурф обозначил юго-западный угол храма; дойти до основания фундамента помешали грунтовые воды. Слой содержал керамику и строительные материалы, датированные VI–VII вв. н.э. (Бжания, 1973. С. 1–4. Ил. 11–15).

В 2008 г. Сочинский отряд ИА РАН провел сплошную археологическую разведку Имеретинской низменности в зоне строительства объектов XXII зимних Олимпийских игр (Мимоход, 2008). В ее ходе были выявлены памятники, датируемые от эпохи бронзы до средневековья (Джопуа и др., 2009. С. 90–93; Мимоход и др., 2011. С. 61–74). Благодаря подробному изучению местности и точному описанию В.В. Бжанией местоположения руин храм в Веселом удалось локализовать и в 2010–2011 гг. полностью изучить. Статья отражает итоги первого сезона раскопок почти всего здания; материалы 2011 г. дополняют картину и пока обрабатываются, о них скажем бегло.

К 2008 г. руины представляли заросший травой и ежевикой холм, окруженный кипарисами и вытянутый с северо-востока на юго-запад.

Раскопанный храм принадлежит к византийскому типу “вписанный крест” с трехнефным четырех-

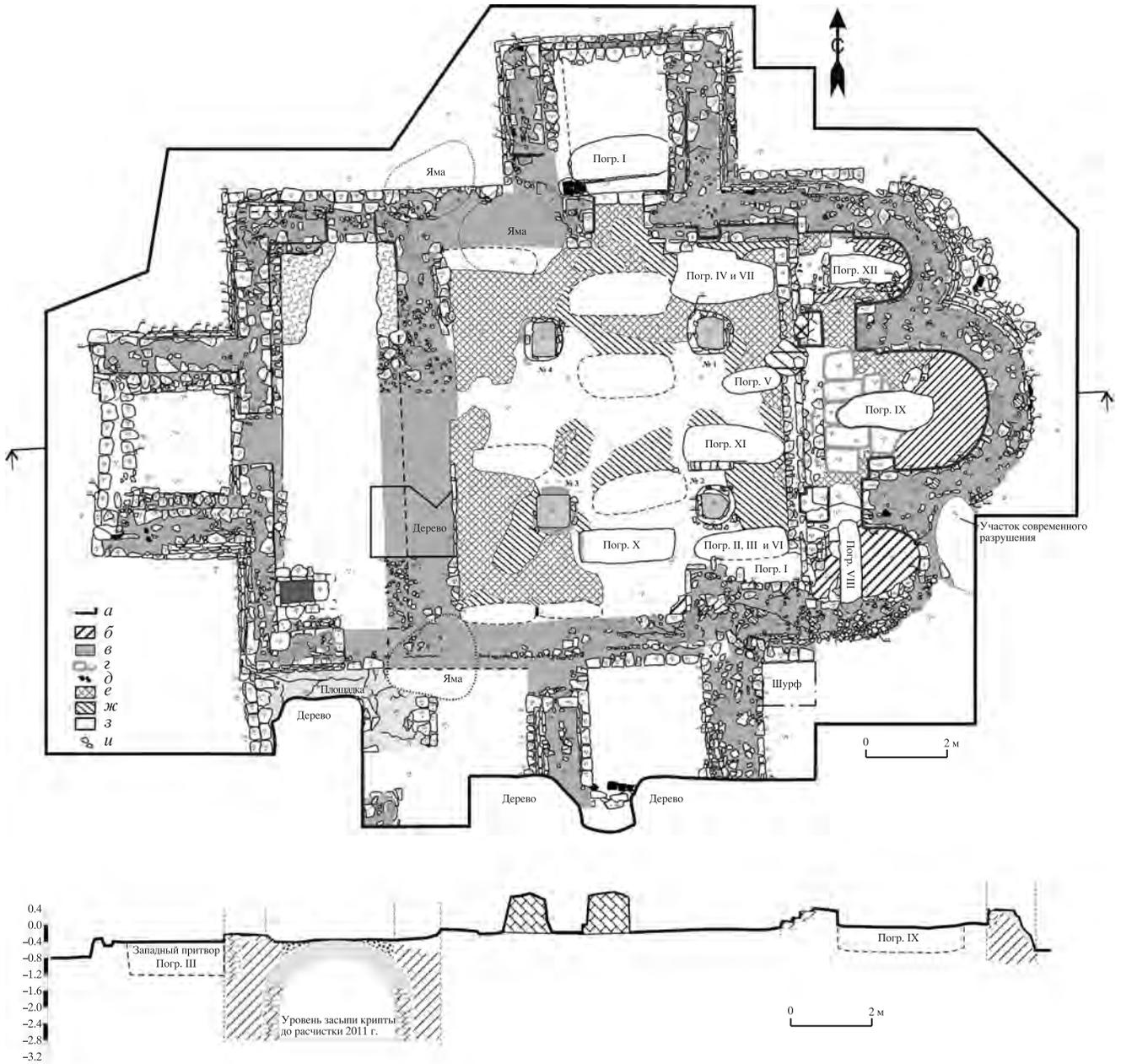


Рис. 1. Храм у с. Веселое, 2010 г. План (исполнитель – А.Н. Усачук) и разрез (исполнитель – П.Ю. Барабанов). Условные обозначения: *а* – штукатурка; *б* – серый пол в апсидах; *в* – известковый раствор; *г* – ложка камней в растворе; *д* – плитка; *е* – цемьянка; *ж* – галечная подсыпка под цемьянку; *з* – темно-серый пол нартекса; *и* – камень.

столпным наосом, тремя апсидами и нартексом, занимающим всю западную часть здания. Апсиды соединяет с наосом короткая прямоугольная в плане вима, отделенная от него двумя Т-образными столпами. С северной, западной и южной сторон к ядру здания примыкали открытые притворы (рис. 1). Длина храма с западным притвором составляет 23 м; ширина, включая северный и южный притворы, – 18.6; размер без притворов – 19.9 × 10.4. Храм сильно разрушен, особенно южная и северная стены, восточная стена южного притвора, южная апсида (стена

между наосом и нартексом и южная стена наоса прослежены по фундаментам и границе пола в наосе; на южной и северной сторонах – большие ямы периода запустения, когда храм разбирали на камень). Лучше (до 1 м от уровня пола) сохранились западный и северный притворы и западная часть нартекса.

Стены здания сложены из прямоугольных и подпрямоугольных тесаных плит песчаника на известковом растворе серого цвета с примесью песка, мелких камней и отесков с забутовкой (ширина –

10–40 см) на том же растворе. Крупные ($80 \times 56.81 \times 40-42 \times 7-9.78 \times 42 \times 18.75 \times 41-42 \times 18$ см и т.п.) плиты встречаются, но преобладают средние (длина – 30–50 см, толщина – около 10). Ими выложена обращенная внутрь сторона, где больших плит нет, за исключением дверных проемов и выступающих углов. Внутри в основании стен местами сохранилась известковая штукатурка толщиной 0.5 см (северо-западный и северо-восточный углы нартекса, северо-восточная часть наоса перед вимой, некоторые откосы дверных проемов). Снаружи она нигде, кроме северного притвора, не зафиксирована.

Все стены сложены в перевязку и имеют выраженный снаружи трехступенчатый цоколь. Его высота от верха фундамента – от 20 с небольшим до 60 см, вынос от фаса стен – 16–20. Толщина стен без цоколя – около 80 см (72–88). Фундамент шириной 140–190 см сложен из плит среднего размера (прослежен на глубину 2 м, но уходит ниже). Изнутри стены наоса, западная и южная стены нартекса имеют узкую приступку-плинт, лежащий на выносе фундамента. В наосе у северной стены его высота от пола – более 30 см, ширина – 30. Кладка высотой 29 см, шириной 28–40 вдоль разобранной стены между наосом и нартексом, видимо, тоже плинт.

Основное здание имело пять входов, из которых сохранились четыре. Три вели в нартекс: западный – в центре западной стены, северный и южный – в 2.5 и 2.6 м от северо- и юго-западного углов храма, напротив друг друга. Западный проем (ширина – 120 см, с гладкими ровными откосами) – из западного притвора; три плиты нижнего ряда цоколя служили порогом с внешней сторон. Северный проем той же ширины и устройства сохранился лучше, плиты порога видны и с внешней, и с внутренней сторон. Южный проем, вероятно, повторял северный (ширина, не менее 104 см, сохранился только западный откос). Отметки проемов на близком уровне составляют –20/–23, за условный 0 принята современная поверхность у подножия холма с юго-восточной стороны памятника.

В наос можно было войти из нартекса и боковых притворов. Ось северного входа (ширина проема – 125 см, откосы гладкие) совпадает с осями притвора и наоса; обращенные внутрь плиты скрыты под цемянкой пола (известковый раствор характерного розового цвета с примесью толченого кирпича). Четкая граница цемянки в проеме указывает на местоположение двери, которая находилась в глубине проема, в 30 см от порога. На месте симметричного северному южного входа фиксируется лишь основание стены (уцелевшая рядом верхняя

плита кладки, видимо, остаток плинта южной стены, на что указывает примыкающий к ней изнутри специфический слой мелкой гальки; в наосе он лежит под цемянкой). Проем, связывавший нартекс с наосом, не сохранился из-за разрушения стены между ними.

Размер наоса изнутри (8.5–8.8 м) определен по остаткам стен и цемянки пола (8.5 м – юг; 8.7 – север; 8.8 м – запад; 8.7 – восток, по алтарной преграде). Цемянка толщиной в несколько сантиметров сохранилась в его западной и северной частях и фрагментами – вдоль алтарной преграды. Под цемянкой локально уцелела отсыпка из мелкой гальки. Почти все пространство наоса повреждено впускными захоронениями широтной ориентировки (в 2010 г. раскопано шесть могил с девятью погребениями и зафиксировано еще несколько).

В наосе (кв. 9–10 и 13–14) в слое разрушения мощностью до 80 см, как бы по углам квадрата со стороной 3.2–3.6 м, лежали четыре крупных конгломерата кладки, спаянных раствором, – части рухнувшего перекрытия и несущих конструкций. Паруса и опоры сложены из каменных плит, арки и купол – из плинф. Слой разрушения подстилался тонким слоем коричневой супеси с кусочками белой штукатурки, отложившимся на полу в период запустения, но до обрушения храма.

План здания, его уцелевшие части и аналоги позволяют описать объем наоса как состоящий из девяти частей (рис. 2): центральной купольной и восьми окружающих, куда входят рукава креста и угловые ячейки (их должны были перекрывать разнонаправленные своды). Центральный квадрат ($3.52 \times 3.24 \times 3.36 \times 3.4$ м) определяют основания подкупольных столпов, обнаруженные в полу. Это ровные площадки, отлитые из серого раствора в округлых ямах, по периметру обложенные мелким камнем, на отметках –24/–30. Форма площадок – квадратная (юго-запад, 80×80 см), прямоугольная (северо-запад, 80×56 , северо-восток, 68×80) и неправильная пятиугольная, близкая квадрату с двумя срезанными углами (юго-восток, 68×64). Площадки лежат на прямоугольных каменных фундаментных кладках, выявленных в примыкающих ямах погребений.

Арки, перекинутые от столпов к стенам, опирались на узкие пристенные лопатки. Лучше читается лопатка северной стены против северо-восточного столпа, не выходящая за плинт (ширина – 51 см, выступ от стены – 25; на всех гранях остатки белой штукатурки). Отвечающая ей лопатка на южной стене представлена наполовину разрушенным выступом (1.2 м, судя по фундаменту) из стены. Лопатки должны были располагаться против столпов

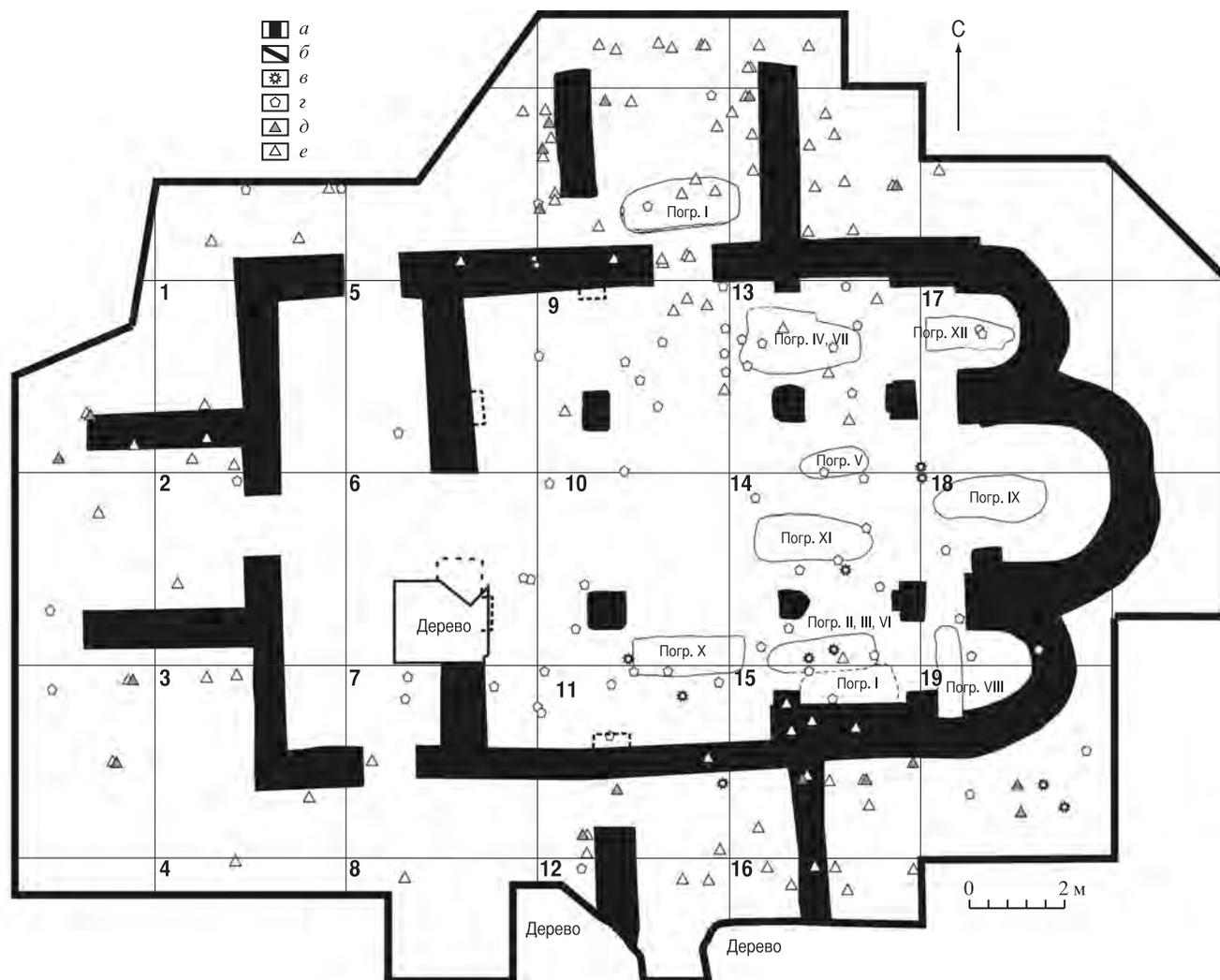


Рис. 2. Храм у с. Веселое, 2010 г. Общий план здания и расположение находок. Условные обозначения: *a* – стены храма (с реконструкцией); *b* – границы раскопа 2010 г.; *в* – резные камни; *г* – индивидуальные находки; *д* – фрагменты стеклянного сосуда; *e* – осколки оконного стекла.

на всех стенах наоса. Подпружные арки сводов восточного рукава креста и угловых ячеек рядом с ним опирались на выступы Т-образных столпов, из которых лучше сохранился оштукатуренный южный. Северный столп поврежден поздней ямой, но легко реконструируется.

В трехчастную виму ведут три ступени и три широких проема (северный – 2 м; центральный – 3,4; южный неизвестен из-за разрушения стены выше пола). Пол вимы (отметки +49/+47/+44) на 0,5 м выше пола наоса. Протяженность вимы с севера на юг – 9,1 м, ширина – 1,3. Ее боковые части соединяются с центральной проемами шириной 84–85 см, где сохранилась цемянка пола и штукатурка в основании стен. Цемянка локализуется также в северном торце вимы. Перед входом в южную ап-

сиду располагалось погр. VIII необычной в этом контексте меридиональной ориентировки, с обломком железного ножа.

Центральная апсида выдается на 4,4 м, ширина без цоколя до – 4,6. Цоколь выступает на 30 см тремя ступенями и уцелел только на стыке с северной апсидой. Отметки древней дневной поверхности у северного подножия храма (от –55 до –68) определяют изначальную высоту цоколя (40–50 см). Внешний контур апсиды и цоколя – полукруглый, неограниченный.

В среднем алтарном помещении (4,5 × 2,9 м) фиксируются два строительных горизонта. Ко второму (верхнему) относится фрагмент пола из цемянки (толщина – около 5 см, нивелировочная отметка – +40, +38) вдоль стены слева от входа. На этом

уровне от алтарной преграды к престолу когда-то вела вымостка из крупных, точно подогнанных прямоугольных плит – сохранились их четкие отпечатки в светло-сером растворе. Пять плит лежали перпендикулярно алтарной преграде: по краям – две меньшие (80×56 и 73×68 см), между ними – три большие ($97 \times 44.57 \times 81$ и $55 \times ?$), ближе к престолу помещались три остальные плиты, позже разбитые ямой впускного погр. IX.

В скругленной части алтаря цемянка уничтожена перекопом, достигшим нижнего пола (отметки от +9 до –2), который залит раствором насыщенного серого цвета и относится к первому горизонту. Перепад высот между горизонтами составляет от 32 до 40 см. Между полами – слой коричневой супеси с мелким строительным мусором. Начиная с нижнего пола в основании всей алтарной стены сохранилась желтоватая штукатурка, которая также свидетельствует о двух строительных этапах. Следы синтрона не обнаружены.

Длина северной апсиды в интерьере – 2.7 м, ширина – 1.6. В ее южной части на отметке +36 зафиксирован остаток цемянки, в основании стен сохранилась штукатурка. В апсиде обнаружено впускное погр. XII широтной ориентировки, с железным ножом. Длина южной апсиды также равняется 2.7 м. Поскольку от ее южной стороны остался лишь фундамент, внутренняя ширина определена по аналогии с северной апсидой. На восточном фасаде обе апсиды выступали почти на 3 м. В бровке, заложеной вдоль алтарной преграды, перед южной апсидой отмечена древняя дневная поверхность с отметкой –62, соотносимая с древним горизонтом у северного подножия здания. В боковых апсидах серый пол такой же, как в алтаре. В северной апсиде он лежит прямо под цемянкой (отметки +36, +30), а в южной – ниже, как в центральной (отметки –1, 0).

В 2010 г. в наосе было раскопано 12 погребений. За исключением погр. VIII все остальные ориентированы головой на запад, лежат на спине, со скрещенными (сведенными) на груди или в области таза руками; инвентаря в половине погребений нет. Эти данные позволяют считать их христианскими (единичные вещи – перстень в погр. VI, нож в погр. XII – не влияют на ситуацию). На общем фоне выделяются женское погр. VII, содержавшее набор украшений, нож и каменную поделку, и мужское погр. XI, сопровождавшееся коротким палашом и стеклянным кувшинчиком. Погр. VIII в виме резко выделяется северной ориентировкой, нехарактерной для христианского обряда.

Нартекс (9.4×3.2 м) занимает всю западную часть здания. В северной и южной его частях ме-

стами уцелел пол серого цвета (отметки –27/–31), а вдоль южной и западной стен – плинт (в отличие от наоса, выложенный неаккуратно; выступ – 26–28 см, подъем над полом – 25–30). Как и в других частях здания в нартексе основной слой связан с разрушением. В северной его части и западной половине наоса под этим слоем залегала черная супесь с большим количеством керамики, чему еще предстоит найти объяснение. Из того же слоя происходят немногочисленные обломки керамических труб, входивших в кладку.

В юго-западном углу нартекса у западной стены плинта нет, так как здесь в полу устроен люк, ведущий в находящийся под нартексом подземный склеп. Вход в него был завален камнями, после расчистки открылся тщательно выложенный прямоугольный проем (88×68 см), вплотную примыкающий к западной стене здания; отметки камней по его периметру –28/–37. Склеп – прямоугольный (8.2×2.1 м), перекрыт полуциркульным сводом по оси север–юг, сложенным из плит песчаника и обмазанным внутри серым известковым раствором. В продольных стенах – две пары небольших прямоугольных нишек (гнезда строительных балок?). На половину высоты склеп был засыпан землей, промежуток от верха завала до щельги свода достигал 180 см. Поверх завала хаотично лежали семь черепов, а в северной части – нарушенные человеческие костяки; в 2 м от входа выступал обломок ствола граненой колонки из известняка. Расчистка склепа проводилась в 2011 г. и дала замечательную находку – фрагмент резной известняковой плиты с изображением библейского сюжета “Даниил во рву львином”.

Перед тремя входами имелись притворы: северный и южный поставлены посередине боковых сторон наоса, кладка и ширина их стен те же, что у стен основного объема. Северный притвор по внешнему фасаду – 5.8 м, выступ от фаса северной стены – 3.9, внутренние размеры – 3.5×3.9 . Обе его стены имеют наружный ступенчатый цоколь (восточная – из четырех, западная – из трех ступеней), а внутри – довольно широкие основания каменных “скамей” шириной 30–45 см. В западной стене притвора устроен дверной проем шириной около 80 см, примыкающий к северной стене здания; на его северной щеке сохранилась белая штукатурка, южной щекой служил фас сильно разрушенной северной стены храма. К западу от проема у подножия стены открыто безынвентарное детское погребение. С севера в притвор, во всю его ширину, вели ступени из крупных каменных плит на известковом растворе (отметки первой –39/–45; второй –34/–30; третьей –18/–19; проступь ступеней – 12–17 см).

Притвор был плотно забит камнями развала стен (слой разрушения); ниже, над полом, лежал тонкий слой времени запустения (темно-серая супесь с кусочками белой штукатурки, комьями серого известкового раствора и редкими мелкими камнями). Пол притвора из серого раствора с отметками –25/–27 перед дверью в храм был прорезан одиночным безынвентарным погребением широтной ориентировки.

Южный притвор симметричен северному. Его восточная стена разобрана до фундамента, западная сохранилась лучше. С ее внутренней стороны тянется плинт (его верхние ряды сползли внутрь притвора, ширина по нижним – 24–32 см). Снаружи хорошо заметен трехступенчатый цоколь, на 20 см выступающий от фасада стены, и вынос фундамента на 20 см от цоколя (отметки верхней ступени +4/+8, нижней –21/–25, верха фундамента –37/–39). Раскопанная в 2011 г. южная часть притвора показала его вынос на 3.7 м и ширину фундамента обеих стен: западной – чуть более 1.5 м, восточной – не более 1.4. Ширина притвора внутри – около 3.5 м, по фасаду – около 5.2. Отметки крупных камней входной ступени с южной стороны –45/–55. В северо-западном углу, аналогично северному притвору, – дверной проем, прижатый к южной стене храма (точная ширина неизвестна, стена сильно разрушена). Пол полностью уничтожен перекопом.

Притвор был завален камнями упавших стен и перекрытия; под слоем разрушения в 45–50 см залегал переотложенный грунт с разрозненными костями человека, а ниже двумя уровнями – девять погребений. На верхнем уровне зафиксировано шесть костяков, на нижнем – три (VII, VIII, IX). Самые ранние в притворе, они относятся ко времени функционирования храма (в погр. VII встречен серебряный нательный крестик).

Западный притвор (ширина по фасаду – 5.2 м; глубина до фасада стены – 3.4; вынос фундамента – 5.5) расположен на продольной оси здания, перед входом в нартекс. Изнутри вдоль стен тянется выступ “скамьей” шириной 30–32 см. Стены стоят на трехступенчатом цоколе, из-под которого наружу выступает верхний ряд фундамента. Открытую западную сторону притвора во всю ширину ограничивает ступень из уложенных рядом плит, их отметки –30/–39. С внутренней стороны вдоль ступени в 10–20 см от нее раскопан параллельный ряд плит (отметки –39/–50). Пол разрушен захоронениями, слой запустения под слоем разрушения не фиксируется.

Притвор вместил девять погребений; как и в южном, они лежали послойно, верхние – самые поздние. На верхнем уровне аккуратно уложена

компактная группа костей (погр. I); ниже располагалось несколько костяков, включая погр. IV с западной ориентировкой, сохранившее анатомический порядок (интересная деталь – два ножа под спинными позвонками). Внизу, на глубине около 1.3 м от верха плинта, открыто безынвентарное погр. IX в гробнице из больших тщательно отесанных плит, примыкающей к фундаменту южной стены притвора (рис. 3). Возможно, это погребение ктитора храма. Напротив, у северной стены – погр. VIII, где под черепом костяка лежали шарнирные ножницы. Эти два захоронения – самые ранние.

У юго-западного угла здания, перед входом в нартекс обнаружена ровная прямоугольная площадка 4.65 × 2.16 м, примыкающая к южной стене храма. Она обмазана серым раствором, а с западной и восточной сторон обложена каменными плитами, образовавшими ступень. К центру поверхность площадки вытоптана. Площадка находится между храмом и колодецем, расположенным к югу от здания. Колодець – каменное прямоугольное сооружение-стилобат с каменным каналом внутри, сужающимся кверху. Его влажный нижний слой содержал деревянные изделия, в том числе, вероятно, детали храмового убранства с резным орнаментом.

Находки (погребальный инвентарь и предметы из культурного слоя в храме) многочисленны. Из культовых предметов отметим кресты. Железный крест с расширенными концами найден в верхнем слое завала кв. 10 (рис. 4, 1). Кресты подобного типа XI–XIII вв. встречаются в Северо-Восточном Причерноморье и, возможно, были выносными. Нательный крест из погр. VII южного притвора (рис. 4, 2) относится к мальтийскому типу креста с капельками на концах (по М. Рестле), известному в христианском мире, особенно в Закавказье (Крым..., 2003. Табл. 141, 5; 143, 10, 23). В Северо-Восточном Причерноморье он представлен в металлопластике и каменной резьбе; идентичные крестики найдены в курганах XI–XIII вв. под Новороссийском и на некрополе у храма Крион Нерон в бассейне Мзымты, построенного во второй половине X в. (Отчет..., 1897. Рис. 325; Крым..., 2003. С. 219. Табл. 100, 42; Василенко, 2010. С. 76, 77; Хрушкова, 2010. С. 347. Рис. 4). Почти идентичный бронзовый крест найден в Венгрии (могильник Nagykeresztöldek второй половины X в., см. The Ancient Hungarians, 1996. P. 291. Fig. 2). Параллели в камне дают рельефы VI–VII вв. из Мрамбы (Цебельды) и, особенно, Анакопии (вторая половина X – первая половина XI в., см. Хрушкова, 1974. С. 66. Рис. 5; Воронов, 2002. Рис. 8, 14, 17; Ендольцева, 2011а. С. 125, 132, 133. Ил. 6). Аналоги позволяют отнести крестик и само погребение ко второй

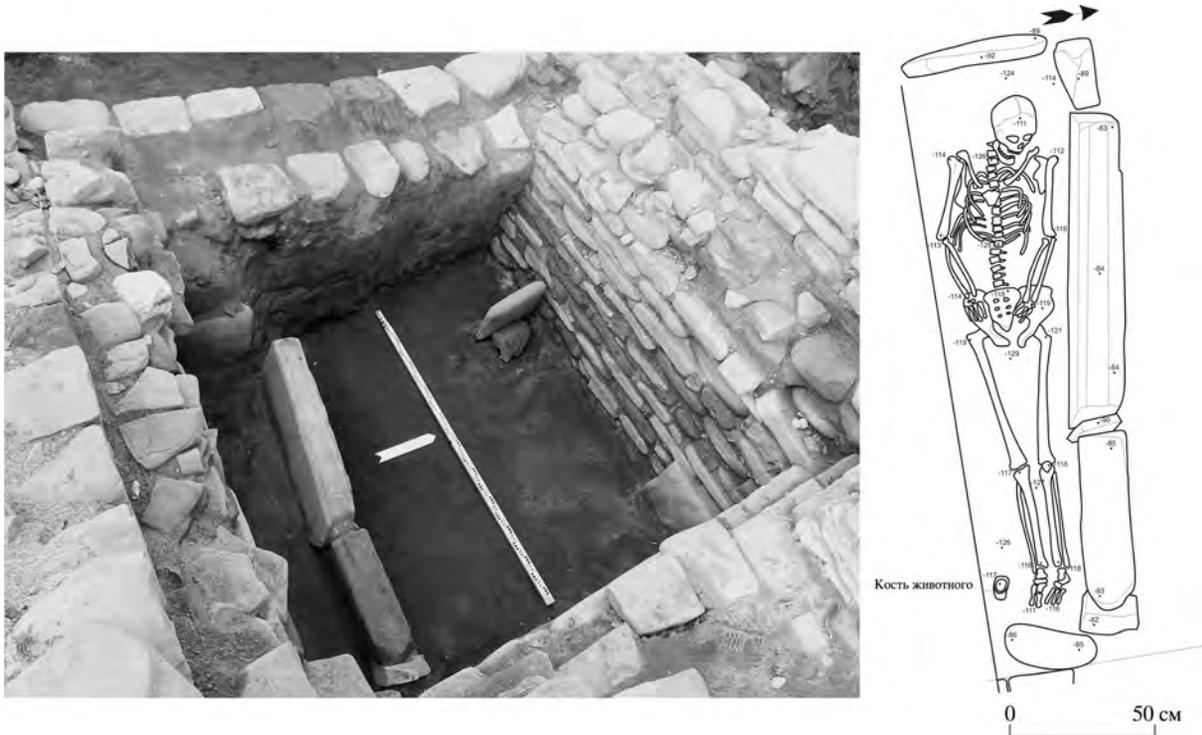


Рис. 3. Храм у с. Веселое, западный притвор: общий вид и план погр. IX.

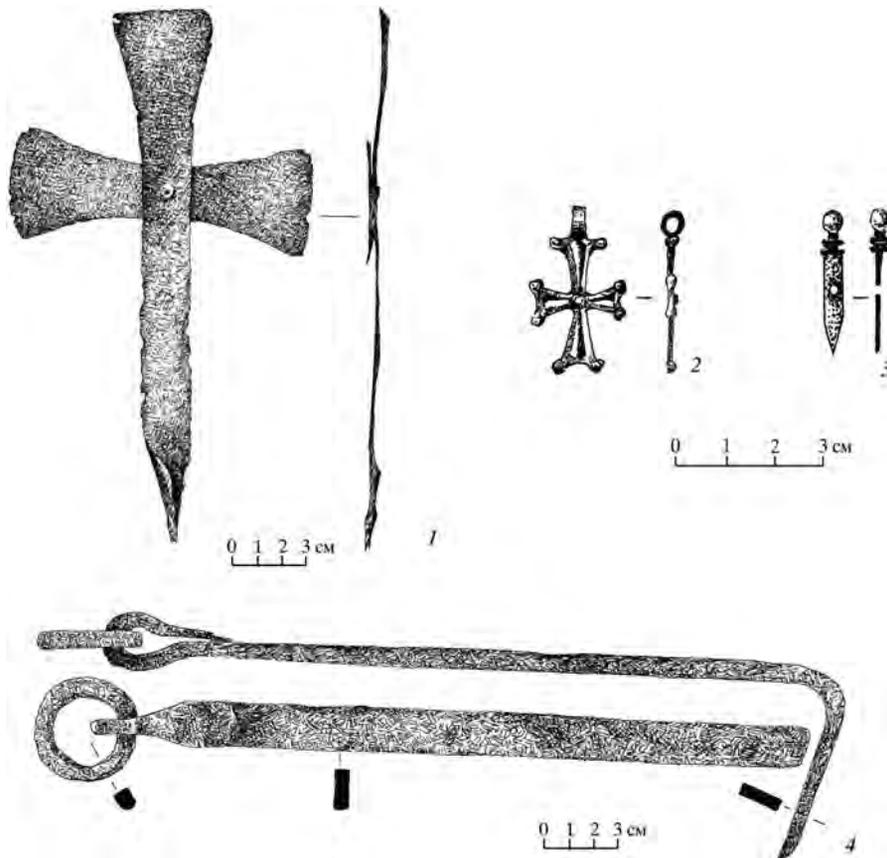


Рис. 4. Находки из храма у с. Веселое: 1 – железный крест из кв. 10; 2 – нательный крестик из погр. VII в южном притворе; 3 – бронзовая застежка из западной прирезки к кв. 2; 4 – железный кованый костыль из кв. 14 (рисунки выполнены А.Н. Лехницкой).

половине X – первой половине XI в. Это *terminus ante quem* строительства храма.

Осколки разноцветных оконных стекол-дисков диаметром 16–20 см с преобладанием в 18 см обнаружены преимущественно с внешней стороны притворов. Незначительный их процент – рельефно-орнаментированные, как считают, производившиеся только в средневековой Грузии (Щапова, 1993. С. 264–274. Рис. 3, 21–23; Валиулина, 2005. С. 59). Аналогии дают городище Нижний Архыз X–XII вв. и памятники Абхазии, хронологически не выходящие за пределы XI в. (Кузнецов, 1993. С. 244–246; Шервашидзе, 1971. С. 203, 204; Воронцов, 2002. Рис. 9, 33). Остатки оконниц не встречены. Кроме того попадались единичные фрагменты лампад с маленькими петельчатыми ручками.

Характерна для христианского комплекса и миниатюрная бронзовая книжная застежка в форме кинжала, найденная у входной ступени в западный притвор (рис. 4, 3). Похожая, но более массивная происходит из крымского храма конца XIV – начала XV в. в Биюк-Ламбате на отрогах Ай-Дере (Тесленко, Лысенко, 2004. С. 266. Рис. 11, 1–3). Они есть в древнерусских материалах конца X–XII в., их считают мечами-амулетами воинов-дружинников (Голубева, 1997. С. 155. Табл. 92, 31, 33).

Про стеклянный кувшинчик из погр. XI в. наосе можно предварительно сказать, что он одного типа с сосудами XII–XIII вв. из Сухуми и курганных погребений под Новороссийском, из некрополя у храма на горе Сахарная Головка под Адлером, построенного в конце IX – начале X в., из могильника Накалакари в Восточной Грузии (Сизов, 1889. С. 29, 149. Табл. VI, 9, 10; XXVI, 5; Отчет..., 1907. С. 128, 129. Рис. 234; Армарчук, 2010а. С. 192; Рамишвили, 2003. С. 307. Табл. 124, 7). Средневековое стекло Северо-Восточного Причерноморья трудно датировать, как и искать центры его производства, поскольку его состав не определялся. Сейчас это делается впервые для находок из Веселого, стекло исследуют И.Н. Кузина и А.Н. Егорьков.

Бытовая керамика образует три функциональных группы посуды: тарной, представленной пифосами, столовой – кувшинами и мисками, кухонной – горшками. Интересно отсутствие амфор. Внутри групп число категорий сосудов, типологическое разнообразие и состав формовочных масс крайне ограничены, каждой группе соответствует своя формовочная масса, но в разных группах встречены сосуды из одинакового теста. На некоторых черепках и сосудах отмечены густые черные потеки.

Соотношение венчиков ярко иллюстрирует преобладание кувшинов (142 экз.) над кухонными

(21 экз.) и тарными (18 экз.) сосудами; мисок всего 14. Обилие кувшинов можно связать с колодцем при храме, возможно также, что это голосники из кладки сводов и купола (как в абхазских храмах Цкелкари и Хуап, построенных не позднее XI в.) (Шервашидзе, 1967. С. 53; 1971. С. 203). Горшки характеризует отогнутый венчик, короткая шейка и яйцевидное тулово; аналоги известны в Северо-Восточном Причерноморье и на Тамани. Это относится и к пифосам распространенного в регионе типа с горизонтальным бережком венчика, по сечению близкого к треугольнику, выраженным горлом и валиком с защипами на плечиках. Свообразием отличаются конические миски с массивным дном, прямыми бортами и краем с намеченными сливами.

Слой разрушения повсеместно насыщен строительной керамикой: плинфой, черепицей, трубами. Плинфа – квадратная, прямоугольная и трапециевидная (рис. 5, 1–15). Размеры квадратных плинф – 30–30.5 × 27–28.5 × 3–5 и 38 × 34.5 × 2.5, прямоугольных – 26–29 × 13–15 × 4–5 и 30 × 23.5 × 2.8–4 и трапециевидных – 27.5–28 × 20.5–20.8 × 5 см. Квадратные плинфы часто имеют на “постели” клеймо в виде греческих букв ε (эпсилон) или ω (омега). Оно нанесено на сырой кирпич инструментом, оставившим мелкую канавку типа пальцевой. Граффити такого рода процарапаны на средневековой керамике Херсонеса XII–XIV вв. (Романчук, 1986. Рис. 2, 5б, 5д). Трапециевидная плинфа близка по форме прямоугольному треугольнику со срезаемым углом (использовалась для выкладки карнизов с наружной стороны здания, судя по хорошо сохранившемуся храму и дворцу в Лыхны, Абхазия: Хрушкова, 1998. С. 22, 72. Табл. II-3; Армарчук, 2010б. Рис. 6, 5).

Черепица делится на лотковые керамиды и желобчатые калиптеры. Керамиды трапециевидной формы, с четко выраженным внизу изгибом боковых бортиков, необходимым для фиксации (рис. 5, 16–31). Калиптеры сверху имеют поперечный уступ для крепления калиптера следующего ряда (рис. 5, 32, 33). В целом, черепица аналогична черепице из храма на Сахарной Головке конца IX – начала X в., отличаясь только однотипностью обоих видов, и близка черепице нижнего горизонта дворца в Лыхны (Армарчук, 2010а. С. Рис. 1, 1–4; 2, 3; 3, 5; Хрушкова, 1998. С. 79, 80). Одинаково и клеймение керамид с рельефом в виде простого креста. Пока это, как и на Сахарной Головке, единственный вид клеймения черепицы.

Трубы – полые цилиндры с поперечным полочковидным выступом по всей окружности, снаружи продольно расчесанные гребенчатым инструментом

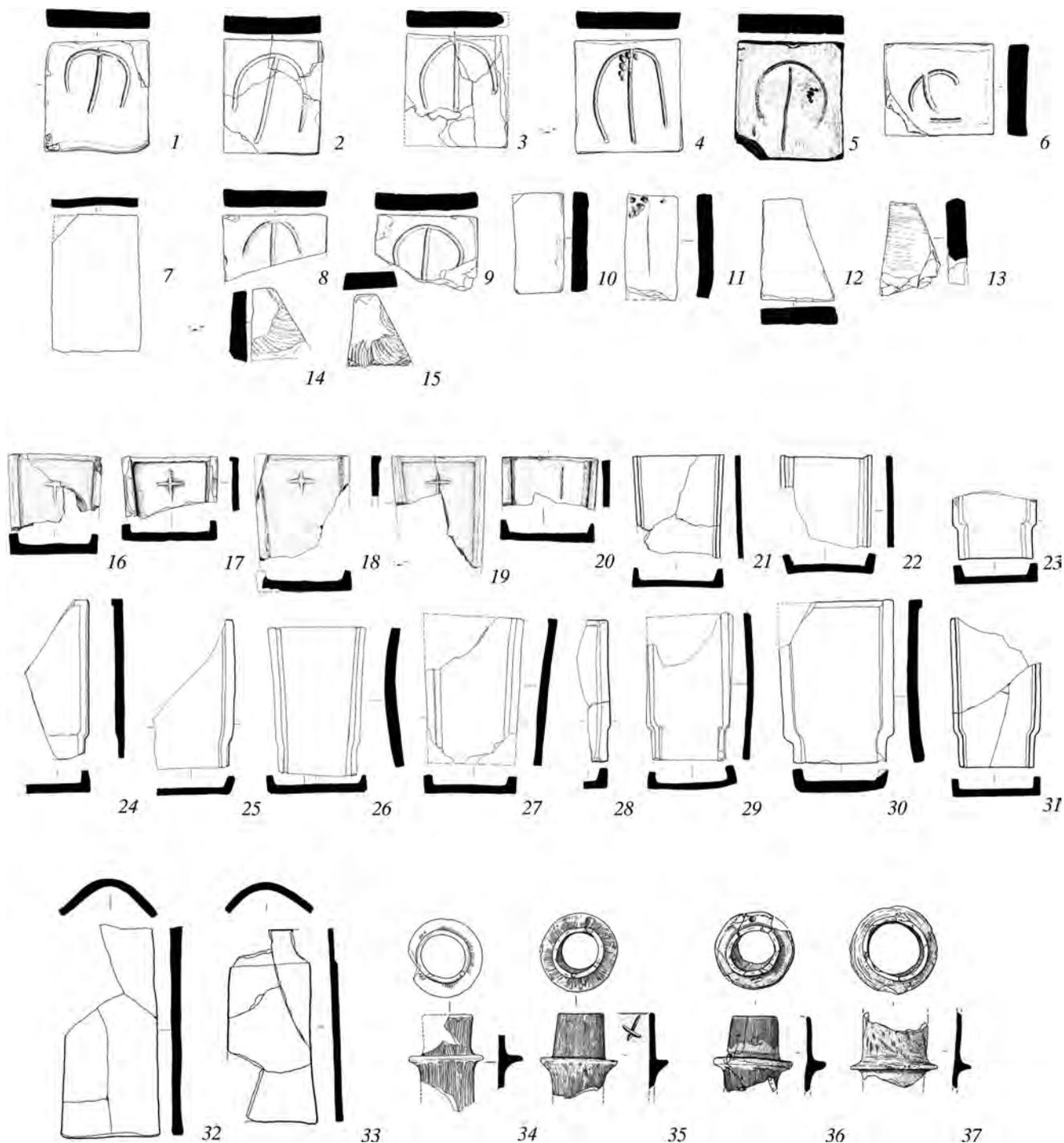


Рис. 5. Строительная керамика из храма у с. Веселое, 2010 г.: 1–15 – плинфа; 16–31 – керамиды; 32, 33 – калиптеры; 34–37 – трубы (рисунки выполнены А.Н. Лехничкой, А. Дзювым, А. Мищенко, составлены Е. Пшеничновой).

(рис. 5, 34–37). Из-за фрагментарности материала (24 обломка) их длина не определена. Судя по расположению в развале кладки, они вставлялись одна в другую.

Самая частая находка после керамики и оконного стекла – железные крупные кованые костыли

с загнутым концом и подвижным кольцом на другом конце (рис. 4, 4). Они встречены в слое развала стен и над полом храма. По кускам кладки очевидно, что костыли включены в нее в ходе строительства, а не вбиты позже: их загнутый конец утоплен во внутренний шов или в бут, а наружу выступало

подвижное кольцо, к которому крепились цепь для светильника или другой детали интерьера.

В завале наоса встречены остатки внутренней отделки храма из резного известняка. Это, во-первых, фрагменты плит с рельефами-“плетенкой” и прямолинейным и криволинейным обрамлением орнаментальной или сюжетной композиции (рис. 6, 6–8). Во-вторых, две небольшие трехчетвертные капители-“дыньки” колонок разного размера (рис. 6, 1, 2). В-третьих, обломки восьмигранных колонок толщиной 13.5 и 16.5 см (отвечающих размерам капителей), которые имели перехваты-“витые жгуты” (рис. 6, 3–5). Планиграфия фрагментов колонок и камней из развалин южной апсиды показывает, что они относились к алтарной преграде (рис. 2).

Резной камень Веселого – не первая находка такого рода в Северо-Восточном Причерноморье (Воронов, 1979. С. 104; Крым..., 2003. Табл. 94, 1–5). Пока можно заметить, что он ближе всего к резному камню раннего строительного периода храма в Лоо (Овчинникова, 1997. С. 13, 14. Табл. XII; 2010. С. 403, 408. Рис. 8). Не менее важно сходство с плетенками плит храмов в Анакопии (Ендольцева, 2011а. С. 142–189) и Бзыбского (Рчеулишвили, 1988. Табл. 8).

Особый интерес представляет найденный в подклете блок плотного известняка с резными изображениями (рис. 6, 9). Он имеет в верхней части две поверхности, сходящиеся под тупым углом, что характерно для верхних балок темплов, алтарных преград средневизантийского времени. Похожее по форме блоки есть в церкви Феодора в Анакопии и в Херсонесе (Ендольцева, 2011б. С. 127–129). На узкой грани блока из Веселого вырезана плетенка, на переломе – витой жгут, а на широкой части (видимо, это низ алтарной преграды) – сюжет “Даниил во рву львином” (рис. 6, 10). Справа от сюжета – узел плетенки (такой же должен быть слева, но эта часть отломана). Даниил изображен с воздетыми руками, лвы у его ног обращены головами вниз – иконографическая схема, характерная для византийского искусства. Рельеф выполнен в обобщенной манере, разделка – графичная, неглубокая, но контуры фигур полны экспрессии. Подобная сюжетная резьба в Восточном Причерноморье – не уникальна, но очень редка. В соседней Грузии нам известен только один пример рельефа с таким сюжетом – плита престола храма Св. Саввы в Сафаре (Материалы по археологии Кавказа, 1894. С. 84. Табл. XXXIII). Он гораздо более стагичен и разработан, а лвы даны на горизонтальной поверхности. Стилиевой аналог находим в плитах иконостаса небольшого храма Воронова в Абхазии (Материалы по археологии Кавказа, 1894. С. 21–23. Табл. VII, VIII). Плоскостный,

декоративный стиль близок также плитам X в. из Херсонеса (Якобсон, 1964. С. 70. Табл. XVI). Помимо крестов и растительных орнаментов архитектуры некоторых темплов средневизантийского времени украшали фигуры святых (Лазарев, 1971. С. 110–136). В эту линию становится и рельеф из Веселого.

Архитектура храма вписывается в круг памятников Абхазии и Алании IX–XI вв. Наиболее близок план храма в Лыхны (Абхазия), вероятно, X в. (Рчеулишвили, 1988. С. 36–45). Сравнение показывает, что это произведения не просто одной архитектурной школы, но одного ее направления, едва ли не одной строительной артели. Оба храма – девятидольные, типа вписанного креста с короткой вимой и тремя полукруглыми снаружи апсидами, средняя из которых сильнее вынесена к востоку. Виму от наоса отделяют небольшие Т-образные столбы, к ним обращены выступающие из стен узкие лопатки. Западная треть наоса увеличена, так что подкупольное пространство сдвинуто к востоку. Фасады не имеют членений. С запада – нартекс, равный по ширине наосу, вероятно, двухъярусный, с хорами во втором ярусе. С трех сторон выступают открытые притворы с двумя боковыми стенками и аркой на торце.

Разница заключается в деталях: боковые притворы в Лыхнах имеют входы в средней части западных стен, а в Веселом – вдоль стен наоса. В Лыхны апсиды изнутри подковообразные, а в Веселом – нет. В Лыхны нет боковых входов в нартекс, а в Веселом зафиксированы входы с севера и юга.

Церковь в Веселом планом похожа и на так называемый храм Симона Кананита в Новом Афоне. Он имел боковые притворы (Рчеулишвили, 1988. С. 31–36; Белецкий, Виноградов, 2011а. С. 19–21), но его средняя апсида – пятигранная (чего нет в Лыхны и Веселом), а внутри все апсиды подковообразные.

Храм в Веселом на фоне архитектуры абхазско-аланского круга выделяет очень важная деталь: он имел подкупольные опоры из цельных блоков камня (возможно, составные из двух-трех камней). Судя по отпечаткам раствора, они были из одного материала, с равным давлением, круглые или восьмигранные, шириной в сечении не более 80 см, что для каменной или кирпичной кладки необычайно мало – в памятниках Абхазии и Алании ширина столба – около 1 м. Ближайшие памятники с колоннами в основании подкупольных опор – в Крыму (Херсонес, Лаки, Керчь) и в Трапезунде: ни в Абхазии, ни в Алании они пока неизвестны. Наиболее вероятно использование колонн восьмигранного сечения или в виде квадрата с фасками на углах, как в церкви крымского селения Лаки (Якобсон, 1934. С. 97–110).

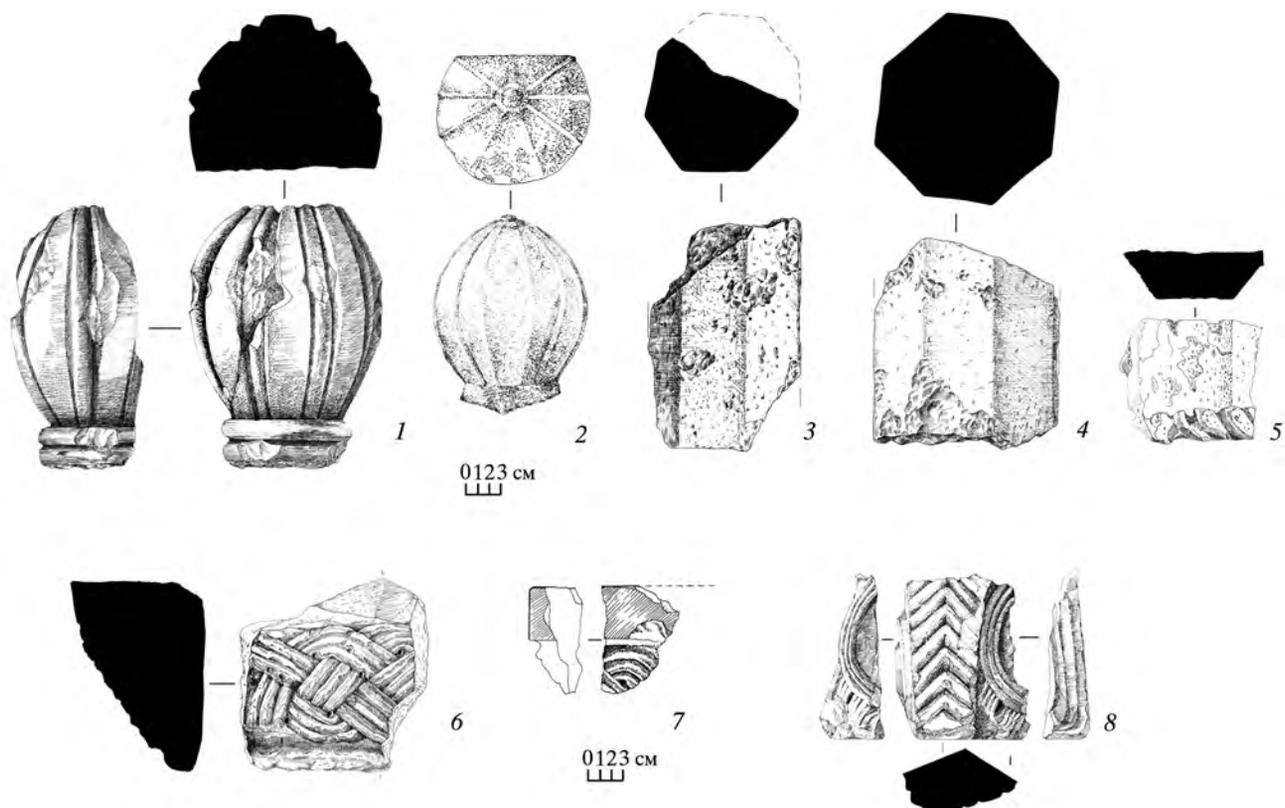


Рис. 6. Резной камень из храма у с. Веселое: 1, 2 – капители колонок (кв. 11, 14, 19); 3–5 – колонки (кв. 17–19); 6–8 – фрагменты плит (кв. 11, 14) (рисунки А.Н. Лехницкой, А.И. Мищенко); 9 – плита с сюжетом “Даниил во рву львином” *in situ*, в склепе (съемка А.А. Клещенко); 10 – фрагмент плиты с сюжетом “Даниил во рву львином” (съемка Вл.В. Седова).

Еще две важные особенности – склеп под нартексом и колодец к югу от него. Сочетание храма с колодцем нигде в Восточном Причерноморье не отмечено (глубокий колодец в совхозе “Южные культуры” не изучен). Нам неизвестны и обширные сводчатые склепы в церковной архитектуре Абхазии, Алании, Трапезунда. Аналогом могут служить склепы под двумя храмами Херсонеса, вероятно, XIII в. (храмы 6 и 9; Якобсон, 1950. С. 235–240), но они лежат не строго под нартексом, а заходят под наос. Более точная аналогия – церковь (VII в.) в Юса Тепеси под Стамбулом, относящаяся к типу “компактный вписанный крест” у нее под нартексом – погребальный склеп с двумя коробовыми сводами, ориентированными так же, как в Веселом, и разделенными подпружной аркой (Müfid, 1933. P. 210–229; Ruggieri, 1995. P. 174–176).

Таким образом, выстраивается цепочка храмов с севера на юг: Веселое – Лыхны – Новый Афон. Первый выглядит типичным памятником абхазской архитектуры и передаточным звеном при ее распространении из Абхазии в Аланию по долине Мзымты. Известно, что Северный Зеленчукский храм X в. очень близок к церкви в Лыхны (Кузнецов, 1977. С. 27–48; Перфильева, 1992. С. 180–201; 2004. С. 182–216; Саканиа, 2008. С. 861; Белецкий, Виноградов, 2011б. С. 288–294). Теперь ясно, что он близок и к храму в Веселом, стоящему севернее, ближе к Алании, за Кавказскими горами. Их планы схожи, кроме того, в отличие от абхазских памятников, апсиды храмов в Веселом и Северном Зеленчукском внутри – не подковообразные, а пол алтаря поднят относительно наоса.

Храм датируем IX–X вв. (предпочтительна первая половина X в.). Основанием служит общая картина архитектуры Абхазского царства, развивавшейся именно в IX–X вв. Он возник, видимо, во второй трети столетия, до или во время строительства ключевых зданий Алании X в., особенно Северного Зеленчукского храма: зодчие Алании могли ориентироваться в том числе на храм в Веселом. Архитектурную дату храма поддерживают находки, демонстрируя общую для всей северной Абхазии рубежа I–II тыс. н.э. материальную культуру.

Храм можно было бы счесть типовым памятником абхазской школы, но необычные элементы, особенно подкупольные колонны, выделяют его в особый подвид, испытавший прямое влияние региональных школ византийской архитектуры, Херсонеса или Трапезунда. Склеп под нартексом свидетельствует о том, что храм строили, возможно, как родовую усыпальницу, а присутствие в комплексе колодца – о желании обеспечить комфорт. Осторожно предположим, что храм был монастырским, где погребали монахов и членов рода ктиторов. Между XI и XIII вв. он рухнул (при землетрясении?),

но развалины долго оставались почитаемым местом, где хоронили прихожан.

Храм в Веселом – значительный новый памятник архитектуры византийского круга IX–X вв., созданный в традиции абхазской школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н.В.* Отчет о работе Черноморской археологической экспедиции в 1956 г. Краснодар, 1957 // Архив ИА РАН. P-1. № 1385.
- Армарчук Е.А.* Христианский храм на горе Сахарная Головка под Адлером: планировка и строительные особенности // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков. СПб., 2010а (Тр. ГЭ; LIII).
- Армарчук Е.А.* Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная Головка в окрестностях Адлера // Материалы по истории и археологии Северного Кавказа. Вып. 10. Армавир, 2010б.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Храмовая архитектура Анакопийской крепости // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. СПб., 2011а.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011б.
- Бжания В.В.* Отчет о работах Причерноморской экспедиции Института археологии АН СССР на территории Имеретинской долины в 1972 г. М., 1973 // Архив ИА РАН. P-1. № 4924, 4924а.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии. Казань, 2005.
- Василиненко Д.Э.* О времени возведения церкви у родника Крион Нерон (с. Лесное, Адлерский р-он г. Сочи) (к вопросу о генезисе храмов плана “*croix libre*” на Северном Кавказе) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Магас, 2010.
- Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Сочи, 1979.
- Воронов Ю.Н.* Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.; Магнитогорск, 2002.
- Голубева Л.А.* Амулеты // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 (Археология).
- Джопуа А.И., Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А.* Новые поселения эпохи бронзы – раннего железного века на территории Имеретинской низменности и их место в системе поселенческих древностей Северо-Западного Закавказья // Пятая Кубанская археолог. конф. Краснодар, 2009.
- Индольцева Е.Ю.* Каменные рельефы Анакопии // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. СПб., 2011а.
- Индольцева Е.Ю.* Об одном мотиве украшения алтарных преград в Западном Закавказье // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Вторая Абхаз-

- ская международная археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапша. Сухум, 2011б.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Кузнецов В.А. Северный Зеленчукский храм X века // СА. 1964. № 4.
- Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X–XII веках. Феодальный город Алании. Ставрополь, 1993.
- Лазарев В.Н. Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон // Византийская живопись. М., 1971.
- Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894.
- Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Изв. ИАК. 1909. Вып. 33.
- Мимоход Р.А. Археологические разведки на участке строительства олимпийских объектов в Имеретинской низменности (Адлерский р-он г. Сочи Краснодарского края) в 2008 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН.
- Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А. Новые данные о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа (К 70-летию Ю.Н. Воронова). Сухум, 2011.
- Недоля И.К. Отчет по обследованию памятников Средневековья в районе Большого Сочи за 1954–1968 гг. Сочи, 1969 // Архив Музея истории города-курорта Сочи. Ф. 1. Д. 23.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 г. СПб., 1897.
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1904 г. СПб., 1907.
- Овчинникова Б.Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987–1996 гг.) // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997.
- Овчинникова Б.Б. Лооский храм Большого Сочи // Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб., 2010.
- Перфильева Л.А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северо-Западного Кавказа X–XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.
- Перфильева Л.А. Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004.
- Рамишвили Р.М. Грузия в эпоху развитого средневековья (X–XIII вв.). Погребальные памятники и обряд захоронения // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Романчук А.И. Граффити на средневековой керамике из Херсонеса // СА. 1986. № 4.
- Рчеулишвили Л. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988.
- Саканиа С.М. Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукского храмов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. М., 2008.
- Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М., 1889.
- Тесленко И.Б., Лысенко А.В. Средневековые христианские памятники на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, 2004.
- Хрушкова Л.Г. О рельефах из Анакопии // Сборник работ молодых ученых-историков Абхазии (К 100-летию Д.И. Гулия). Сухуми, 1974.
- Хрушкова Л.Г. Мраморные византийские изделия Восточного Причерноморья // Вестн. Отдел. обществ. наук АН Грузинской ССР (“Мацне”). Сер. история, археология, этнография, история искусства. № 4. Тбилиси, 1976.
- Хрушкова Л.Г. Лыхны: средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998.
- Хрушкова Л.Г. Группа бронзовых литых крестов эпохи средних веков из Северо-Восточного Причерноморья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Магас, 2010.
- Шервашидзе Л.А. Цкелкари (Ацкар) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Шервашидзе Л.А. Неизвестные памятники Абхазского царства в селе Хуап Гудаутского района Абхазской АССР // Археологические исследования в Грузии. Тбилиси, 1971.
- Щапова Ю.Л. Стекланные изделия с городища Нижний Архыз (результаты анализа и комментариев) // В.А. Кузнецов. Нижний Архыз в X–XII веках. Феодальный город Алании. Ставрополь, 1993.
- Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 11, 12.
- Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.). М.; Л., 1950.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Л., 1964.
- The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest, 1996.
- Müfid A. The Excavation of the Balaban Agha Mesdjidi in Istanbul // The Art Bulletin. V. 15. № 3. 1933.
- Ruggieri V. L'architettura religiosa nell'impero Bizantino (fine VI–IX secolo). Messina, 1995.

ДВЕ ГЛИНЯНЫЕ АМПУЛЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТОГО МИНЫ ИЗ КРЫМА

© 2012 г. Д.В. Журавлев

Государственный Исторический музей, Москва (denzhuravlev@mail.ru)

Ключевые слова: *ампулы, св. Мина, христианство, паломничество, ранневизантийский Херсон, Боспор.*

The article is devoted to two with image of St. Menas from the State Historical Museum, which were found in Chersonesos and in Bosphorus in the late 19th c. Pilgrims used such ampulles for holy water or oil from the monastery of Abu Menas in Egypt in the 6th – first half of the 7th cc. AD.

За последние годы в отечественной литературе появилось несколько интересных исследований о материальных памятниках, связанных с христианским паломничеством (см., например, Мусин, 2009, с литературой; Тысяча лет русского паломничества, 2009). Задача публикуемой статьи – ввести в научный оборот два малоизвестных ранневизантийских памятника из собрания Государственного Исторического музея (ГИМ), свидетельствующих о существовании института паломничества и в раннесредневековом Крыму. Автор, не будучи специалистом в области истории раннего христианства или византийской археологии, тем не менее считает своим долгом музейного хранителя опубликовать памятники, долгое время ускользавшие от внимания исследователей.

Находкам ранневизантийского времени в ГИМ всегда придавалось особое значение. Еще в “Указателе памятников” было отмечено, что материалы из Херсонеса должны показывать “...главным образом историю этого города в христианские времена, что вполне соответствует историческому значению Херсонеса как рассадника христианства в Черноморье” (Императорский Российский Исторический музей..., 1893. С. 435). Недолгое время в музее существовал даже специальный Отдел византийских древностей, открытый 15 февраля 1924 г. (впоследствии упраздненный), в котором и хранились разнообразные коллекции и предметы этого периода (Отдел византийских памятников, 1924; Об интенсивной научной работе отдела и о поступавших в него памятниках см., например, Отчет ГИМ..., 1926. С. 47, 48, 78–80). К сожалению, в XX в. традиция изучения христианских древностей в нашей стране на долгие годы прервалась, но сегодня эта тема вновь пользуется пристальным вниманием специалистов.

Одним из надежных материальных свидетельств существования института паломничества в ранневизантийское время являются ампулы, использовавшиеся для святой воды или ароматических масел и привозимые пилигримами из далеких путешествий. Они были одной из разновидностей евлогий (благословений), “которые охраняли в пути и с которыми переносилась в родную землю часть благодати посещенного священного места” (Беляев, 2000. С. 94). Обычно ампулы изготавливались из недорогих материалов – глины, свинца или бронзы, а потому стоили недорого и были широко распространены (Kaufmann, 1910; Metzger, 1981; Kiss, 1989; Каковкин, 2001; Anderson, 2004. Р. 79–93). Изображения и надписи на ампулах позволяют соотнести их с определенными христианскими монастырями или иными культовыми местами, что дает возможность проследить паломнические связи населения того или иного центра.

В Отделе археологических памятников ГИМ хранится ампула с изображением св. Мины, происходящая из Керчи (Журавлев, 2002. С. 98; 2005. С. 140; Журавлев, Ломтадзе, 2002. С. 36. № 72) (рис. 1, 1). К сожалению, точного паспорта находка не имеет, так как была приобретена “на торгу” в 1893 г. (ГИМ. Инв. № 27635. Оп. Б-1003. № 1)¹. Ампула округлая, немного вытянута в верхней части, обе стороны оттиснуты в рельефной форме, швы

¹ В Главной инвентарной книге музея в записи от 8 апреля 1893 г. отмечено, что “сосуд византийский, неизвестного происхождения”. В коллекционной описи рукой хранителя античной коллекции Н.П. Сорокиной написано: “В общинвентарной книге указано, что происхождение этого сосуда неизвестно, а на самой флаге написано, что она из Керчи”. Надо отметить, что перед выставкой 2002 г. в процессе реставрации старая надпись была смыта, а затем ампула была зашифрована заново номерами ГИМ и по описи.

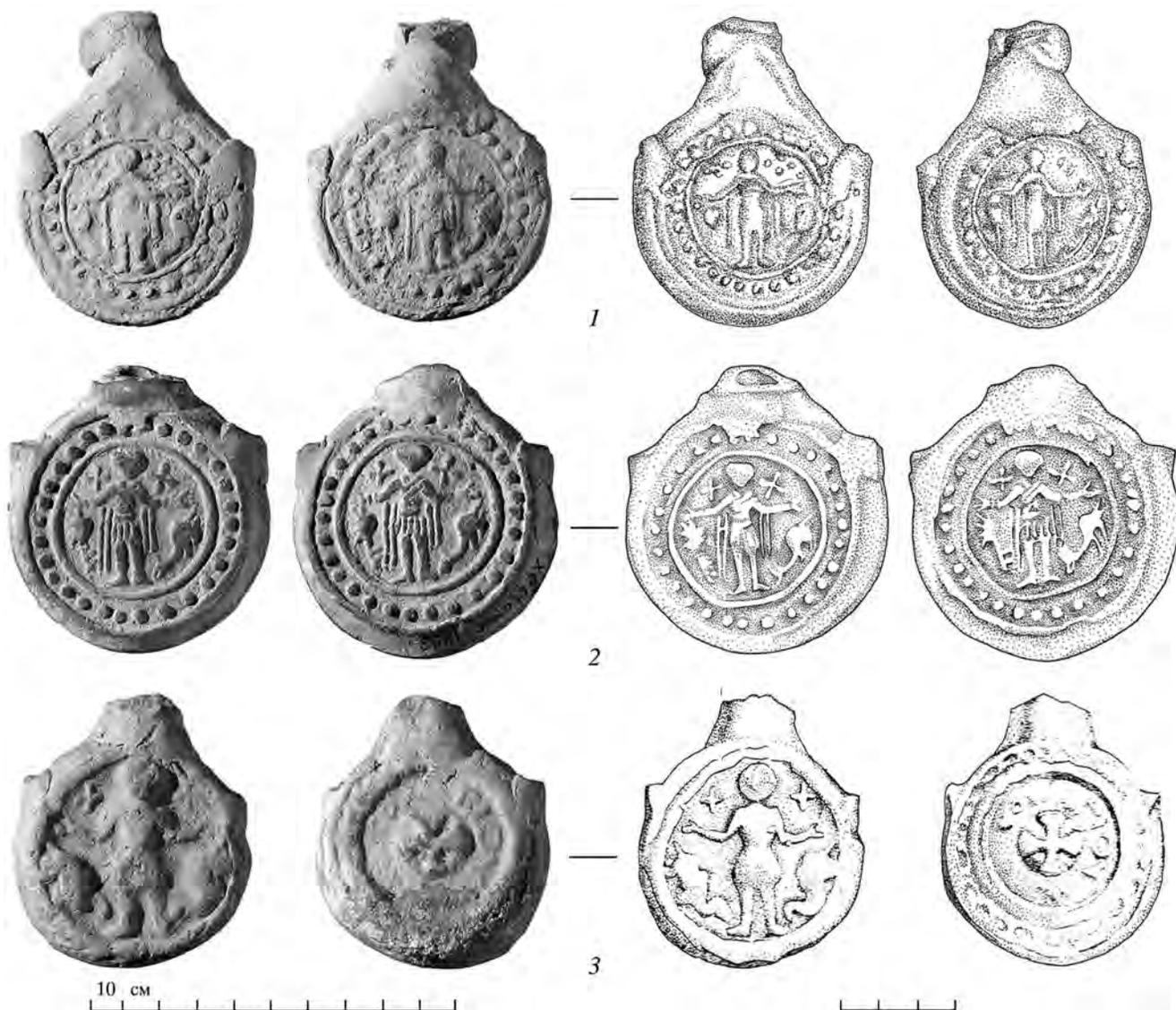


Рис. 1. Ампулы с изображением св. Мины из собрания ГИМ: 1 – Керчь, “покупка на торгу”; 2 – Херсонес, раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича; 3 – Египет, дар Н. Булычева. Фото И.А. Седенькова. Рисунки А.Н. Трифионовой, И.В. Рукавишниковой.

заглажены не очень аккуратно. На обеих сторонах представлено изображение св. Мины в позе оранта, внизу – припавшие к его ногам верблюды. По бокам от головы святого с одной стороны – изображения четырех рельефных точек, расположенных в виде креста, с другой – плохо оттиснутые кресты (?) или, возможно, аналогичные точки. Изображение окружено точечным ободком, заключенным между двумя валиками. Ручки ампулы и большая часть горла утрачены. Размеры – 7,8 × 6,2 см. Глина – светло-коричневая или желто-коричневая (10R 7/4–7/6; все цвета указаны по таблицам: Munsell Soil Color Charts, 1992), с едва заметными блестками и белыми известковыми (?) включениями. По-

верхность сосуда – неровная, детали изображения оттиснуты плохо и нечетко.

Вторая ампула (ГИМ. Инв. № 39319. Оп. Б-786. № 204; Оп. Б-123. № 74) (рис. 1, 2) происходит из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1898 г. (Тысяча лет русского паломничества, 2009. С. 36. № 5). К сожалению, мне не удалось более точно установить место ее находки².

² В Отчете о раскопках за 1898 г., опубликованном К.К. Косцюшко-Валюжиничем (Отчет..., 1901), никаких сведений об ампуле нет. В описи Отдела византийских древностей № V (Л. 279), хранящейся в Отделе археологических памятников ГИМ, существует следующая запись: “Круглая двусторонняя

Предварительную публикацию этого памятника уже представила Т.Ю. Яшаева (2005. С. 203. Рис. 5а, б). Амбула – округлая, оттиснута в двух формах, шов между двумя половинками хорошо заметен; на нем фиксируются отпечатки пальцев мастера по сырой глине. В центре – медальон с изображением св. Мины в позе оранта в коротком хитоне и длинном плаще между двумя крестами; внизу по бокам – два коленапреклоненных верблюда. Изображение окружено точечным ободком, заключенным между двумя валиками. Горло и ручки утрачены, на поверхности ампулы заметны трещины. Размеры – 5.9 × 5.6 см. Детали хорошо проработаны, все контуры фигур различимы. Глина более темного тона, чем у ампулы, происходящей из Керчи, – коричневая или темно-коричневая (10R 5/4–4/4). Сколов на сосуде нет, поэтому достоверно определить примеси в его тесте сложно: видны лишь редкие белые включения.

Подобные ампулы традиционно связываются³ с монастырем Абу Мины, центром почитания св. Мины, расположенным в 45 км юго-западнее Александрии. Посвященная им литература огромна (см., например, Kaufmann, 1910; Metzger, 1981; Kiss, 1989; Каковкин, 2001; Anderson, 2004. Р. 79–93, со списком литературы). Известны и формы для изготовления подобных ампул (Kaufmann, 1910. Taf. 82; Die Welt von Byzanz..., 2004. S. 202, 203. № 285). Уникальность публикуемых ампул прежде всего состоит в том, что это первые (и пока единственные) находки подобных изделий с территории Боспора и Херсонеса⁴. Собственно, сами ампулы св. Мины

форма для отливки икон. Верхняя часть отбита”. (Далее той же рукой: “Круглая ампула для священного масла с изображениями святых на обеих сторонах. Верхняя часть отбита”. Далее другой рукой исправлено: “С одинаковым изображением Даниила между львами. Горлышко и ручки отбиты”. Тут же о месте находки сказано: “Херсонес, 1898 г. Место нахождения неизвестно”. Информация из этой описи повторена и в описи Б-786. В Отношении Императорской Археологической комиссии от 03.07.1901 г. за № 1183 ампула, вероятно, фигурирует под № 74 в числе прочих “образцов глиняной посуды” (во всяком случае, согласно данным инвентарной карточки музея). Так же она, очевидно, значится и в коллекционной описи Б-123, практически дублирующей текст Отношения.

³ К сожалению, я не располагаю результатами анализа глины публикуемых сосудов, поэтому возможности однозначно определить центр их производства у меня нет.

⁴ В свое время известный исследователь средневекового Херсона А.Л. Якобсон отмечал, что “глиняные ампулы... в Херсонесе вообще, насколько знаем, не были еще найдены” (1959. С. 328, 329. Сноска 3). В то же время В.В. Латышев указывал, что “...по сообщению Е.М. Придика, в Керчи в коллекции А.В. Новикова хранятся две ампулы с именем св. Мины, найденные, по словам владельца коллекции, в Керчи”. Он же не исключал того, что “...очень может быть, что в массе древностей, открытых при раскопках в Херсонесе и хранящихся на местном складе, уже имеются обломки подобных ампул с

присутствуют во многих музейных собраниях, в том числе и отечественных (Искусство Византии в собраниях СССР, 1977. С. 201. № 197; Залесская, 1994. С. 144. № 198–200; 2006. С. 230, 231. № 546, 547), но своим происхождением они не связаны с Северным Причерноморьем.

К этому значительному списку аналогий добавлю еще один экземпляр ампулы св. Мины (рис. 1, 3), также хранящийся в ГИМ и происходящий из Египта (дар Н. Булычева; ГИМ. Инв. № 93993. Оп. Б-1488/№ 15). Одна из сторон ампулы близка описанным выше, на второй представлен мальтийский крест в центре и полустертая надпись TOY [A] ΓΙΟΥ [MHNΑ]. Размеры – 5.8 × 7 см. Амбула выполнена очень грубо, оттиск – низкого качества. Глина – желто-коричневая (7.5 YR 6/6), с белыми включениями. Аналогии подобным сосудам весьма многочисленны (Metzger, 1981. Р. 31, 32. № 49–54; Kiss, 1989. Р. 26, с литературой).

Датировка ампул с изображением св. Мины традиционно широка: VI–VII вв.⁵ Верхняя дата ограничена арабским завоеванием Египта (639–654 гг.). В результате польских раскопок в Ком-эль-Дикка все ампулы были получены из стратифицированных комплексов. Согласно периодизации, предложенной З. Кисс, наши ампулы относятся к III периоду производства, т.е. к 610–650 гг. (Kiss, 1989. Р. 14–18). Впрочем, полностью исключить вторую половину VI в. н.э. мы также не можем – монастырское производство “сувенирной продукции” существовало долго, а иконография изображений на ампулах на протяжении длительного времени оставалась неизменной. Амбула из Египта, вероятно, более ранняя, чем крымские, и датируется в пределах 560–610 гг. (Kiss, 1989. Р. 22–26).

О распространении глиняных ампул с изображением св. Мины в Крыму есть и косвенные данные. Так, в могильнике Лучистое (склеп 10, слой 3 с инвентарем первой половины VII в.)⁶ найдены двухсторонние медальоны, состоящие из двух штампованных из тонкой бронзовой пластины половинок, соединенных пастовым заполнением. Диаметр – 2.1 и 2.2 см. На одной стороне медальонов традиционно изображен св. Георгий на коне, поражающий змея, на другой – св. Мина в сопровождении

рельефным изображением” (Латышев, 1899. С. 39. Сноска 2; С. 41).

⁵ Самые ранние ампулы датируются временем правления императора Зинона (474–491 гг.). Соответственно в Ком-эль-Дикка ампулы I периода относятся к 480–560 гг. (Kiss, 1989. Р. 18–22).

⁶ Эта датировка удивительным образом совпадает с хронологией публикуемых ампул: возможно, мы действительно имеем основания говорить о попадании ампул св. Мины в Крым лишь в первой половине VII в.

склоненных перед ним верблюдов (Айбабин, 1990. С. 68, 69. Рис. 55, 2, 3; Айбабин, Хайрединова, 2004. С. 3; 2008. С. 175. Табл. 41, 13, 14)⁷. А.И. Айбабин справедливо полагает, что изображение св. Мины на медальонах могло быть заимствовано с глиняных ампул (1990. С. 69)⁸.

Находки керамики V–VII вв. из Северной Африки хорошо известны как в Херсонесе, так и на Боспоре. Уже давно не секрет, что существовавшая много лет в отечественной литературе точка зрения о значительном количестве североафриканской краснолаковой керамики была основана на недоразумении и неправильной атрибуции огромного массива материала (см., например, Сазанов, 1994. С. 407–410). Тем не менее в Северном Причерноморье известны находки как краснолаковых сосудов (Боспор: Айбабин, 1999. Рис. 55, 5; 56, 5; Смокотина, 2009. С. 150, 151; 2010. С. 416–418; Ермолин, 2006. С. 14. Рис. 21; Танаис: Arsen'eva, Domzalski, 2002. P. 433–435. Fig. 19, 648–652; Херсонес и его округа: Голофаст, 1996. С. 77–84; 2001. С. 107, 108. Рис. 19, 5; С. 108, 109. Рис. 26, 9; С. 111. Рис. 38, 10; Веймарн, 1963. С. 24. Рис. 13, 1, 1а; Ольвия: Крапивина, Домжальский, 2008. С. 79. Рис. 2, 1–7), так и тарных амфор (Романчук и др., 1995. С. 44, 45. Табл. 13, 90; Сазанов, 1991. С. 70. Рис. 13, б) достоверно североафриканского производства. Добавлю к ним и немногочисленные находки африканских светильников, происходящие в основном из Херсонеса (Chrzanovski, Zhuravlev, 1998. P. 155–160. № 93–98; Залеская, 2006. С. 212, 213. № 489, 492); на Боспоре их находки просто уникальны (Масленников, 1998. Вклейка В7, 5). Значительно больше в Северном Причерноморье известно керамики и светильников, происходящих из сопредельных регионов: Сирии или Палестины (Голофаст, 1990. С. 50–54; Журавлев, 2007. С. 339–355, с литературой). Но в отличие от публикуемых ампул они были обычной посудой или осветительными приборами, а не паломническими евлогиями. Соответственно и пути попадания в Крым у них различались.

Остается добавить, что находки ампул с изображением как св. Мины, так и других святых известны с территории и других регионов Причерноморья, например Болгарии (Gerashimova, 1997. S. 140–155; Shtereva, 1999. P. 85–88) и Румынии (Barnea, 1995. S. 509–514. Taf. 61).

⁷ Близкий бронзовый медальон обнаружен и на территории могильника Суук-Су: с одной стороны изображен св. Георгий, с другой – св. Даниил со львами (Репников, 1906. С. 25, 67. Табл. XII, 4; ср. Айбабин, Хайрединова, 2004. С. 3).

⁸ По мнению С.Б. Сорочана, св. Мина был популярен здесь потому, что “он не только обладал даром исцеления, но и являлся покровителем путников и торговцев, путешествовавших по местным дорогам и центрам хоры Дори” (2005. С. 296).

К сожалению, мы не располагаем информацией о боспорских паломниках в позднеантичное–ранневизантийское время⁹. Херсонесские же паломники, судя по всему, совершали путешествия не только в далекий Египет (Яшаева, 2005. Рис. 7). Из Херсонеса происходят также находки амфорисков из Эфеса¹⁰, возможно, связанных с культом св. Иоанна Крестителя (Голофаст, 1990. С. 50–54. Рис. 1, 3, 4; 1994. С. 216, 217; ср. Кленина, 2009. С. 17. Ссылка 15)¹¹. Находки амфорисков малоазийского производства, используемых паломниками, зафиксированы и в других причерноморских центрах, например в Новах (Кленина, 2009. С. 14–34).

В Херсонесе также известны евлогии с изображениями св. Фоки (Ошарина, 2003. С. 54–66, с литературой). Кстати, О.В. Ошарина не исключает, что ампулы с изображением св. Мины могли послужить “прототипом для создания образа св. Фоки” (2003. С. 57, дискуссия о различных версиях использования данного штампа). Хорошо известный штамп с изображением двух святых, также хранящийся в ГИМ, мог служить и для изготовления евлогий¹². Сам Херсонес также мог быть местом “малого” паломничества (Яшаева, 2002. С. 155–158; Ошарина, 2003. С. 62), особенно учитывая связанные с городом имена Андрея Первозванного или святых римских пап Климента и Мартина.

Таким образом, две ампулы с изображением св. Мины из Керчи и Херсонеса, вот уже более 100 лет хранящиеся в фондах ГИМ, свидетельствуют о присутствии в этих центрах в VI–VII вв. христиан, совершавших паломничества в Египет. Появление в синхронных крымских могильниках

⁹ Из недавних работ об истории раннего христианства на Боспоре см. Diatroptov, 1999. P. 215–244; Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 104–131.

¹⁰ О евлогиях из Эфеса см. Залеская, 1986. С. 182–190.

¹¹ Со св. Николаем связаны и более поздние находки евлогий-энколпионов в Херсонесе (Залеская, 2001. С. 108–120).

¹² Штамп красноглиняный с изображением двух святых по сторонам удлинённого креста с расширяющимися концами, стоящего на камне, по сторонам креста – буквы А и Ω, вокруг – лучи. Святые в длинных одеждах: левый – с воздетыми руками (голова утрачена); правый – в нимбе, левая рука – на груди, в правой – жезл с увенчивающим его крестом. Возле святых – кипарисовые деревца (?). Композиция околтурена двумя концентрическими валиками, между которыми греческая надпись: [Εὐλογία]α του α(γ)ίου και ενδ(δ)ζου μεγαλο [υ]μαρτ]υ(ρ)οσ [Γεωργίου]. Диаметр – 9 см. Юго-восточный район. Раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинича, 1898 г. (ГИМ. № 39319. Оп. Б-123) (ОАК за 1898, 1901. С. 11, 117. Рис. 16; Латышев, 1899. С. 34–41; Якобсон, 1959. С. 328, 329. Ссылка 3; Журавлев, 1997. Рис. 7, 4). Не так давно традиционное восстановление В.В. Латышева было оспорено С.Б. Сорочаном, предположившим, что здесь надо восстанавливать имя не св. Георгия, а двух малоазийских великомучеников Федора Тирона и Федора Стратилата (2006. С. 111).

амулетов с изображением св. Мины может также косвенно указывать на факт знакомства византийского населения Крыма и федератов с образом этого святого.

Статья подготовлена в рамках проекта, финансируемого фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung).

Благодарю А.В. Смокотину (Крымский филиал Института востоковедения Национальной академии наук Украины) за консультацию о находках северо-африканской керамики в Причерноморье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Медальоны с изображениями святых из раннесредневековых могильников области Дори // Символ в философии и религии. VI Крымская Междунар. конф. по религиоведению: Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2004.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у с. Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь; Керчь, 2008 (Боспорские исследования; BOSPOROS STUDIES. Supplementum 4).
- Беляев Л.А.* Гроб Господень и реликвии Святой Земли // Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000.
- Веймарн Е.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. Т. XIII. Київ, 1963.
- Голофаст Л.А.* Амфориски из раскопок ранневизантийского Херсона // АДСВ. 1990. Вып. 25.
- Голофаст Л.А.* Комплекс VI в. из Северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Голофаст Л.А.* Штампы V–VII вв. на посуде группы “Африканской краснолаковой” из раскопок Херсонесского городища // МАИЭТ. 1996. Вып. V.
- Голофаст Л.А.* Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
- Ермолин О.* Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2005 р. // Дрогобицький краєзнавчий збірник. 2006. Вип. 10.
- Журавлев Д.В.* Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. 1997. № 3.
- Журавлев Д.В.* Коллекции из Керчи в собрании Государственного Исторического музея // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья: Сб. науч. матер. III Боспорских чтений. Керчь, 2002.
- Журавлев Д.В.* По следам первых проповедников // Сокровища ойкумены. Великое переселение. М., 2005.
- Журавлев Д.В.* Сиро-палестинские светильники и их имитации римского и византийского времени из Херсонеса // ПИФК. 2007. Вып. XVII.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Керамика и изделия из глины // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в ГИМ. 30 мая – 15 августа 2002 г. М., 2002.
- Залеская В.Н.* Ампулы-эвлогии из Малой Азии (IV–VI вв.) // вв. 1986. Т. 47.
- Залеская В.Н.* Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки. СПб., 1994.
- Залеская В.Н.* Византийские евлогии св. Николая // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. Памяти Татьяны Чуковой. СПб., 2001.
- Залеская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII вв. Каталог коллекции. СПб., 2006.
- Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000.
- Императорский Российский Исторический музей. Указатель памятников. Изд. 2-е, доп. М., 1893.
- Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. Т. 1. Л., 1977.
- Каковкин А.Я.* Паломнический центр Абу Мина и его памятники (По материалам коптской коллекции Государственного Эрмитажа) // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. СПб., 2001.
- Кленина Е.Ю.* Ранневизантийские амфориски из Нов (Moesia Secunda) – к вопросу о торговых связях // АДСВ. 2009. Вып. 39.
- Кративина В.В., Домжальский К.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: Матер. юбилейного Междунар. Круглого стола, посв. 10-летию конф. “Боспорский феномен”. СПб., 2008.
- Латышев В.В.* Древности Южной России. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. // МАР. 1899. Вып. 23.
- Масленников А.А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.
- Мусин А.Е.* Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.
- ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- Отдел византийских памятников. ГИМ. М., 1924.
- Отчет ГИМ за 1916–1925 гг. М., 1926.

- Ошарина О.В.* О символическом замысле древней евлогии с изображением св. Фоки из собрания Эрмитажа // АДСВ. 2003. Вып. 34.
- Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Сазанов А.В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
- Смокотина А.В.* Штампы на ранневизантийской краснолаковой керамике из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.
- Смокотина А.В.* Керамика группы “Африканской краснолаковой” из раскопок Керчи в 2007–2008 гг. // XI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
- Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков, 2005.
- Сорочан С.Б.* Птохионы, носокомионы и ятрины в раннесредневековом византийском Херсоне // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006 (Тр. ГИМ; Вып. 159).
- Тысяча лет русского паломничества. Каталог выставки в ГИМ. М., 2009.
- Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959 (МИА; № 63).
- Яшаева Т.Ю.* Средневековый Херсонес как центр малого паломничества // Православные древности Таврики: Сб. матер. по церковной археологии. Киев, 2002.
- Яшаева Т.Ю.* Амбула св. Мины и карта Херсонесских пилигримов // *Sacrum et Profanum*. Вып. I. Культ святых мест в древних и средневековых религиях. Севастополь, 2005.
- Anderson W.* An archaeology of late antique pilgrim flasks // *Anatolian Studies*. 2004. V. 54.
- Arsen'eva T.M., Domžalski K.* Late Roman red slip pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua*. 2002. Bd. 8.
- Barnea I.* Menasampullen aus dem Gebiet Rumäniens // *Akten des XII. Internat. Kongresses für Christliche Archäologie*. Bonn. 22–28. September 1991. Münster, 1995.
- Chrzanowski L., Zhuravlev D.* Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. Roma, 1998 (*Studia Archaeologica*; 94).
- Diatroptov P.D.* The spread of Christianity in the Bosporus in the 3rd – 6th centuries // *Ancient civilizations from Skythia to Siberia*. 1999. V. 5. № 3.
- Die Welt von Byzanz – Europas östliches Erbe. Glanz, Krisen und Fortleben einer tausendjährigen Kultur. München, 2004.
- Gerasimova V.* Überblick über die Ampullen in Bulgarien // *Miscellanea Bulgarica*. V. 11. Wien, 1997.
- Kaufmann C.M.* Zur Ikonographie der Menas-Ampullen. Cairo, 1910.
- Kiss Z.* Les ampoules de saint Ménas découvertes à Kôm-el-Dikka (1961–1981) // *Alexandrie V. Varsovie*, 1989.
- Metzger C.* Les ampoules à eulogie du Musée du Louvre // *Notes et documents des Musées de France*. V. 3. Paris, 1981.
- Munsell Soil Color Charts. N.Y., 1992.
- Shtereva I.* Early Christian Ampullae from Sliven, South Bulgaria // *Archaeologia Bulgarica*. 1999. № 3/1.

БАМБОРСКИЙ ХРАМ И ПРОБЛЕМА “КУПОЛЬНОГО ЗАЛА” В ВИЗАНТИИ И НА КАВКАЗЕ

© 2012 г. А.Ю. Виноградов*, Д.В. Белецкий**

*Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва (ampelios@gmail.com)

** Республиканское государственное учреждение “Наследие Алании”, Владикавказ

Ключевые слова: *Абхазия, Абхазское царство, Кахетия, Тао-Кларджетия, Армения, Византия, архитектура, храмы, “купольный зал”, эпиграфика.*

The article is devoted to a little-studied monument of Abkhazian architecture, the church on cape Bambora (Aylaga-Abyku). Despite the opinion of earlier scholars, it proved to be a Kuppelhalle from the first half of the 10th c. (dated on the basis of the ktitor inscription of the Abkhazian king). The church complex was of a monasterial or palatial nature. The article also investigates the possible model for the Bambora church and the genesis of Kuppelhalle in the Caucasus and Byzantium. Despite the ideas from the time of J. Strzygowski, this architectural type goes back to Roman architecture and manifested itself as early as the turn of the 4th and 5th cc. (Marialba in Spain), spreading further to Apulia, Greece, Balkans, Asia Minor and Cyprus. The first Kuppelhalle in the Caucasus were built in Armenia in the 7th c. (Aruch). They found their way to Georgia through Tao-Klarjeti and the Abkhazian kingdom. The synthesis of Byzantine and East Georgian elements created the unique Kuppelhalle in Vachnadziani (10th c.). The church at Bambora proves to be part of the Byzantinizing architecture of the Abkhazian kingdom.

До недавнего времени купольная архитектура Абхазии была известна лишь в форме церквей типа “вписанного креста”: это храм в Дранде (VI в.), собор в Пицунде (?) и серия храмов в Мокви, Новом Афоне, в Бзыбской крепости, Лыхны, Мзыгхуа, Алахадзы, Веселом¹, Лоо (IX–X вв.) и поздний (XIII в.?) собор в Бедиа, стоящий на месте храма конца X в. (его выраженные снаружи апсиды указывают на вероятное родство с вышеописанной серией). Недавно к ним добавился крестообразный храм в Крион Нероне около Адлера, также, вероятно, купольный. Однако этими постройками абхазская купольная архитектура не исчерпывается.

Храм на Бамборском мысу недалеко от устья р. Пшандра (Гудаутский р-он, Республика Абхазия), известный также как Айлага-Абыку (Обманывающая вышка), был введен в научный оборот уже Ф. Дюбуа де Монперё (Dubois de Montpereux, 1839. P. 271); позже его описывали П.С. Уварова (1891. С. 145–148; 1894. С. 31–33) и И.Е. Адзинба (1958. С. 49–52). В 1972–1974 гг. храм был расчищен Л. Шервашидзе, который посвятил ему небольшую статью (1989. С. 159–166), а в 1988 г. обмерен Л.Г. Хрушковой и Л.Н. Большаковым (Хрушкова, 1998. С. 87–89. Рис. 61–64; Khroushkova, 2006. P. 284, 285. Pl. 98a, 99b).

¹ Данные о нем любезно предоставила нам Е.А. Армарчук.

Храмовый комплекс состоит из трех параллельно примыкающих друг к другу зальных храмов (рис. 1; 2). Северный – самый большой (длина без притвора – около 11.5 м, ширина – более 6) и сохранный (до 6 м в высоту): он представляет собой зальную постройку с пятигранной снаружи апсидой, ступенчатым цоколем по внешнему периметру (нижняя ступень апсиды полукруглая), тремя входами: с запада, севера и юга (два последних были заложены в древности) и двумя парами сильно выступающих пилястр, образующих три трапециевидных арки на северной и южной стенах. В апсиде было три окна; в западной стене – одно – по оси нефа; на северной и южной стенах окна были только в центральной траве – по одному или по два. Храм сложен в технике панцирной кладки и облицован хорошо тесаным известняком; в большинстве мест облицовка отвалилась, обнажив прочную цементную забутовку. Л. Шервашидзе пишет об орнаментированных обрамлениях проемов и карнизов, а также об орнаментальных мотивах (вставках?) на гладких поверхностях фасадов (1989. С. 159). В настоящее время сохранился лишь не крупный “процветший крест”, вырезанный на блоке справа от южной двери (фото см. Khroushkova, 2006. P. 284. Pl. 98d). Без перевязки к храму с запада был пристроен притвор с западным входом.



Рис. 1. Храм Айлага-Абыку. Вид с северо-востока. Фото 1970-х годов.

Южный храм сохранился хуже и представляет собой уменьшенную копию северного. Правда, нет ясности в наружной форме его апсиды, а входов было два – с юга и севера. Главной особенностью южного храма является то, что он поставлен на мощной, высокой (более 1 м), ступенчатой наверху платформе, внутри которой по всей длине расположен сводчатый склеп с восточным входом-лазом; с юга к ней примыкает еще один небольшой сводчатый склеп, над которым, по-видимому, находился притвор.

Между северным и южным храмами встроено еще одно помещение. С востока оно ограничено стеной с узкой (ширина – 1,2 м) апсидой, прямоугольной снаружи. В центральной части стенами ему служат внешние стены северного храма и платформы южного. С запада он равен по длине северному храму и чуть длиннее южного: здесь с боков поставлены стены, из которых лишь южная имеет небольшое западное заплечико, возможно, между ними была арка.

К северо-западу от храмов располагалось большее здание, состоявшее из нескольких помещений, а к юго-западу – квадратная в плане башня.

Следует отметить, что в кладке всех зданий Бамборского комплекса использовано большое коли-

чество черепицы как целой, так и ее осколков, что характерно для построек Абхазии. В верхней части боковых стен западной трапезы северного храма вставлены пифосы. Вопреки мнению Л. Шервашидзе (1989. С. 160), эти сосуды не были голосниками-резонаторами, поскольку их горловые части, судя по всему, были скрыты в толще стены. Не могли они быть помещены сюда и для облегчения массы забутовки, заполнявшей пазухи, поскольку находятся ниже. В кладке постройки к северо-западу от храмов встречаются заполненные раствором пустотелые кирпичи, известные и по храмам в Алахадзы. По наблюдениям А.С. Агумаа, тесто последних визуально схоже с тестом позднеантичной керамики: действительно, такие кирпичи использовались в римских термах (Adam, 2005. P. 557–561. Pl. 624, 632, 634). В Бамборе эти кирпичи оказались в кладке уже фрагментированными и, кроме того, забиты раствором, т.е. были использованы вторично. Таким образом, при строительстве комплекса Айлага-Абыку, возможно, использовались остатки позднеантичных построек.

Важно отметить и следы ремонтов и перестроек, что свидетельствует об относительно продолжительном функционировании комплекса. Кроме вероятной разновременности построек комплекса,

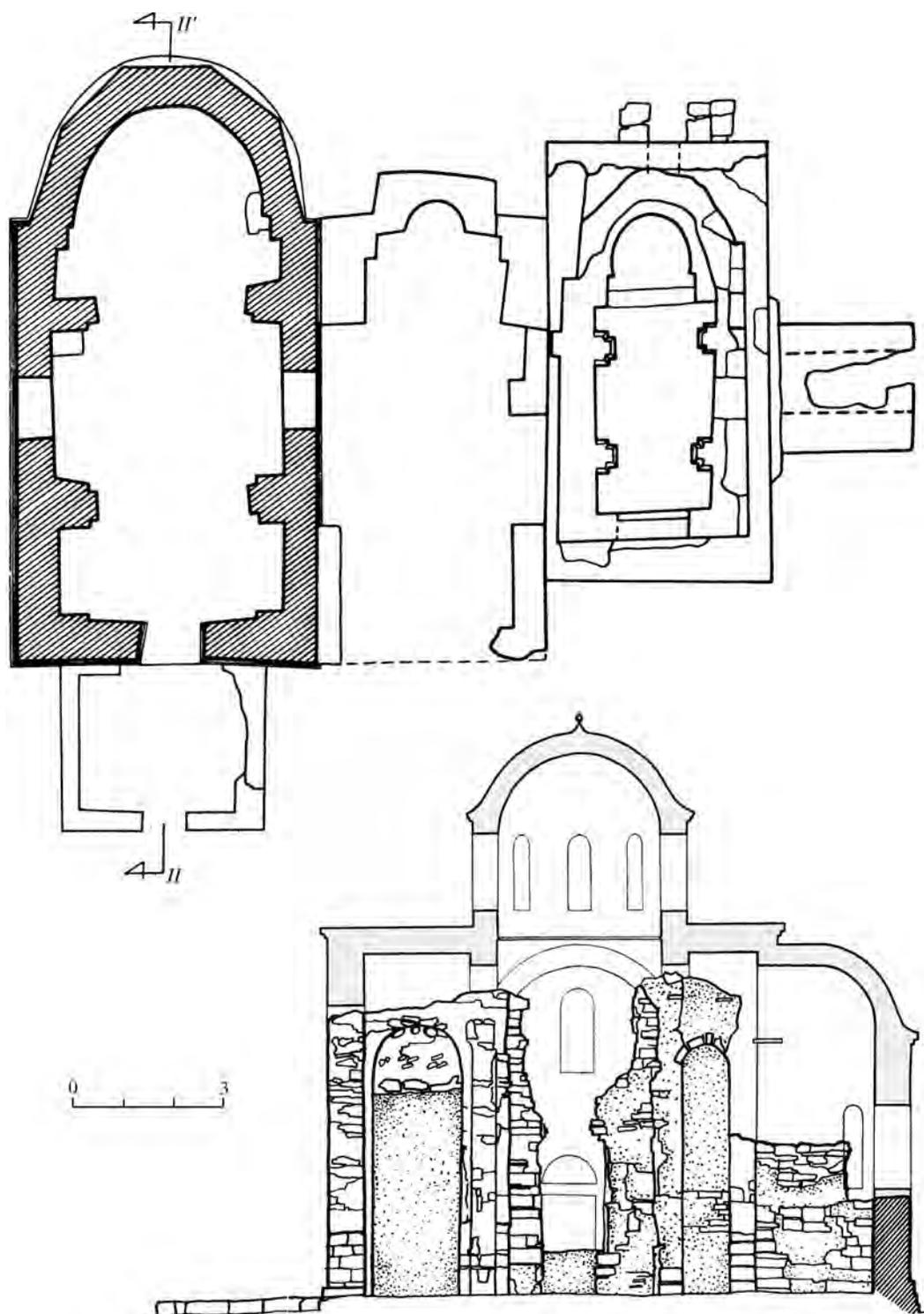


Рис. 2. Храм Айлага-Абыку. План и продольный разрез (по Л.Г. Хрушковой) с реконструкцией авторов.

о чем будет написано ниже, и уже упомянутой закладки боковых дверей северного храма, северо-западный угол последнего носит явные следы ремонта посредством раствора, содержащего большое количество битой керамики.

От внимания исследователей Айлага-Абыку ускользнуло главное: северный, самый крупный и, видимо, самый древний из трех храмов представляет собой не перекрытую продольным коробовым сводом зальную церковь, а “купольный зал”.



Рис. 3. Храм Айлага-Абыку: 1 – остатки северо-восточного паруса (фото 2010 г.); 2 – фрагмент алтарной преграды с надписью (фото 1970-х годов).

На эту мысль наводят сильно развитые, в сравнении с обычными зальными церквями, пилястры. Подтверждается это и одинаковой высотой начала поперечных и продольных подпружных арок в центральной части храма – их устройство исключает перекрытие коробовым сводом и предполагает наличие либо купольного или крестового свода (неизвестных в памятниках такого типа), либо полноценного купола с парусами. Действительно, между основаниями северной и восточной подпружной арок хорошо читаются следы паруса (в забутовке под обвалившейся каменной облицовкой; рис. 3, 1). Небольшая разница между сторонами подкупольного прямоугольника (поперечная шире продольной на 0.1–0.15 м) могла быть компенсирована либо слегка овальной формой купола (как в Южном Зеленчукском храме в Алании), либо, что вероятнее, дополнительной продольной аркой в системе ступенчато повышающихся подпружных арок, типичной для всей купольной архитектуры Абхазии средневизантийского периода.

Аналогичное устройство пилястр в южном храме говорит в пользу того, что и он был купольным залом. Близкое квадрату пространство между углами стен среднего храма, о чем было написано выше, не исключает наличия купола и над ним. Таким образом, Бамборский храмовый комплекс оказывает-

ся единственным представителем типа купольного зала (*Kuppelhalle*) в Абхазии.

Л. Шервашидзе (а вслед за ним и Л.Г. Хрушкова) предложили датировать основание Айлага-Абыку X–XI вв. На наш взгляд, эту датировку можно уточнить. Л. Шервашидзе обнаружил в северном храме фрагмент архитрава алтарной преграды, с одной (нижней) стороны украшенный геометрическим орнаментом, а с другой – греческой надписью (рис. 3, 2). Камень хранится в Сухумском музее (инв. № 74–86), но в настоящее время доступен для изучения лишь по не очень четкой фотографии. Чтения надписи предложено не было, только ее палеографическая датировка – X–XI в. (Шервашидзе, 1989. С. 160, 161). Действительно, по палеографии надпись похожа на анакопийское надгробие 929 г. (Виноградов, 2011. С. 212–214; ср. форму $\mu\omicron$), следовательно, должна относиться к первой половине X в., т.е. к правлению Константина III (892/893 или 899–915/916 или 922/923 гг.) или Георгия II (915/916 или 922/923–959/960 гг.). Надпись читается как [κα] ἰ ὁ μαγιστρ[ος] – “и магистр”. Магистр – высокий придворный титул в Византии и Абхазии первой половины X в., его мог носить только местный царь, о чем прямо сообщает Константин Багрянородный (*De administrando imperio*, 45–46). Следовательно, перед нами строительная надпись абхазского царя, который, очевидно, и был заказчиком храма. В пользу такой датировки говорит и рельеф с процветшим крестом, который Л.Г. Хрушкова верно отнесла к X–XI вв. (Khroushkova, 2006. P. 285). Еще

одно подтверждение – не замеченное исследователями архаичное устройство протесиса (жертвенника) в наосе храма (т.е. вне алтарного пространства) в виде выступа у западной грани северо-восточной пилястры (см. Виноградов и др., 2005).

С точки зрения конструктивных приемов (паруса, выступающая граненая апсида, глухие арки, ступенчатый цоколь, не расчлененная ничем наружная облицовка из тесаного камня), Бамборский храм отлично вписывается в упомянутую выше серию абхазских храмов типа вписанного креста (его единственный датированный представитель – Моквский храм – относится к 959–969 гг.). Однако его план – купольный зал – не находит прямых аналогий не только в провинциально-византийском зодчестве Абхазии, но и в родственных ему архитектурных школах Западной Грузии (второй части Абхазского царства²) и Алании. Откуда же такой план попал сюда: из соседних Армении или Восточной Грузии, либо из Византии?

Генезис купольного зала на Кавказе – предмет многолетней дискуссии. Открыл ее Й. Стржиговски, изобретший термин *Kuppelhalle* (Strzygowski, 1918. P. 508–512). Он выделил несколько типов купольного зала в Армении, но не выстроил их четкой хронологии. Такая хронология для ранних построек данного типа, имеющих идентичную планировку, была создана в трудах ученых второй половины XX в. и в 2000-х годах стала почти общим мнением: первой была перестроенная в VI в. из зального храма *Kuppelhalle* в Зовуни, затем по ее образцу были построены купольные залы в Птгни и Дедмашене и, наконец, в 660-х годах возник самый большой и проработанный храм такого типа в Аруче (см. Dum-Tragut et al., 2007). Иную, стилистически более основанную версию, оставшуюся, к сожалению, незамеченной на Западе, высказал А.Ю. Казарян (2002): первым был собор в Аруче (рис. 4, 1), а остальные перечисленные храмы развивали его типологию, на что, например, указывают более проработанные и drobные их детали. Не нашла особого признания за пределами Грузии гипотеза Г.Н. Чубинашвили, относившего армянские купольные залы ко времени не ранее X в.: от нее отказалась, пусть и несколько завуалированно, и автор послед-

ней работы, посвященной грузинским *Kuppelhalle* (Gengiuri, 2005. P. 195). В любом случае к настоящему моменту общепризнанно, что ранние армянские *Kuppelhalle* возникают не позднее VII в.

После длительного перерыва, с конца IX в., когда был создан храм царской резиденции в Ширакаване (по престижному образцу Аручского собора), купольный зал получает в Армении широкое распространение: всего их насчитывается более 50 (Cuneo, 1988. P. 726–728). Другая особенность *Kuppelhalle* в Армении – значительные размеры многих храмов и соответственно толщина пилястр, так что снаружи они оформляются в виде крестово-купольных храмов.

Ситуация в Грузии выглядит не менее запутанной. Г.Н. Чубинашвили считал самым ранним купольным залом на всем Кавказе церковь в Двани (Шида-Картли; рис. 4, 5), которую датировал третьей четвертью VI в. (1978. С. 20). Новейшее исследование Н. Генгиури (Gengiuri, 2005), впервые собравшей воедино грузинские *Kuppelhalle*, корректирует эту концепцию: она относит храм в Двани к VIII в., используя лишь стилистические аргументы, из которых существенным представляется только один – скрытие купола под двухскатной крышей, как в Армази (864 г.) и Цирколи. Однако оригинальность такого решения купола в Двани – предмет дискуссии (ср. реконструкцию Н.Г. Чубинашвили, 1978. С. 10, 11). Остальные стилистические характеристики (лонгитудинальность плана, слабая освещенность, боковой вход у пилястры, непрофилированные пилястры) встречаются и в другие эпохи и не являются определяющими. Против же датировки VIII в. говорит килевидная в сечении форма внутренней поверхности купола, известная в Грузии только в позднее средневековье, и ниша протесиса в алтаре, появляющаяся после 1000 г. (Виноградов и др., 2005). Между тем дата Двани весьма важна, так как к следующему периоду – IX–X вв. – Н. Генгиури относит только тао-кларджетские *Kuppelhalle* в Парнаки, Цкаростави (рис. 4, 6, 7) и Соломон-Кале. Наиболее крупная и сложная из них – церковь в Цкаростави (830–840 гг.?) с двумя западными травеями, типичными для тао-кларджетской купольной архитектуры, и проходом в пастофории сквозь восточные пилястры, который находит аналогию в армянских памятниках X–XI вв. (Варагванк, Кеcharис, Бджни, Хоромосванк и др.; см. Cuneo, 1988. P. 726). К рубежу X–XI вв. купольный зал точно фиксируется на территории Восточной Грузии – это храм в Никози (рис. 4, 3), где типично для эпохи Баграта I смешаны черты архитектурных школ разных территорий, вошедших в состав его царства. Здесь сплетены воедино такие разнородные элемен-

² Представление о единстве восточно- и западно-грузинской архитектурных школ до XI в. – один из основных тезисов научной школы Г.Н. Чубинашвили – малоосновательно: в I тыс. на территории Западной Грузии – Эгриси (последовательно занимаемой Лазским царством, Византией и Абхазским царством) нет ни одного памятника восточно-грузинского типа (с невыраженной снаружи апсидой, tromпами и т.п.), за исключением Мартвильского собора, копирующего храм типа Джвари. Критику этой концепции для IV–VII вв. см. Plontke-Lüning, 2007. S. 67–73.

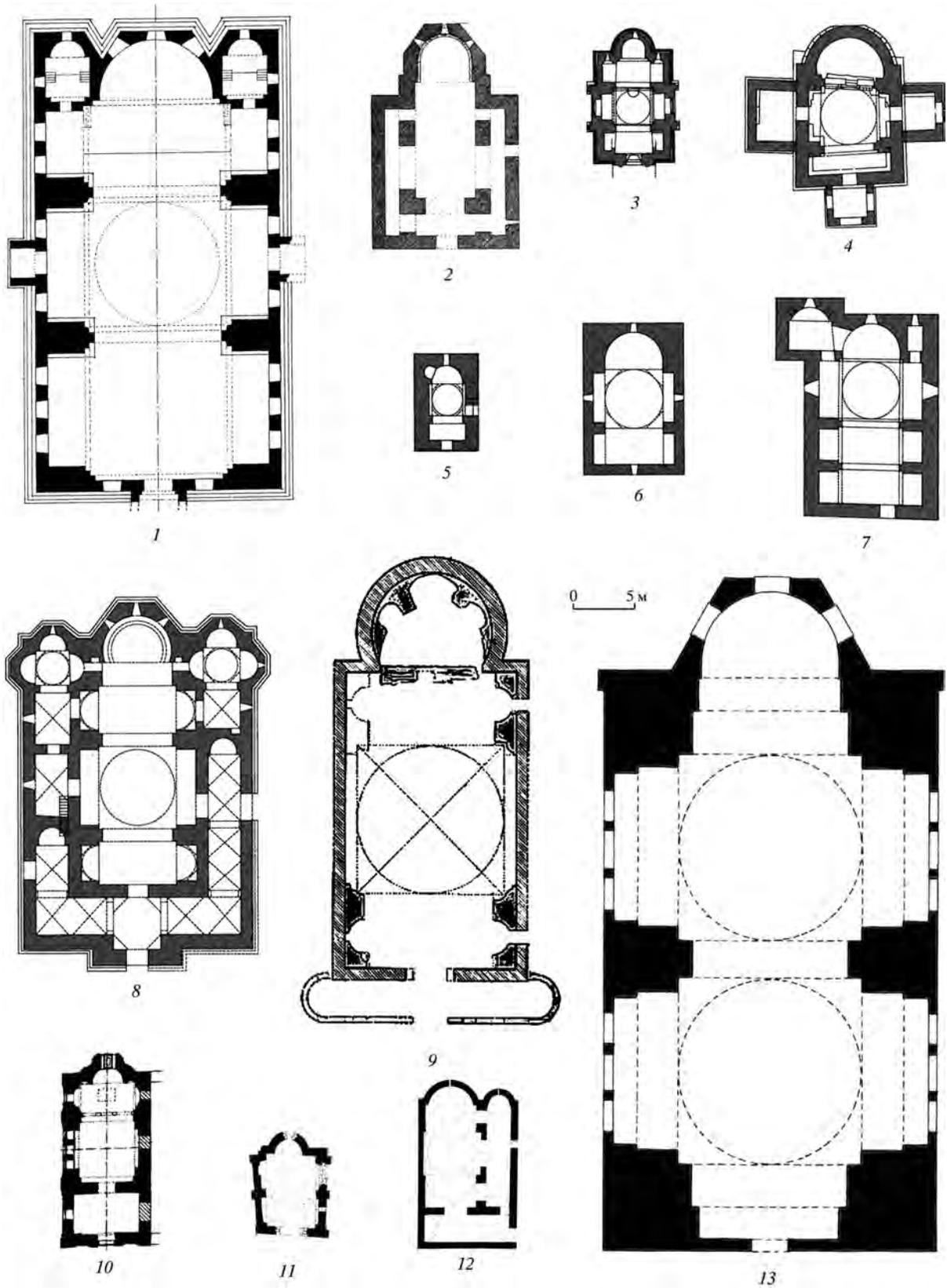


Рис. 4. Планы храмов: 1 – Аруч (по А.Ю. Казаряну); 2 – Нокалакеви (по Г.Н. Чубинашвили); 3 – Никози; 4 – Нажахово; 5 – Двани; 6 – Парнаки; 7 – Цкаростави; 8 – Вачнадзиани (по Н. Генгиури); 9 – Мариальба (по Т. Хаушильду); 10 – Токлу Деде Месджеди (по В. Мюллер-Винеру); 11 – Сант-Аполлинаре близ Рутильяно (по Л. Монджиелло); 12 – Агия Кириаки на Накосе (по М. Хадзидакису); 13 – Филадельфия (по Х. Бухвальду).

ты, как выступающая апсида, характерная для Абхазии и Эгриси, композитные паруса со вставками тропов-раковин, пришедшие из Тао-Кларджетии, восточно-грузинский декор. Таким образом, тип *Kuppelhalle* приходит в Восточную Грузию извне: из Тао-Кларджетии или даже скорее из Абхазского царства, о чем будет написано ниже, так как в купольных залах первой не было присутствующей в Никози восточной травеи.

Особую проблему представляет храм Квелацминда (Всесвятой, т.е. Богородицы) близ Вачнадзиани (Кахетия; рис. 4, 8), который по целому ряду признаков ближе всего к Айлага-Абыку: выраженные снаружи апсиды, паруса, ступенчатый цоколь. Центральная *Kuppelhalle* окружена в западной части П-образным двухярусным обходом с апсидами на востоке (т.е. образует “трехцерковную базилику”), в то время как в восточной части к ней с боков примыкают пастофории в виде триконхов. Г.Н. Чубинашвили датировал храм VIII–IX вв., Н. Генгиури – концом IX, а А.Ю. Казарян – началом XI, указывая на легкое заострение арок, хотя на самом деле этот элемент встречается в Кахетии с самого раннего времени (например, в базиликах Некреси и Дзвели Шуамта; см. Чубинашвили, 1959. Табл. 1, 11). Храм был перестроен: общепризнано, что его купол относится к XIV–XV вв., а пастофории были частично заложены (Gengiuri, 2005. P. 181), но не была отмечена доделка скатных крыш над пастофориями с карнизами поздней формы: крыши скрывают под собой кирпичные барабаны куполов, заложенные позднее плоским перекрытием у самого основания.

В структуре храма перемешаны восточно-грузинские и византийские элементы, причем как в самом плане, так и в конструктивных деталях: к первым относятся П-образный обход с апсидами (известный в том же Вачнадзиани в церкви Св. Георгия Амидастури VI–VII вв. и, вероятно, в соседней с Квелацминдой безымянной ранней базилике) и тропы в пастофориях, западной и восточной травеях наоса; ко вторым – типичные для средне-византийского Константинополя триконхальные пастофории (как в Мирелейоне и Килисе Джамии; в северном храме монастыря Константина Липса, Эски-Имарет Джамии, а также в Дер-Азы в Ликии это тетраконхи; см. Theis, 2005. Taf. 25, 26, 38, 47, 68), а также паруса и крестовые своды³. Иногда эти элементы сочетаются весьма причудливо: так, конхи в торцах западной и восточной травей нефа опираются не на полукруглые стены, как в вимах и нартексах Константинополя, а на троповый переход к прямоугольной нише (как в храмах с

конхой над прямоугольным алтарем). Однако это смешение элементов здесь иное, чем в архитектуре Баграта I: в нем полностью отсутствует тао-кларджетская составляющая. При этом константинопольские и восточно-грузинские элементы проявляются только в плане и пространственных решениях, тогда как строительная техника типична для малоазийской провинции или даже скорее для абхазо-аланской группы храмов: стены выложены полностью из камня, а все перекрытия – из плит; ступенчатый цоколь и карниз; вытесанные из одного блока перемишки узких алтарных окон. Особо стоит отметить композицию окон в торцах рукавов (три внизу и два наверху): двойные окна не характерны для Кавказа (они присутствуют в рукавах армянских *Kuppelhalle* Аруча и Ширакавана, но имеют там совсем иной характер), но типичны для византийской провинции; вачнадзианская схема вообще находит прямую аналогию в храме Богородицы монастыря Оснос Лукас (середина X в.). При всем этом в Квелацминде мы видим не двойные или тройные окна, а именно группы из двух или трех отдельных окон, как у абхазо-аланских храмов. Сам купольный зал в Вачнадзиани имеет совершенно византийский характер: об этом говорят не только паруса и выраженная снаружи апсида, но и равный размер восточной и западной травей, столь характерный для греческих памятников и нетипичный для тао-кларджетских (без восточной травей) или армянских (с укороченной или отсутствующей восточной травеей). Таким образом, вачнадзианская Квелацминда представляет собой плод сотрудничества талантливого архитектора, соединившего в плане и конструкции византийские, в том числе константинопольские и восточно-грузинские элементы, с провинциально-византийскими, вероятно, абхазскими, строителями.

Впрочем, данный храм – не единственный памятник византизированной архитектуры в Кахетии. К другому, но так же византизированной кругу относятся расположенная неподалеку базилика Санагире близ Вазисубани, храм Св. Нины в Бодбе и крестовокупольный храм Амаглеба близ Озаани (Чубинашвили, 1959. С. 83–86, 123–129, 354–363), ранние росписи которого датируются предположительно началом XI в. (Привалова, 1987. С. 151). Их происхождение должно стать предметом отдельного исследования, но византийский характер их базовых элементов (выступающие снаружи апсиды, зубчатые кирпичные карнизы, кладка *cloisonnée*, меандроподобный плинфяной орнамент) несомненен.

Типичные именно для средневизантийской архитектуры элементы Квелацминды исключают

³ Крестовые своды встречаются в Кахетии также в Икалто, но этот храм построен явно позже 1000 г.

возможность более ранней датировки памятника. С другой стороны, с начала XII в., после завоевания ее Давидом Строителем, архитектура Кахетии выглядит иначе: здесь появляются высокие купола, резьба и т.п. Очевидно, названные выше византийские элементы попали сюда в IX–XI вв., но каким путем?

В X в. известны несколько походов абхазских царей на Кахетию и Эрети: Константина III, напавшего на Эрети вместе с кахетинским хорепископом Квирике, получившего крепости Ариши и Гавази и вскоре после этого скончавшегося; Георгия II, разорившего Кахетию; его сына Леона, занявшего всю Кахетию, кроме Нахчевани, Бочормы и Лоцобанты; его второй поход на Кахетию, закончившийся подписанием мира в Базалети из-за внезапной смерти Георгия II; его третий поход на Кахетию, уже в статусе царя, закончившийся разорением Мухнари, Харки и Базалети и смертью Леона от болезни (Картлис Цховреба..., 2008. С. 144–146). Однако все эти походы не привели к включению Кахетии в состав Абхазского царства, поэтому наиболее подходящими моментами для появления здесь византизирующих и/или византийских мастеров представляются те, когда кахетинские хорепископы заключали политические союзы с абхазскими царями. Их было три: конец IX – начало X в., когда вначале, около 893 г., хорепископы Фадла I и Квирике I совместно с абхазским царем Константином III подписали жалованную грамоту Шио-Мгвимскому монастырю, а затем, между 914 и 922 гг., Квирике привлек того же Константина к походу на Эрети, во время которого тот поклонялся св. Георгию в Алаверди; период около 944–945 гг., когда хорепископ Фадла II помогал царю Георгию II в войне против его сына Константина (см. Martin-Hisard, 2000. P. 462, 493, 494); время около 960 г., когда после мира в Базалети абхазский царь Леон выдал свою дочь за сына кахетинского хорепископа Квирике.

В 1040-х годах Кахетия контактировала с Византией при посредничестве Липарита Багваши, однако это был краткосрочный военный союз; кроме того, в этот момент ее правителем был армянин, что делает появления византийских строителей маловероятным. Его сын Ахсартан (1058–1084) вообще перешел в ислам; о контактах его преемника-христианина Квирике с империей ничего не известно. При Давиде Строителе византийские мастера работали в Грузии (в Мокви и Гелати), но это были художники и мозаичисты, а не строители.

Конечно, у кахов существовали и прямые контакты с Византией, например при Василии I, постро-

ившем для кахских монахов с Олимпа Вифинского монастырь в Романе под Константинополем, однако это не исключает возможности посредничества абхазских царей (как это было в случае с Аланией). В Вачнадзиани слиты воедино черты византийской/византизирующей и восточно-грузинской архитектур, что могло быть символическим знаком именно абхазо-кахетинской дружбы (особенно брачного союза, заключенного около 960 г.), в дальнейшем повлиявшего на архитектуру Кахетии, например, на “двухкупольный зал” Квелацминда в Гурджаани⁴ (а не наоборот, так как уровень мастерства в Вачнадзиани в аналогичных деталях – хоры, окна, купол – несравненно выше).

Наконец, *Kuppelhalle* присутствует и на территории Западной Грузии – Эгриси, входившей в Абхазское царство. Это маленький храм X в. в Нажахово (Gengiuri, 2005. P. 46, 47, 182, 183), похожий на провинциальную византийскую постройку с выраженной снаружи апсидой и тремя притворами – с запада, севера и востока, типичными для абхазско-аланской группы храмов (рис. 4, 4). Кроме того, тип *Kuppelhalle* проявляется и в храме Свв. Сорока мучеников в Нокалакеви – Цихе-Годжи (рис. 4, 2): он был построен на месте ранней базилики, разрушенной вместе с древней столицей Лазики около 737 г., и представляет собой достаточно обособленный прямоугольный наос, окруженный с трех сторон обходом (ср. с Вачнадзиани). Итак, разные варианты купольного зала были известны в архитектуре Абхазского царства VIII–X вв., причем никакого восточно-грузинского, тао-кларджетского или армянского влияний в них не видно.

В истории кавказской архитектуры по сей день распространены представления (Gengiuri, 2005. P. 195), восходящие к Й. Стржиговскому, считавшему, что *Kuppelhalle* возник однажды в Иране и пришел на Запад через Армению – в римской архитектуре предпосылок к его возникновению он не находил. Вопреки этому мнению, данный тип не только был хорошо известен в византийской дворцовой архитектуре (например, ворота Халки в Константинополе; Krauthemer, 1965. P. 174. Fig. 66), но и имел широкое распространение в храмовом зодчестве империи с самых ранних времен. Уже

⁴ Датировка храма в Гурджаани XIII в. (Казарян, 2011. С. 58. Прим. 40) по килевидному завершению восточных окон неверна. Архитектурные детали подобной формы (обрамления окон, тромпы, пристенные арки и т.п.) встречаются в точно датированном 864 г. храме в Армази и в церкви VIII–IX вв. в Кусирети (Меписашвили, Цинцадзе, 1975. С. 16. Ил. 7; 21; 12; 30; 31; 21; 22). Килевидные арки имеются и у алтарной преграды XI в. из Гони (Iamanidzé, 2010. P. 171–173). Это заставляет скорректировать принадлежащую А.Ю. Казаряну концепцию развития фасадной аркатуры в Грузии.

рубежом IV–V вв. датируется перестроенный из зальной церкви мартирий-*Kuppelhalle* в испанской Мариальбе (Hauschild, 1968; De los Ángeles Utrero Agudo, 2006. P. 115, 116, 501–503). Здесь в торцах, равных по длине западной и восточной травеям, размещены полукруглые ниши (рис. 4, 9).

Около 500 г. был построен двухкупольный зал – собор Св. Иоанна в Филадельфии на западе Малой Азии (современный Алашехир; Buchwald, 1981). Огромные купола (диаметр – около 15 м) опираются здесь на мощные уступчатые опоры (толщина – около 7 м), стены между которыми – тонкие мембраны (рис. 4, 13). Если бы у сооружения были боковые нефы, то оно представляло бы собой типичную ранневизантийскую купольную базилику, однако храм решен в необычной форме, соединяющей *Kuppelhalle* и компактно вписанный крест.

К V–VI вв. относится первый этап храма Сант-Аполлинаре близ Рутильяно в Апулии, перестроенный на тех же основаниях в VIII–XI вв. (Mongiello, 1988. P. 50–52; Puglia preromanica..., 2004. P. 110–116) и представляющий собой *Kuppelhalle* с двумя равными, прямоугольными травеями (рис. 4, 11). Между серединой VII и началом IX в. там же были построены двухкупольные залы церковью Санта-Мария-ди-Галлана (типологически похожа на Св. Иоанна в Филадельфии), Сан-Сальваторе в Монте Сант-Анджело, Сант-Иларио в Беневенте (Mongiello, 1988. P. 38–41, 170–172; Puglia preromanica..., 2004. P. 224–226, 252–255). В Апулии *Kuppelhalle* взаимодействует с местной традицией куполов-“трулли” и приобретает популярность начиная с XI в. (Belli D’Elia, 2003) в виде купольного зала с тремя травеями, из которых западная и восточная равны по длине: это храмы в Торре Санта-Кроче близ Битонто, Сан-Базилио и Сан-Пьетро-Паво близ Джовинаццо, Онъисанти в Паччиано близ Бишелье, Сан-Вито в Корато, Сан-Джорджо близ Бари (с сокращенной западной травеей), Сан-Доменико в Битетто, Сан-Феличе в Бизиньяно, Санта-Маргерита в Бишелье (Mongiello, 1988. P. 88–127). Другой вариант купольного зала, без пилястр и с увеличенной центральной травеей, встречается в храмах Джано близ Бишелье и Санта-Кроче близ Битонто (с апсидой); Санта-Мадонна-дель-Кармине в Аквавива делле Фонти и Сан-Сальваторе в Альтамуре (без апсиды; Mongiello, 1988. P. 128–135, 154–161).

Уже к IX–X вв. храмы такого типа появляются в далеких провинциях Византии, причем в некоторых образуют целые группы. Так обстоит дело на Наксосу (Μαστορόπουλος, 2005. Σ. 51), где самые ранние *Kuppelhalle* датируются началом IX в., доминируя в этот период. При этом они демон-

стрируют сразу два типа: с пилястрами (Св. Иоанн Богослов в Адисару) и без пилястр, с расширением центральной травеи (Св. Кириакия близ Калони (рис. 4, 12), Св. Артемий (Χατζηδάκης, 1989. Σ. 50–65)). В средневизантийское время на Наксосу строится еще дюжина купольных залов двух упомянутых выше типов с пилястрами (Св. Феодор, Свв. Георгий Авлион, Кринис и Марафу, Св. Николай и Св. Артемий близ Сангри, Панагия Арион) и без пилястр, с короткими боковыми рукавами⁵ (южный храм в крепости Апалиру, Св. Пахомий в Апирафу), причем у последнего типа появляется похожая на первый тип модификация с глухими нишами в западной и восточной травеях (Панагия Орфани и Св. Иоанн Бауци).

Схожая ситуация складывается на Крите (Reallexikon..., 1990. Sp. 963–969), где в конце X в. появляется первая *Kuppelhalle* – храм в Айос-Николаосе. В дальнейшем их строится еще около 20, причем только с пилястрами (Панагия Кира в Крице, Преображения в Эксо Мулиане и др.); некоторые – с нишами по сторонам от апсиды (Панагия в Авгенике, Панагия Лимиотисса в Эпископи и др.), а также с пятью травеями (Св. Евтихий в Хрономонастери и др.).

В средневизантийский период в большинстве областей империи устойчивой традиции *Kuppelhalle* не возникало, но отдельные памятники этого типа (все с тремя травеями) встречаются в XI–XII вв. в ее греческих провинциях (Панагия близ Каливии Кувары, Св. Георгий близ Гераки, Элеуса близ Сикамина, Свв. Архангелы близ монастыря Пендели; Reallexikon..., 1971. Sp. 1151, 1152), на Кипре (Корач, 1987) и в Сербии (Корач, 2007), причем в вариантах с пилястрами (иногда очень слабо выраженными) и без них (с расширением центральной травеи). Последний вариант также влияет на развитие типа компактно вписанного креста в средневизантийской архитектуре. Кроме того, купольный зал в византийской архитектуре мог функционировать не только как самостоятельная церковь, но и как мемориальный придел (Свв. Архангелов в монастыре Айос-Мелетиос в Аттике, начало XII в.; Reallexikon..., 1971. Sp. 1150, 1151). В Малую Азию *Kuppelhalle* возвращается только в XIII в.: собор на о. Капыкыры Ада близ Латмоса с колоннами вместо западных пилястр (Reallexikon..., 1995. Sp. 684–694).

Таким образом, тип *Kuppelhalle* получил на территории империи ранее и широкое распространение. Наличие храма рубежа IV–V вв. в Мариальбе

⁵ В греческой истории архитектуры два этих типа принято обозначать как однефный базиликальный храм с куполом и однефный храм типа компактно вписанного креста (см. Млобрас, 1968; там же, см. Каталог).

освобождает нас от необходимости искать прототипы купольному залу, прежде всего кавказскому, в нехристианской и тем более некупольной архитектуре Рима, как это делалось раньше (Казарян, 2002. С. 67). Тот факт, что церковь в Мариальбе имеет, с одной стороны, значительный размер (диаметр купола – 11 м), а с другой – такой элемент высокой позднеантичной архитектуры, как ниши в торцах травей, заставляет предполагать, что у нее был ранний престижный образец, не исключено, что столичный.

В самом Константинополе сохранился только один небольшой купольный зал – Токлу Деде Месджеди, датируемый временем около 1100 г. (Reallexikon..., 1990. Sp. 563) и являющийся южной частью большого комплекса (из-за чего его северная стена, в отличие от южной, не проработана глухими нишами; рис. 4, 10). У него своеобразный план: только две травеи (на месте западной – нартекс) и две ниши в восточной стене по сторонам от апсиды (что встречается как в Византии, так и на Кавказе). Исключительно константинопольская черта – плоские ниши в торцах восточной травеи, входившей в состав алтаря, которые, с одной стороны, аналогичны нишам в вимах крестовокупольных храмов столицы (как в Килисе Джамии, Гюль Джамии, южном храме монастыря Пантократора и кафоликоне монастыря Оснос Лукас в Фокиде; см. Theis, 2005. Taf. 68, 85, 102), а с другой – могут восходить к какому-то раннему и престижному столичному образцу. Возможно, именно Константинополь повлиял на появление конх в торцах травей вачнадзианской Квелацминды (так же как и на оформление его пастофориев в виде триконхов), которые встречаются и в храме Св. Михаила в Стоне (Зета, XI в.).

В истории архитектуры купольный зал чаще всего рассматривается как периферийный, второстепенный тип, предназначенный для маленьких храмов. Действительно, *Kuppelhalle* нигде не был доминирующим типом церковного здания, однако вполне может достигать размеров больших церквей (диаметр купола в Мариальбе равен 11 м, в Аруче – 11, в Филадельфии – 15) и даже служить соборным храмом (как в Филадельфии или Аргине). Таким образом, это универсальный тип христианского храма, подходящий для церквей различного назначения, что и определяет его конкретные размеры. Другое его достоинство – максимальная компактность внутреннего пространства, нерасчлененного никакими преградами; близость апсиды к подкупольному квадрату (особенно при отсутствии восточной травеи) делает алтарь более зримым для верующих. Кроме того, именно в купольном зале впервые в христианской архитектуре была решена

проблема сочетания купола и лонгитудинального наоса, которая лишь в конце V в. начнет решаться в типе купольной базилики.

Как было сказано выше, с точки зрения строительных приемов Бамборский храм полностью вписывается в контекст византизирующей архитектуры Западного Кавказа: Абхазии, Эгриси и Алании. Но для того чтобы четче понять его происхождение, следует сравнить его планировку и пространственные решения с различными типами *Kuppelhalle* в Византии и на Кавказе.

План северного и южного храмов Айлага-Абыку демонстрирует вариант с сильно выступающими профилированными пилястрами, что исключает родство с византийскими купольными залами без пилястр. Напротив, средний Бамборский храм, если только он был купольным, тяготеет к типу без пилястр с расширением центральной травеи. Пилястры делят пространство Бамборских храмов на три травеи с куполом над центральной, что исключает влияние Тао-Кларджетии, где восточной травеи нет. Напротив, большая ширина западной травеи по сравнению с восточной находит аналогию в памятниках Армении, причем не только VII в., но и конца IX – XI (Ширакаван, Аргина, Аствацацин в Норатусе, Хоромосванк и др.; Cuneo, 1988. P. 726); встречается на Кипре XII в. (Панагия ту Араку в Лагудере и северный придел Св. Иоанна Златоуста в Куцавендесе; Корач, 1987. С. 79). Кроме того, в армянской архитектуре сокращение этого элемента было вызвано желанием поставить купол посередине здания, между тем как в Бамборе это не так; кроме этого, восточная травея здесь выполняет функции вимы (так же, как в Токлу Деде Месджеди), которая в архитектуре Абхазского царства всегда сокращена по сравнению с восточными и западными ячейками наоса, а тут, к тому же, лишена протесиса.

И все же версию об армянском образце окончательно отвергать не следует. Дело в том, что в 900-е годы абхазский царь Константин III попал в плен к армянскому царю Смбату и находился в тюрьме крепости Ани, откуда затем был освобожден и получил из рук Смбата инсигнии, а также, как сообщает Иоанн Драсханакертский, снаряжение и войско (История Армении, 41). Торжественное вручение Константину регалий происходило, очевидно, в столице Смбата Эразгаворе-Ширакаване, где и находился дворцовый храм-*Kuppelhalle*, построенный этим же царем незадолго до того. Более чем вероятно, что после своего освобождения из плена Константин видел его и, возможно, став на некоторое время подданным Смбата, захотел воспроизвести этот престижный образец в своем царстве.

Однако так же очевидно, что Бамборский храм строили не армянские мастера, что доказывают не только строительные приемы (см. выше). На первый взгляд, армянским может показаться и наличие двух боковых проходов, северного и южного (а не одного южного, как в тао-кларджетских *Kupellhalle*), но то же самое мы видим и в византинизирующих памятниках Закавказья: Нажахово и вачнадзианской Квелацминде. С первым его объединяет и квадратный притвор с западной стороны. Все эти элементы указывают на то, что построившие Бамборский храм мастера принадлежали к провинциальной византийской (малоазийской?) или византинизирующей абхазо-эгрисской школе. Характерно, что в строительной надписи абхазский царь именуется именно византийским титулом магистр.

Итак, Айлага-Абыку – небольшой храм типа купольного зала, выполненный по заказу абхазского царя (Константин III или Георгий II). Каково же было его предназначение? Для южного храма Бамборского комплекса Л. Шервашидзе предложил XIII–XIV вв. в качестве датировки. В основу ее лег анализ резьбы⁶ и ошибочная датировка аналогичной двухэтажной костницы в Бачково (Болгария), на самом деле относящейся к 1080-м годам. В пользу более ранней датировки южного храма говорит и схожая конструкция упомянутого выше храма X–XI вв. в Веселом (сводчатый склеп расположен под нартексом по всей его длине, но полностью под землей). Если южный храм Айлага-Абыку одновременно северной церкви X в., то весь комплекс можно рассматривать как мемориальный. Еще Ф. Дюбуа де Монперё и П.С. Уварова (ссылаясь на некие предания; Уварова, 1894. С. 33) называли Бамборский комплекс монастырем. Действительно, в него входят не только три храма, но и здания к западу от них. В таком случае северная Бамборская церковь была кафоликоном, а южная – поминальным храмиком над костницей. Гипотеза Л. Шервашидзе о среднем храме с маленькой апсидой как о трапезной не кажется убедительной хотя бы потому, что вблизи него отсутствуют следы необходимой для этого кухни. Скорее речь идет еще об одном, пристроенном позже поминальном храмике, который вполне мог быть купольным, – именно такую функцию имеет средний храм (героон) в константинопольском монастыре Пантократора. Впрочем, учитывая дворцовый характер Ширакавана, веро-

ятного образца Айлага-Абыку, нельзя исключать, что первоначально Бамборский комплекс был приморской резиденцией абхазских царей.

Работа выполнена в рамках проекта “Искусство Абхазского царства VIII–XI вв.” (грант РГНФ 10-04-00581 а/А).

Авторы благодарят за помощь А.С. Агумаа, Х. Бухвальда и А.Ю. Казаряна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адзинба И.Е.* Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958.
- Виноградов А.Ю.* Эпиграфика. Надписи с Анакопийской горы // Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011.
- Виноградов А.Ю., Гайдуков Н.Е., Желтов М.С.* Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии // РА. 2005. № 1.
- Казарян А.Ю.* Собор в Аруче и купольные залы Армении VII в. К вопросу о византийском влиянии // Древнерусское искусство. Византия, Русь, Западная Европа: искусство и культура. СПб., 2002.
- Казарян А.Ю.* Фасадная аркатура в средневековом зодчестве Армении и других стран Востока // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 3. М., 2011.
- Картлис Цховреба. История Грузии / Под ред. Р. Метрели. Тбилиси, 2008.
- Корач В.* Једнобродна црква са куполом у византијској архитектури XI и XII века // Измену Византије и Запада. Одабране студије о архитектури. Београд, 1987.
- Корач В.* Прилог познавању једнобродних црква са куполом на Дубровачком подручју // Зборник радова Византинолошког института. 2007. Т. 44.
- Мепишавили Р., Цинцадзе В.* Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии – Шида Картли. Тбилиси, 1975.
- Привалова Е.* Роспись церкви “Вознесения” – “Амаглеб” в Озаани // *Ars georgica*. Т. 9. Тбилиси, 1987.
- Уварова П.С.* Кавказ. Путевые заметки. Т. II. М., 1891.
- Уварова П.С.* Христианские памятники // Материалы по археологии Кавказа. Вып. IV. М., 1894.
- Хрушкова Л.Г.* Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М., 1998.
- Чубинашвили Г.Н.* Архитектура Кахетии. Тбилиси, 1959.
- Чубинашвили Н.Г.* Двани, храмы Грузии типа “*croix libre*” и “вписанного в прямоугольник креста” в VI–VII вв. М., 1978 (Средневековое искусство. Русь. Грузия).
- Шервашидзе Л.* Айлага-Абыку – средневековый монастырский комплекс в с. Бамборы // IV Междунар.

⁶ В настоящей момент фрагменты этой неопубликованной резьбы недоступны для изучения (находятся в Сухумском музее), в то время как в копировании хранящихся в Институте археологии в Тбилиси отчетов о раскопках Л. Шервашидзе, содержащих фотографии указанных блоков, нам было отказано.

- симпозиум по грузинскому искусству: Сб. докл. II. Тбилиси, 1989.
- Adam J.-P.* Roman Building: Materials and Techniques. L.; N.Y., 2005.
- Belli D'Elia P.* Puglia romanica. Milano, 2003.
- Buchwald H.* The Church of St. John the Theologian in Alaşehir (Philadelphia) // Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik. 1981. Bd. 31.
- Cuneo P.* Architettura Armena dal quarto al diciannovesimo secolo. V. I, II. Roma, 1988.
- De los Angeles Utrero Agudo M.* Iglesias tardoantiguas y altomedievales en la Península Ibérica. Madrid, 2006 (Anejos de AEspA; XL).
- Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase. V. I. Paris, 1839.
- Dum-Tragut J., Lüning-Plontke A., Kerkov K., Thiemig C.* Ptghnavank? // http://www.kirchen.net/upload/36448_Ptghni_2007.pdf.
- Gengiuri N.* Kuppelhalle. Tbilisi, 2005.
- Hauschild T.* La iglesia martirial de Marialba (León) // Tierras de León. 1968. V. 9.
- Iamanidzé N.* Les installations liturgiques sculptées des églises de Géorgie (VI^e– XIII^e siècles). Turnhout, 2010.
- Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Baltimore, 1965.
- Khroushkova L.* Les monuments chrétiens de la côte orientale de la Mer Noire. Abkhazie. IV^e – XIV^e siècles. Turnhout, 2006 (Bibliothèque de l'antiquité tardive; 9).
- Martin-Hisard B.* Constantinople et les archontes du monde caucasien dans le Livre des cérémonies, II, 48 // Travaux et mémoires. T. 13. Paris, 2000.
- Μαστορόπουλος Γ. Νάξος.* Το άλλο κάλος. Αθήνα, 2005.
- Μπούρας Χ.* Άγιος Στέφανος Ριβίου Άκαρνανίας // Ἐπιστημονική ἔπετηρίς ΕΠΣΑΠΘ. 1968. Τ. 3.
- Mongiello L.* Chiese di Puglia. Il fenomeno delle chiese a cupola. Bari, 1988.
- Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Tübingen, 1977.
- Plontke-Lüning A.* Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Wien, 2007.
- Puglia preromanica dal V agli inizi dell'XI secolo / A cura di G. Bertelli.* Milano, 2004.
- Reallexikon zur byzantinischen Kunst.* Bd. I–VII. Stuttgart, 1966–2009.
- Strzygowski J.* Die Baukunst der Armenier. Bd. I, II. Wien, 1918.
- Theis L.* Flankenräume im mittelbyzantinischen Kirchenbau. Wiesbaden, 2005.
- Χατζηδάκης Μ. Νάξος.* Αθήνα, 1989.

ЗАПАДНОЕ ЗАКАВКАЗЬЕ И КАППАДОКИЯ: НЕКОТОРЫЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПЕРИОД МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ

© 2012 г. Е.Ю. Ендольцева

Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологи (*ekaterina.endoltseva@gmail.com*)

Ключевые слова: архитектурная пластика, фрески, Каппадокия, Абхазия, Закавказье, хищник из семейства кошачьих, бык, лев, конструкция.

The article compares, for the first time, a group of relief images from Abkhazia and frescoes from some of the cave churches in Cappadocia. Analysis of the iconographic and stylistic peculiarities of the two groups revealed common traits. Studies of their archaeological and historical context allow stating that both groups date to one and the same period between the third quarter of the 10th c. and the year 1071, when the Macedonian dynasty ruled in Byzantium. The article raises the topic of artistic contacts (possibly migration of builders' teams) between the two regions and outlines the areas for further study, for instance, the façades of churches in the historical provinces of Tao and Klarjeti. The constructional features of some of the Cappadocian churches show similarities to certain monuments in northern Mesopotamia, which fact also calls for a more detailed study.

Поводом для настоящего исследования послужило очевидное сходство некоторых рельефов, найденных на территории Абхазии, в том числе и в ходе археологических работ, и фресковых росписей, иногда также дополненных рельефными изображениями, самого нижнего, уложенного непосредственно на туфовую основу стены слоя, который фиксируется во многих церквях на территории Каппадокии.

Вопрос о существовании общих черт в художественной жизни двух регионов, Закавказья и Каппадокии, уже ставился исследователями. Так, Н. Тьерри неоднократно упоминала об этом в статьях, посвященных знаменитым фресковым ансамблям Грузии, Армении и Малой Азии (Thierry, 1977; 1980. P. 96–112), где подробно анализировались иконографические и стилистические особенности живописи, был сделан вывод о существовании четких параллелей. В данном случае объектом изучения стали прежде всего высококачественные с точки зрения техники и художественных особенностей росписи, зачастую сделанные поверх более примитивных фресок (первого слоя). Последние до сих пор исследовались мало, а между тем они представляют несомненный интерес для изучения заявленной темы.

Наличие двух слоев фресковой живописи характерно для многих культурных христианских зданий, вырезанных в мягком туфе и находящихся на территории Каппадокии: церковью Токали (Кольца)

(Epstein, 1986; Restle, 1967. P. 111–117; Thierry, 1989. P. 217–246), Элмали (Яблока), Иланли (Змеи), Пантократора, Каранлик Килисе (Темная церковь) (Thierry, 1983) в монастыре на территории Гереме, Кокар Килисе (Ароматная церковь) в долине Ихлара (Thierry, 1963. P. 115–137), Карабаш (Большая) (Restle, 1967. P. 162–166) около д. Соганли, а также Св. Иоанна (Карси Килисе) (Restle, 1967. P. 166, 167) близ Гюльшехира. В некоторых случаях первый слой росписи покрывает большую часть внутренней поверхности стен церкви, а второй незначителен по площади или отсутствует. Это позволяет реконструировать иконографическую программу первой росписи. В качестве примера можно привести росписи церковью Св. Василия (Restle, 1967. P. 123, 124), Св. Варвары (Restle, 1967. P. 126), Пантократора, безымянной часовни (Restle, 1967. P. 120) в Гереме, росписи церкви и хозяйственного помещения в монастыре Ачик сарае (Verzone, 1962. P. 119–136) неподалеку от Гюльшехира, а также церкви в Мустафа Сакли (Thierry, 1994. P. 242, 243) и новой церкви на вершине 1223 (Thierry, 1994. P. 319, 320). В независимости от местоположения памятника, наличия или отсутствия более поздних слоев росписи нижний слой фресок имеет одни и те же технические характеристики. Во всех отмеченных случаях он выполнен с минимальным использованием материалов и технических средств. Белая краска фона нанесена прямо на скальную породу, следы грунта не выявлены. Красно-корич-



Рис. 1. Прорисовка утерянного рельефа из церкви Св. Феодора (по: Латышев, 1911. С. 20).

невая и зеленоватая краски, которыми выполнены лаконичные изображения, составлены из охры и зеленой земли (вероятно, местного происхождения) с добавлением извести в качестве связующего вещества (Restle, 1967. P. 15–17, 112). Таким образом, цветовая гамма сводится к сочетанию двух, максимум трех цветов: на однородно белый фон нанесен красно-коричневый контур изображения, в некоторых случаях подчеркнутый тонкими зеленоватыми линиями.

Набор стилистических приемов невелик. Изображения выполнены схематично и чаще всего обозначены лишь контурами. Выразительность образа зачастую достигается сочетанием точек, непрерывных линий и штрихов.

Иконографический репертуар фресковых росписей рассматриваемого вида состоит преимущественно из простых геометрических орнаментов и фигур, схематически представленных растений, изображений животных и крестов разной формы. Данные изображения напоминают некоторые каменные рельефы, происходящие с территории Абхазии. Например, образ хищника из семейства кошачьих (вероятно, льва), известный по трем абхазским памятникам – двум навершиям окон из Анакопии (рис. 1; 2) и фрагменту алтарной преграды из Абхазского государственного музея в Сухуме (рис. 3) (Искусство, 2011. С. 115–118), встречается также в росписи нижнего слоя на подпружной арке в нижней церкви Св. Иоанна близ Гюльшехира (рис. 4). Сопоставляя эти изображения, стоит отметить общность

стилистических приемов: несмотря на то что изображения выполнены в разной технике и в разном материале, животные показаны очень схематично (туловище в профиль), рисунок лишь намечает контуры тел, а шерсть и грива обозначаются короткими экспрессивными штрихами и точками. Стилистически близкие изображения животных украшают также интерьер церкви Св. Варвары в Гереме.

Изображение быка, известное в Абхазии по уже упоминавшимся утерянному рельефу из Анакопии и фрагменту алтарной преграды из Абхазского государственного музея (Искусство, 2011. С. 115), также имеет аналогии среди изображений на каппадокийских памятниках. Наиболее характерным в этом смысле следует признать украшение интерьера церкви и хозяйственного помещения в монастыре в Ачик сарае (рис. 5), где бык изображен несколько раз и в разных техниках. На стене трапезной он показан на фреске, манера исполнения которой уже была нами описана, а на западной стене церкви рельефно вырезан из туфа. Как и на плитах из Абхазии бык представлен в непосредственной близости от креста. Два быка в геральдической позе стоят на поперечных перекладинах крестов, покрывающих собой западную стену церкви. Они обрамляют окно над входом, таким образом оказываясь у подножия изображенного на своде креста.

Среди крестов разнообразных форм, которые встречаются в обоих регионах, также есть идентичные изображения. В этой связи прежде всего стоит указать на равноконечные кресты так называемого мальтийского типа с капельками на концах перекладин. На территории Абхазии такой крест, к примеру,



Рис. 2. Плита с изображением льва из церкви Св. Феодора в Анакопии. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.



Рис. 3. Плита из Абхазского государственного музея в г. Сухуме. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.

встречается на фрагменте столбика алтарной преграды из Анакопии (Ендольцева, 2011. С. 127–130) (рис. 6) и на плите со строительной надписью царя Георгия II из Абхазского государственного музея (Искусство, 2011. С. 132, 133), в Каппадокии – на фресках первого слоя в церквях Элмали (рис. 7), Св. Варвары, Иланли, в Каранлик Килисе и во внутреннем дворе монастыря, в безымянной часовне (рис. 8), в церкви Пантократора в Гереме, а также Св. Иоанна близ Гюльшехира.

Кресты латинского типа с перекладинами, завершающимися в виде так называемого ласточкина хвоста (данные кресты иногда изображены под арочками), также достаточно распространены. В Абхазии их можно увидеть на четырех плитах из Анакопии (Искусство, 2011. С. 135–140). В Каппадокии они встречаются на росписях нижнего слоя в церквях Св. Василия, Токали, в одной из часовен в Гереме, а также в церкви Карабаш близ д. Соганли и Св. Иоанна близ Гюльшехира.

Стилистическая и иконографическая близость представленных изображений очевидна, но вот их хронология требует специального рассмотрения. Несмотря на то что датировка многих каппадокийских памятников постоянно вызывает споры, а известные предположения указывают слишком широкие временные рамки, в отношении упомянутых выше памятников данный вопрос решается вполне определенно. Судя по всему, росписи первого слоя в рассматриваемых церквях составляют достаточно компактную группу, относящуюся к конкретному периоду. Определяющим памятником внутри нее следует считать церковь Токали в Гереме – самую крупную пещерную церковь-комплекс в Каппадокии (Restle, 1967. Р. 111). В истории строительства этого памятника принято выделять четыре периода. Однако комплексное исследование архитектурных особенностей церкви, хронологии ее возведения, основанной на детальном рассмотрении соотношения различных строительных этапов, дополненной данными иконографического анализа росписей и сведениями, которые получены благодаря анализу сохранившихся в интерьере надписей, позволяют утверждать, что эти периоды следовали друг за другом без значительных перерывов. Соотнесение полученных данных с историческим контекстом дает возможность датировать росписи примерно второй–третьей четвертью X в. (Epstein, 1986. Р. 38, 39).

Анализ конструктивных особенностей некоторых из упоминавшихся выше церквей, расположенных в Гереме, вместе с иконографическим исследованием верхнего слоя их росписей позволяет



Рис. 4. Роспись нижнего слоя на подпружной арке в нижней церкви Св. Иоанна (Карси Килисе) близ Гюльшехира. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.



Рис. 5. Изображение быка. Роспись внутри хозяйственного помещения в монастыре в Ачик сарае. Фотография Е.Д. Озерковой.



Рис. 6. Фрагмент столбика алтарной преграды из церкви Св. Феодора на горе Анакопия. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.



Рис. 7. Фрагмент росписи первого слоя церкви Элмали (Яблока) в Гереме. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.



Рис. 8. Фрагмент росписи нижнего слоя в безымянной часовне в Гереме. Фотография Е.Ю. Ендольцевой.

утверждать, что нижний слой фресок был выполнен незадолго до верхнего. Эти данные в сочетании с большим количеством иконографических и стилистических параллелей с церковью Токали

позволяют связать устройство указанных церквей и их украшение с периодом расцвета монастырского центра Гереме (Thierry, 1994. P. 388, 389), который в свою очередь связан с общим экономическим и

культурным подъемом в Каппадокии, вызванным стабилизацией внешнеполитической ситуации после ряда победоносных походов Никифора II Фоки (912–969) против арабов. Расцвет продолжался вплоть до прихода сельджуков, т.е. приблизительно до 1071 г. (битва при Манцикерте; см. Thierry, 1994. P. 388).

Иконографические и стилистические параллели позволяют сопоставить живописное убранство (оба слоя) церкви Иланли в Гереме и Кокар в долине Ихлара (Restle, 1967. P. 72–75). Соотнесение этих ансамблей с другими памятниками Каппадокии средневизантийского периода дает возможность М. Рестле отнести их ко второй половине XI в. (Restle, 1967. P. 72–75).

Конструктивные особенности церкви Карабаш, расположенной недалеко от д. Соганли, позволяют сделать вывод о том, что первый слой ее росписей был выполнен незадолго до верхнего (второго), который в свою очередь четко датируется благодаря надписи, упоминающей 1061 г. (Restle, 1967. P. 46–48, 52).

Художественные особенности росписи нижнего слоя церкви Св. Иоанна близ Гюльшехира ставят ее в один ряд с украшением интерьера церкви Св. Варвары в Гереме. Последняя, как сказано выше, была, вероятно, возведена между третьей четвертью X в. и 1071 г.

Датировка монастырского комплекса в Ачик саррае вызывает некоторые вопросы. П. Верцоне, посетивший комплекс в 1954 г. (Verzone, 1962. P. 119), отмечает, что характер росписи церкви и мотивы, использовавшиеся в ее украшении (обилие крестов), напоминают скорее об эпохе иконоборчества. Однако исследователь признает, что иконографические особенности росписей многих византийских церквей Каппадокии X–XI вв. генетически связаны с VII–VIII вв. (Verzone, 1962. P. 136). Принимая во внимание некоторые детали (например, подковообразные арочки на фасаде и технику его росписи), имеющие прямую аналогию в интерьере новой церкви Токали, как и во многих других памятниках Гереме, возможно датировать и этот комплекс третьей четвертью X в. – 1071 г.

К этому же времени имеют отношение и вышеупомянутые рельефы из Абхазии. Напомним, что те из них, на которых изображены звери, вероятно, датируются по надписи, упоминающей византийского императора Константина IX Мономаха (1042–1055). Датировка остальных, полученная в результате комплексного анализа археологических, иконографических и исторических данных (Искус-

ство, 2011. С. 87–209), не противоречит предложенной версии.

Таким образом, следует признать, что росписи нижнего слоя, зафиксированного в некоторых церквях на территории Каппадокии, близки к определенной группе рельефов из Абхазии не только по своим стилистическим и иконографическим признакам, но и по хронологическим (время Македонской династии). Более того, они могут иметь общие функциональные особенности. Действительно, росписи нижнего слоя скорее всего выполнены не слишком профессиональными художниками (возможно, они же были и строителями этих зданий) (Thierry, 1994. P. 387). Похоже, что их основной целью было подчеркнуть конструктивные особенности здания изнутри и снаружи. То же самое можно сказать и об абхазских рельефах, предназначавшихся чаще всего для внешней и внутренней облицовки церковного здания (иногда для облицовки алтарной преграды).

Прежде чем подвести итог, следует отметить, что иконографические параллели между некоторыми абхазскими рельефами и каппадокийскими росписями (иногда рельефами) не исчерпываются вышеописанными примерами. Специального рассмотрения достойна группа каппадокийских памятников, датировка которых до сих пор вызывает сомнения, а также некоторые росписи (и рельефы), не совпадающие по стилю с описанными выше¹. К числу первых относятся церкви с изображениями рыб в д. Зельве. Мысль о существовании иконографических параллелей между схематическими рисунками рыб в церквях № 3 (Thierry, 1994. P. 341–347) и 4 (Thierry, 1994. P. 349–358) и двумя рельефами из Абхазии уже высказывалась (Искусство, 2011. С. 119–121). Однако состояние изученности росписей в д. Зельве пока не позволяет делать определенные выводы об их характере. Серьезные вопросы вызывает проблема датировки этих памятников. Так, Н. Тьерри, посвятившая много времени их изучению, исходя из иконографических особенностей росписей, предлагала отнести обе церкви к иконоборческому времени (Thierry, 1971. Fig. 74; 75). Однако впоследствии исследовательница изменила свое мнение и теперь относит их к ранневизантийскому периоду (Thierry, 1994. P. 356–358). Поскольку в обоих случаях ее аргументы базируются в основном на иконографическом анализе изображений, представляется необходимым дальнейшее изучение этого вопроса.

Другая тема, которая так же требует дополнительного исследования, – несомненное сходство

¹ Росписи нижнего слоя в церквях Каппадокии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

изображений крестов под арочкой в обоих регионах. Двум рельефам из Анакопийской коллекции (Искусство, 2011. С. 137, 139) соответствует, к примеру, крест, вырезанный на потолке верхнего помещения церкви Никиты Столпника или Узумлю (Виноградная) около Гереме (Thierry, 1994. P. 255–281). Похожий крест также выявлен на своде церкви Хачли (Креста) (Thierry, 1994. P. 245–254). Однако, как и в предыдущем случае, недостаточная изученность этих памятников препятствует формулировке отчетливых выводов и требует дальнейшего исследования проблемы. То же самое касается темы орнаментов: в Каппадокии имеется богатый материал для сопоставления с абхазскими памятниками, однако для определения более отчетливых связей необходимо продолжить исследование.

В заключение отметим, что в данной статье представлены предварительные рассуждения, наша цель – указать на перспективность дальнейшего изучения художественных контактов Каппадокии и западного Закавказья. Среди ближайших задач проекта – создание иконографической базы данных по схожим памятникам двух регионов. При этом в фокусе исследования остается именно архитектурная пластика западного Закавказья. Представляется необходимым дополнить информацию о памятниках Закавказья сведениями, касающимися церквей, расположенных на территории исторических провинций Тао и Кларджети, а также армянским материалом. Кроме того, многие из интересующих нас каппадокийских памятников демонстрируют несомненное родство с церковными постройками северной Месопотамии (Restle, 1967. P. 46–56). Основания для этого дают некоторые иконографические и архитектурные признаки. Эту тему также можно считать перспективной и потому требующей детального изучения.

Исследование проводилось при поддержке гранта РГНФ “Изучение искусства Абхазского царства VIII–XI вв.” 10-04-00581 а/А.

Ендольцева Е.Ю. Об одном мотиве украшения алтарных преград в западном Закавказье // Вторая Абхазская междунар. археологическая конференция (8–12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М.М. Трапш. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2011.

Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости / Отв. ред. и сост. Е.Ю. Ендольцева. СПб., 2011.

Латышев В.В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911.

Epstein A.W. Tokali Kilise: Tenth-century metropolitan art in Byzantine Cappadocia. Washington, D.C., 1986 (DOS; T. 22).

Restle M. Byzantine wall painting in Asia Minor. T. 1. Recklinghausen, 1967.

Thierry N. et M. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Région du Hasan Dağı. Paris, 1963.

Thierry N. Arts de Cappadoce. Genève; Paris; Munich, 1971.

Thierry N. Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X^e–XI^e siècles. Ch. IV. L., 1977.

Thierry N. Iconographie cappadocienne et géorgienne. Similitudes // Bedi Kartlisa. 1980. № 38.

Thierry N. Haute Moyen-Age en Cappadoce. T. 1. Paris, 1983.

Thierry N. Recherches sur les commanditaires de la nouvelle église de Tokali et d'autres monuments // Constantines VII Porphyrogenitus and his Age. Second Internat. Byzantine Conference. Delphi, 22–26 July 1987. Athens, 1989.

Thierry N. Haute Moyen-Age en Cappadoce. Les églises de la région de Cavusin. T. II. Paris, 1994.

Verzone P. Gli monasteri di Acik Serai in Cappadocia // Cahiers archéologiques. 1962. V. XIII.

**РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ПО ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМ
МЕТОДАМ**

**ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ УКРАШЕНИЙ
МОГИЛЬНИКА МАМИСОНДОН (СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ)**

© 2012 г. Д.А. Столярова

Институт археологии РАН, Москва (ulibka.jojik@mail.ru)

Ключевые слова: украшения, цветные и драгоценные металлы, рентгенофлюоресцентный анализ, визуальный осмотр, литье, пластическая деформация, припой, проволока, инструмент.

The article tells of the manufacturing technology, including the chemical composition of the metal, of the ornaments from Mamisondon cemetery (8th c.) in the Zaramag basin. Ninety-five ornaments made of non-ferrous and precious metals have been inspected and studied under optical microscope with 10x to 500x magnification. The chemical composition of the metal of 74 ornaments, represented by 88 samples, has been studied with nondestructive energy dispersive X-ray fluorescence spectroscopy. The results of the study reveal the technological schemes of manufacturing the ornaments, the high level of the technological skills that were applied, and the diversity of the instruments and alloys that were used by the jewelers.

Ювелирные изделия относятся к наиболее выразительным проявлениям средневековой материальной культуры. Изучение их морфологии, хронологии, поиск аналогий и выяснение происхождения – обязательный этап в изучении археологических коллекций. Анализ технологии производства ювелирных изделий может значительно дополнить и расширить информативную базу любого археологического памятника.

Объектом исследования послужили украшения раннесредневекового могильника Мамисондон. Цель настоящей работы – получение данных об элементном составе металлов и сплавов, использованных для производства украшений и реконструкция техники их изготовления.

Мамисондон – погребальный памятник, открытый и исследованный в ходе проведения охранных раскопок в 2007–2008 гг. Северо-Осетинской экспедицией Института археологии РАН. Он находится в Алагирском р-не Республики Северная Осетия–Алания, в Зарамагской котловине, в верховьях р. Ардон. Основное время существования некрополя – VIII в., но отдельные погребения могут относиться как к концу VII в., так и к первым десятилетиям IX в. (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 129).

На территории могильника были выделены два участка, различающиеся по деталям обряда и вещевому комплексу: основная часть могильника и комплекс погребений на Холме 1 (отдельно стоящее в

юго-восточной части могильника природное образование). Предположительно эти различия носят хронологический характер.

Наблюдаются и различия в антропологическом составе похороненных на разных участках памятника: мужчины, погребенные на основной части могильника, отличаются от мужчин, обнаруженных на Холме 1 и составляющих антропологически разнородную группу. В то же время женщины из разных групп погребений Мамисондона похожи между собой, хотя небольшие различия между ними наблюдаются (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 131).

Предварительные антропологические исследования черепов из погребений могильника дают основания предполагать, что население этого памятника отличалось от аланского. Степень близости индивидов с разных участков некрополя к каким-либо этническим группам, населявшим Кавказ, пока не выяснена.

Погребальный инвентарь Мамисондона ограничен предметами личного обихода или деталями костюма. А полное отсутствие в захоронениях сосудов, оружия, конской сбруи, вероятно, указывает на близость погребального инвентаря христианским погребениям Грузии (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 130).

Для химико-технологического исследования была использована представительная выборка из

коллекции могильника Мамисондон – 95 предметов, изготовленных из цветных и драгоценных металлов (перстни, височные кольца, булавки-заколки, браслеты, фибула и бусина). Изучение техники изготовления украшений проведено с помощью метода поверхностного осмотра на оптическом микроскопе Stemi 2000 с увеличением от 10 до 500 раз и программы AxioVision (Karl Zeiss), позволяющей проводить измерение мелких деталей изделий. В результате выявлены следы технологических операций и инструментов, сохранившиеся на предметах. Фиксация наблюдений выполнена на фотокамере, соединенной с микроскопом¹.

Анализ химического состава металла украшений из выборки проводился с помощью неразрушающего энергодисперсного рентгенофлюоресцентного анализа (РФА). Определялись элементы с высокой концентрацией – основные компоненты сплава – медь, олово, свинец, цинк и серебро (Cu, Sn, Pb, Zn, Ag) и элементы-примеси – серебро, сурьма, мышьяк и золото (Ag, Au, Sb, As). Основной массив данных исследован в рентгеноспектральной лаборатории (анализ выполнен Н.В. Ениосовой) кафедры археологии исторического факультета МГУ на приборе ArtTAX (Röntgenanalysen-Technik). Результаты измерений представлены в виде рентгеновских спектров, специальная программа позволяет идентифицировать пики, соответствующие химическим элементам сплава, и определять их аналитическую интенсивность на качественном уровне (24 анализа 18 предметов). В тех случаях, когда концентрация элементов в пробах совпадала с составом эталонного сплава, использованного для калибровки спектров при установке программного обеспечения ArtTAX, были получены количественные результаты (51 анализ 46 изделий).

Часть образцов (19 предметов – 20 проб) исследована в рентгеноспектральной лаборатории (анализ выполнен зав. лабораторией канд. геол.-минерал. наук Р.А. Митояном) кафедры геохимии геологического факультета МГУ. Для расчета концентраций элементов без применения стандартных образцов использован метод фундаментальных параметров (Ениосова и др., 2008. С. 117–120).

Статистическая обработка полученных данных по химическому составу металла осуществлена для пяти основных сплавобразующих компонентов: Cu, Pb, Sn, Zn, Ag. Состав и концентрация элементов-примесей и микропримесей не оценивались.

¹ Исследование украшений проводилось на кафедре археологии исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством канд. ист. наук Н.В. Ениосовой.

Кроме того, предпринята попытка соотнести тип сплава с технологией изготовления украшений.

Следует сразу оговориться, что для полноценной реконструкции процесса изготовления предметов, включенных в выборку, необходимо металлографическое изучение. Но из-за особенностей музейного хранения при исследовании данной коллекции применение разрушающих методов, включая анализ структуры металла, не допускалось. Однако тщательное изучение поверхности изделий под микроскопом позволило во многих случаях восстановить “технологическую” историю изготовления украшений из могильника Мамисондон.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ УКРАШЕНИЙ

Украшения могильника Мамисондон, представленные в выборке, разделены на несколько категорий в соответствии с морфологическими признаками. Форма предметов и их конструктивные элементы описаны на основе принципов, изложенных в коллективной монографии “Морфология древностей” (Щапова и др., 2007). Некоторые категории разделены на группы, подгруппы и типы по технологическому принципу в зависимости от основных и вспомогательных приемов изготовления украшений в их последовательности.

Принципы поверхностного изучения археологических находок из цветных и драгоценных металлов, почерпнутые в ряде работ, послужили основой для выявления наиболее выразительных признаков, документирующих способы и условия изготовления украшений. В некоторых случаях можно реконструировать ювелирные инструменты, использованные в процессе производства (Рыбаков, 1948. С. 68–112; Рындина, 1963. С. 201, 202; 1971. С. 18; 1998. С. 13–15; Минасян, 1994а. С. 17–19; 1994б. С. 168–172; 1995а. С. 84–87; 1995б. С. 119–127; Сарачева, 1999. С. 74–82; Шаблавина, 2001. С. 308–322).

Перстни

К этой категории изделий относятся 75 экз. – большая часть выборки из коллекции Мамисондона. Они разделены на группы и подгруппы в соответствии с техникой их изготовления.

Группа I. Литые перстни. К этой группе относятся 17 перстней. В зависимости от вида литья они отнесены к двум подгруппам.

Способом литья в двухстороннюю разъемную литейную форму изготовлены 13 перстней. В каждой из створок формы были получены негативные



Рис. 1. Литые перстни. *А* – изготовленные в процессе литья в двухстороннюю разъемную литейную форму; *Б* – изготовленные в процессе литья по выплавляемой восковой модели.

изображения половинок перстня, соединяющиеся по продольному разрезу. Негатив формы, вероятно, был вырезан в камне либо оттиснут в глине с помощью модельного образца или готовой вещи. Полученные отливки аккуратно обработаны: опилены и заполированы литейные швы и места подведения литниковых каналов, а также гнезда для вставок на перстнях. По различимым следам продольных литейных швов и следам их обработки твердым абразивом – напильником – на внутренней стороне шинок перстни были отнесены к этой подгруппе (рис. 1*А*, 1–3).

В большинстве случаев на щитки перстней нанесен орнамент, прочерченный зубильцем: простые насечки, контуры “мальтийского”/“сионского” крестов, фигуры птиц, окружности с гнездами в центре, орнамент в виде “арабской надписи” (рис. 1*А*, 4–6).

В процессе литья по выплавляемой восковой модели были получены четыре перстня. Следы литейных швов и опиливания на них не обнаружены. Сглаженные мягкие контуры, следы заглаживания воска на поверхности также могут свидетельствовать в пользу восковой модели (рис. 1*Б*, 8).

Щитки некоторых перстней орнаментированы с помощью зубильца по восковой модели или уже по готовой отливке. Орнамент различен: простые геомет-

рические насечки, “мальтийский” крест, изображение птицы и человеческой фигуры с крестом (рис. 1*Б*, 7, 9).

Присутствие в коллекции могильника Мамисондон перстней, произведенных с помощью двух основных видов литья, может свидетельствовать как об индивидуальном (восковая модель), так и о серийном (разъемная форма) производстве украшений на этой территории. В пользу серийного изготовления говорит и морфологическое сходство – форма щитков и сходство орнаментальных мотивов.

Группа II. Кованые перстни. Большинство перстней из выборки – 58 экз. – изготовлены с помощью различных приемов пластической деформации. По набору использованных операций и конструктивных элементов они были разделены на четыре подгруппы.

Подгруппа 1 – закрытые перстни с полым щитком, полученные из одной металлической листовой заготовки (33 экз.). Для их производства сначала получали плоскую заготовку: овальную в средней части, с концами в виде узких пластин, из которых получался обод. Ее вырезали по шаблону из тонкого листа металла. Затем ее крепили на свинцовой или смоляной подушке (или использовали жесткую матрицу) и с помощью чекана со сферической головкой выдавливали срединную часть заготовки, превращая ее в углубленную конусовидную часть

щитка. В центре этой части вырезали круглое отверстие для вставки с помощью пуансона-секача. Затем щитку придавали овальную, конусовидную или эллипсоидную форму на деревянной подкладке с помощью молоточка с плоским бойком или плоского чекана. Каждый из перстней был украшен стеклянной вставкой, закреплявшейся в гнезде посредством обжатия вокруг нее краев щитка (рис. 2А, 1, 2) (Ениосова, 2010. С. 373. Рис. 4). Касты почти всех перстней, кроме 7 экз., украшены различным орнаментом, полученным с помощью зубильца или пуансона с циркульным или S-видным окончанием (рис. 2А, 3).

Далее с помощью обжимки на ригеле или роге наковальни оформляли округлые концы шинки, которые соединяли с помощью припоя. Его следы хорошо прослеживаются на шинках некоторых перстней (рис. 3). Удалось выявить два способа спаивания концов шинки: накладывание концов друг на друга и спаивание их внахлест (26 экз.) или сведение концов и спаивание их встык (3 экз.).

Иногда место стыка хорошо обработано: опилено абразивом и в некоторых случаях на него специально наносился орнамент. Внутренняя полость щитка во всех случаях закрыта тонкой металлической пластиной, вырезанной по соответствующей форме и припаянной к перстню (рис. 2А, 4).

Химический анализ припоя, оставшегося на внутренней стороне подкладной пластины одного перстня, зафиксировал повышенное содержание свинца и олова по сравнению с металлом самой пластины. Это свидетельствует о применении легкоплавкого припоя, состоящего из двух элементов. Кроме того, установлено, что для аналогичного по конструкции серебряного перстня использован припой, состоящий из серебра и меди: на внутренней стороне подкладной пластины меди значительно больше, чем в металле, использованном для изготовления самого перстня.

Для соединения деталей украшения с помощью пайки необходимо, чтобы припой плавился, в то время как основной металл еще находился

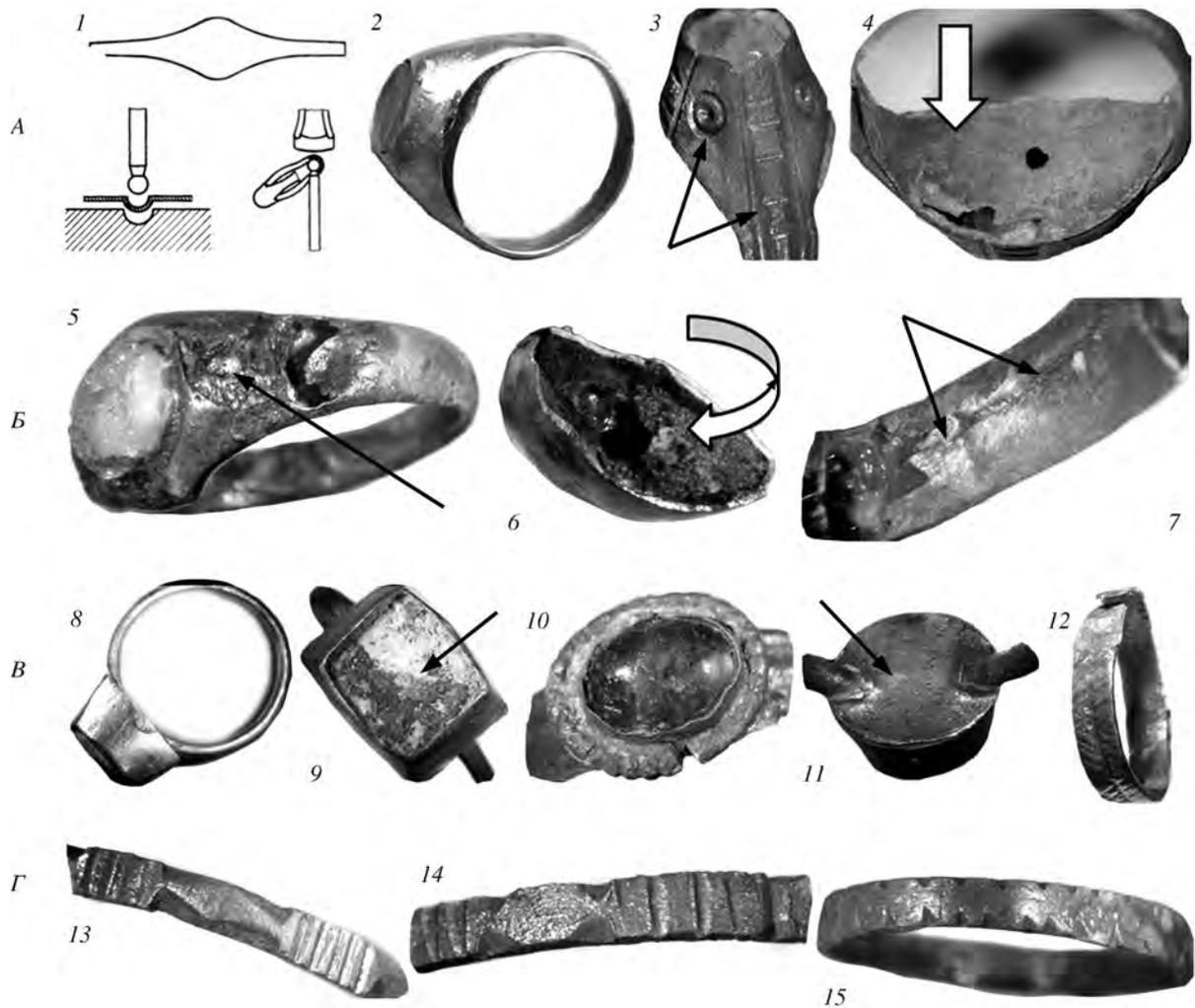


Рис. 2. Кованые перстни. А – подгруппа 1; Б – подгруппа 2; В – подгруппа 3; Г – подгруппа 4.

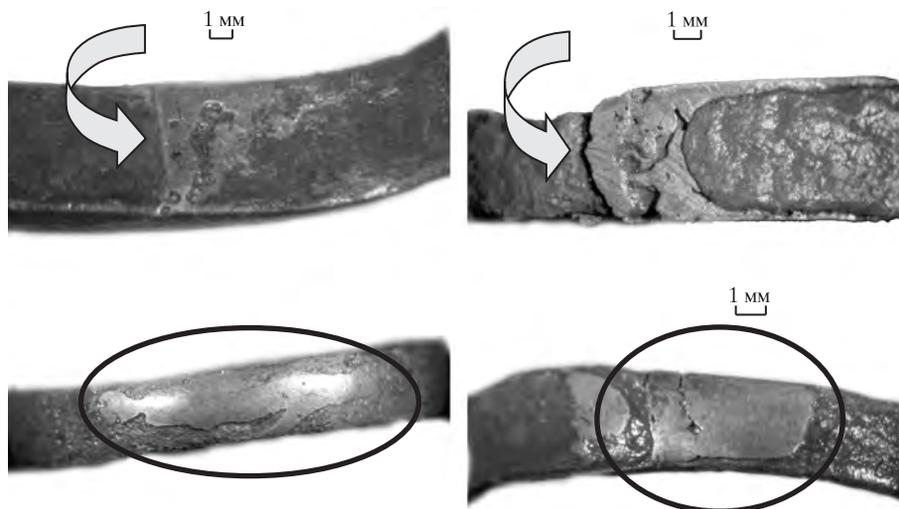


Рис. 3. Припой, зафиксированные на украшениях при визуальном осмотре.

в твердом состоянии. Разница в температурах плавления припоя и основного металла должна составлять не менее 50°C (Бреполь, 2000. С. 306). Снижая температуру плавления припоя для серебряных изделий, в серебро добавляют медь, а для бронз используют соединения олова со свинцом. В обоих случаях используют флюсы, также понижающие температуру плавления припоя.

Морфологическое и технологическое сходство перстней этой подгруппы можно расценивать как свидетельство их серийного производства в местных ювелирных мастерских. Нельзя не отметить, что для получения разнообразных орнаментов мастера должны были использовать такие инструменты, как чеканы, молоточки, резцы, зубильца, пуансоны с различными окончаниями. Они выполняли сложную работу, виртуозно владея пайкой и подбирая особые сплавы для изготовления припоев, подходящих для разных металлов.

Подгруппа 2 – закрытые щитковые перстни, полученные из одной металлической листовой заготовки с каркасом внутри. Эта подгруппа включает два перстня. Они изготовлены из тонкого металлического листа (толщина 0.1 мм) и каркаса, помещенного внутрь оболочки (рис. 2Б, 5). Техника их изготовления по набору операций очень похожа на технику производства перстней первой подгруппы, но они различаются по размерам первоначальной заготовки. Для того чтобы обтянуть каркас тонким металлическим листом, следовало увеличить его длину и ширину, а толщину – уменьшить. Первый этап работы с заготовкой (формовка углубленного щитка и вырезание отверстия для вставки) аналогичен операциям с перстнями первой подгруппы. Да-

лее внутрь полученной заготовки вставляли каркас, а затем на деревянной подкладке концы пластины загибали внутрь в виде трубки. Вероятно, каркас в этот момент еще был пластичным, что позволяло сформовать изделие и закрепить стеклянную вставку в гнезде на щитке. Затем края обтяжки обрабатывались вокруг каркаса, сводились вместе и аккуратно спаивались встык по всей окружности шинки (Ениосова, 2010. С. 373) (рис. 2Б, 7).

Разрывы в металлической оболочке позволяют увидеть каркас-заполнение перстня: это достаточно твердая, но пористая, легко крошащаяся субстанция черного цвета (рис. 2Б, 6). Основываясь на данных, полученных Б.В. Жадановым, можно предположить, что каркас перстней состоял из смеси органической массы с глиной, мелким песком и мелом (Орфинская, 2010. С. 362).

Для закрытия оборотной стороны щитка использовали тонкую серебряную пластинку овальной формы, крепившуюся к шинке и щитку с помощью припоя. Концы шинки этого перстня спаивали внахлест на завершающей стадии изготовления уже с каркасом внутри.

Характеризуя эту подгруппу, стоит отметить, что долгий и трудоемкий процесс изготовления перстней предполагал большую затрату времени и сил мастера, но уменьшал затраты материала. Возможно, эти перстни были своеобразной копией тяжелых объемных литых перстней (в коллекции могильника их нет), для изготовления которых требовалось большее количество металла, чем для каркасных. Конечно, “копии” скорее всего отличались по весу от “оригинала”, но благодаря аккуратной пайке

краев обтяжки по внешнему виду были качественной имитацией литых массивных перстней.

Подгруппа 3 – сложносоставные перстни, изготовленные из нескольких конструктивных деталей. К этой подгруппе относятся 18 перстней. Их объединяет единая схема изготовления из нескольких деталей. Внутри подгруппы все перстни разделены по отдельным особенностям изготовления и формам конструктивных деталей.

Щиток создавался отдельно в несколько этапов. Сначала из листа металла вырезалась заготовка округлой, овальной или прямоугольной формы. Затем посредством выдавливания срединной части на свинцовой или смоляной подушке с помощью чекана со сферической головкой из заготовки получали углубленный щиток. В центре щитка вырезали с помощью зубила достаточно большое отверстие под вставку. Далее ему придавали усеченно-коническую или пирамидальную форму с помощью молоточка с плоским бойком или плоского чекана на специальных деревянных оправках. В отверстие помещалась стеклянная вставка, которая закреплялась с помощью обжатия металла вокруг ее края (рис. 2B, 8).

В некоторых случаях пустая полость щитка была заполнена серо-белым веществом, состоящим из смеси органической массы с глиной, песком и мелом (Орфинская, 2010. С. 362) (рис. 2B, 9). Почти во всех случаях орнамент на щитках отсутствует.

Щитки трех перстней выборки состоят из нескольких конструктивных деталей. Сначала на шинку, свернутую в кольцо со сведенными встык концами, напайвалась тонкая пластинка-подкладка для щитка округлой формы из легкоплавкого свинцово-оловянного сплава. Она служила припоем-основой для крепления других деталей щитка.

Сверху на нее напайвали бусинную проволоку, полученную с помощью штамповки на органариуме и оконтурившую щиток целиком. Внутри щитка под бусинную проволоку была вставлена прямоугольная пластинка, согнутая в виде цилиндрика. В ней с помощью обжатия краев была закреплена стеклянная вставка (рис. 2B, 10).

Шинка в некоторых случаях была изготовлена из проволоки прямоугольного или округлого сечения (12 экз.). Можно предположить, что круглая проволока получена посредством волочения: она достаточно тонкая и отличается равномерностью сечения, что может служить одним из признаков техники волочения. Другим признаком служит наличие продольных рисок, появившихся при протягивании через фильеры волочила (Рындина, 1963. С. 210). В большинстве случаев обнаружить их на

поверхности проволоки не удалось из-за реставрации, проведенной с помощью химической очистки щелочами и кислотами, растравившими металл. Таким образом, без металлографического исследования однозначно судить о способе получения проволоки нельзя.

Проволочная заготовка сгибалась в круглое незамкнутое кольцо, концы шинки расковывались и уплощались для последующего соединения ее со щитком. С оборотной стороны во всех случаях щиток закрывался листом металла, вырезанным по его форме, который припаивался к шинке (рис. 2B, 11).

На заключительном этапе изготовления почти во всех случаях концы шинки припаивались к пластинке, закрывающей полую часть щитка. На некоторых экземплярах прослеживается очень качественное прикрепление концов шинки к щитку посредством припоя.

В других случаях шинку изготавливали из плоской (толщиной ≈ 1 мм) неширокой кововой пластинки на которую, видимо, в несомкнутом состоянии наносился сложный орнамент (рис. 2B, 12). Далее шинка изгибалась в кольцо с незамкнутыми концами, которые немного расковывались и сводились встык. У перстней этого типа подкладные пластинки, закрывающие полую часть щитка, не зафиксированы. Возможно, они просто не сохранились, но есть вероятность, что их не использовали. Шинка крепилась к краям щитка с помощью припоя, в состав которого, предположительно, входят олово и свинец.

Подгруппа 4 – плоские замкнутые перстни. В эту подгруппу попали три перстня. Все они откованы из плоской пластинчатой заготовки прямоугольной формы шириной около 2 мм. Прямая заготовка была покрыта орнаментом еще до изгибания на оправке с помощью пуансона с треугольным окончанием и зубильца. Выпуклые части орнамента образуют битрапециодные и ромбовидные фигуры (рис. 2, Г). Далее заготовки сгибались в кольца примерно одинакового диаметра ($\approx 18-19$ мм). В двух случаях концы шинок спаяны внахлест с помощью припоя, а на одном перстне – встык также с использованием припоя.

Изготовление таких перстней может говорить об использовании пуансона с треугольным окончанием, а сходство ширины пластин, диаметра колец и орнамента может свидетельствовать о серийном производстве колец такого типа. Необходимо отметить, что изделия этой подгруппы отличает хорошее качество работы.

Подводя итог изучению самой многочисленной категории украшений могильника Мамисондон,

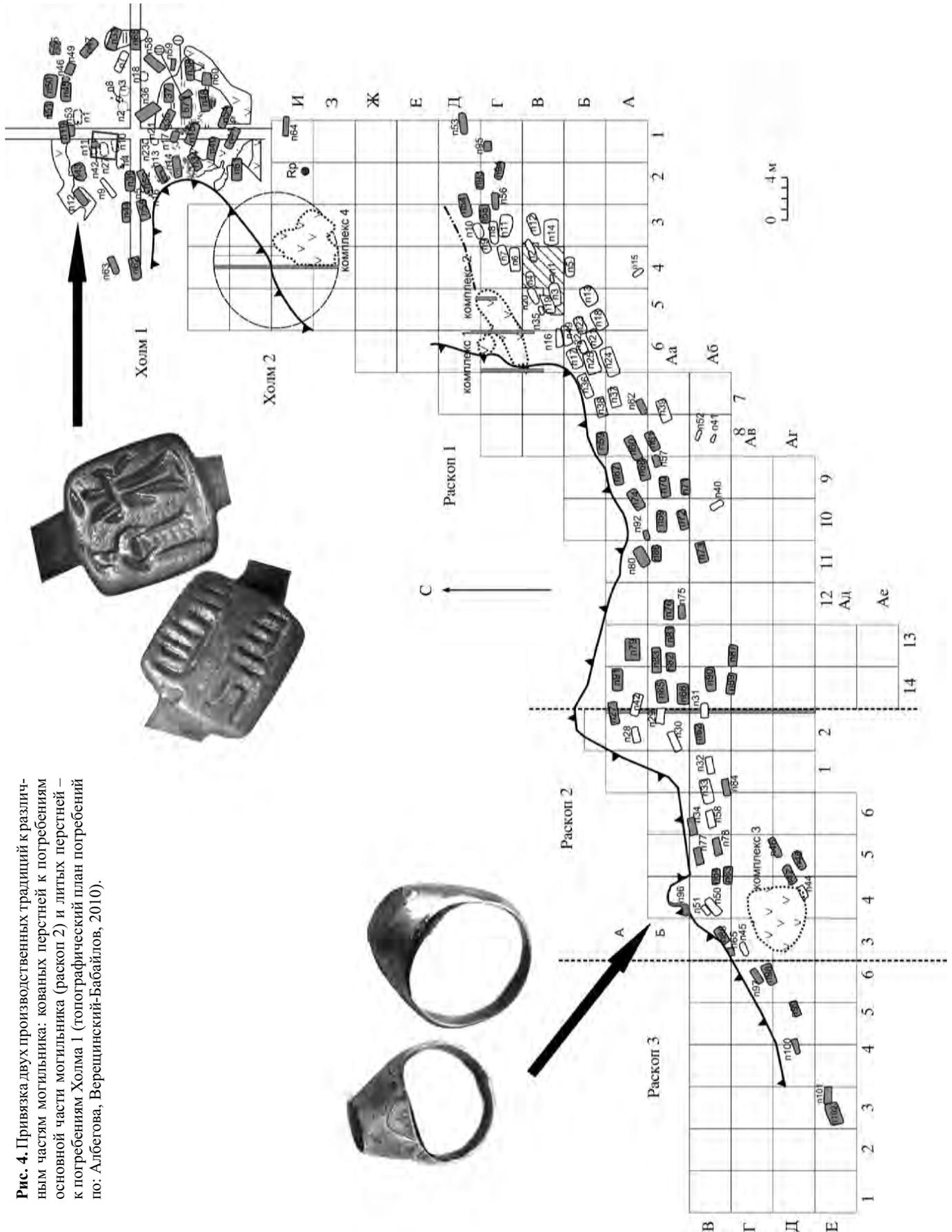


Рис. 4. Привязка двух производственных традиций к различным частям могильника: кованных перстней (раскоп 2) и литых перстней – к погребениям Холма 1 (топографический план погребений по: Албетова, Верещинский-Бабайлов, 2010).

следует отметить, что в изготовлении кованых перстней самого распространенного в коллекции типа (перстни 1-й подгруппы) четко прослеживается традиция, объединяющая набор технических операций, орнаментальные мотивы и использование определенной группы сплавов. Можно предположить, что большинство этих перстней произведено в одной мастерской. Вероятно, другая мастерская выпускала литые перстни. Об этом свидетельствует сходство форм щитков и орнаментальных композиций украшений этой группы, также изготовленных серийно.

В монографии, посвященной могильнику Мамисондон, З.Х. Албегова отмечает, что все литые перстни происходят из погребений Холма 1. Напротив, кованые закрытые перстни с полым щитком найдены только в погребениях основной части могильника (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 130, 131) (рис. 4). Так как деление могильника на две части авторами раскопок имеет не только географический, но и хронологический характер, можно сделать вывод о смене некоторых традиций ювелирного производства с течением времени, предположительно в связи с приходом новых мастеров.

Височные кольца

В процессе исследования выборки были выделены следующие группы височных колец.

Группа 1. Височные кольца с подвижными колонками. К этой группе были отнесены 6 экз., составляющих три пары височных колец. Между собой их объединяет способ изготовления, а также набор конструктивных элементов: все они состоят из дужки, трех колец для крепления подвесок и подвесок. Но в деталях технология производства каждой пары имеет свои особенности.

Одна пара изготовлена по следующей схеме: дужка кольца ($d = 33.2$ мм) сделана из волооченной проволоки, круглой в сечении ($d = 1.5$ мм) с сужающимися концами, загнутыми наружу колечками. О способе производства проволоки можно судить по равномерности сечения, а также по ее малому диаметру – с помощьюковки такую тонкую проволоку получить практически невозможно. На дужку припаяны три кольца для подвесок, состоящие из двух конструктивных элементов: желобчатых пластинок с углублением в средней части и валиками по краям и колец из уплощенной проволоки овальной формы. Вся конструкция спаяна в нижней части ободка. К кольцам крепились штырьки с петлей-ограничителем на одном конце. На штырьки предварительно нанизывались стеклянные бусины

и металлические литые колечки с имитацией зерна (рис. 5А, 1).

Вторая пара изготовлена почти так же, как и первая, но проще. Дужка кольца сделана из волооченной проволоки, круглой в сечении, концы которой раскованы и отогнуты наружу. Заготовка свернута в кольцо овальной формы с незамкнутыми концами. К ободку в нижней части припаяно еще три проволоочных кольца-петельки. К ним подвешены штырьки из проволоки, круглой в сечении, конец каждого из которых завязан в узелок-ограничитель, а другой раскован на наковальне с желобком. На каждый из этих штырьков насажены цилиндрическая металлическая, две ложнозерновые (литые) и стеклянная бусины. Раскованный конец штырька вдевался в петлю на ободке кольца и заворачивался вокруг нее (рис. 5А, 2).

Третья пара изготовлена с помощью других приемов: дужка сделана из тонкой волооченной проволоки ($d = 1$ мм), свернутой в незамкнутое кольцо овальной формы. К нему прикреплены две перевитые проволоки, концы которых обмотаны вокруг обода в его нижней части. О процессе волочения также свидетельствуют равномерность сечения и диаметр проволоки. В процессе витья были получены три петли из двойной проволоки. К этим петлям прикреплены подвески, состоящие из проволоочного штырька с узелком-стопором внизу, на который нанизывались стеклянные и проволоочные ажурные бусины, также полученные путем плетения маленьких отрезков проволоки. Штырьки крепились к петлям, а их концы обматывались вокруг штырьков (рис. 5А, 3).

Для изготовления 1-й группы височных колец применяли такие приемы, как волочение, витье и кручение проволоки; литые миниатюрных бусин,ковка и пайка. В процессе изготовления использованы различные инструменты: волочило, наковальня с желобком, абразивы, щипцы и приспособления для пайки. Морфологическое и технологическое сходство, а также одинаковый набор конструктивных элементов, возможно, свидетельствуют в пользу местного изготовления этой группы височных колец, однако сложный набор операций по производству отдельных конструктивных деталей и их сборки в единый предмет говорит об индивидуальном, а не о серийном производстве украшений этой группы.

Группа 2. Височные кольца с зернью (гродевидные). Всего в выборке было зафиксировано три таких кольца. Они произведены по единой схеме. Дужка кольца изготавливалась из проволоки, круглой в сечении ($d = 1-1.2$ мм). О способе получения проволоки ковкой или волочением здесь судить не-

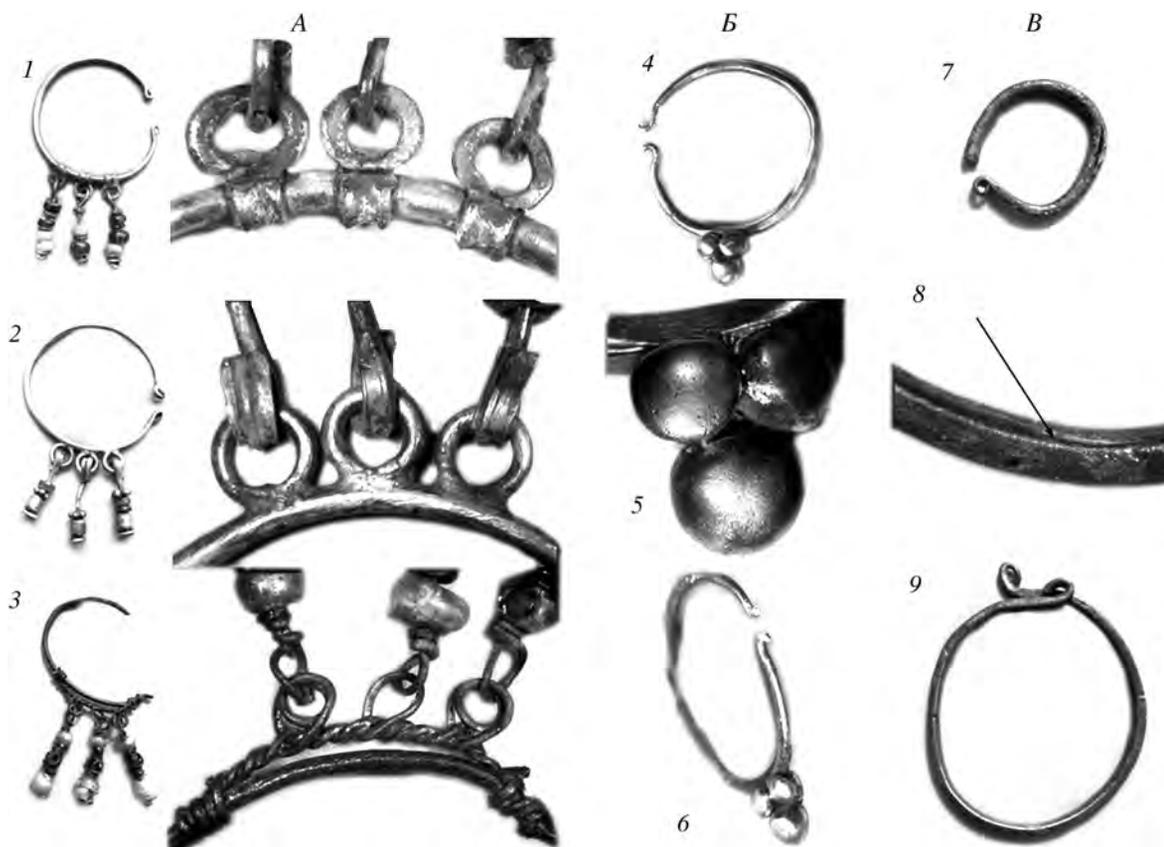


Рис. 5. Височные кольца. А – группа 1; Б – группа 2; В – группа 3.

лзя, так как сечение не всегда равномерное; кроме того, на двух экземплярах ясно прослеживаются следыковки – ребра. Хотя, возможно, это следы последующей обработки изначально волооченной проволоочной заготовки.

Концы заготовки, согнутой в незамкнутое кольцо овальной формы (18–27 × 23–30 мм), расковывались и отгибались наружу. В нижней части ободка припаивались четыре шарика зерни в виде грозди: большой шарик $d = 3–5$ мм, маленькие $d = 2–4.5$ мм (рис. 5Б, 4, 5). Гроздь зерни в некоторых случаях была слегка прокована – шарики зерни немного деформированы (рис. 5Б, 6).

Из-за отсутствия аналогий и производственных свидетельств на этой территории трудно судить о местном или импортном происхождении серебряных гроздевидных височных колец из могильника Мамисондон. Очевидно, что изготовление украшений в сложной технике зерни не может быть серийным.

Группа 3. Перстнеобразные проволоочные височные кольца. К этой группе отнесены 2 экз. Их объединяют форма, отсутствие сложных конструктивных деталей, а также техника изготовления.

Дужки обоих колец изготовлены из проволоки, круглой в сечении. Можно говорить о том, что проволока одного височного кольца была получена путем волоочения: об этом свидетельствуют ее равномерное сечение и малый диаметр (1.1 мм). Не исключено, что проволока второго кольца также получена в процессе волоочения, однако на дужке ромбического сечения отчетливо видны ребра, появившиеся в процессековки (рис. 5В, 8). Проволоочные заготовки в обоих случаях изогнуты в кольца, но концы дужки одного кольца незамкнуты, один конец ее раскован и загнут наружу в виде колечка (рис. 5В, 7), а оба конца дужки второго кольца раскованы, загнуты наружу и заведены друг за друга (рис. 5В, 9).

Браслеты

В выборке представлены пять браслетов. Все они изготовлены с помощьюковки из прутка прямоугольного или круглого сечения. Заготовки двух браслетов были перекручены вокруг своей оси (рис. 6, 1, 2). Заготовки для остальных браслетов не изменяли первоначальную форму (рис. 6, 3). В некоторых случаях на концы заготовки зубильцем наносился орнамент в виде кольцевых или коротких

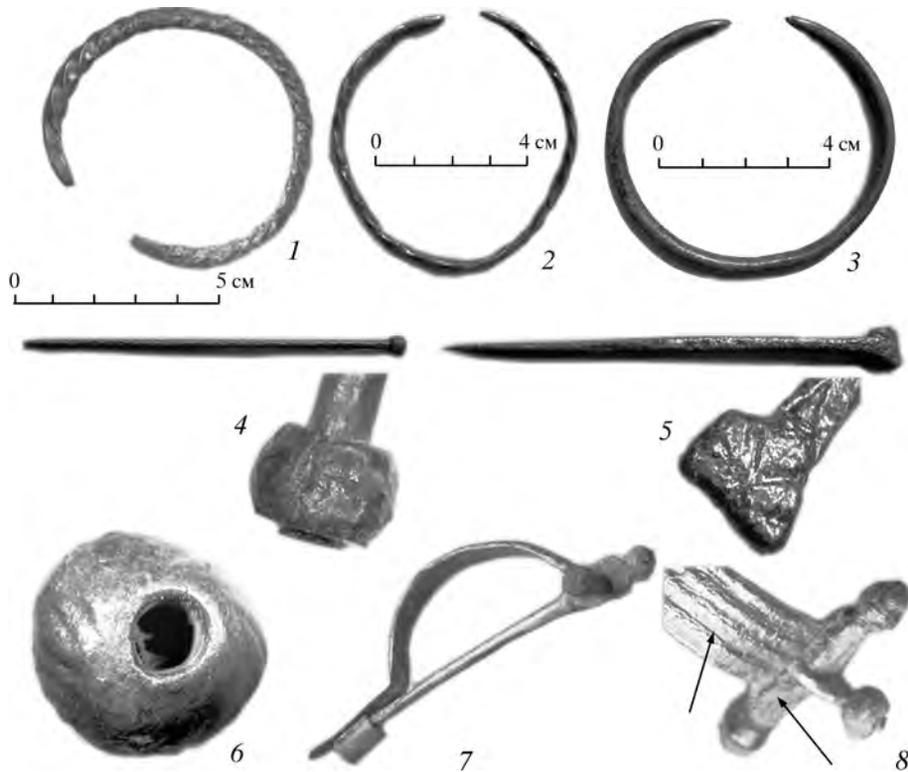


Рис. 6. 1–3 – браслеты; 4, 5 – булавки-заколки; 6 – бусина; 7, 8 – фибула.

насечек, расходящихся геометрической “елочкой”. Далее браслеты изгибались в обруч округлой или овальной формы с незамкнутыми концами, которые заострялись путем проковки.

Булавки

В исследованной выборке представлены две булавки (длина 64 и 53 мм). Они изготовлены из проволоки, круглой в сечении ($d=0.6$ и 1.1 мм). В данном случае нельзя точно судить о технике получения проволоки, хотя на ее поверхности прослеживаются следы слабой проковки. На обеих булавках один конец заготовки заострен. Оформление головок булавок разное. В одном случае это круглая металлическая бусина ($d=4$ мм), крепившаяся на стержень с помощью расклепывания его конца (рис. 6, 4). В другом конец стержня расклепан и завернут, образуя трапецевидную головку, на которую зубильцем нанесен орнамент – лучеобразные насечки, сходящиеся в центре (рис. 6, 5).

Бусина

Единственная металлическая бусина биконической формы из выборки была отлита, возможно, по выплавляемой восковой модели со вставкой-стержнем для канала, так как на поверхности даже при

очень большом увеличении следы литейных швов не прослеживаются (рис. 6, 6). С другой стороны, судя по “стертой” ребристой поверхности бусины, можно предположить, что она либо долго была в употреблении, либо изготовлена способом литья в разъемную форму, полученную по оттиску готового изделия.

Фибула

В исследованную выборку попала одна из двух бронзовых двучленных шарнирных фибул, присутствующих в коллекции Мамисондона (рис. 6, 7). По мнению И.О. Гавритухина, эта фибула принадлежит к поздним вариантам серии Чми северокавказских раннесредневековых шарнирных фибул, датируемых в пределах первой половины – середины VIII в. На фибуле зафиксированы следы длительного использования и неоднократных ремонтов, что свидетельствует о существенном промежутке между временем изготовления фибулы и временем попадания ее в могилу (Гавритухин, 2010. С. 413).

Фибула состоит из нескольких конструктивных элементов: изогнутой пластинчатой дужки и двух щитков. Дужка и щитки сделаны из одной заготовки, которая представляла собой плоскую пластину с раскованными краями. Один щиток пластинчатый

и более тонкий, чем дужка, но соответствует ей по ширине. Дужка фибулы изогнута на полукруглой оправке. Второй конец раскован в тонкую прямоугольную пластину (шире, чем дужка). Из нее свернута полая незамкнутая трубочка, внутрь которой вставлен железный штырек, зафиксированный с обеих сторон плотно насаженными шаровидными бусинами из медного сплава (рис. 6, 8). На оборотной стороне пластинчатого щитка припаян приемник иглы, полученный из свернутой в незамкнутую трубочку пластины. Игла откована из округлого прутка: один конец ее заострен, другой расплюсчен, но также заканчивается заостренным стерженьком, на который надета шаровидная металлическая бусина. В плоском окончании иглы пробито отверстие (незамкнутое) для ее подвижного крепления к трубочке.

Техника производства фибулы кардинально отличается от техники изготовления других категорий украшений могильника Мамисондон. Сделавший ее мастер виртуозно владел техникойковки и сборки сложного украшения из отдельных, хорошо подогнанных друг к другу деталей. Фибула по качеству работы превосходит другие украшения исследованного памятника, и она не могла появиться в местных мастерских.

Суммируя данные, полученные в ходе визуального исследования, можно заключить, что изделия, выполненные с помощью различных способов пластической деформации, абсолютно доминируют в выборке. В их число входят 58 перстней, 11 височных колец, 5 браслетов, 2 булавки и фибула, их доля в выборке превышает 80%. Среди них преобладают украшения, для изготовления которых была применена пайка. Из этого следует, что ювелиры, производившие украшения для населения Мамисондона, владели приемами литья и пластической деформации, ноковка была доминирующей техникой изготовления.

Другая технологическая особенность – сборка украшений из различных деталей, которые соединялись с помощью пайки или (в редких случаях) – путем их механического соединения. В распоряжении ювелиров было несколько видов проволоки разной толщины, полученной с помощью различных инструментов, в том числе и посредством специального напильника с желобком (*lima inferius fossa*) и штамповки на органариуме. При работе с проволокой мастера использовали также такие операции, как витье и кручение.

Ювелиры, изготовившие украшения для населения, оставившего Мамисондонский могильник, применяли различные виды пуансонов и миниатюрных зубил для создания орнаментов на украшениях.

Невозможно представить нанесение декора без использования ювелирных молоточков и наковален, удерживающих инструментов – тисочков, пинцетов и щипцов. Формовка украшений и нанесение декора происходили на смоляных и свинцовых подушках, окончательную форму придавали с применением оправок, ригелей и других приспособлений. Также использованы различные литейные формы: как разъемные, так и оболочковые.

Таким образом, мастера владели широким кругом технологических операций и обладали богатым арсеналом инструментов и приспособлений для работы. Они производили как штучные, так и серийные изделия разного качества. К сожалению, отсутствие производственных свидетельств на территории этого памятника не дает возможности говорить о местном производстве, однако массовость некоторых групп изделий позволяет предположить, что здесь производили некоторые виды перстней и височных колец.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛА

К изучению при помощи РФА-анализа привлекались по возможности все категории украшений, изготовленных посредством различных технологических операций, отличающиеся по качеству исполнения.

Аналитические результаты (количественные и качественные) были разбиты на 10 групп. В каждой группе проанализированы количественные результаты, которые показали минимальное и максимальное значения легирующих элементов в сплавах (в качестве границы искусственного легирования принимается условная величина – 1%) (Riederer, 1984. S. 220, 221; Галибин, 1990. С. 177).

Процентное соотношение сплавов, использованных в различных технологических операциях, говорит о том, что чаще всего ювелиры использовали оловянные бронзы (34%), на втором месте – серебро различной пробы (28%), значительную долю в выборке занимают изделия из латуни (15%) и свинцовой бронзы (16%). Украшения, выполненные из “чистой” и “грязной” меди (3%) и легкоплавких сплавов на основе свинца и олова (4%), немногочисленны (рис. 7).

При соотношении исследованных категорий вещей с типами сплавов, использованных для их изготовления, прослеживается определенная корреляция. Она, возможно, свидетельствует в пользу осознанного подбора металла или сплава для различных операций.

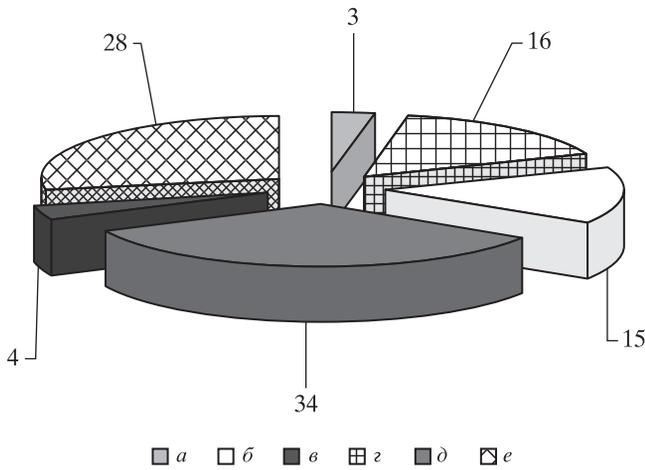


Рис. 7. Процентное соотношение групп сплавов в выборке по могильнику Мамисондон. Условные обозначения: *a* – “чистая медь”; *b* – латуни; *v* – легкоплавкие сплавы; *z* – свинцовая бронза; *d* – оловянно-свинцовая бронза; *e* – серебро.

Для литья использовали сплавы, легирующие элементы которых значительно улучшали его жидкотекучесть и понижали температуру плавления. А для изделий, подвергнутых операциям пласти-

ческой деформации, использованы сплавы с хорошими механическими свойствами.

Так, для изготовления литых перстней чаще всего брали свинцово-оловянную бронзу с высоким содержанием олова. В единичных случаях отливки производили из высокопробного серебра и сплавов на основе свинца и олова. Для изготовления кованых перстней чаще всего использовали свинцовые бронзы, двойные и свинцовые латуни, а также серебро различного качества. Височные кольца производили в большинстве случаев из высокопробного серебра, а также из оловянно-свинцовых бронз и, редко, из свинцовой латуни. Браслеты делали из оловянно-свинцовой или свинцовой бронзы. Остальные категории изделий представлены единичными экземплярами, что не позволяет говорить об осознанном выборе сплава (рис. 8).

Однако следует отметить, что присутствие практически во всех сплавах свинца в достаточно большом количестве может свидетельствовать о том, что чаще всего мастера применяли холодную ковку, так как горячая ковка в этом случае невозможна из-за того, что свинец вызывает красноломкость (Мальцев и др., 1955. С. 130–134).

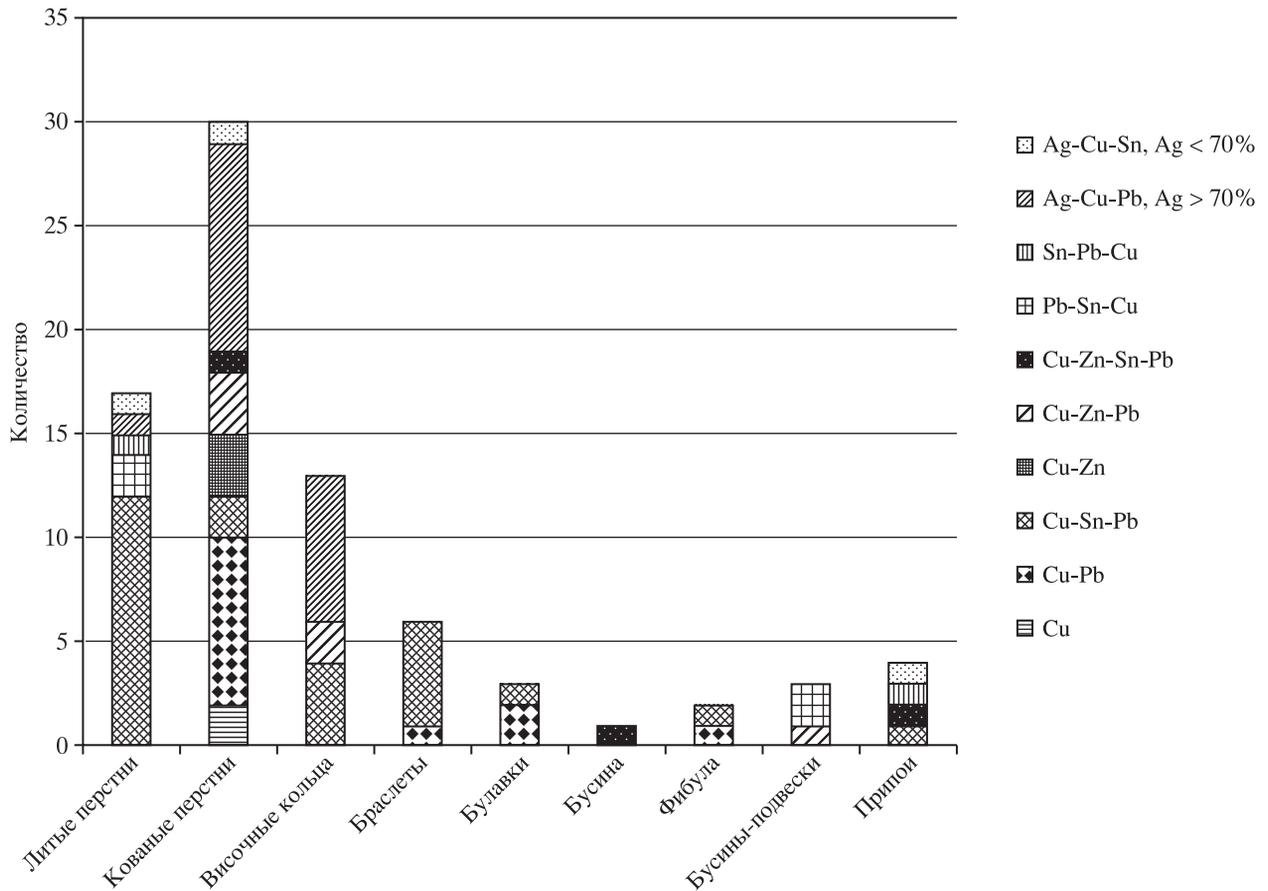


Рис. 8. Соотношение категорий вещей и типов сплавов.

Содержание во всех сплавах большого количества микропримесей, а также наличие низкопробных серебряных сплавов, сильно разбавленных медью и свинцом, могут говорить о широком применении в ювелирном производстве вторичного сырья – лома украшений, вышедших из употребления.

Примечателен факт присутствия золота в химическом составе металла большинства исследованных образцов (в 63 из 74 проб). Вероятнее всего, золото попадало в металл вместе с медью и свинцом, а в медь – при ее выплавке из рудного источника. Это сырье поступало в ювелирную мастерскую, производившую украшения, и было добавлено в различных пропорциях в серебро. На основе “грязной” меди с примесью золота был получен и другой сплав – оловянно-свинцовая бронза. Отсутствие золота в свинцовой латуни и многокомпонентном сплаве с цинком (11 изделий), возможно, указывает, что сплавы меди с цинком поступали из другого источника.

При сравнении материалов Мамисондонского могильника с материалами Верхнекобанского могильника можно видеть, что в составе металла последнего также обнаруживается микропримесь золота. Несмотря на то что набор сплавов этого памятника сильно отличается от набора могильника Мамисондон, присутствие золота может указывать на один источник медного сырья, снабжающий ювелиров этого региона. Высокое качество серебряных сплавов в материалах обоих могильников может свидетельствовать, возможно, о том, что сырьем в обоих случаях служило серебро, добытое из галенитовых руд Садонского месторождения в центральной части горной Осетии (Ковалевская, 2004. С. 94, 95).

Несмотря на некоторое сходство вещевых коллекций Мамисондона и других памятников Юго-Восточной Европы, химический состав его металла – показатель своеобразия и даже уникальности производственной традиции населения Зарамагской котловины.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о высоком уровне технических знаний ювелиров, создававших украшения для населения Зарамагской котловины, широком круге технологических операций, которыми они владели, разнообразном наборе инструментов и сплавов, использовавшихся в производственном процессе.

Представленное исследование основано на изучении только части коллекции могильника Мамисондон, и результаты его не могут быть всеобъемлющими и окончательными. Тем не менее технологическое изучение этого материала во мно-

гом позволяет судить о ювелирном производстве населения, оставившего могильник.

Дальнейшие исследования технологии изготовления украшений раннесредневековых памятников Центрального Предкавказья и Юго-Восточной Европы в целом открывают достаточно широкие перспективы выявления различных производственных традиций в этом регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И.* Раннесредневековый могильник Мамисондон. М., 2010 (Матер. охранных археолог. исследов.; Т. 11).
- Бреполь Э.* Теория и практика ювелирного дела. СПб., 2000.
- Гавритухин И.О.* Фибулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок. Прилож. № 6 // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. М., 2010.
- Галибин В.А.* Древние сплавы на медной основе (основные принципы интерпретации) // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Ениосова Н.В.* Техника изготовления и химический состав металла перстней. Прилож. № 4 // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. М., 2010.
- Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г.* Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Ковалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М., 2008.
- Ковалевская В.Б.* Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд Горной Осетии в раннем Средневековье // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа): Тез. докл. М., 2004.
- Мальцев М.В., Теплинская В.М., Степанова М.В.* Исследование влияния свинца и висмута на свойства меди и α -латуни // Исследование сплавов цветных металлов. № 1. М., 1955.
- Минасян Р.С.* О роли изучения археологических предметов из меди, серебра, золота трасологическим методом // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии: Тез. докл. СПб., 1994а.
- Минасян Р.С.* Способы изготовления платежных слитков // ПАВ. 1994б. № 9.
- Минасян Р.С.* К вопросу о существовании способа металлического литья “навыплеск” в древнерусское

- время // Древности Северо-Западной России. СПб., 1995а.
- Минасян Р.С.* Техника литья “чудских образков” // АСГЭ. 1995б. № 32.
- Орфинская О.В.* Исследование археологического текстиля из Мамисондонского могильника. Прилож. № 3 // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Ранне-средневековый могильник Мамисондон. М., 2010.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Рындина Н.В.* Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии: Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М., 1963 (МИА; № 117).
- Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971.
- Рындина Н.В.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите – энеолите). М., 1998.
- Сарачева Т.Г.* Инструменты для нанесения декора на вятские украшения // Археологический сборник памяти М.В. Фехнер. М., 1999 (Тр. ГИМ; Вып. 111).
- Шаблавина Е.А.* Визуально определяемые особенности литья металлических украшений по восковой модели // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001.
- Щапова Ю.Л., Лихтер Ю.А., Сарачева Т.Г., Столярова Е.К.* Морфология украшений. М., 2007 (Морфология древностей; Вып. 4).
- Riederer J.* Metallanalysen römischer Bronzen // Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Berlin, 1984.

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ САЛТОВ-IV

© 2012 г. И.К. Решетова

Институт археологии РАН, Москва (reshetovairina@yandex.ru)

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, Верхний Салтов, палеоантропология, маркеры физиологического стресса, травмы, трепанации, изотопный анализ.

Archaeological study of Saltovo-Mayatsk sites near the village of Verkhniy Saltov (Volchansk region, Kharkov Oblast) began in 1900 and continues to the present day. Recent research of the anthropological materials allowed characterizing the biological status of the forest-steppe zone population of Saltovo-Mayatsk culture. The collection of 30 individuals (13 males, 9 females, 3 children, 3 newborns) was studied by craniometrical and osteometrical methods. Physiological stress markers and pathological cases have also been described. Isotopic analysis of the collagen has been done to reconstruct the paleodiet patterns. The investigated skulls are characterized by dolicho-mesocranium proportion, with medium and large-size longitudinal diameters, small and medium transverse diameters, significant horizontal and vertical profile and high nasal bones projecting (table 1). There are cases of physiological stress marked in the group. Among the signs of episodic stress are enamel hypoplasia and cribra orbitalia (table 2). Epigenetic traits include osteoms, wormian and suture bones, grooves on the surface of the frontal bones. There are a number of dental pathologies, dental caries, odontogenic osteomyelitis, dedentition, anomalies of development (table 2). The selection is characterized by a high level of injury. There is a large number of fractures (nose, depressed fractures of the bones of the skull). When working with the remains of the individuals, two cases of trephination have been revealed (cat. no.51, № 79). A pilot study of isotopic composition of collagen bone tissue of individuals from the catacomb burials in the necropolis of Upper Saltov-IV allowed identifying the type of diet in the group. The most significant feature of the average diet is probably the significant share of C4 plants. Thus, the study of the anthropological materials from Upper Saltov-IV cemetery yielded new data, allowed recording the number of defects and anomalies, gave evidence of stress factors in the group, and provided the materials for bioarchaeological reconstruction.

Археологический комплекс у с. Верхний Салтов – наиболее известный и исследованный памятник лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры. Его изучение было начато в 1900 г. В.А. Бабенко и продолжается в настоящее время. За годы раскопок было установлено, что на месте современного села в VIII–X вв. существовал большой город, рядом с которым располагались огромные по площади катакомбный и грунтовый могильники, оставленные населением разного этнического происхождения. Накопленные материалы позволили датировать Салтовский могильник IX – началом X в. (Аксенов, 2000. С. 23).

Раскопки памятника дали большое количество материала, в том числе антропологического. Более чем за 100-летнюю историю исследования было раскопано около 800 катакомб, насчитывающих, по ориентировочным подсчетам, более 30 000 погребений (В.С. Аксенов, устное сообщение). Антропологические материалы представляют собой

случайную выборку, поэтому вопрос о том, можно ли считать ее условной палеопопуляцией, должен рассматриваться отдельно.

С 90-х годов XX в. по настоящее время комплекс исследуется Музеем археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (ХНУ), Харьковским областным историческим музеем (в этих двух музеях хранится большая часть материалов раскопок), Средневековой экспедицией Харьковского государственного педагогического университета им. Г.С. Сковороды (ХГПУ).

Цель работы – изучение новых антропологических материалов с использованием методов и методических подходов исторической экологии человека, ранее не применявшихся к данной остеологической коллекции. На ее базе, хранящейся в Харьковском областном историческом музее, по комплексной палеоантропологической программе (краниометрия, остеометрия, фиксация маркеров стресса и патоло-

гических случаев) было исследовано 30 индивидов: 13 мужских, 9 женских, 3 детских, 5 детей до года. Также были взяты пробы костного материала пяти индивидов для пробного исследования стабильных изотопов в коллагене костей.

Краниологические особенности выборки

Первые исследователи краниологической серии из Верхнего Салтова Г.И. Чучукало и Г.Ф. Дебец отмечали однородность в морфологии салтовских черепов: долихокранию с небольшим процентом примеси мезокранных и брахикранных черепов. Г.Ф. Дебец подчеркивал отсутствие следов монголоидного компонента. Оба автора солидарны в том, что черепа из Салтова очень близки по строению с аланскими (Чучукало, 1926. С. 212; Дебец, 1948. С. 256).

Краниометрические данные, полученные нами, при сравнительной характеристике с материалами, полученными ранее В.П. Алексеевым, Г.Ф. Дебцем, Т.С. Кондукторовой, Г.И. Чучукало, расхождений не выявили. Краниологическая выборка также характеризуется чертами верхнесалтовского или аланского типа: долихо-мезокранный тип черепа со средним и большим продольным, малым и средним поперечным диаметрами, выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица, высоким сильно выступающим носом (Кондукторова, 1991. С. 145). В нашем случае как мужские, так и женские черепа характеризуются большей мезокранией: средним продольным и поперечным диаметрами. Лицо – узкое и среднеширокое. Нос – высокий, среднеширокий. Угол выступания носовых костей – большой. Орбиты – невысокие, широкие. Малый общий лицевой угол, очень малый угол средней части лица. Следует отметить, что черепа из Верхнесалтовского могильника в большей степени мезокранны, чем краниумы из Дмитриевского и Маяцкого могильников (табл. 1).

Маркеры физиологического стресса в исследуемой выборке

Помимо краниологической характеристики, было проведено обследование выборки по палеопатологическим показателям по методике А.П. Бужиловой (1995. С. 12–14), основанной на концепции физиологического стресса и фиксации патологических проявлений случаев заболеваний. С помощью фиксации ряда маркеров стресса и патологий можно проследить особенности стрессовых воздействий, традиции питания, болезни. Это позволит воссоздать образ жизни носителей салто-

во-маяцкой культуры – населения разного этнического происхождения в рамках Хазарского каганата.

В приведенной таблице отражена процентная и количественная характеристики частоты встречаемости маркеров стресса в выборке (табл. 2). Среди патологий зубочелюстной системы отмечаются такие маркеры эпизодического стресса, как гипоплазия эмали, проявляющаяся в виде пятен, углублений разной величины и формы, бороздок на каком-либо участке зуба (Бужилова, 1998. С. 102). Эмалевая гипоплазия зафиксирована во всех возрастных выборках, но количественно преобладает в мужской подгруппе, что свидетельствует о присутствии негативных факторов в период детства и раннего юношества. Наименьший показатель признака регистрируется в женской группе, во всех группах он отмечен в возрасте трех-трех с половиной лет.

Кариес был встречен только в выборке взрослых индивидов, что может являться следствием преимущественно углеводсодержащей диеты. Как и процент эмалевой гипоплазии, количественная составляющая наличия кариеса преобладает у мужчин, у детей отсутствует. Можно предполагать различный тип питания для мужчин и женщин. В качестве подтверждения этого тезиса приведем данные по уровню образования зубного камня: 30.7 и 11% для мужчин и женщин соответственно.

В группе из Верхнего Салтова был зафиксирован один случай одонтогенного остеомиелита у мужчины 45–49 лет (погр. 42; рис. 1). Кроме того, отмечена прижизненная утрата зубов как в женской, так и в мужской группах, связанная с возрастными изменениями и инфекционным поражением челюстей (абсцесс).

У ребенка семи-восьми лет (погр. 67) наблюдалась аномалия зубной системы, характеризующаяся неправильной закладкой зуба: левый медиальный резец развернут на 180°.

Повышение частоты встречаемости *cribra orbitalia* (рис. 2) часто связано с железодефицитной анемией (Бужилова, 1995. С. 24, 25). Присутствие этого маркера у неполовозрелых индивидов может свидетельствовать о наличии стресса у населения в целом и маркировать не только изменения в диете, но, главным образом, адаптивные процессы и условия проживания на территории поселения (Бужилова, 1998. С. 125).

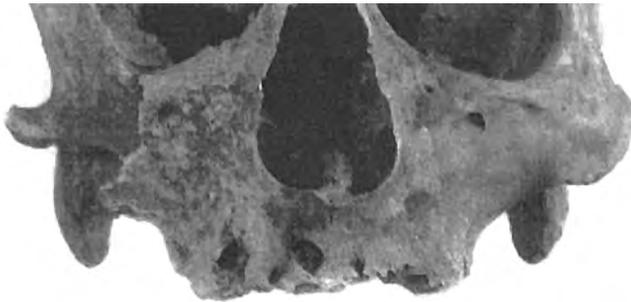
При сопоставлении данных по маркерам стресса и патологиям с другими катакомбными могильниками салтово-маяцкой культуры (табл. 3) отметим, что количественные показатели для Верхнесалтовского могильника несколько ниже представленных А.П. Бужиловой для Маяцкого и Дмитриевского.

Таблица 1. Краниометрическая характеристика черепов из могильника Верхний Салтов-IV (средние значения)

№ по Мартину	Признак	Мужчины	Женщины
1	Продольный диаметр	184	173.5
8	Поперечный диаметр	144	136.5
8:1	Черепной указатель	78	77
17	Высотный диаметр	138	
5	Длина основания черепа	102.5	
20	Высота <i>po-b</i>	127	125
9	Наименьшая ширина лба	94.5	93
10	Наибольшая ширина лба	121.5	113.5
11	Ушная ширина	118	115
12	Ширина затылка	112	105
29	Лобная хорда	115	112.5
30	Теменная хорда	114	114
31	Затылочная хорда	85.5	92
45	Скуловой диаметр	130	124
40	Длина основания лица	91.5	
48	Верхняя высота лица	68	61
47	Полная высота лица	114	114
43	Верхняя ширина лица	99.75	102.75
46	Средняя ширина лица	95	91
60	Длина альвеолярной дуги	53	52
61	Ширина альвеолярной дуги	57.5	56.25
62	Длина неба	42.25	41.5
63	Ширина неба	31	30.25
55	Высота носа	53.75	52
54	Ширина носа	24.5	23.5
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	43	40.25
52	Высота орбиты	30.5	34.5
50	Межглазничная ширина	21.75	22.5
65	Мыщелковая ширина	120	112.5
66	Бигониальная ширина	100	99
68	Длина нижней челюсти от углов	83.5	77.5
68.1	Длина нижней челюсти от мыщелков	104.5	98
70	Высота ветви	64.5	67
71a	Наименьшая ширина ветви	31.5	28
44a	Бимолярная хорда <i>fmo-fmo</i>	100	102
	Высота <i>n</i> над бимолярной хордой	19	14
	Зигомаксиллярная хорда	93	94
	Высота <i>subspinale</i> над зигомаксиллярной хордой	26	25
DC	Дакриальная хорда	20.75	24.5
DS	Дакриальная высота	8.25	9.5
SC	Симотическая хорда	8.25	10
SS	Симотическая высота	3.75	5
32	Угол лба <i>n-met</i> к горизонтали	78.5	73.5°
	Угол лба <i>gl-met</i> к горизонтали	81	64.5°
79	Угол наклона ветви нижней челюсти	119.5	120°
79.1	Угол подбородка	71	77.5°
72	Общий лицевой угол	78.5	76°
73	Угол средней части лица	78	64.5°
74	Угол альвеолярной части лица	74.5	54.5°
75	Угол носовых костей к горизонтали	52.5	53°
75.1	Угол носовых костей к линии профиля	28.5	23°

Таблица 2. Частота встречаемости патологических маркеров в выборке из Верхнего Салтова

Признак	Мужчины %/n	Женщины %/n	Дети %/n
Эмалевая гипоплазия	23/3	11/1	12.5/1
Кариез	23/3	11/1	–
Одонтогенный остеомиелит (абсцесс)	7.7/1	–	–
Прижизненная утрата зубов	23/3	22/2	–
Зубной камень	30.7/4	11/1	–
<i>Cribra orbitalia</i>	7.7/1	11/1	25/2
Травмы	47/6	22/2	–
Аномалии развития зубной системы	–	–	12.5/1

**Рис. 1.** Одонтогенный остеомиелит верхней челюсти. Мужчина 45–49 лет.**Рис. 2.** *Cribra orbitalia*. Ребенок семи–девяти лет.

Отчасти это может быть связано со сравнительно небольшой выборкой из Верхнесалтовского могильника. Даже среди столь ограниченной группы было зафиксировано большинство маркеров стресса, характерных для эпохи средневековья Восточной Европы порубежных территорий.

Наиболее сильные отличия салтовской выборки проявились в отсутствии свидетельств перистальной реакции на черепе. Существенно ниже и показатели по одонтогенному остеомиелиту в муж-

ской выборке (в женской зафиксирован не был). Отметим схожую тенденцию в распространении кариеса: во всех могильниках выборка мужчин демонстрирует более высокий процент относительно женщин. В связи с этим можно предположить, что рацион питания имел гендерные различия, вероятно связанные с хозяйственной деятельностью. Предположительно группа мужчин находилась в несколько иных, более суровых, нежели женщины (временные откочевки, военные действия) условиях. Так как тенденция прослеживается уже на группе памятников с катакомбным типом захоронения, то можно говорить о сложившейся традиции ведения хозяйства и, в соответствии с этим, питания и образа жизни общей для данного компонента салтово-маяцкой культуры, выходящей за границы отдельно взятого памятника.

Характер повреждений на черепах

Уровень травматизма в группе высокий, даже при сопоставлении с аналогичными параметрами на Дмитриевском и Маяцком могильниках (табл. 3) (Бужилова, 1995. С. 127, 117). При сопоставлении учитывались только повреждения черепа.

Важно иметь в виду, что анализ черепных травм может дать информацию для реконструкции уровня агрессии в группе. Следует различать травмы, которые могли быть получены при бытовых столкновениях, и травмы, полученные в результате боевых действий.

На изученных черепах отмечены обе категории травм. Так, 50% повреждений представляют переломы носа (по большей части со смещением). При значительных показателях выступления носа этот вид травм очень распространен и относится, как правило, к травматизму бытового происхождения. Остальная часть – травматические повреждения свода черепа различной локализации: компрессионные переломы, рубленые раны, во всех случаях зажившие, т.е. тяжкие повреждения, получение которых может быть связано с участием в

Таблица 3. Маркеры физиологического стресса в катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры

Признак	Могильник, %						
	Верхний Салтов-IV (30 индивидов)			Маяцкий (по: Бужилова, 1995. С. 127)		Дмитриевский (по: Бужилова, 1995. С. 117)	
	Мужчины (13)	Женщины (9)	Дети (8)	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
<i>Cribra orbitalia</i>	7.7	11	25	–	–	37.5	23.3
Эмалевая гипоплазия	23	11	12	46.1	54.3	64	69
Кариес	23	11	–	57.7	26.4	67.7	47.5
Зубной камень	30.7	11	–	–	–	–	–
Одонтогенный остеомиелит (абсцесс)	7.7	–	–	18.8	16.7	24.2	12.3
Прижизненная утрата зубов	23	22	–	45.2	26.4	57.6	47.5
Периостит (череп)	–	–	–	6.3	–	18.2	9.5
Травмы (череп)	47	22	–	12.6	3.6	21.2	1.6



Рис. 3. Мужчина 40–49 лет: *а* – перелом носа; *б* – вдавленный перелом черепа.

столкновениях с использованием оружия. Травматические повреждения отмечены преимущественно на мужских черепах (рис. 3).

Фиксация повреждений на женских черепах, вероятно, свидетельствует о вовлечении их в конфликты, очевидно происходящие в непосредственной близости от поселений. Для сравнения: показатель мужского травматизма в серии из Дмитриевского могильника также высок (21.2%), но при этом повреждения у женщин составляют всего 1.6.

Особый вариант повреждений – трепанации на костях черепа, так как они связаны не только с медицинской практикой, но и с культовой деятельностью. При работе с останками индивидов было отмечено два таких случая.

Первый был зафиксирован на черепе мужчины 30–35 лет, происходящем из катакомбного погр. 51 (Аксенов, 2000. С. 22, 23) (рис. 4). Трепанационное отверстие – сквозное, обширное, овальной формы – располагалось вдоль сагиттального шва,



Рис. 4. Мужчина 30–35 лет. Обширная лобно-теменная трепанация.

затрагивая часть лобной и теменные кости. Визуальный осмотр периметра отверстия показал, что его формирование совершалось в несколько этапов, о чем свидетельствуют обширные размеры, различный уровень заживления, а также неодинаковый диаметр окружностей, следы которых заметны по краям трепанации.

По-видимому, совершение нескольких последовательных операций имело конкретную цель, которая не была достигнута при первом трепанировании. Таким образом, окончательный размер отверстия по внешнему краю составляет 93×145 мм, по внутреннему – 67×132 , заметны следы начавшегося заживления. Предположительно трепанация выполнена техникой выскабливания (классификация Ф.П. Лисовски, цит. по: Медникова, 2001. С. 30, 31).

На черепе не были отмечены прочие травматические повреждения или патологические случаи, которые могли послужить причиной предпринятых операций. Однако объективно судить о состоянии здоровья человека только на основании осмотра изолированного черепа мы не можем. Посмертные (?) изменения в виде сквозных повреждения неправильной округлой формы без следов заживления наблюдаются в области большого затылочного отверстия и на лобной кости слева.

При работе с архивными материалами Харьковского областного исторического музея был обнаружен еще один случай трепанации на Верхне-салтовском могильнике. В катакомбе 79 в погр. 3 был захоронен мужчина со следами прижизненной трепанации на черепе. Погребению сопутствовал довольно богатый инвентарь, включающий поясной набор, серебряные бляшки различной формы, набор черешковых ножей, фрагменты бус, бисера,

пронизь (Аксенов, 2005). Описание дается на основе архивных материалов, которые, тем не менее, дали возможность обнаружить новые свидетельства применения трепанаций в салтовских группах.

Реконструкция рациона питания

Для реконструкции типа питания и воссоздания хозяйственного уклада (наряду с данными материальной культуры) населения могильника Верхний Салтов-IV был проведен изотопный анализ костной ткани (Добровольская, Решетова, в печати).

Химический анализ костных останков продемонстрировал эффективность в установлении рациона питания и оценки важности конкретных продуктов для древнего населения (Добровольская, 1998. С. 243; Larsen, 2002. Р. 121). Наиболее распространенная форма изотопного анализа в археологии – выявление соотношения изотопов коллагена – белкового компонента кости (Larsen, 2002. Р. 122).

Исследование доли стабильных изотопов направлено на определение соотношений тяжелых и обычных стабильных изотопов, прежде всего, углерода и азота ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ и $^{14}\text{N}/^{15}\text{N}$).

Наиболее часто данные изотопного анализа используются для выявления типа хозяйства, ориентированного на земледелие, животноводство, использование водных пищевых ресурсов.

Выделение коллагена проводилось в Лаборатории биогеоценологии и исторической экологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (ИПЭЭ) с применением принятой методики (DeNiro, Epstein, 1981. С. 341; Jørkov et al., 2007. С. 1824). Исследование полученных образцов выполнено А.В. Тиуновым, его результаты позволили убедиться в сохранности коллагена костной ткани, что важно для применения анализа в дальнейшем к материалам Верхнего Салтова.

Для проведения пробного исследования были взяты образцы компактной костной ткани пяти индивидов обоего пола, а также фрагмент аналогичного типа ткани скелета лошади из погребения. Все индивиды относились к возрастным группам от 25 до 40 лет. Полученные результаты позволяют реконструировать усредненный рацион питания индивидов на протяжении последних лет жизни (табл. 4).

Величины дельта для углерода достаточно высоки (Добровольская, Решетова, в печати): это указывает на то, что растения, использовавшиеся в пищу, частично относились к группе С4: привычной средой обитания для них являются жаркие

Таблица 4. Изотопный состав коллагена костной ткани индивидов из катакомбных погребений некрополя Верхний Салтов, ‰ (по: Добровольская, Решетова, в печати)

Погребение	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$
43/1 (м)	-14	9.4
43/2 (ж)	-13.4	9.8
74 (м)	-13.2	9.7
84/1 (ж)	-14.3	9.5
84/2 (м)	-13.5	10.1
Лошадь	-18.9	6.6

и засушливые ландшафты. Среди культурных растений это, прежде всего, просо. Из данных, приведенных в таблице, видно, что дельта по углероду для образца коллагена лошади значительно ниже. Значение находится в границах вариаций, определенных для растений с С3-типом фотосинтеза умеренного пояса.

На настоящем уровне исследования можно рассматривать только конкретные индивидуальные данные (табл. 4). Сходство в составе и качестве питания позволяет предполагать примерное равное качество жизни обоих полов.

Исследование изотопного состава коллагена костной ткани индивидов из катакомбных погребений некрополя Верхний Салтов дало возможность судить об особенностях типа питания этой группы представителей салтово-маяцкой культуры. Основой среднего пищевого рациона, вероятно, следует считать значимую долю С4 растений – скорее всего, просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*).

Комплексное исследование антропологического материала из Верхнесалтовского могильника позволило не только ввести в оборот новые данные о носителях салтово-маяцкой культуры, но и (несмотря на небольшую выборку в 30 индивидов) зафиксировать ряд патологий и аномалий, а также свидетельства присутствия стрессовых факторов в группе.

В краниологическом аспекте выборка характеризуется долихо-мезокранным и мезокранным типом черепа, узким и среднешироким лицом, высоким, сильно выступающим носом, широкими невысокими орбитами, малыми общелицевым и среднелицевым углами. Эти характеристики уже были отмечены первыми исследователями, выделившими их в верхнесалтовский тип (Кондукторова, 1991. С. 145).

Впервые полученные для этого памятника результаты исследования по программе фиксации маркеров стресса позволяют сделать некоторые

предварительные выводы об образе жизни населения. Среди маркеров стресса и патологий особого внимания заслуживают показатели признаков анемии, случаев кариеса, уровня травматизма. Названные критерии имеют гендерные различия: показатели в мужской выборке выше, чем в женской.

Состояние зубной системы детей и подростков отличается отсутствием кариесных повреждений. Возможно, это следствие высокого иммунного статуса детей или различных традиций питания. Отметим, однако, что в группе детей встречены *cribra orbitalia*, а наличие гипоплазии эмали зубов у взрослых также отражает анемичные состояния, переживавшиеся в детстве.

В целом выборку индивидов из могильника Верхний Салтов характеризуют умеренные показатели по кариесу, эмалевой гипоплазии, одонтогенному остеомиелиту. По большинству из зафиксированных маркеров стресса в худшем положении оказываются мужчины, за исключением показателя *cribra*, отражающего анемичные случаи.

Еще один критерий образа жизни – уровень травматизма, оцениваемый для данной группы высоко: 47% – для мужчин и 22 – для женщин. Даже в сравнении с выборками из Маяцкого и Дмитриевского могильников он остается высоким. Частота встречаемости травм в совокупности с более высокой долей стрессовых факторов в подгруппе мужчин отражает более суровые условия их существования, что может указывать на существование населения в условиях частых военных конфликтов.

Исходя из данных изотопного анализа, можно установить, что основу среднего пищевого рациона, скорее всего, составляли растения группы С4 фотосинтетиков (прежде всего, просо обыкновенное), затем шла пища белкового происхождения.

Исследование выполнено в рамках проекта “Ирано-тюркский кондоминиум в ресурсных и транзитных зонах восточноевропейской лесостепи I тыс. и фактор византийско-хазарского противостояния руссам” (11-06-12016-офи-м-2011).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского-IV катакомбного могильника в 1999 г. Харьков, 2000.

Аксенов В.С. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского-IV катакомбного могильника в 2004 г. Харьков, 2005.

Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М., 1995.

- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948.
- Добровольская М.В.* Минеральная часть костной ткани: общие параметры и количественный анализ некоторых химических элементов // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998.
- Добровольская М.В., Решетова И.К.* Возможности применения изотопного анализа в реконструкции особенностей хозяйственного уклада носителей традиций салтово-маяцкой культуры // Дивногорский сб. Воронеж, в печати (Тр. музея-заповедника "Дивногорье"; Вып. 2: Археология).
- Кондукторова Т.С.* Палеоантропологические материалы Маяцкого селища // Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991 (Матер. раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции).
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
- Чучукало Г.И.* Черепа из Верхне-салтовского могильника // Материалы по антропологии Украины. Сб. второй. Харьков, 1926 (Тр. Украинского психо-неврологического института; Вып. 11).
- DeNiro M.J., Epstein S.* Influence of diet on distribution of nitrogen isotopes in animals / *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 1981. 45.
- Jørkov M.L., Heinemeier J., Lynnerup N.* Evaluating bone collagen extraction methods for stable isotope analysis in dietary studies // *Jr. Archaeol. Sciences*. 2007. V. 34.
- Larsen C.S.* Bioarchaeology: The lives and lifestyles of past people // *Jr. Archaeol. Research*. June 2002. V. 10. № 2.

ВЛИЯНИЕ ВЫПАСА СКОТА НА ДИНАМИКУ РАСТИТЕЛЬНОСТИ ПУСТЫНИ НЕГЕВ (ИЗРАИЛЬ) В ГОЛОЦЕНЕ ПО ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

© 2012 г. А.Н. Бабенко

Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва
(*mnemosina_a@mail.ru*)

Ключевые слова: голоцен, пустыня Негев, зоогенные отложения, влияние выпаса скота.

The topic of changes in vegetation and of anthropogenic impact on the ancient ecosystems in the Near East still calls for further study. The zoogenic deposits that have been discovered in Central Negev comprise unique material for reconstructing the desert vegetation in the Holocene. Analysis of the written data and study of the deposits at Atzmaut, Ramon I and Nakarot allowed reconstructing the dynamics of the desert vegetation and identifying the impact of cattle grazing. The increased share of *Plantago* and *Thymelaea* spp. in the pollen specters of zoogenic deposits practically concurs with the three periods in which the number of archaeological sites increases: Early Bronze Age I and II (3500–2700 BC), Middle Bronze Age (2300–2000 BC) and Iron Age (1200–586 BC), and with the arrival of Bedouin tribes into the desert in the 17th–18th cc. AD.

Пустыня Негев расположена в ближневосточном регионе, который является одним из древнейших центров одомашнивания животных. Однако несмотря на большой интерес к этому району, вопрос об изменении растительности и антропогенном влиянии на древние экосистемы Ближнего Востока остается малоизученным. Во многом это объясняется небольшим количеством источников палеоинформации. Обнаруженные зоогенные отложения в Центральном Негеве – уникальный материал для реконструкции растительности пустыни в голоцене. Такого рода отложения формируются в результате использования животными долговременных укрытий: ниш, пещер и гротов, которые являются уникальной летописью природных, а при использовании долговременных укрытий пастухами – и антропогенных процессов. В аридных условиях зоогенные отложения хорошо сохраняются, содержат большое количество органики, что позволяет делать радиоуглеродные датировки, и характеризуются высокой концентрацией пыли.

Люди заселяли пустыню Негев уже в нижнем палеолите (Rosen, 1994), но в отличие от северной части Израиля она не столь благоприятна и привлекательна для проживания, и как и в современный период в прошлые эпохи плотность ее населения была небольшой. Демографическая история пустыни представляет собой серию больших подъемов заселенности, перемежающихся периодами демографического спада (Rosen, 1994). В Южный Левант

одомашненные овцы и козы проникли в VIII тыс. до н.э. (Davis, 1984). Материалы из археологических памятников этого периода, расположенных на территории пустыни Негев, содержат кости *Gazella cf. dorcas* и *Capra ibex*, кости же одомашненных копытных отсутствуют (Tchernov, 1976; Tchernov, Bar-Yosef, 1982; Bar-Yosef, 1984; Dayan et al., 1986), что указывает на более позднее появление домашних коз и овец в Негеве (Goring-Morris, 1993; Rosen, 2002). Ряд сделанных датировок зоогенных отложений Центрального Негева свидетельствует об использовании скальных ниш древними скотоводами на территории пустыни уже в конце VII – начале VI тыс. до н.э. (Rosen et al., 2005).

Впервые деградацию растительности под влиянием выпаса описал Г.Н. Высоцкий (1915), назвавший ее пасторальной дигрессией. В настоящее время чаще говорят о пастбищной дигрессии. В естественных условиях выпас – нормальный экологический фактор, регулирующий естественным путем. При выпасе домашнего скота интенсивность пастбищных нагрузок определяет человек. В большинстве случаев они оказываются завышенными, что приводит к пастбищной дигрессии фитоценозов (Миркин и др., 2001). Влияние выпаса имеет большое значение в аридных экосистемах в связи с чувствительностью последних.

В данной работе представлены результаты изучения трех зоогенных отложений: Ацмаут (30°36'27.48" с.ш. 34°48'26.28" в.д.), Рамон I

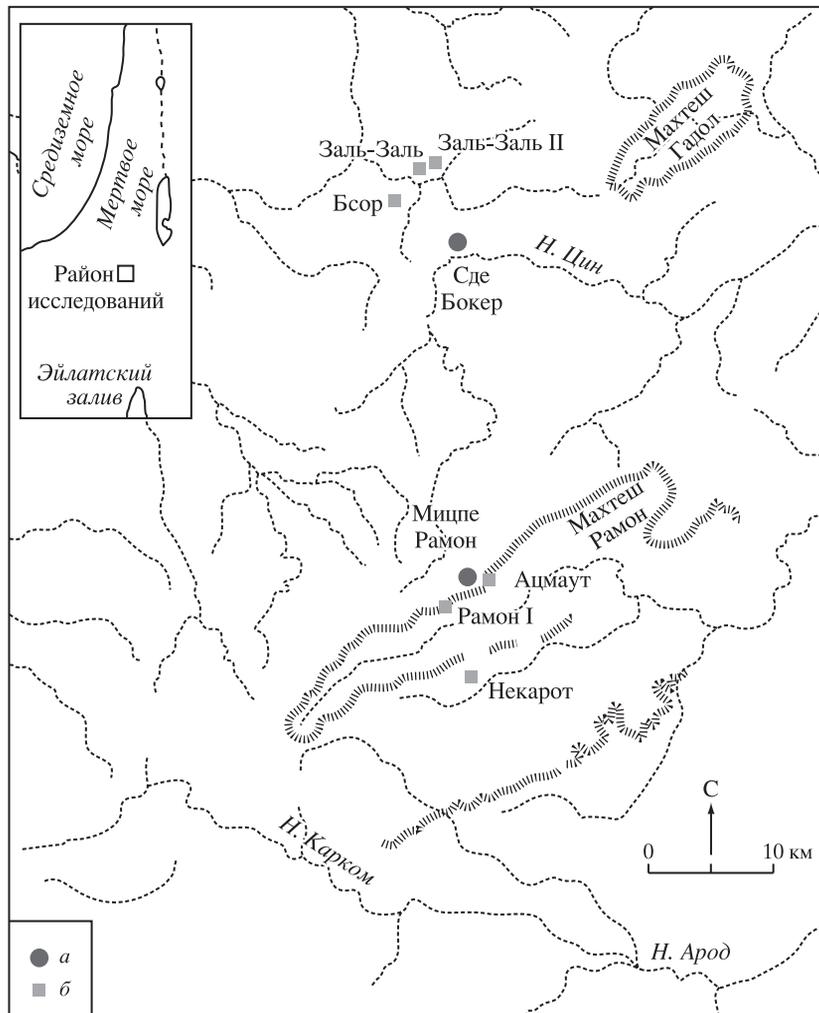


Рис. 1. Карта района исследований: а – современные города; б – изученные скальные ниши.

(30°35'1.32" с.ш. 34°44'0.36" в.д.) и Некарот (30°31'55.8" с.ш. 34°47'20.88" в.д.). Первые две ниши расположены в 5 км друг от друга на северном обрыве кратера Махтеш-Рамон, ниша Некарот – в 5 км южнее от них (рис. 1).

Цель работы – на основе палинологических исследований зоогенных отложений центральной части пустыни Негев и анализа литературных данных оценить влияние выпаса на растительность пустыни Негев.

В районе исследования в настоящее время среднегодовое количество осадков составляет около 100 мм (Hillel, 1982). Центральная часть пустыни покрыта разреженной растительностью. На склонах доминируют *Artemisia herba-alba* (Compositae), *Zigophyllum dumosum* (Zigophyllaceae), *Reaumuria negevensis* (Tamaricaceae), в долинах – *Anabasis siriaca*, *Hammada scoparia* (Chenopodiaceae) (Danin, 1983).

Полевые исследования отложений проводились послойно. У границы выбранного участка отложения выкапывался шурф. На полученных в результате зачистки разрезах были выделены и описаны слои, окраска которых определялась по таблицам Манселла (Munsell Soil Colour Charts, 1994), и послойно отобраны образцы.

Мощность зоогенных отложений Ацмаут, Рамон I и Некарот составляет 108.9 и 58 см соответственно. Отложения представляют собой чередование зольных, пометных и щебнистых горизонтов. Щебнистые горизонты с мелкоземным наполнителем включают небольшую примесь помета. Цвет таких слоев варьирует от светло-палевого (10YR 8/2-8/3) до светло-бурого (10YR 6/3). Цвет зольных слоев изменяется от черного (2.5Y 2.5/1) до темно-серого (2.5Y 4/1), темно-серовато-коричневого (2.5Y 4/2) и от светло-серого (5YR 7/1) до розовато-серого (5YR 7/2). Зольные слои в отложении Ацмаут составляют 35%, Рамон I – 98, Нека-

рот – 50. Высокий процент золы и пепла и их слоистое залегание указывают не только на присутствие очагов для приготовления пищи, но и на выжигание отложений. При накоплении в нише большого количества помета пастухи могут сжигать его (Гамкрелидзе, 1986; Simms, Russell, 1997).

Пометные горизонты представляют собой плотные или уплотненные слои от темно-коричневого (10YR 3/3), коричневого (10YR 4/3) до темно-желто-коричневого цветов (10YR 3/6, 4/6) с включениями хорошо сохранившегося помета домашнего мелкого рогатого скота и горного козла (*Capra ibex*) (Rosen et al., 2005).

Возраст слоев определялся при помощи радиоуглеродного анализа растительных остатков и древесного угля. Все использованные в работе датировки получены в Лаборатории исторической экологии Института проблем экологии и эволюции РАН (ИПЭЭ). Датировки откалиброваны при использовании программы OxCal 3.10 (Bronk Ramsey, 1995; Reimer et al., 2004). Хронологические рубежи горизонтов определялись линейной интерполяцией радиоуглеродных дат.

Спорово-пыльцевой анализ проводился согласно стандартным методикам (Benninghoff, 1962; Faegri, Iversen, 1989). Для построения пыльцевой диаграммы использовались программы Tilia 2.0. и Tgview 2.0.2.

Для выявления палиноморф-индикаторов антропогенной нагрузки использовались ранговый коэффициент корреляции Спирмена и непараметрический одновариантный анализ (Kruskal-Wallis ANOVA) (Пузаченко, 2004) и данные пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут как наиболее хорошо датированного. В качестве показателя антропогенного влияния выбрана динамика количества археологических памятников в окрестностях Махтеш-Рамона (Rosen, 1994). По кривым рассчитывалось среднее количество археологических памятников (шаг – 50 лет) за периоды, соответствующие времени формирования горизонтов зоогенного отложения Ацмаут.

Отложение Ацмаут накапливалось около 6000 лет – с конца V тыс. до н.э. до середины XX в. н.э. (10 радиоуглеродных датировок). В отложениях Рамон I и Некарот сделано по четыре радиоуглеродные датировки. Отложение Рамон I формировалось около 8000 лет – с конца VII тыс. до н.э. до конца XX в. н.э., а Некарот – около 9000 лет – с начала VII тыс. до н.э. до конца XX в. н.э.

В 10 образцах зольных слоев отложения Рамон I и в 5 слоях отложения Некарот концентрация пыльцы оказалась очень низкой, поэтому для анализа

полученные данные не использовались. В связи с этим в отложении Рамон I возможен анализ данных лишь четырех нижних и четырех верхних слоев, а в Некарот – лишь верхних слоев, которые накапливались с XIII в. н.э.

Во всех пыльцевых спектрах отложений основную долю занимает пыльца маревых (*Chenopodiaceae*), полыни (*Artemisia*), крестоцветных (*Cruciferae*), лилейных (*Liliaceae*), сложноцветных (*Compositae*) и злаков (*Gramineae*). В отдельных слоях суммарная доля пыльцы этих семейств достигает 93–95%.

Пыльцевые спектры изученных отложений сходны, что указывает на возможность их использования для реконструкции растительности Центрального Негева. Последние 8000 лет доминирующими таксонами растительности пустыни являлись маревые и полынь, за исключением двух периодов доминирования злаков: с середины LVI до конца L в. до н.э. и с начала XXIII до середины XXII в. до н.э., что было связано с увеличением количества осадков в эти периоды (Бабенко и др., 2007).

Для выявления влияния антропогенной нагрузки на растительный покров необходимы археологические данные, свидетельствующие о степени заселенности пустыни и роде хозяйственной деятельности населения. На протяжении последних 8000 лет выделяют пять “эпизодов заселения” пустыни: 1) докерамический неолит В; 2) поздний неолит – энеолит – ранний бронзовый век I–II; 3) ранняя фаза (I) среднего бронзового века; 4) ранняя фаза железного века; 5) эллинистический – римский – византийский – ранний исламский (рис. 2). Изменение количества археологических памятников, которое может рассматриваться как степень освоенности территории, не было постоянным. Последнее могло влиять и на интенсивность выпаса домашнего скота.

Прежде чем перейти непосредственно к выявлению влияния выпаса на растительность пустыни, следует рассмотреть режим использования ниш. В изученных зоогенных отложениях удалось выделить периоды посещения ниш домашним скотом, основываясь на пыльцевых и археологических данных, строении отложений (по наличию зольных слоев и остатков керамики, свидетельствующих о присутствии человека) и их скорости накопления.

С конца LXIV до конца L в. до н.э., с середины XLII до середины XXII в. до н.э., с конца XIX до середины XVIII в. до н.э. и с XVII–XVIII в. н.э. до современного периода скальные ниши Центрального Негева использовались преимущественно мелким рогатым скотом в весенний период. С середины XXII в. до н.э. до XVII–XVIII в. н.э.,

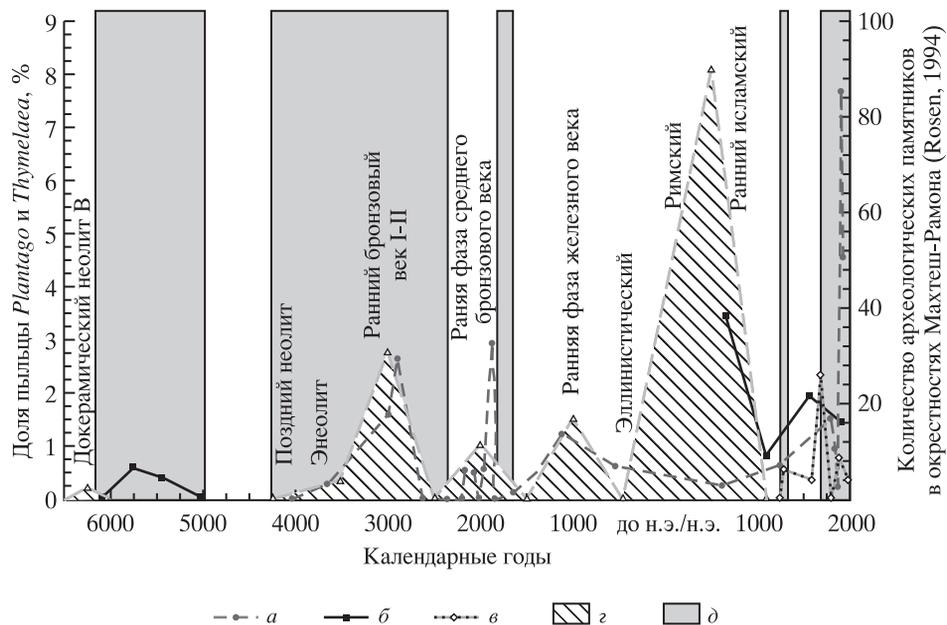


Рис. 2. Динамика количества археологических памятников в окрестностях Махтеш-Рамона (Rosen, 1994) и концентрации пыльцы *Plantago* и *Thymelaea* (%) в спектрах отложениях Ацмаут (а), Рамон I (б) и Некарот (в). Условные обозначения: z – количество археологических памятников, d – периоды использования ниш преимущественно мелким рогатым скотом в весенний период.

за исключением коротких периодов в начале II тыс. до н.э. и в начале II тыс. н.э., ниши использовались преимущественно дикими копытными круглый год (рис. 2). В пыльцевых спектрах, сформированных преимущественно при посещении ниш домашним скотом, преобладает пыльца энтомофильных зимне-весеннецветущих растений (сложноцветные, крестоцветные и лилейные). Такие пыльцевые спектры в большей степени отражают состав пищи животных и указывают на сезонное (весеннее) использование ниш козами и овцами.

Увеличение доли видов, устойчивых к выпасу, как например, подорожник (*Plantago*) и тимелея (*Thymelaea*), может свидетельствовать о нарушении растительного покрова в результате выпаса. Как показали результаты одновариантного анализа, динамика количества археологических памятников достоверно влияет на процентное содержание и концентрацию пыльцы подорожника, а также на долю пыльцы тимелеи. Достоверный положительный коэффициент корреляции установлен между количеством археологических памятников и долей пыльцы *Plantago*. Таким образом, в качестве индикатора пастбищной нагрузки выбрана динамика суммарной доли пыльцы подорожника и тимелии.

Увеличение доли пыльцы видов *Plantago* и *Thymelaea* в пыльцевых спектрах зоогенных отложений в конце IV – начале III тыс. до н.э., в конце III тыс. до н.э. и с середины II до начала I тыс.

до н.э. практически совпадает с тремя пиками увеличения количества археологических памятников Центрального Негева (Rosen, 1994) (рис. 2).

По археологическим данным люди, населявшие Центральный Негев в конце IV – начале III тыс. до н.э., были пастухами, использовавшими временные стоянки (Rosen, 1994). Это также согласуется с установленной сезонностью использования ниш. Однако в течение рассмотренного периода скорость накопления пометных слоев низкая, так как территория зимне-весеннего выпаса может посещаться раз в 10 лет (Kozloff, 1981).

В конце III тыс. до н.э. домашние животные также посещали ниши, однако режим использования укрытий меняется с весеннего на круглогодичный, а скорость накопления пометных и зольных слоев увеличивается. Причиной изменений могут быть особенности хозяйственного уклада и климатические условия. Основой экономики этого периода являлось не сельское хозяйство, а торговля и производство медных изделий (Haiman, 1996). Изменения в материальной культуре людей могли привести к более оседлому образу жизни. Кроме того, на конец III тыс. до н.э. приходится уменьшение количества осадков (Migowski et al., 2006). По этим причинам стада, скорее всего, были небольшие и паслись круглогодично на окрестных пастбищах. Сезонное использование ниш домашними козами и овцами вновь возобновляется с увеличением

осадков в регионе. В этот период, вероятно, имело место увеличение поголовья домашнего скота, и в связи с этим возникла необходимость использовать большие территории для выпаса.

С середины XVIII в. до н.э. до XVII в. н.э. ниши использовались в основном дикими копытными, посещавшими долговременные укрытия в течение всего года – скорость роста отложения низкая. Однако динамика доли пыльцы подорожника и тимелии указывает на усиление пастбищной нагрузки в начале II – начале I тыс. до н.э., в VI–X, XIII–XIV и XVII–XX вв. н.э.

В середине II – середине I тыс. до н.э. на территории Центрального Негева существовало полупоселенное скотоводство. В этот период центральная часть пустыни Негев была окраиной Иудейского царства, граница которого проходила по северной стене эрозийного кратера Махтеш-Рамон (Cohen, 1979), где расположены ниши. Возможно, по этой причине ниша Ацмаут в рассматриваемый период не использовалась. Данных об использовании ниш Рамон I и Некарот в этот период нет (см. выше).

Отсутствие сравнимых количественных данных не позволяет далее графически изобразить совпадение динамики пыльцы *Plantago* и *Thymelaea* с присутствием на территории пустыни скотоводов. В конце византийского – начале исламского периода (VII – начало IX в. н.э.) на территорию пустыни Негев приходят скотоводы из Аравии. В слоях отложения Рамон I, накапливающегося в V–X вв. н.э., увеличивается суммарная доля пыльцы *Plantago* и *Thymelaea* (рис. 2), что указывает на усиление пастбищной нагрузки. В отложении Ацмаут, вероятно, из-за небольшой дробности отобранных образцов, формировавшихся в этот период, пика рассматриваемых палиноморф нет. После сокращения количества поселений раннего исламского периода на территории пустыни скотоводческое кочевое население малочисленно (Finkelstein, Perevolotsky, 1990). Однако по данным отложения Ацмаут и Некарот домашние козы и овцы использовали ниши для укрытия, а окрестную территорию для выпаса и в первой половине II тыс. н.э. (рис. 2), что не противоречит литературным данным.

Увеличение доли пыльцы подорожника и тимелии в XVII–XVIII вв. н.э. совпадает с приходом на территорию пустыни Негев большой группы племен бедуинов (Bailey, 1985). С этим же связано возрастание скорости роста отложения с XVII до середины XX в. н.э. Ниши вновь используются домашним скотом преимущественно весной (рис. 2).

На середину I тыс. н.э. приходится максимальное количество археологических памятников (Rosen,

1994), однако увеличения доли пыльцы подорожника и тимелии в спектрах в этот период не происходит. Это можно объяснить более интенсивным развитием земледелия. Для обеспечения необходимого количества влаги в засушливых климатических условиях древние земледельцы сооружали на склонах каменные стенки, насыпи и каналы, а в долинах вади строили дамбы. Площадь сбора дождевой воды в 20–30 раз превышала площадь возделываемой земли (Evenari et al., 1961). Вероятно, территория, на которой ранее пасли скот, в рассматриваемый период была занята под земледелие, и окружающая нишу земля практически не использовалась для выпаса.

Таким образом, комплексный подход при изучении зоогенных отложений ниш Ацмаут и Рамон I позволяет восстановить динамику растительности Центральной части пустыни Негев, установить режим использования ниш дикими копытными и домашним скотом, выделить палиноморфы-индикаторы пастбищной нагрузки и выявить периоды усиления влияния выпаса домашнего мелкого рогатого скота на пустынные сообщества.

Работа была выполнена при финансовой поддержке РФФИ грант № 09-04-00196, программ “Фундаментальные основы управления биологическими ресурсами” и “Происхождение и эволюция биосферы”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко А.Н., Киселева Н.К., Плахт И. и др. Реконструкция растительного покрова центральной части пустыни Негев (Израиль) в голоцене по данным пыльцевого анализа зоогенного отложения Ацмаут // Экология. 2007. № 6.
- Высоцкий Г.Н. Ергеня, культурно-фитологический очерк // Тр. Бюро по прикладной ботанике. 1915. Т. 8. № 10, 11.
- Гамкрелидзе Б.В. Из истории скотоводства горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1986.
- Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Соломещ А.И. Современная наука о растительности: Учебник. М., 2001.
- Пузаченко Ю.Г. Математические методы в экологических и географических исследованиях: Уч. пос. для студ. вузов. М., 2004.
- Bailey C. Dating the Arrival of the Bedouin Tribes in Sinai and the Negev // J.E.S.H.O. 1985. V. 28.
- Bar-Yosef O. Seasonality among Neolithic hunter-gatherers in southern Sinai // Animals and archaeology 3: Early herders and their flocks / Eds J. Clutton-Brock, C. Grigson. Oxford, 1984 (BAR; Intern. Ser. 202).

- Benninghoff W.S.* Calculation of pollen and density in sediments by addition of exotic pollen in known amounts // *Pollen et Spores*. 1962. V. 6.
- Bronk Ramsey C.* Radiocarbon calibration and analysis of stratigraphy: The OxCal Program // *Radiocarbon*. 1995. V. 37.
- Cohen R.* The Iron Age Fortresses in the Central Negev // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1979. V. 236.
- Danin A.* Desert vegetation of Israel and Sinai. Jerusalem, 1983.
- Davis S.* Climatic change and the advent of domestication: The succession of ruminant artiodactyls in the Late Pleistocene–Holocene in the Israel region // *Paleorient*. 1984. V. 8.
- Dayan T., Tchernov E., Bar-Yosef O., Yom-Tov Y.* Animal exploitation in Ujrat el Mehed, a Neolithic site in southern Sinai // *Paleorient*. 1986. V. 12.
- Evenari M., Shanan L., Tadmor N., Aharoni Y.* Ancient agriculture in Negev // *Science*. 1961. V. 133 (3457).
- Faegri K., Iversen J.* Textbook of pollen analysis. Chichester, 1989.
- Finkelstein I., Perevolotsky A.* Processes of Sedentarization and Nomadization in the History of Sinai and the Negev // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1990. V. 279.
- Goring-Morris A.N.* From Foraging to Herding in the Negev and Sinai: The Early to Late Neolithic Transition // *Paleorient*. 1993. V. 19 (1).
- Haiman M.* Early Bronze Age IV Settlement Pattern of the Negev and Sinai Deserts: View from Small Marginal Temporary Sites // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1996. V. 303.
- Hillel D.* Negev: Land, Water and Life in a Desert Environment. N.Y., 1982.
- Kozloff B.* Pastoral nomadism in Sinai: An ethno-archaeological study // *Production Pastorale et Societe: Bulletin D'Ecologie et D'Anthropologie des Societes Pastorales*. 1981. V. 8.
- Migowski C., Stein M., Prasad S. et al.* Holocene climate variability and cultural evolution in the Near East from the Dead Sea sedimentary record // *Quaternary Research*. 2006. V. 66 (3).
- Munsell Soil Colour Charts. Revised edition. N.Y., 2000.
- Reimer P.J., Brown T.A., Reimer R.W.* Discussion: Reporting and Calibration of Post-Bomb ¹⁴C Data // *Radiocarbon*. 2004. V. 46.
- Rosen S.A.* The Israel antiquities authority. The archeological survey of Israel. Jerusalem, 1994.
- Rosen S.A.* The evolution of pastoral nomadic systems in the Southern Levantine periphery // *In quest of ancient settlements and landscapes / Eds E. van den Brink, E. Yannai*. Tel Aviv, 2002.
- Rosen S.A., Savinetsky A.B., Plakht Y. et al.* Dung in the Desert: Preliminary Results of the Negev Holocene Ecology Project // *Current Anthropology*. 2005. V. 46 (2).
- Simms S.R., Russell K.W.* Tur Imdai Rockshelter: Archaeology of Recent Pastoralists in Jordan // *Jr. Field Archaeol.* 1997. V. 24.
- Tchernov E.* Some late Quaternary faunal remains from the Avdat/Aqev area // *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel / Ed. A.E. Marks*. V. 1. Dallas, 1976.
- Tchernov E., Bar-Yosef O.* Animal exploitation in the Pre-Pottery Neolithic B period at Wadi Tbeik, southern Sinai // *Paleorient*. 1982. V. 8.

ПОЧВЕННО-ГЕОХИМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА (Ильменский раскоп)

© 2012 г. А.В. Долгих

Институт географии РАН, Москва (dolgikh@igras.ru)

Ключевые слова: культурный слой, естественно-научные методы, средневековье, Новгород, Славенский конец, слои запустения, исходные почвы, распахка.

The article presents an interdisciplinary study (soil studies, paleogeography, geochemistry, etc.) of occupation layers and soils at Ilmensky excavation site in Veliky Novgorod. The evolution of the landscapes, soils and anthropogenic deposits has been studied. The buried native soil under the occupation layer (up to 2.5 m) is forest vegetable earth and podzol, with a ploughing horizon. The occupation layer is represented by two types: organic anaerobic and organomineral aerobic. Immature “ploughing-and-garden” soil (middle of the 12th c. – beginning of the 14th c., layer of hiatus) has been studied, in the organic stratum.

Культурные отложения древних городов привлекают все большее внимание исследователей как одни из лучших объектов для изучения истории взаимодействия природы и человека. Культурные слои и почвы поселенческих ландшафтов несут важную информацию об истории развития ландшафтов, изменении типов землепользования и в целом хозяйственной деятельности человека. Данная информация может быть декодирована с помощью методов почвоведения, геохимии, палеоботаники, палеогеографии и др. Комплексные исследования методами естественных наук на археологических памятниках в последнее время применяются все шире как в отечественной, так и в мировой практике проведения археологических работ (Естественно-научные..., 2004; Goldberg, Masphail, 2006).

Культурный слой Великого Новгорода, как и многих других древних городов центральной России, представляет собой мощную толщу антропогенных отложений, в разной степени измененных процессами природной трансформации. Культурные отложения, слаборазвитые “пахотно-огородные” почвы в культурном слое и исходные почвы, погребенные под ними (“материк” и “предматерик”), представляют собой единый комплекс, развивающийся во времени и пространстве (Александровский, 1997). Данные образования можно рассматривать как *урбоседименты*. Их формирование происходит под действием следующих трех основных групп процессов: первичной *седиментации* (накопление строительного, бытового и производственного мусора и др.), а также последующей трансформации

накопленных отложений под действием *почвенных* (верхние 1–2 м) и *диагенетических* процессов (глубина действия более 2 м) (Долгих, 2010).

Цель исследования – комплексное изучение культурных отложений и почв методами анализа вещественного состава, морфологии, палеогеографии для выяснения хронологии объектов исследования, процессов формирования и преобразования почв и культурных отложений, реконструкции условий палеосреды.

Район исследования расположен на плоской озерно-ледниковой Приильменской низменности. Климат умеренно-континентальный, близкий к морскому. Почвообразующие породы – озерно-ледниковые ленточные глины, естественная растительность – смешанные хвойно-широколиственные леса (География..., 2002). В целом факторы почвообразования, особенно климат и рельеф, способствуют развитию заболачивания, почвообразование протекает в условиях как кратковременного, так и длительного избыточного увлажнения.

Ильменский раскоп (исследовался археологом М.И. Петровым) был расположен на ул. Ильменская, на юго-востоке Великого Новгорода (юго-восточная часть Славенского конца древнего Новгорода), на правом низком берегу р. Волхов (первая надпойменная терраса) (Петров, 2010).

Мощность культурных отложений без материковых ям – 2–2.2 м (рис. 1). Они представлены органическими анаэробными (ОС) и органо-минеральными аэробными (ОМС) слоями в равной степени, погребенная почва – дерново-подзолистая, глее-

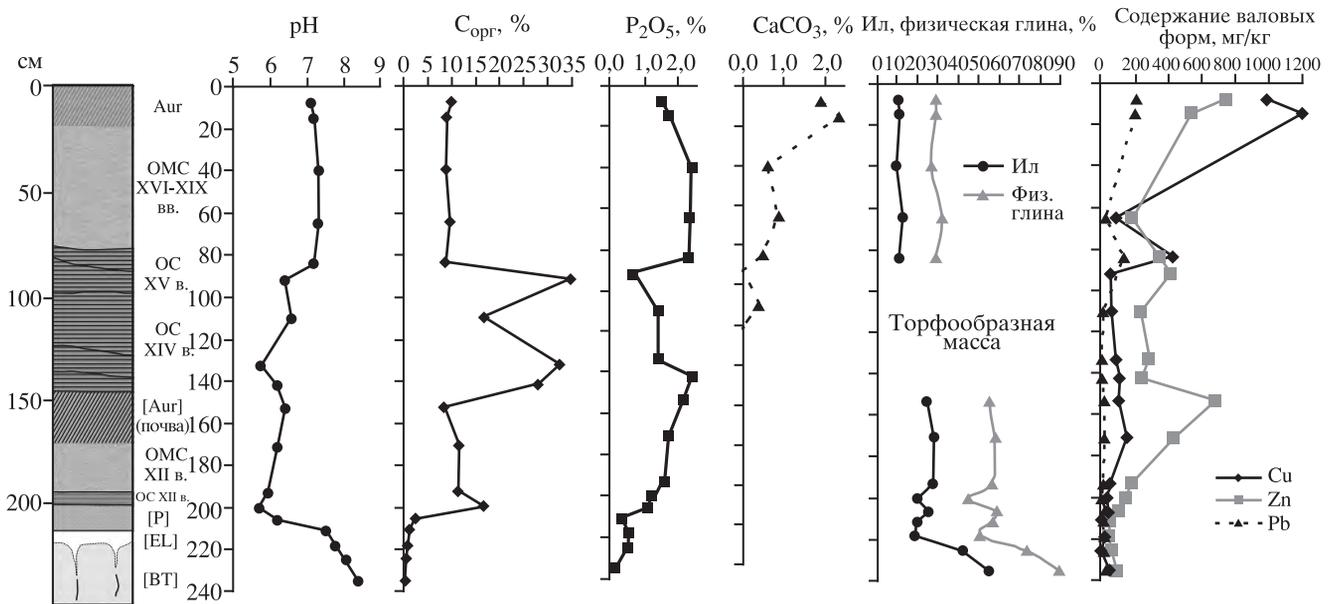


Рис. 1. Ильменский раскоп, колонка 1-09, южный профиль, кв. 63, строение и свойства. Обозначения: ОС – органический анаэробный слой; ОМС – органо-минеральный аэробный слой; Aug, EL, BT, P – индексы почвенных горизонтов; [Aug], [P] – погребенные почвы (по: Классификация..., 2004); pH – водородный показатель (кислотность среды); $C_{орг}$ – содержание органического углерода; P_2O_5 – содержание валового фосфора; $CaCO_3$ – содержание карбонатов кальция.

ватая, глинистая, лесного генезиса, с пахотным горизонтом. Исходные почвообразующие породы – плотные озерно-ледниковые ленточные глины, широко распространенные на территории Приильменской низменности.

В работе использованы методы полевого палеопочвенного исследования, а также комплекс физико-химических анализов образцов, отобранных из культурного слоя и погребной почвы. Содержание гумуса определяли по Тюрину, потерю при прокаливании, содержание карбонатов – по Козловскому, содержание общего фосфора – по Гинзбургу, гранулометрический состав – пирофосфатным методом, $pH_{водн.}$, элементный состав – рентгенофлуоресцентным методом (Естественно-научные..., 2004).

Химический состав и свойства урбоседиментов изучались в сравнении с исходными погребенными и фоновыми почвами. В связи с тем что отдельные свойства погребенных почв изменяются под действием диагенеза, их генезис изучается в сравнении с фоновыми почвами. Таким образом, по устойчивым свойствам сравнивали культурный слой с погребенной почвой, а по динамическим изменчивым свойствам, быстро изменяющимся под действием диагенеза, сопоставляли его с окружающими (фоновыми) почвами. Для определения возраста культурных слоев и времени погребения исходной почвы использовали археологические и дендрохро-

нологические данные, любезно предоставленные автору М.И. Петровым.

Исходные почвы (“материк” и “предматерик”) – важная составная часть формирующейся городской системы. Почвы эти формировались в голоцене на протяжении многих тысячелетий и несут информацию о первой хозяйственной активности. В изученных разрезах и колонках они представлены типичными зональными почвами – дерново-подзолистыми текстурно дифференцированными лесного генезиса. Уровень поверхности исходной почвы Ильменского раскопа выше современного уреза р. Волхов всего на 1 м. Это обуславливает повышенную увлажненность и заболоченность исходной территории Ильменского раскопа.

Верхние горизонты погребенной почвы Ильменского раскопа сильно нарушены. Полный профиль почвы локально фиксируется в стенках раскопа. Здесь он представлен пахотным горизонтом мощностью 9–10 см, элювиальным и иллювиальным горизонтами. Такая небольшая мощность характерна для пахотных горизонтов средневековых городов, расположенных в зоне дерново-подзолистых почв (Александровский, Кренке, 1993). Пахотный горизонт сходен по основным свойствам с пахотными горизонтами Троицкого-Х и Десятинного-1 раскопов (Александровский и др., 1999; Долгих, Александровский, 2010).

Ильменский раскоп, колонка 1-09, южный профиль, кв. 63, результаты химических анализов

Объект, глубина в см*	pH _{водн}	CaCO ₃ , %	ППП**, %	C _{орг} , %	P ₂ O ₅ , %	MnO, мг/кг	Cu, мг/кг	Zn, мг/кг	Pb, мг/кг
Aug, 8	7.1	1.9	22.8	10.2	1.5	4040	987	742	217
ОМС, 15	7.2	2.4	21.4	9.1	1.7	3880	1191	539	209
ОМС, 40	7.3	0.6	20.7	8.7	2.4	4780	1382	353	186
ОМС, 65	7.3	0.9	24.5	9.6	2.4	1230	97	190	36
ОМС, XVI в., 84	7.2	0.5	23.1	8.9	2.3	2110	429	354	136
ОС, XV в., 92	6.4	0	64.2	34.7	0.6	1130	62	419	–
ОС, XV в., 110	6.6	0.4	38.7	16.8	1.4	5000	72	245	18
ОС, XIV в., 133	5.8	0	66	32.4	1.4	1620	95	291	15
ОС, XIV в., 142	6.2	0	55.4	28.0	2.4	1650	121	251	17
[Aug] (почва), 153	6.4	0	23.6	8.5	2.2	2840	113	677	29
[AB] (почва), 171	6.2	0	32.2	11.8	1.7	1620	161	438	30
ОМС, XII в., 193	6	0	28	11.4	1.6	1090	61	184	20
ОС, XII в., 200	5.7	0	49.3	16.8	1.2	920	41	153	15
[P] (пашня), 202–210	6.2	0	10.8	2.6	1.1	990	48	113	26
[EL] (материк), 215–222	7.8	0.1	–	0.8	0.5	480	31	56	25
[BT] (материк), 222–230	8.1	0	–	0.5	0.5	510	9	71	26

* Отметки глубин даны от дневной поверхности; ** ППП – потеря при прокаливании; жирным шрифтом выделены повышенные концентрации. Обозначения: Aug, EL, BT, P – индексы почвенных горизонтов; [Aug], [AB], [P] – погребенные почвы.

Пахотные борозды на горизонтальной поверхности обнаружены не были. В связи с повсеместными нарушениями гумусового, элювиального и верхней части иллювиального горизонтов исходной почвы невозможно реально оценить распространение пашни на раскопе. Можно сделать лишь предположение о том, что распашка здесь была значительной. Антропогенные турбации относятся к следующему этапу после распашки территории. Этот этап соответствует началу застройки. Нарушения профиля почвы можно связать с вытаптыванием, заложением ям (до 60 см глубиной от поверхности) и другими видами хозяйственной деятельности, вызывающими перемешивание верхних горизонтов.

На исходной почве залегает слоистая толща культурных отложений, содержащих прослой щепы, слаборазложившегося навоза, углистые прослой и линзы золы. Культурный слой, как и погребенная почва, нарушен ямами, содержит глинистые прослой выбросов материала погребенной почвы.

Нижняя часть отложений представлена органическими слоями повышенной влажности (*темно-коричневый слой* по археологической терминологии), характеризуется большим скоплением деревянных мостовых, остатками деревянных строений хорошей сохранности. Отмечается высокое содержание остатков древесной щепы, тлена, навоза и костей животных. Это обусловлено слабым разложением органического вещества. Мощность органического слоя невелика (около 1 м), причем его нижняя часть (150–180 см от поверхности)

представляет собой слабо развитую “пахотно-огородную” почву (“слой запустения”). Эта почва по своему строению и основным свойствам схожа с почвой XIII в., исследованной на раскопе Десятинный-1 (Долгих, Александровский, 2010).

Данная почва свидетельствует о перерыве в седиментации, формировании естественной растительности. Под действием природных факторов и в результате агрогенной деятельности ранее накопленные культурные отложения претерпели преобразования и трансформировались в слабо развитую почву. Предположительно в течение 150 лет происходили интенсивные процессы разложения органического вещества (существенная потеря), стирание слоистости, гомогенизация, оструктурирование. Большую часть этого времени территория в районе раскопа использовалась в качестве пашни или огородов. Нижнюю границу пахотного горизонта этой слабо развитой почвы определить сложно из-за сходного цвета и состава исходного материала культурного слоя. В данной почве по сравнению с вмещающим торфообразным материалом понижено содержание органического углерода (таблица; рис. 1), поэтому по своим основным свойствам она приближена к органо-минеральному слою.

Выше залегают слабо трансформированные культурные отложения XIV–XV вв. мощностью до 0.5 м, т.е. типичный органический слой. Основные материалы – слабо разложившийся навоз и древесная щепа. В этих слоях отмечаются высокое содержание органического углерода (до 35%), слабо кислые значения pH (до 5.8).

Верхние 80–100 см представлены характерным для всего исторического центра Новгорода органоминеральным слоем (*темно-серый слой* по археологической терминологии), нижняя часть которого также образовалась из органического слоя. Состав включений данных отложений иной: выделяется большое количество обломков известняка, кирпичей. Также эта часть отличается включениями строительной извести, что в значительной степени обуславливает карбонатность и щелочность. Встречаются подсыпки песка.

Современная граница между органическим и органоминеральным слоями соответствует глубине дренированности территории. Известно, что уже в средневековый период (XIII–XV вв.) в Новгороде появляются специальные гидротехнические инженерные сооружения (дренажные системы), созданные для дренирования верхней части переувлажненных городских отложений (Гайдуков, Дубровин, 1997; Гайдуков, 2009). Однако существенная дренированность территории исторического центра Великого Новгорода была достигнута только в последние 100 лет. Это можно связать с более высокой густотой и эффективностью дренажных систем последнего времени.

В результате этого верхняя часть органического слоя трансформируется на всю глубину дренируемой толщи в органоминеральный слой. Происходит опускание уровня грунтовых вод до глубины залегания дренажных систем, последующее интенсивное микробиологическое разложение органического вещества, резкое сокращение его по массе и объему. Содержание органического вещества в результате его деструкции снижается, уменьшается доля грубых органических остатков, идет их гумификация, доля минерального вещества увеличивается. В результате образуется органоминеральный материал. При этом нижняя основная часть органического слоя сохраняется.

Свидетельства поступления в городскую среду разнообразных химических элементов и их соединений на протяжении всего времени существования городов отражаются в химическом составе культурного слоя. Причем по характеру накопления элементов, по его величине, однородности-неоднородности, а также по набору накапливающихся элементов можно делать выводы о характере деятельности человека (Александровская, Александровский, 2003). Наиболее высокое содержание тяжелых металлов отмечается в органических слоях XII–XV вв. (таблица). Однако по сравнению с ранее изученными объектами Троицкой-VI, XIII, Десятинный-1, Кремлевский-I концентрация цинка и меди в средневековых культурных отложениях на Ильменском

раскопе ниже (Евдокимова, 1986; Александровская и др., 2010). Можно сделать предположение о меньшем уровне ремесленной деятельности на данном участке в средние века.

История формирования культурных отложений и почв

По результатам морфологических и аналитических исследований была проведена реконструкция этапов формирования и эволюции культурных отложений и почв на территории юго-востока Великого Новгорода (рис. 2).

1) Догородской этап. Лесной ландшафт. Под смешанным хвойно-широколиственным лесом формируется дерново-подзолистая глееватая почва (более 1500 лет). Происходят трансформация ленточных глин, формирование характерной системой почвенных горизонтов (гумусовый, подзолистый, текстурный). В составе пород деревьев исходного леса доминируют лиственные породы.

2) Пригородный этап. Освоенный агроландшафт. В результате неоднократной распашки (не менее нескольких лет) происходит перемешивание верхней части профиля исходной почвы. Формируется пахотный горизонт.

3) Первый этап застройки. Селитебный городской ландшафт. XII в. Интенсивное накопление культурных отложений (остатки деревянного строительства, навоз, прослойки золы и углей, и др.). Погребение исходной почвы, формирование органического анаэробного слоя, представленного торфообразной массой, где доля органического вещества по объему составляет до 80–90%. Отсутствие дренажа, постоянное переувлажнение (поднятие уровня грунтовых вод) препятствуют микробиологическому разложению органического вещества.

4) Период запустения. Агроландшафт (огороды, сады, пустыри). Начало XIII – середина XIV в. Прекращение накопления культурных отложений, преобразование ранее накопленных отложений. Аэрация (опускание уровня грунтовых вод), интенсивное разложение органического вещества (гумификация, минерализация), усадка, уменьшение мощности, стирание пятнистости и слоистости. Формирование “пахотно-огородной” почвы в результате агрогенной деятельности.

5) Второй этап застройки. Селитебный городской ландшафт. Середина XIV – XVII (?) в. Интенсивное накопление культурных отложений (остатки деревянного строительства, навоз, прослойки золы и углей, др.). Погребение слабо развитой почвы. Формирование органического анаэробного слоя (поднятие уровня грунтовых вод).

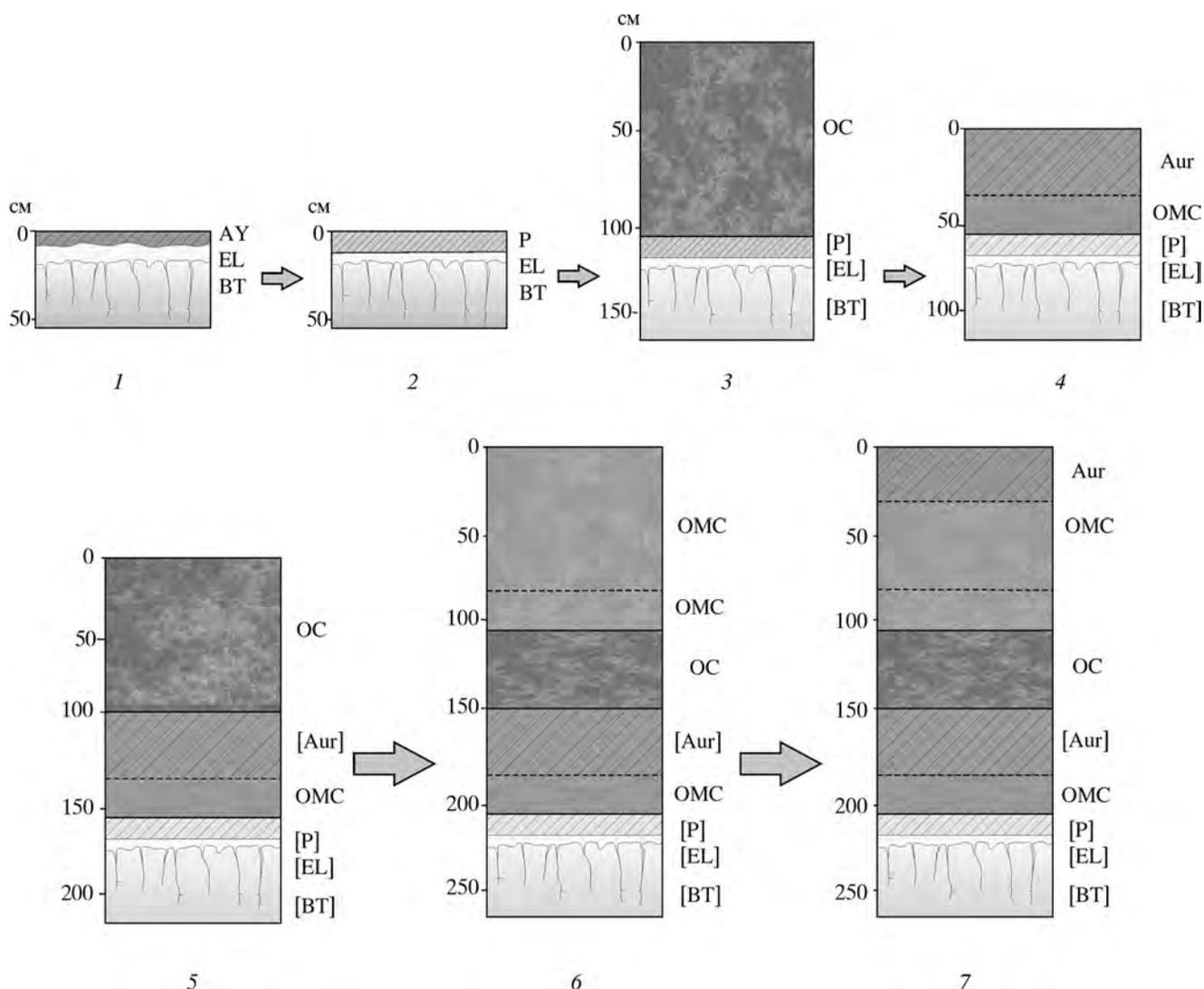


Рис. 2. Основные этапы развития культурных отложений и почв. Великий Новгород, Ильменский раскоп. 1 – догородской этап; 2 – пригородный этап; 3 – первый этап застройки (XII в.); 4 – период запустения (начало XIII – конец XIV в.); 5 – второй этап застройки (конец XIV – XVII (?) в.); 6 – третий этап застройки (XVII(XVIII)–XIX вв.); 7 – современный этап (XX в.). Обозначения: AY, Aur, EL, BT, P – индексы почвенных горизонтов; [Aur], [P] – погребенные почвы.

6) Селитебный городской ландшафт. XVII (XVIII)–XIX вв. Накопление культурных отложений другого состава (остатки каменного строительства: кирпич, известь, известняк; органические остатки: древесина, навоз; прослойки золы и углей). Формирование органо-минерального слоя. В конце периода в результате дренажа происходит одновременное разложение органического вещества не только в новых культурных отложениях, но и в верхней части ранее сформированного органического слоя. В верхней части профиля – интенсивная аэрация, частично происходит усадка.

7) Селитебный городской ландшафт. XX в. Под огородами в верхней части отложений формиру-

ется современная почва. Разлагается органическое вещество, стираются пятнистость и слоистость, появляется почвенная структура.

В результате комплексных исследований выявлена сложная история формирования культурных отложений и почв. Прослежена неоднократная смена периодов накопления культурных отложений и формирования почв. Культурный слой и почвы представляют собой мощную толщу антропогенных отложений, в разной степени измененных процессами трансформации. В течение долгой седиментации (900 лет с перерывами) происходило поднятие уровня грунтовых вод, изменяя факторы почвообразования, а следовательно, изменяя в целом почвенно-геохимическую среду.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Культурные отложения разделяются на два основных типа: органический анаэробный и органо-минеральный аэробный. В нижней части культурных отложений выявлена слабо развитая “пахотно-огородная” почва, соответствующая длительному перерыву в накоплении культурных отложений (период запустения) на протяжении не менее 150 лет (начало XIII – конец XIV в.). Данные почвенные горизонты не только маркируют периоды запустения и смену типов хозяйственного использования территории, но и позволяют дать хронологическую оценку длительности этих перерывов (от десятков до сотен лет) по мощности и степени выраженности свойств.

Современный облик культурных отложений сформирован в результате действия нескольких групп процессов: накопления отложений (антропогенная седиментация), процессы его трансформации (почвенные, диагенетические на глубине). Процессы трансформации идут как в результате образования почв (периоды запустения), так и выветривания на глубине. Современная граница органического и органо-минерального слоев обусловлена трансформацией верхней части органического слоя в результате дренажа недавнего времени.

По мере накопления культурного слоя Великого Новгорода процессы поступления вещества изменялись. Длительное время происходило накопление органического материала, в последние два-три века расширилось каменное строительство и поэтому увеличилось поступление минерального вещества, в том числе извести, повысилась эффективность дренажных систем. В результате изменились не только процессы седиментации, но и почвенные процессы преобразования культурного слоя. Усилились процессы минерализации и гумификации органического вещества в верхней части культурных отложений.

Автор выражает благодарность М.И. Петрову за предоставленную возможность исследования и А.Л. Александровскому за помощь на всех этапах работы.

- Александровская Е.И., Александровский А.Л.* Историко-географическая антропохимия. М., 2003.
- Александровская Е.И., Александровский А.Л., Долгих А.В.* Палеосреда Великого Новгорода и Старой Руссы в средние века по данным почвенно-геохимических исследований // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород, 2010.
- Александровский А.Л.* Почвы и культурный слой Москвы: строение и история развития (формирования) // Тез. докл. Междунар. конф. “Проблемы антропогенного почвообразования” 16–21 июня 1997 г. Т. 4. М., 1997.
- Александровский А.Л., Гайдуков П.Г., Кренке Н.А.* Исследования древнейшего культурного слоя и погребенной почвы на Троицком XI раскопе в Новгороде в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А.* Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскowie // КСИА. 1993. Вып. 208.
- Гайдуков П.Г.* Водоотводная система середины XIX в., открытая на Троицком раскопе в Великом Новгороде // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009.
- Гайдуков П.Г., Дубровин Г.Е.* Древнейшая дренажная труба Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997.
- География и геология Новгородской области. Великий Новгород, 2002.
- Долгих А.В.* Формирование педолитоседиментов и почвенно-геохимической среды древних городов Европейской России: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2010.
- Долгих А.В., Александровский А.Л.* Почвы и культурный слой Великого Новгорода // Почвоведение. 2010. № 5.
- Евдокимова А.К.* Тяжелые металлы в культурном слое средневекового Новгорода // Вестн. МГУ. Сер. 5. География. 1986. № 3.
- Естественно-научные методы исследования культурных слоев древних поселений. М., 2004.
- Классификация и диагностика почв России. М., 2004.
- Петров М.И.* Славенский конец средневекового Новгорода: Ильменский раскоп // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24. Великий Новгород, 2010.
- Goldberg P., Macphail R.I.* Practical and Theoretical Geoarchaeology. Malden; Oxford, 2006.

ПРОМЫСЕЛ КОЛЬЧАТОЙ НЕРПЫ (*PUSA HISPIDA*) МОРСКИМИ ЗВЕРОБОЯМИ ЧУКОТКИ В ПОЗДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ

© 2012 г. Е.Н. Горлова

*Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва
(gorlova.k@gmail.com)*

Ключевые слова: *аборигенный промысел, возрастная структура, сезон охоты, стабильные изотопы, костные остатки.*

The article discusses the results of investigating the bones of ringed seals from the kitchen waste at an ancient Eskimo settlement (2370–810 years ago) on the Chukotka with the help of the archaeozoological method and analysis of stable isotopes. The age structure shows that immature animals up to one year of age were the main target of hunting (table 2). Hunting for ringed seals was year-round, however, the time from midsummer to midwinter was the most intensive hunting period. Almost all the animals were procured in the littoral zone (Fig. 2); isotope data allowed reconstructing the average size of the settlement's hunting area. Isotope studies showed that for fifteen centuries there had been no significant changes in the ecology of ringed seals. The habitat and feeding habits remained stable and did not depend on the age. Parallel reconstructions of the hunting strategy and of the secular dynamics of the spatial and ecological structure of the local ringed seal population showed that the aboriginal hunting strategy did not undermine the quantity of the hunted species.

Чукотская прибрежная зверобойная культура сформировалась около 3000 л.н. и в практически неизменном виде просуществовала вплоть до начала XIX в. На протяжении этого периода ее отличительной особенностью являлось преобладание морского зверобойного промысла над всеми остальными видами охоты и собирательства, подтверждением чему служат множественные находки специализированных орудий для охоты на морского зверя, происходящие из культурных слоев древнеэскимосских памятников (Гусев, 1991; Мир арктических зверобоев..., 2007), а также остеологические спектры (Динесман и др., 1996. С. 118. Табл. 4.10).

В настоящее время при интерпретации материала, в частности орудий, возникают проблемы, связанные с нехваткой информации о конкретных стратегиях охоты древнего населения. Общие сведения, используемые археологами, как правило, основаны на аналогиях с этнографическими данными (Арутюнов, Сергеев, 1975. С. 109; Крупник, 1979. С. 39). Однако насколько эти материалы, охватывающие 100–200 лет, можно экстраполировать на более древние периоды в отсутствие археозоологических доказательств, говорить сложно.

Для решения этой проблемы была проанализирована большая выборка костных остатков, происходящих из культурного слоя одного из поселений Чукотского поб. Берингова пр-ва. Для данного ре-

гиона впервые было проведено комплексное исследование с использованием зооархеологического и изотопного методов, что позволило прояснить многие вопросы ресурсопотребления местного населения. Кольчатая нерпа как объект исследования была выбрана неслучайно: ее остатки – самые многочисленные среди всех промысловых видов. На разных памятниках их доля составляет от 70 до 80% от всех млекопитающих (оригинальные данные), благодаря чему удалось собрать репрезентативную выборку для изотопного анализа. Разработанные на современных животных методы определения возраста и морфометрических показателей позволили провести детальную реконструкцию возрастного состава добытых нерп и установить примерные сроки добычи. Таким образом, одна из задач данной работы – выяснение основных особенностей промысла кольчатой нерпы, таких как: половозрастной состав добываемых животных, сезон отлова, размеры и расположение охотничьих участков на примере древнеэскимосского поселения Канискак. Кроме того, при реконструкции охоты в древности следует помнить, что менялся не только подход человека к использованию промышляемого вида, но и экология самого вида: его привычки, объекты питания, местообитание тоже могли меняться во времени под воздействием различных факторов. Без данных об экологии изучаемого вида в прошлом перечисленные выше изменения, отраженные в археозоологическом материале, могут быть ошибочно интерпре-

тированы. Поэтому другой задачей стало установление экологических особенностей промышленной кольчатой нерпы в древности, для чего был применен анализ стабильных изотопов, предоставляющий информацию о питании и местообитании животного, чьи кости анализируются.

На крайней северо-восточной оконечности Чукотского п-ова, близ заброшенного пос. Дежнево на берегу Берингова пролива расположены руины одного из многочисленных древних поселений морских зверобоев Канискак (рис. 1). Рядом с остатками полуразрушенной землянки летом 1990 г. сотрудниками Лаборатории биогеоценологии и исторической экологии им. В.Н. Сукачева Института проблем экологии и эволюции РАН (ИПЭЭ РАН) на базе Берингоморской археологической экспедиции Института археологии РАН (ИА РАН) под руководством С.В. Гусева был заложен раскоп площадью 6 м². Место работ представляло мощное (120 см в глубину) стратифицированное многовековое отложение кухонных отходов, содержащее большое количество костных остатков животных. Грунт вынимался слоями, толщина которых варьировалась от 5 до 19 см и определялась глубиной протаивания вскрытого участка за два-три дня. После изучения продолжительности накопления слоев некоторые из них были объединены с соседними. Последнее позволило рассмотреть изменение остеологических спектров культурного слоя поселения по шести хронологическим периодам (Динесман и др., 1996. С. 114, 115).

Для профиля культурного слоя поселения Канискак имеется шесть радиоуглеродных датировок костных остатков морских млекопитающих (Динесман и др., 1996. С. 117–155. Табл. 4.8). Они позволили определить хронологические рубежи всех его горизонтов (табл. 1). Радиоуглеродный возраст верхнего слоя (0–18 см) оказался больше нижележащего, поэтому верхний слой в данной работе не рассматривался. Радиоуглеродные датировки были скорректированы с учетом изотопного фракционирования углерода ¹³C/¹²C (рассчитанного как средняя изотопная подпись костей тюленей соответствующего времени) и региональной поправки ΔR, уже выведенной для северной части Берингова моря и равной 188±14 лет (Хасанов, Савинецкий, 2002. С. 84). Кроме того, с помощью программы OxCal 3.10 была произведена окончательная калибровка радиоуглеродного возраста и поправка на мнимый возраст морской воды. Совокупность перечисленных действий и построенный график роста культур-



Рис. 1. Карта района исследований.

ного слоя дали время накопления культурного слоя поселения Канискак. Изучаемое отложение начало накапливаться примерно 2370 л.н. и закончилось примерно 810 л.н. Накопление происходило непрерывно, но не равномерно. В период 1840–1280 л.н. скорость формирования отложения была наивысшей.

Определение костного материала производилось на основе сравнительной эталонной коллекции Лаборатории биогеоценологии и исторической экологии ИПЭЭ РАН. Индивидуальный возраст определялся по степени прирастания эпифизов (Stora, 2002. P. 52. Tabl. 1). Кроме того, в процессе определения были проведены все возможные измерения костей (Ericson, Stora, 1999). Полученные данные использовались для исключения возможности анализа нескольких костей от одной особи и для определения возрастных и размерных показателей. Установлено, что у тюленей длина трубчатых костей пропорциональна длине тела (Stora, 2002), поэтому измерения минимальной длины некоторых исследуемых трубчатых костей были использованы для сравнительного анализа размеров животных.

Для изотопного исследования были отобраны элементы скелета с наиболее выразительными видовыми и возрастными признаками, так как известно, что использование различных элементов скелета не должно негативно сказываться на результатах. Показано (DeNiro, Schoeninger, 1983. P. 201, 202. Fig. 1), что изотопный состав и азота, и углерода практически не меняется в зависимости от скелетного элемента. Всего в изотопном анализе было использовано 157 костей, принадлежащих животным разных возрастов: плечевые, лучевые, локтевые, бедренные, большеберцовые и малоберцовые.

Таблица 1. Датировки культурного слоя поселения Канискак

Мощность, см	Лабораторный № датировки ИЭМЭЖ	^{14}C , л.н.	Среднее значение $\delta^{13}\text{C}$, ‰	Датировки с поправками	Хронологические рубежи периодов, л.н.
0–18	954	1660±80			
18–37	894	1362±80	–13.45	920±80	1010–810
37–50					
50–60	883	1618±80	–12.76	1200±80	1280–1010
60–67	929	1813±90	–13.99	1300±90	1490–1280
67–75					1840–1490
75–80	895	2348±85	–15.34	1940±85	
80–85					2120–1840
85–95					
95–105					
105–120	893	2584±90	–12.54	2300±90	2370–2120

Для подготовки образцов использовались модифицированный нами метод выделения коллагена для радиоуглеродного датирования (Longin, 1970. P. 241). Компакта (плотная внешняя часть кости) с помощью гравера срезалась с поверхности диафизарных частей каждой кости тонкими стружками (толщиной 0.5–1 мм) общим весом примерно 1 г. Полученные образцы декальцинировали в 1М растворе соляной кислоты при температуре 4° С в течение двух-трех суток. Затем промывали дистиллированной водой до получения среды с нейтральным рН. Промытые и декальцинированные образцы помещались в раствор соляной кислоты с рН 2–2.5 при температуре 70–80° С на двое суток, чтобы растворить белковые компоненты. После удаления нерастворимых остатков центрифугированием со скоростью 2000 об/мин в течение 10 мин, раствор коллагена выпаривался в термостате при 90–100° С до полного высыхания.

Изотопный анализ велся под руководством д-ра биол. наук А.В. Тиунова в центре коллективного пользования ИПЭЭ и ИА РАН. Навески сухого коллагена по 450–550 мкг помещали в оловянную капсулу и сжигали в изотопном масс-спектрометре (DeltaV Plus, Thermo Electron). Анализ велся по двум биогенным элементам – азоту и углероду. Каждый образец сжигался дважды для увеличения достоверности результатов. При этом измерялось процентное содержание N и C в коллагеновых пробах и их изотопный состав. Содержание ^{15}N и ^{13}C было выражено в промилле (‰) и рассчитано как отклонение от международного стандарта:

$$\delta X = [(R_{\text{образца}}/R_{\text{стандарта}}) - 1] \times 1000,$$

где X – это ^{15}N или ^{13}C , а R – соответствующие пропорции $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ или $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$. Международные стандарты для измерения $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ – атмосферный азот (N_2) и венский эквивалент *Belemnita americana* (VPDB). Точность измерения концентрации изотопов на использованном оборудовании составляет $\pm 0.1\%$.

Помимо расчета значений $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ определялось также C/N соотношение для каждого образца, являющееся индикатором качества используемого коллагена (DeNiro, 1985. P. 807, 808).

Статистическая обработка материала производилась в программе Statistica 6.0. При проверке распределений на нормальность использовались критерии Колмогорова-Смирнова и Шапиро-Уилка. Проверка равенства дисперсий производилась при помощи F-критерия Фишера, проверка равенства средних – при помощи t-критерия (при нормальном распределении и одинаковых дисперсиях) и критерия Вилкоксона (во всех остальных случаях).

Возрастная структура добытых кольчатых нерп

Половозрастная структура промыслаемых животных – один из основных параметров, используемых охотоведами при оценке промысла. Ее определение позволяет выявить основные направления промысла и выяснить, существует ли избирательность в объектах добычи. К сожалению, по костям кольчатой нерпы нельзя достоверно определить пол животного ввиду практически полного отсутствия у вида признаков полового деморфизма (Holst, 2000. P. 20; Stora, 2002. P. 52). Поэтому о соотноше-

Таблица 2. Процентное соотношение возрастных групп кольчатой нерпы в добыче зверобоев поселения Канискак (2370–810 л.н.)

Возрастные группы (годы жизни)	Время отложения материала					
	2370–2120	2120–1840	1840–1490	1490–1280	1280–1010	1010–810
Сеголетки (<1)	67.3	76.8	74.1	74.2	86.8	85.3
Неполовозрелые (1–6)	6.7	5.8	5.2	2.2	1.4	1
Половозрелые (<12)	11.4	9.8	9.5	3.4	5.6	4.2
Половозрелые (>12)	14.6	7.6	11.2	20.2	6.2	9.5

нии полов в побойках говорить не приходится. Возрастную же структуру добытых нерп установить удалось (табл. 2). При определении возраста принималась во внимание степень прирастания эпифизов костей осевого скелета (плечевых, локтевых, лучевых, бедренных, больших и малых берцовых) без учета отдельных эпифизов. Таким образом, приблизительный возраст был установлен почти для половины костей кольчатой нерпы. Ж. Стора (Stora, 2000. Р. 201–203) были выделены четыре возрастные группы, практически точно соответствующие стадиям развития кольчатой нерпы и имеющие достаточно различий для определения элементов скелета: сеголетки, неполовозрелые и половозрелые особи младше и старше 12 лет. Сеголетки – это тюлени в первый год жизни, находящиеся в стадии самого интенсивного роста, поэтому эпифизы еще отделены от диафизарной части костей хрящом и отделяются в фоссилизированном состоянии. К концу года размеры детенышей составляют примерно 65% от средней длины тела взрослых особей (Федосеев, 1964). Неполовозрелые животные – это молодые особи старше годовалых, но младше пяти-шестилетних. В этом возрасте у части костей прирастает по одному эпифизу, рост продолжается, но не столь интенсивный, как в первый год жизни. В шесть-семь лет у кольчатой нерпы наступает половое созревание. Большинство самок становятся половозрелыми к семи годам и начиная с этого возраста ежегодно участвуют в размножении (Федосеев, 1965. С. 205). Самцы достигают половой зрелости к семи-восми годам (Федосеев, 1965. С. 204). После полового созревания темпы роста замедляются. В дальнейшем длина тела и вес животного незначительно увеличиваются до 12–13-летнего возраста, в котором у кольчатой нерпы наступает физическая зрелость (Федосеев, 1964. С. 1230). К 12 годам рост завершается, и поэтому эпифизы окончательно прирастают на всех костях. Начиная с 15 лет цикличность размножения у самок нарушается, и они перестают принимать ежегодное участие в размножении (Федосеев, 1965. С. 204).

Из данных по определению возраста древних нерп можно заключить, что промысел был направлен главным образом на наиболее легкодоступные объекты охоты – молодых неопытных особей в первый год жизни. Их доля в добыче всегда была высока и увеличивалась во времени за счет снятия нагрузки с остальных групп, преимущественно с половозрелых особей. Наибольшие изменения в возрастных спектрах добываемых тюленей произошли примерно 1300 л.н.: если 1490–1280 л.н. взрослые животные составляли 23.6% от всей добычи, то 1280–1010 л.н. – 11.8, т.е. почти в 2 раза меньше. По изменению показателей относительной численности, рассчитанных для промысловых животных охотничьего участка поселения Канискак (Динесман и др., 1996. С. 149. Табл. 4.19) показано, что 1280 л.н. все виды, включая кольчатую нерпу, охватила многовековая депрессия, которая могла сказаться и на возрастных спектрах промысловых тюленей.

Сезон охоты

Явление строгой сезонности в распределении типов деятельности часто встречается у северных народов. Установить временные рамки сезона охоты сложно, для этого существует несколько методов, один из которых основан на распределении размеров добываемых животных. Было показано, что из всех промеров трубчатых костей осевого скелета длина кости наиболее точно зависит от общей длины тела (Stora, 2002. Р. 55. Fig. 4). В этой же работе приведены промеры бедренных костей современных нерп с известным возрастом (Stora, 2002. Р. 56. Fig. 7). У древних нерп нами были измерены 134 бедренные кости, принадлежащие животным до года. Данные по этим измерениям показали практически непрерывное распределение, означающее, что промысел кольчатой нерпы велся непрерывно в течение всего года и не был приурочен к какому-то определенному сезону. Однако интенсивность его была неравномерной. Из рис. 2 видно, что доля животных с наименьшей длиной

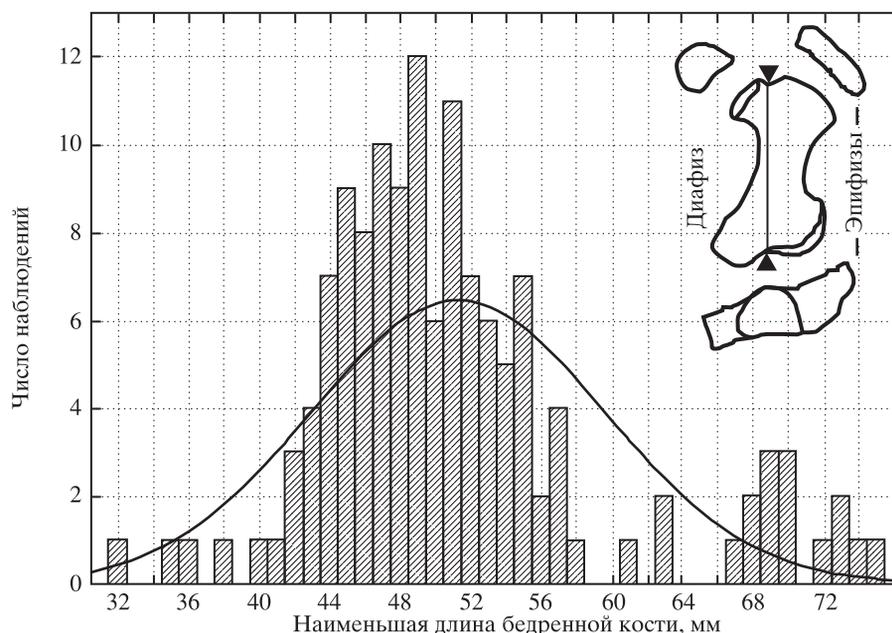


Рис. 2. Чистограмма распределения размерных классов бедренных костей, принадлежавших древним нерпам возрастом до года.

бедренной кости в интервале от 44 до 55 мм значительно выше. Возраст современных нерп, соответствующий данной размерной категории, составляет 3–8 месяцев, поэтому зная, что щенка у нерп происходит в марте–апреле (McLaren, 1958; Федосеев, 1965), можно рассчитать сезон их поимки. Из этого следует, что наибольшее количество особей было поймано в период с июля по январь. В это время детеныши уже покинули щенные логова и наиболее уязвимы. Эти данные вновь подтверждают то, что промышлялись, прежде всего, легкодоступные животные.

Экологические различия между возрастными группами древних нерп

Представления об использовании промыслового вида человеком в древности и оценка охотничьей стратегии на основе археозоологических методов являются неполными в отсутствие данных об экологии этого вида в изучаемый период. Их может предоставить изучение изотопной подписи костных субфоссильных остатков. Известно, что соотношения стабильных изотопов углерода ($^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$) и азота ($^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$) в тканях консументов – индикаторы их диет. Доля ^{15}N увеличивается с повышением занимаемой трофической позиции в общей цепи питания, при этом разница между соседними трофическими уровнями в среднем составляет около 3‰ (Schoeninger, Moore, 1992. P. 259; Drucker, Bocherens, 2004. P. 164). Изменение же доли ^{13}C с

повышением трофического уровня выражено гораздо слабее и составляет всего 0.2–0.5‰ (Newsome et al., 2010. P. 527). Поэтому соотношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ в морских экосистемах используют для определения путей попадания в организм различных источников углерода, которые, как правило, зависят от пространственного расположения участков питания, например расстояния от берега (Hobson et al., 1994. P. 789. Fig. 3; France, 1995).

В ходе исследования были получены изотопные подписи для 157 костных фрагментов, принадлежавших особям разного возраста (табл. 3).

Изотопное соотношение $^{15}\text{N}/^{14}\text{N}$ показало отсутствие значимых различий в выборе объектов питания между разновозрастными группами. Обогащение тяжелым изотопом азота в группе животных возрастом до года по сравнению с более взрослыми животными (критерий Вилкоксона: $p < 0.05$) связано, скорее всего, с эффектом влияния молочного вскармливания, а не с отличиями в рационе. Известно, что детеныши, питающиеся молоком матери, фактически являются консументами более высокого порядка, и поэтому их ткани обогащены ^{15}N (Newsome et al., 2007. P. 9711. Fig. 3). У современных нерп молочное кормление длится в течение первых шести недель (King, 1983. P. 88), но изотопный сигнал коллагена костей остается повышенным в течение еще нескольких месяцев, пока не произойдет замещение в процессе роста. По всей вероятности, у древних нерп этот процесс протекал аналогичным способом.

Таблица 3. Средние значения (\pm Ст. откл.) $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ коллагена костей кольчатых нерп из поселения Канискак (2370–810 л.н.) и результаты проверок равенства средних значений (критерий Вилкоксона) и дисперсий (критерий Фишера) $\delta^{15}\text{N}$ и $\delta^{13}\text{C}$ между возрастными группами

Возрастные группы (годы жизни)	Количество образцов	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Критерий Вилкоксона		Критерий Фишера	
				p, $\delta^{15}\text{N}$	p, $\delta^{13}\text{C}$	p, $\delta^{15}\text{N}$	p, $\delta^{13}\text{C}$
Сеголетки (<1)	95	19.1 \pm 1.2	-13.6 \pm 1.2				
Неполовозрелые (1–6)	13	17.7 \pm 1.1	-12.8 \pm 0.4	0.005	0.28	0.86	<0.05
Половозрелые (<12)	15	18.3 \pm 0.8	-12.8 \pm 0.9	0.15	0.055	0.28	0.02
Половозрелые (>12)	34	18.5 \pm 1.2	-13.1 \pm 0.9	0.86	0.05	0.11	0.63
Всего	157	18.8 \pm 1.2	-13.3 \pm 1.1				

Несмотря на то что в целом животные из разных возрастных групп значимо не различались по своему рациону, внутри групп отмечена высокая индивидуальная изменчивость. Различия между отдельными особями превышают 3‰, что означает их специализацию на объектах питания, находящихся на разных трофических уровнях.

Описанные особенности питания были характерны для нерп в течение всего изучаемого периода как для отдельных групп, так и для всего вида в целом. Значимых изменений в экологии питания локальной популяции кольчатой нерпы в этот срок выявлено не было (табл. 4). Таким образом, данные изотопного анализа позволяют говорить о том, что такие изменения в остеологических спектрах, относящиеся к периоду 2370–810 л.н., как возрастной состав, размеры добытых особей и т.д., были связаны не с радикальными изменениями в экологии вида, а с антропогенным воздействием.

Изотопное соотношение $^{13}\text{C}/^{12}\text{C}$ также показало высокую степень индивидуальной изменчивости кольчатых нерп одного возраста.

Разнообразие изотопных подписей углерода достигается, во-первых, за счет показанного выше разнообразия объектов питания, во-вторых, за счет различий в пространственных особенностях питания. Известно, что прибрежные трофические цепи в среднем на 3–5‰ обогащены по сравнению с трофическими цепями в открытом море (France, 1995. P. 309, 310. Fig. 4). Животные, чьи охотничьи участки располагаются в акватории береговой зоны (территория вокруг поселения сравнительно невелика и составляет 1.5–3.5 км), имеют в среднем изотопный состав от -12 до -14‰. Животные же пелагических местообитаний имеют изотопный состав в среднем от -16 до -19‰. Исходя из полученных данных, можно заключить, что выбор кормовых участков не зависел от возраста, так как достоверных различий по углеродному изотопному сигналу между животными разного возраста обнаружено не было (критерий Вилкоксона: $p > 0.05$). Внутри же исследованных групп большая часть особей относилась к прибрежным местообитаниям.

Таблица 4. Динамика изотопного состава коллагена костей кольчатой нерпы во времени

Время накопления материала, л.н.	Количество образцов	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Критерий Фишера	
				p, $\delta^{15}\text{N}$	p, $\delta^{13}\text{C}$
1010–810	19	18.7 \pm 0.9	-13.6 \pm 1.4		
1280–1010	18	19.1 \pm 1.6	-14 \pm 1.6	0.28	0.5
1490–1280	23	18.6 \pm 1.2	-12.9 \pm 0.4	0.72	<0.05
1840–1490	23	19.9 \pm 1.5	-13.2 \pm 0.7	0.36	0.02
2120–1840	33	18.4 \pm 1.1	-13.3 \pm 1.1	0.12	0.07
2370–2120	41	18.8 \pm 1.3	-13.3 \pm 1.3	0.53	<0.05

Многовековая динамика охотничьих участков

По этнографическим данным известно, что на кольчатую нерпу охотились зимой на льду у лунок, летом – с байдар или с берега (Богораз, 1934. С. 154, 155; Малори, 1973. С. 186–189), при этом в поисках добычи эскимосы могли перемещаться по морю на своих кожаных байдарках на значительные расстояния (Богораз, 1934. С. 155; Крупник, 1989. С. 43). Известны даже случаи плаваний на Американский берег (Богораз, 1934. С. 79). Каковы же были реальные размеры охотничьих участков древних зверобоев? Изотопный анализ костей кольчатой нерпы показал, что в основном охотники поселения Канискак промышляли тюленей недалеко от берега. Большинство добытых нерп (около 80%) были пойманы в прибрежной зоне на расстоянии максимум 3 км от берега. По всей видимости, таковы были средние размеры охотничьего участка поселения, которые не менялись из века в век. Естественно, что в первую очередь эксплуатировалась прилегающая к поселению акватория залива, но тот факт, что на протяжении столетий промысел велся главным образом в прибрежной зоне, свидетельствует о стабильности локальной популяции кольчатой нерпы.

Однако в отдельно взятые периоды, например 2370–2120 и 1280–810 л.н., в добыче появляются нерпы, относящиеся по своему изотопному составу к местообитаниям открытого моря (рис. 3). Причины их попадания в археологический материал может быть две: либо охотниками в эти периоды почему-то стали эксплуатироваться дальние территории, либо промысел зверя по-прежнему велся вдоль берега,

куда приплывали нерпы открытых местообитаний. Вполне вероятно, что в случае каких-либо неблагоприятных изменений охота вблизи берега в определенные периоды оказывалась менее удачливой и приходилось эксплуатировать дальние территории. С другой стороны, не менее вероятно, что именно тюлени подходили к берегу – по всей видимости, это происходило в сезон размножения. Обычно нерпы размножаются на припайном льду, но для некоторых популяций отмечено размножение на дрейфующих льдах за кромкой припая (Федосеев, 2005). Если вторая гипотеза верна, то промысел нерп открытых местообитаний связан с вековой динамикой мест размножения оффшорной популяции кольчатой нерпы. Чтобы окончательно восстановить причины наблюдаемого явления, необходимо знать, в какой сезон были пойманы животные с отличным изотопным составом, что на данном этапе работы не возможно.

Таким образом, изотопные исследования тюленей разных возрастов показали, что внутригрупповые различия превышают различия между группами. По-видимому, охотничьи территории отдельных возрастных групп нерп и объекты питания имели значительное перекрытие, а общая экологическая ниша, занимаемая данной локальной популяцией, была довольно широка. При подобной пространственно-экологической структуре внутри вида неизбежно возникает конкуренция за ресурсы между разными группами, которая ограничивает скорость роста популяции. В данном случае благоприятной является стратегия промысла, направленного не против отдельных особей, а против целых групп

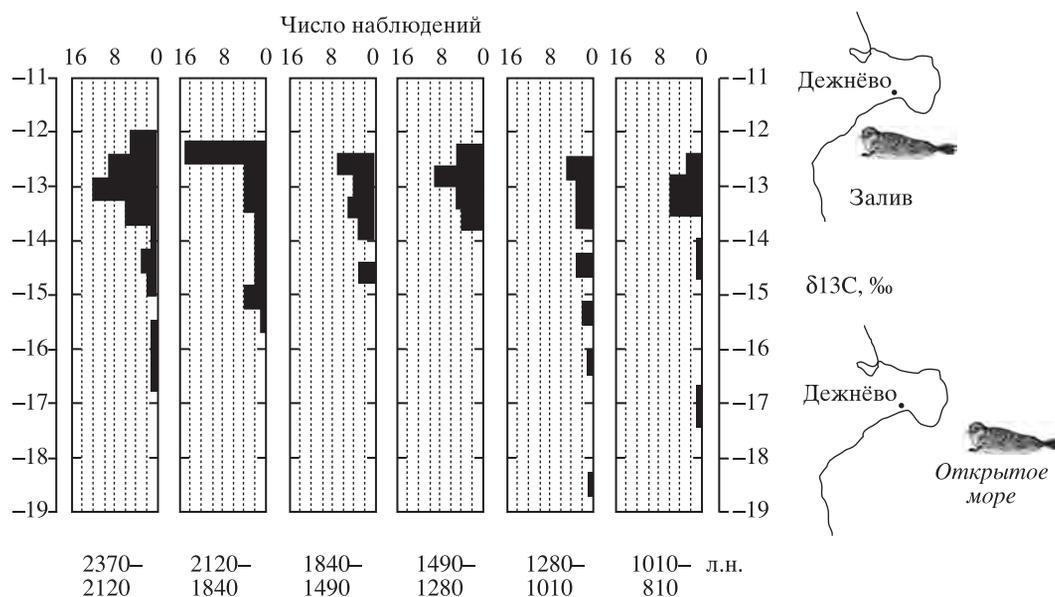


Рис. 3. Многовековая динамика углеродного изотопного состава нерп, промышляемых зверобоями поселения Канискак.

(Коли, 1979. С. 301, 302), так как в этом случае снижается внутривидовая конкуренция.

Наши данные показали, что описанная стратегия, использовавшаяся зверобоями рассматриваемого поселения, не привела к снижению численности промышляемого вида, так как наибольшая нагрузка распределялась в пределах одной возрастной группы. Помимо этого, нагрузка на популяцию оптимизировалась благодаря тому, что изымались особи, дающие наименьший потенциальный вклад в значение скорости роста (Коли, 1979. С. 304). Это позволяло беринговоморской зверобойной культуре веками поддерживать свою экономику, основанную на потреблении ресурсов окружающих экосистем, не истощая их.

Можно заключить, что изучение костных остатков древних нерп, преобладающих в остеологическом спектре Дежневского памятника за более чем 1500-летний период, показало: 1) отсутствие значимых изменений во времени в экологии локальной популяции кольчатой нерпы, что позволило связать изменения в остеологическом спектре с антропогенным воздействием; 2) основным объектом охоты аборигенов в течение всего изучаемого периода оставалась легкодоступная группа неполовозрелых тюленей в первый год их жизни; 3) промысел кольчатой нерпы велся в течение всего года, но большая часть добытых тюленей была поймана в период с июля по январь; 4) обычные размеры охотничьего участка поселения, скорее всего, были небольшими и ограничивались 2–3 км, так как большинство добытых тюленей по своему изотопному сигналу принадлежали к прибрежной популяции.

Автор выражает глубокую благодарность д-ру биол. наук А.Б. Савинецкому за редакторскую правку и ценные замечания, д-ру биол. наук А.В. Тиуну за помощь в измерении изотопных сигналов, а также канд. биол. наук Б.Ф. Хасанову, канд. биол. наук Н.К. Киселевой, О.А. Крылович и Д.Д. Васюкову за неоценимую помощь на всех этапах работы.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (09-04-00196) и программ “Происхождение биосферы и эволюция геобиологических систем”, “Живая природа: современное состояние “проблемы”, “Биоразнообразие: инвентаризация, функции, сохранение” и “Биологические ресурсы России: оценка состояния и фундаментальные основы мониторинга” и “Биологические ресурсы России: динамика в условиях глобальных климатических и антропогенных воздействий”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.* Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
- Богораз В.Г.* Чукчи: социальная организация. Л., 1934.
- Гусев С.В.* Отчет о работе Чукотской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1990 г. // Архив ИА РАН. 1991.
- Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф.* Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. РАН ИЭМЭЖ им. А.Н. Северцова. М., 1996.
- Коли Г.* Анализ популяций позвоночных. М., 1979.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М., 1989.
- Малори Ж.* Загадочный Туле. М., 1973.
- Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное. Кат. выставки. М.; Анадырь, 2007.
- Федосеев Г.А.* Об эмбриональном, постэмбриональном росте и половом созревании охотской кольчатой нерпы // Зоологический журнал. 1964. Т. 43 (8).
- Федосеев Г.А.* Сравнительная характеристика популяций кольчатой нерпы прибрежных вод Чукотского полуострова // Изв. ТНИРО. 1965. Т. 59.
- Федосеев Г.А.* Популяционная биология ледовых форм тюленей и их роль в экосистемах Северной Пацифики. Магадан, 2005.
- Хасанов Б.Ф., Савинецкий А.Б.* Параллельные датировки морских и наземных организмов из северной части Берингова моря // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 2002. Вып. 1, 2.
- DeNiro M.J.* Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. 1985. V. 317(31).
- DeNiro M.J., Schoeninger M.J.* Stable carbon and nitrogen isotope ratios of bone collagen: variations within individuals, between sexes, and within populations raised on monotonous diets // J. Archaeol. Science. 1983. V. 10.
- Drucker D., Bocherens H.* Carbon and nitrogen stable isotopes as tracers of change in diet breadth during middle and upper palaeolithic in Europe // Intern. J. Osteoarchaeology. 2004. V. 14.
- Ericson G.P., Stora J.* A manual to the skeletal measurements of the seal genera *Halichoerus* and *Phoca* (Mammalia: Pinnipedia). Stockholm, 1999.
- France R.L.* Carbon-13 enrichment in benthic compared to planktonic algae: foodweb implications // Marine Ecology Progress Series. 1995. V. 124.
- Hobson K.A., Piatt F.J., Pitocchelli J.* Using stable isotopes to determine seabird trophic relationships // Animal ecology. 1994. V. 63 (4).
- Holst M.* Ecology of ringed seal (*Phoca hispida*) in the North Water Polynya, hothorn Baffin Bay: A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfillment of

- the requirements for the degree of master in science in environmental biology and ecology. Edmonton, 2000.
- King J.E.* Seals of the world. L., 1983.
- Longin R.* New method of collagen extraction for radiocarbon dating // *Nature*. 1970. V. 230.
- McLaren L.A.* The Biology of the Ringed Seal (*Phoca hispida Schreber*) in the Eastern // Canadian Arctic. 1958. V. 118.
- Newsome S.D., Etnier M.A., Gifford-Gonzalez D. et al.* The shifting baseline of northern fur seal ecology in the northeast Pacific Ocean // *PNAS*. 2007. V. 104 (23).
- Newsome S.D., Clementz M.T., Koch P.L.* Using stable isotope biogeochemistry to study marine mammal ecology // *Marine mammal science*. 2010. V. 26 (3).
- Schoeninger M.J., Moore K.* Bone Stable Isotope Studies in Archaeology // *Jr. World Prehistory*. 1992. V. 6 (2).
- Stora J.* Skeletal development in the Grey seal *Halichoerus grypus*, the Ringed seal *Phoca hispida botnica*, the Harbor seal *Phoca vitulina vitulina* and Harp seal *Phoca groenlandica*. Epiphyseal fusion and life history // *Arhaeozoologia*. 2000. V. 11.
- Stora J.* Neolithic seal exploitation on the Aland islands in the Baltic sea on the basis of epiphyseal fusion data and metric studies // *Intern. Jr. Osteoarchaeology*. 2002. V. 12.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ У с. ТЮНИНО НА ВЕРХНЕМ ДОНУ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

© 2012 г. А.Н. Бессуднов*, Е.Ю. Захарова**

*Липецкий государственный педагогический университет**
*Воронежский государственный университет***

В 2011 г. был проведен мониторинг современного состояния археологических объектов у с. Тюнино Задонского р-на Липецкой обл. (рис. 1, А, Б). Один из них уже более 130 лет известен в археологической литературе как “Тюнинское Селище”, другой – как “могильник в дубовой роще”¹. Тюнинское селище – первый археологический объект в Воронежской губ., на котором в 1888 г. с научной целью, с разрешения и по поручению, а затем и при финансировании ИАК были организованы раскопки. Вместе с тем, вплоть до недавнего времени его нахождение, как и нахождение расположенного в 1.5 км могильника в дубовой роще не было локализовано, соответственно не было никакой информации о степени сохранности и перспективности дальнейших исследований этих объектов. Несмотря на неоднократное использование материалов из их раскопок специалистами по эпохе бронзы, история изучения памятников до сих пор не стала предметом исследования, не проведено на современном уровне целостного анализа сохранившихся материалов. Все сказанное выше обусловило обращение авторов к данной теме.

Начало целенаправленного изучения древностей Воронежской губ. приходится на вторую половину 1880-х годов. Оно было вызвано характерным для того времени планомерным вовлечением в орбиту научных исследований активистов провинциальных сообществ историко-краеведческой направленности. При отсутствии в Воронеже университета заинтересованные в изучении родного края лица группировались вокруг Губернского Статистического Комитета (ВГСК), взявшего на себя координацию археологической деятельности в крае.

Первым из 12 уездов Воронежской губ., где были организованы раскопки археологических памятни-

ков в соответствии с методическими установками ИАК, стал Задонский, а первыми объектами – “замечательная яма (пещера?)” и курганы на Тюнинском селище в пригороде Задонска. Инициатором исследований выступил монах Задонского Богородицкого мужского монастыря о. Геронтий, в миру – Гавриил Михайлович Кургановский (1836 (1838?)–1903), действительный член ВГСК (с 15.12.1885), а непосредственным организатором и руководителем работ – секретарь ВГСК Леонид Борисович Вейнберг (1849–1901) (рис. 2)².

В октябре 1887 г. о. Геронтий уведомил Воронежского Губернатора, Председателя ВГСК А.В. Богдановича о существовании “замечательной ямы” около Задонска, что и послужило сигналом к началу исследования Тюнинского селища. Проведенное под руководством Л.Б. Вейнберга, оно достаточно полно документируется архивными материалами (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32; 1890 г. Д. 23), а его научные результаты нашли отражение и в публикациях (Вейнберг, 1891. С. 19, 20; Доклад, 1891. С. СССХVI–СССХVIII; Раскопки Л.Б. Вейнберга, 1896. С. 187–189; Таинственная пещера, 1888). Анализ данных источников позволяет проследить хронику событий, раскрыть организационные особенности экспедиции, выявить и охарактеризовать методические приемы исследователя, а также изложить результаты проведенных работ.

12 октября 1887 г.³ А.В. Богданович направил в адрес ИАК письмо с изложением информации, поступившей от о. Геронтия, и с просьбой разрешить ВГСК “раскопку” в указанном месте (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 9, 9об.). ИАК дала положительный ответ (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 10), и Губернатор командировал в Задонск Л.Б. Вейнберга.

¹ В литературе можно встретить и другие названия, применявшиеся при обращении к полученным при раскопках этих памятников материалам. Мы используем терминологию первых публикаций (Раскопки Л.Б. Вейнберга, 1896. С. 186; Иессен, 1934. С. 96).

² Сведения биографического характера, относящиеся к данным деятелям, см. Акиншин, 2006а. С. 71; 2006б. С. 120.

³ Все даты соответствуют старому стилю.

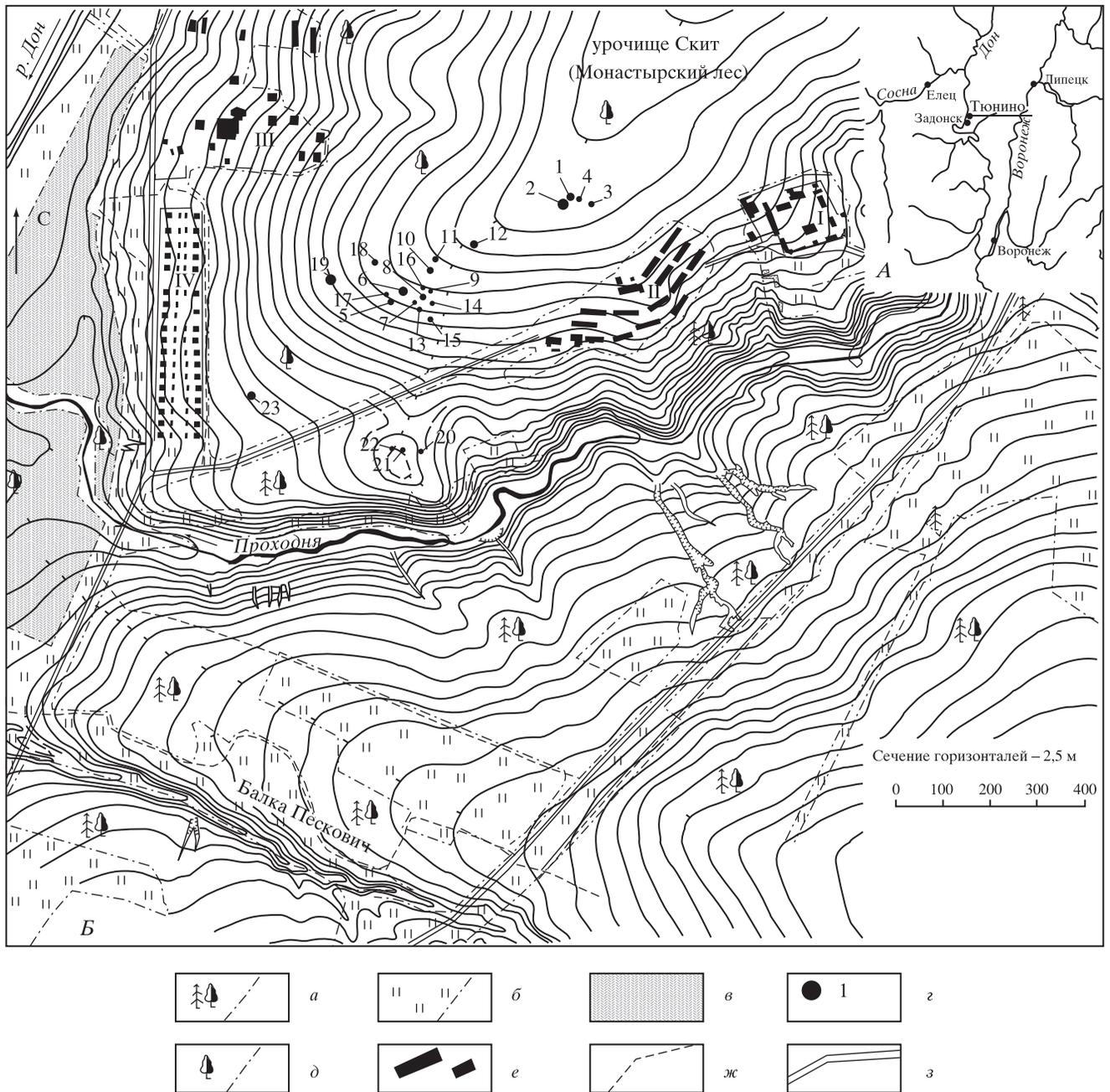


Рис. 1. Расположение древностей у с. Тюнино. А – карта-схема расположения с. Тюнино; Б – карта курганного могильника у с. Тюнино. Условные обозначения: а – смешанный лес; б – луг; в – пашня; г – курган и его номер; д – лиственный лес; е – здания; ж – грунтовая дорога; з – асфальтовая дорога. I – Свято-Тихоновский Преображенский женский монастырь; II – ОГУ “Задонский психоневрологический интернат”; III – база отдыха “Клен”; IV – поселок “Мирный”.

Первое посещение Леонидом Борисовичем Вейнбергом объекта и предварительные работы по его обследованию датируются 5–10 июля 1888 г. За это время была собрана и обобщена информация о местности, включавшая как народные предания, так и исторические сведения; о происходящих отсюда находках, часть из которых, бла-

годаря о. Геронтию, уже находилась в фондах музея ВГСК (Поликарпов, 1896. С. 12); также был произведен осмотр пещеры и начата ее “очистка от камней и наносной земли” (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 15–19).

Поскольку предварительное обследование не удовлетворило любопытства заинтересованных



1



2

Рис. 2. Первые исследователи тюнинских древностей: 1 – Л.Б. Вейнберг; 2 – о. Геронтий.

лиц, было решено просить ИАК о финансировании начатых работ. Л.Б. Вейнбергом в течение пяти дней (к 15 июля) был подготовлен отчет, препровождая который ВГСК обратился в ИАК с прошением: "...для окончательной раскопки ямы, если таковая будет признана заслуживающей дальнейшего расследования, выслать необходимую сумму приблизительно в 200 руб." (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 11).

В конце июля 1888 г. ИАК выделила Л.Б. Вейнбергу "авансом 200 руб. на дальнейшее исследование этой пещеры", указав на "весьма желательную раскопку одного или двух из находящихся там еще нераспаханных курганов".

На полученные деньги был закуплен необходимый инвентарь (2 аршина⁴ решеточной проволоки для грохотов, стальной шуп и 18 железных лопат) и наняты рабочие из числа крестьян окольных деревень и арестантов Задонского тюремного замка (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 21, 49–52). Фактически исследования были продолжены под руководством трех человек: сам Л.Б. Вейнберг координировал всю деятельность и в первую оче-

редь занимался раскопками курганов, где ему помогал местный становой пристав Александр Ильич Саловкин, о. Геронтий руководил раскопками пещеры.

Раскопки на Тюнинском селище стали для Леонида Борисовича первым опытом проведения полевых работ. При их организации он в точности следовал присланной из ИАК "Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов" (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 21), что надежно документируется его отчетом и позволяет считать работы соответствующими современному им методическому уровню.

Из значительных упущений исследователя отметим его нежелание нарисовать план памятника, которое он объяснил слишком большим количеством находящихся на его площади курганов (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 29). К отчету был приложен только схематичный план местности (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 34, 35) (рис. 3). Ошибочна также непосредственная увязка памятника с Галичьими горами, расположенными примерно в 25 км выше по течению Дона – на другом его берегу.

Раскопки проводились с 22 августа по 6 сентября 1888 г. На памятнике площадью 6 верст², по

⁴ Соответствие мер длины (по стандарту последней четверти XIX в.): 1 вершок = 4,45 см; 1 аршин = 71,12 см; 1 сажень = 2,13 м; 1 верста = 1,0668 км.

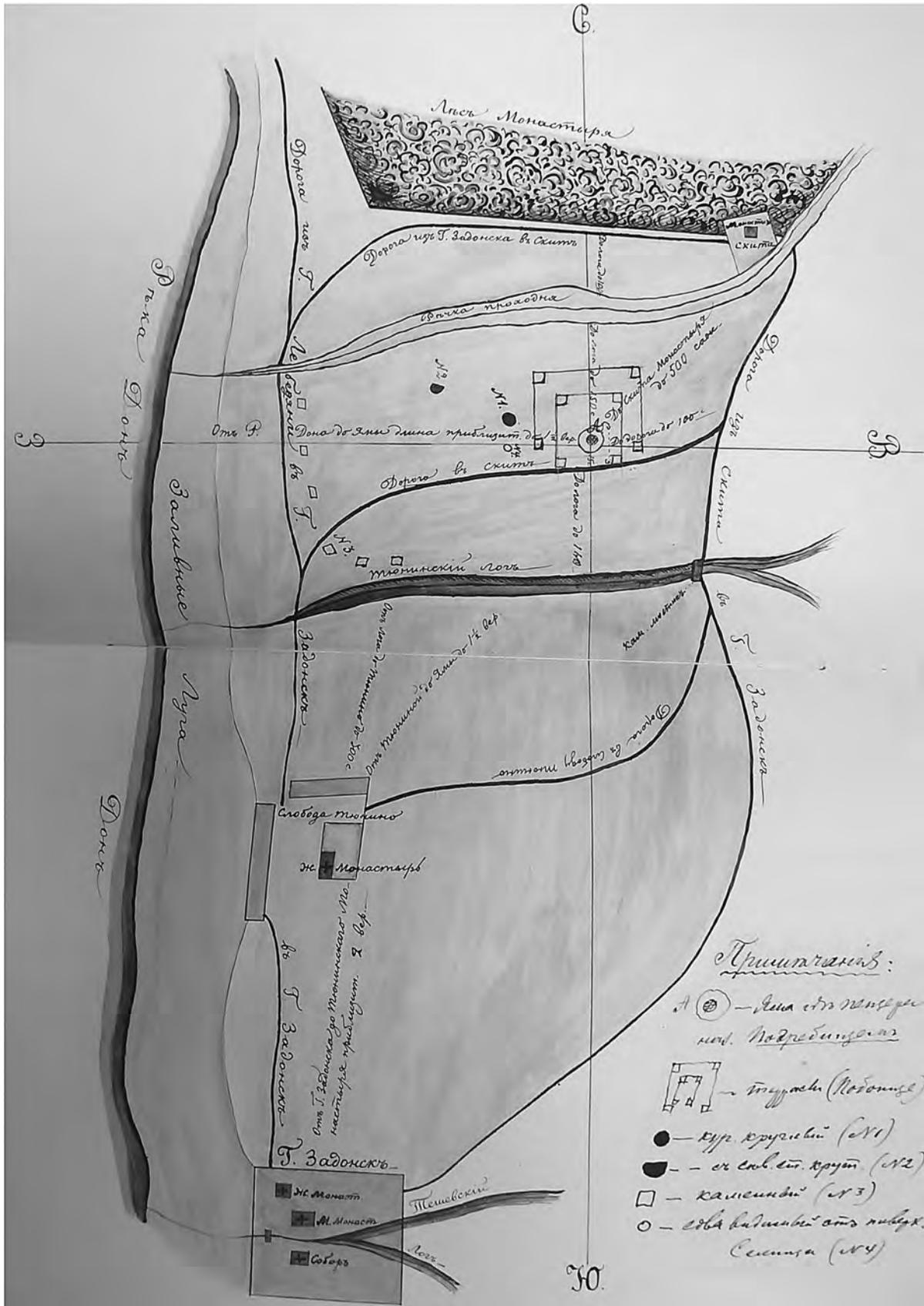


Рис. 3. Глазомерный план окрестностей с. Тюнино с указанием исследованных объектов, выполненный Л.Б. Вейнбергом (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 34, 35).

подсчетам Л.Б. Вейнберга, “покрытом низкими распаханными курганами высотой 0.5–3 аршина при диаметре до 20 сажень и расположенными столь часто, что местами они как будто сливаются” (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 29), было раскопано подземелье, три кургана и частично одна из каменных насыпей (“боевой курган” по Л.Б. Вейнбергу).

Научные результаты этих работ были отражены в рукописном отчете Л.Б. Вейнберга (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 24а–45); краткое изложение итогов стало первой публикацией в изданиях ИАК о раскопках на территории Воронежской губ. (Доклад, 1891. С. СССХVI–СССХVIII), а через несколько лет, также в столичном издании, появился подготовленный А.А. Спицыным более полный вариант отчета о проведенных работах, сопровождавшийся схематичным изображением найденных предметов (Раскопки Л.Б. Вейнберга, 1896. С. 187–189). Позже информация еще раз была воспроизведена А.А. Иессеном (1934. С. 98). К сожалению, находки с Тюнинского селища не сохранились, поэтому в настоящее время нет возможности каким-либо образом изменить информационный потенциал проведенных работ. Но поскольку все упомянутые публикации являются библиографической редкостью, позволим себе вкратце еще раз изложить итоги раскопок и воспроизвести сопровождающие их рисунки из отчета Л.Б. Вейнберга.

В подземелье (рис. 4) были обнаружены солдатский тесак и ружейный замок начала XIX в., железный наконечник копья, три полых каменных шара, обломки каменных молотков, кости домашних животных, уголь, обломки глиняных сосудов. В стене – ниша, под которой на полу были найдены угли, кости животных и куски кожи.

Каменная насыпь (высота – до 1 сажени, в основании – 4 аршина, на верхней площадке – 2 аршина в диаметре), состоявшая из круглой кучи известковых плит, которые в процессе работ снимали слоями сверху вниз, была разобрана частично (рис. 5, 3). Под ней обнаружили черепки посуды, а в центре ямы – грибовидную окаменелость.

Первым был раскопан ближайший к западу от пещеры распахиваемый курган (рис. 5, 1). На глубине 4 аршина чернозем сменился глиной, перемешанной с мелким известняковым камнем, на поверхности которой в центре насыпи был обнаружен небольшой глиняный сосуд (рис. 5, 4). Под второй курганной насыпью (рис. 5, 2) зафиксировано два погребения. В юго-восточной полé насыпи на слое утрамбованной глины лежал костяк головой на запад (в его голове находился камень) с вытянутыми руками и приподнятыми коленями общей длиной 2 аршина

7 вершков. В северо-восточной полé насыпи был найден детский череп и вблизи него – кучка малых кремневых наконечников стрел, каменный молоток, окрашенные камешки и какая-то игрушка в виде башмачка. Никаких рисунков, отображающих находки в кургане, в отчете не представлено. Третий из раскопанных курганов имел в высоту не более 0.5 аршина, так как распахивался. На глубине около 2 аршин была обнаружена могильная яма, в юго-восточном углу которой – костяк, лежавший головой на северо-запад на левом боку со скрещенными руками и поджатыми ногами, будто бы гигантского роста. Он лежал на ложе шириной 1.5 аршина и длиной 1 сажень из мелких камней, окруженных каймой из более крупных, имеющем вид корыта толщиной до 4 вершков. Около шеи костяка находились “остатки ожерелья”. Возле лицевой части черепа стоял сосуд грубой работы на особой круглой подставке из мелких камней, на его дне – комок светло-коричневого цвета, может быть, остатки костей; с западной стороны – плитка камня (сланца). Четыре других сосуда, вдвое меньшей величины, стояли на таких же подставках в углах могильной ямы и были заполнены лишь черноземом с жирным блеском. У западной стенки ямы найдено сооружение из камней в виде свода или ниши, в котором на особой подстилке из белых камней были сложены передние ноги и голова быка, обращенная к покойнику (рис. 5, 5).

После завершения первого полевого сезона Л.Б. Вейнберг рассчитывал продолжить раскопки на памятнике. Заканчивая отчет в ИАК, он писал о том, что “селище заслуживает дальнейшего исследования”, и предлагал план последующих работ: изучить “находящийся в северо-восточной части большой курган, почти слитый с двумя маленькими; закончить исследование каменного кургана и пещеры”. Для продолжения работ запрашивалось 250–300 руб. (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 44об.). Ответа из ИАК не последовало. Видимо, нерешенность финансовых вопросов послужила причиной отказа от предполагавшихся работ.

Несмотря на утрату первой коллекции и очень схематичные рисунки, на протяжении последующего столетия ученые неоднократно обращались к материалам Тюнинского селища, давая им разные оценки. Первым из профессиональных археологов свое мнение по их поводу высказал А.А. Спицын (его статья была опубликована в одном издании с материалами раскопок): указав на то, что “курганы Тюнинского селища заслуживают дальнейших раскопок”, он в предварительном плане отнес их, “быть может, к каменному веку” (1896. С. 133, 134).

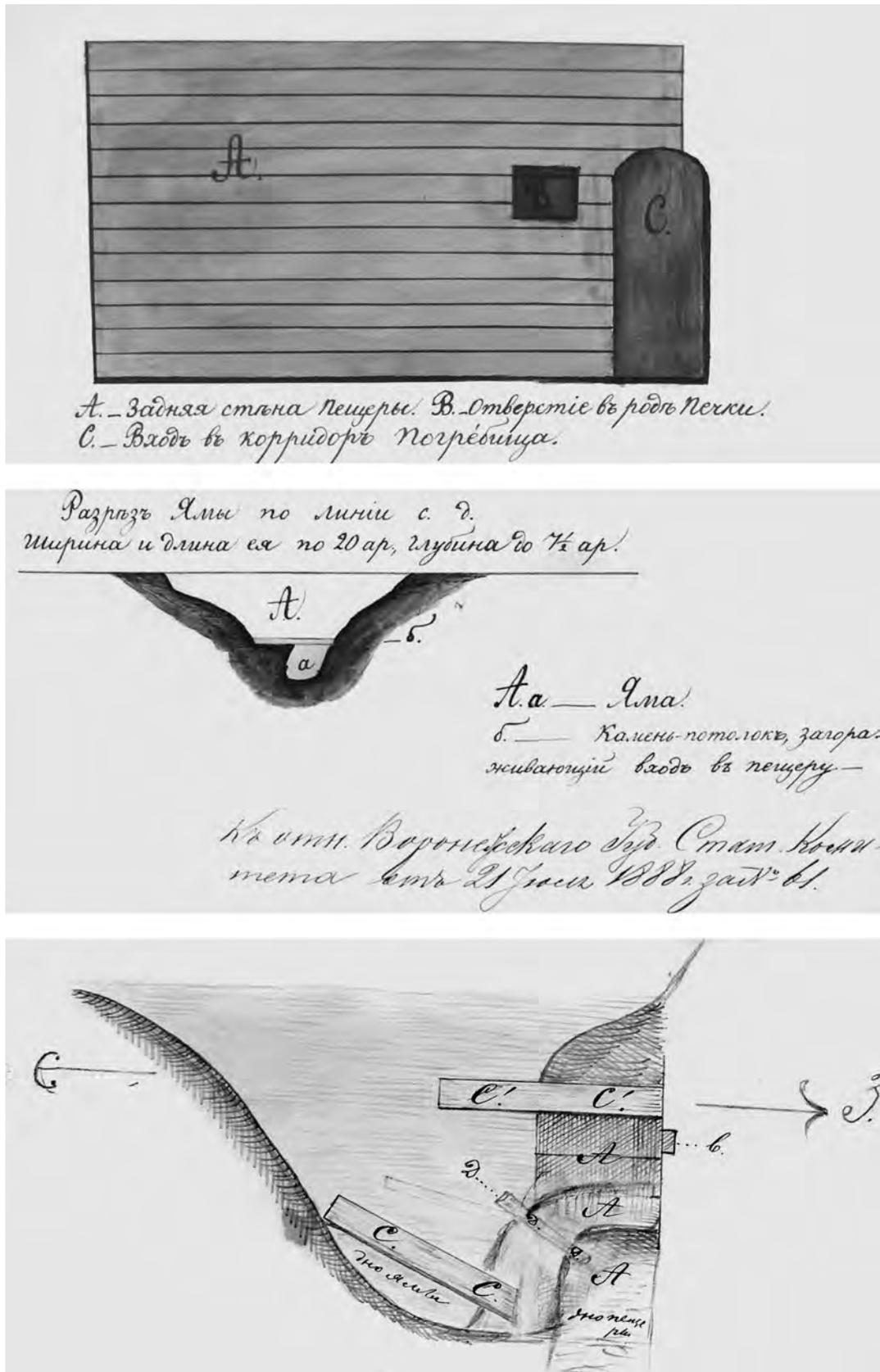


Рис. 4. Рисунки из отчета Л.Б. Вейнберга по результатам его исследований замечательной ямы (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 12, 31об.)

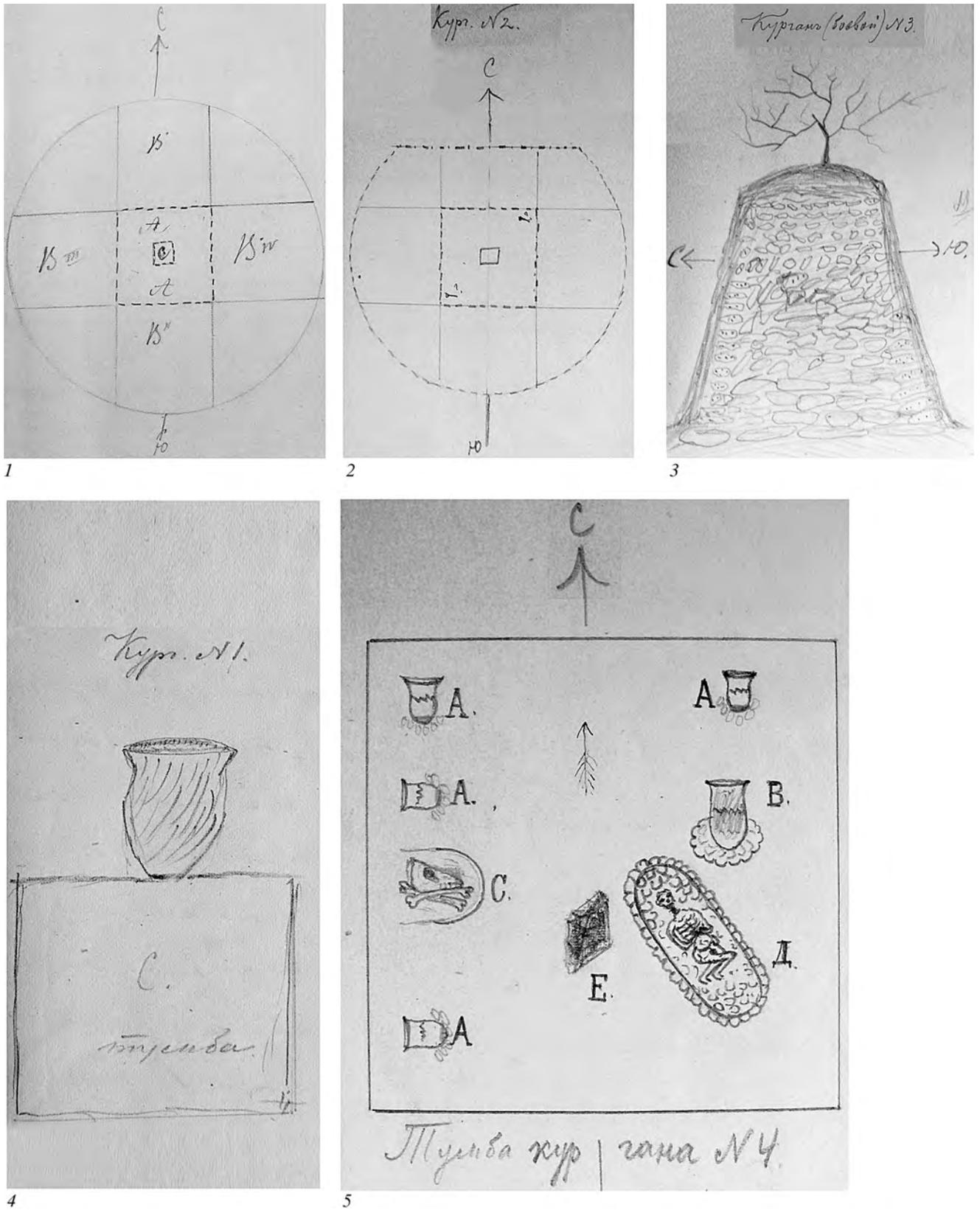


Рис. 5. Рисунки из отчета Л.Б. Вейнберга по результатам его исследований курганов на Тюнинском селище (выполнены карандашом) (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1887 г. Д. 32. Л. 33, 36, 36об., 39, 41об.). 1 – план кургана 1; 2 – план кургана 2; 3 – внешний вид кургана 3; 4 – сосуд из кургана 1; 5 – находки из кургана 4.

Статья А.А. Спицына послужила причиной появления на Тюнинских памятниках в 1910 г. еще одного исследователя – В.Н. Глазова – члена ИРАО, проживавшего на тот момент в Вологодской губ. и исполнявшего там обязанности Председателя Вельского уездного съезда (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 2). В указанной работе его заинтересовал совсем другой памятник – “могильник VIII в. ...на вершине так называемых Дивьих гор” (Спицын, 1896. С. 136)⁵. А.А. Спицын локализовал их “на самом северном конце губернии, около Задонска”, очевидно, перепутав с упоминавшимся Л.Б. Вейнбергом Галичьими горами. В.Н. Глазов, заинтересовавшись этим средневековым памятником, запросил в апреле 1910 г. в ИАК открытый лист на проведение “в течение лета на свои средства археологических изысканий и раскопок в районе Задонского Воронежской губернии уезда по исследованию сармато-аланских древностей” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 2). Как работы А.А. Спицына, посвященные результатам исследований на Дивьих горах (Раскопки А.А. Спицына, 1909. С. 109–111; Спицын, 1909. С. 77–79), так и то, что с 1906 г. по поручению Александра Андреевича там проводились ежегодные раскопки, по-видимому, не было известно В.Н. Глазову.

В последних числах мая 1910 г. он уже находился в Задонском уезде. “К величайшему сожалению, несмотря на опросы крестьян села Тюнина и нескольких старых монахов, никаких сведений о предполагавшемся могильнике собрать не удалось”, и чтобы “такая дальняя поездка не пропала даром”, он решил “попытать счастья в исследовании ближайших Тюнинских курганов” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 4, 4об.).

За время пребывания в Тюнино В.Н. Глазовым было раскопано семь насыпей, из которых две располагались на селище, а остальные – на открытом исследователем могильнике, находившемся в 1.5 км от него. Все находки происходили со второго объекта исследований, на котором мы и сосредоточим свое внимание.

“Узнав от нанятых рабочих, что в дубовом леске-молодняке, видневшемся с поля и принадлежащем монастырю, есть два кургана близ сторожки лесника”, В.Н. Глазов отправился туда и произвел осмотр. “Действительно в роще, близ заросшей дороги имелся довольно массивный курган 2.5 аршин в высоту и более 4 сажень в диаметре”. (Он стал первым из раскопанных В.Н. Глазовым.) Помимо

этого кургана исследователем здесь же, “ближе к ее центру”, было выявлено “еще до десятка⁶ подобных же расплывчатых курганов, но более низких и менее массивных: от 0.5 аршина до целого аршина при диаметрах от 2 до 3 сажень” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 6об.).

Полагая, что “защищенные лесом и близостью монастыря они, быть может, и не все перекопаны кладоискателями”, В.Н. Глазов уже на следующий день приступил к их раскопкам. Всего было вскрыто пять курганов, но только в двух (3 и 5) были обнаружены “остатки погребений и некоторых вещей” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 7–10об.).

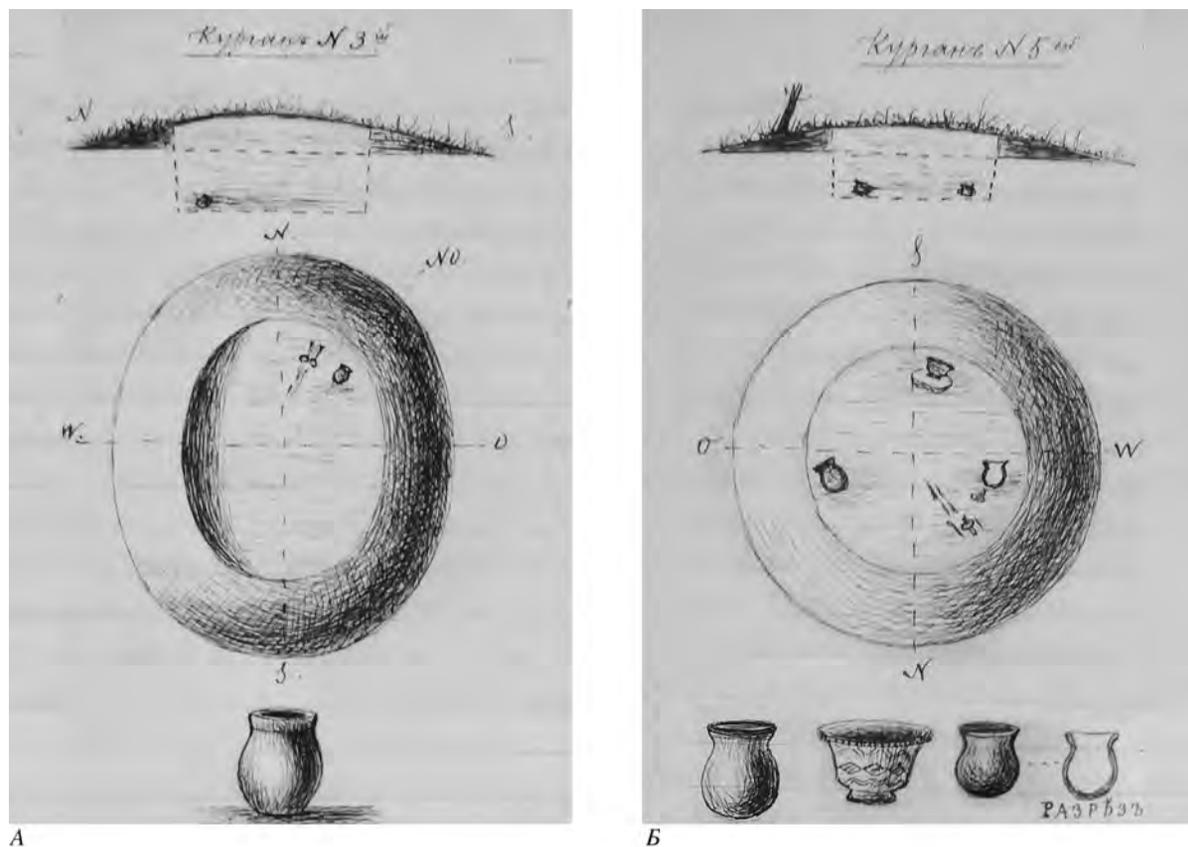
Отчет о проведенных раскопках В.Н. Глазов отправил в адрес ИАК 10 июля 1910 г. (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 4–12об.), сопроводив его рисунками вскрытых курганов и находок из них (рис. 6, А, Б). Первая публикация результатов этих работ была осуществлена спустя 25 лет А.А. Иессеном (1934. С. 96–98), в сжатом виде воспроизведшем содержание указанного архивного документа в сопоставлении с имеющейся в Государственном Эрмитаже (ГЭ) коллекцией. (Это избавляет нас от необходимости повторять описательную часть отчета.) Проведенная нами аналогичная работа позволяет высказать ряд собственных суждений на данный счет.

В настоящее время совсем по-другому выглядит сама коллекция. Это коллекция № 152 Отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ, содержащая 17 единиц хранения, из них 3 – браслеты, остальные 14 – фрагменты керамики (рис. 6, В), среди которых выделяются 4 фрагментированные горшковидные сосуда (3 – неорнаментированные округлобокие, один – орнаментированный остро-реберный). Принадлежность еще трех фрагментов одному или различным сосудам не может быть установлена однозначно.

Из находок, обнаруженных в третьем кургане, в ГЭ хранятся два браслета (рис. 6, В, 7, 8) и три фрагмента горшковидного сосуда (рис. 6, В, 2). Браслеты, один из которых представлен двумя фрагментами, относятся к типу узкожелобчатых. Сохранившийся полностью экземпляр имеет зауженные концы без отверстий. Установить форму концов второго невозможно. Сохранившиеся фрагменты сосуда подтверждают данную В.Н. Глазовым характеристику его технологических особенностей. К сожалению, реконструировать полностью профиль сосуда также не представляется возможным. В отчете написано, что близ горш-

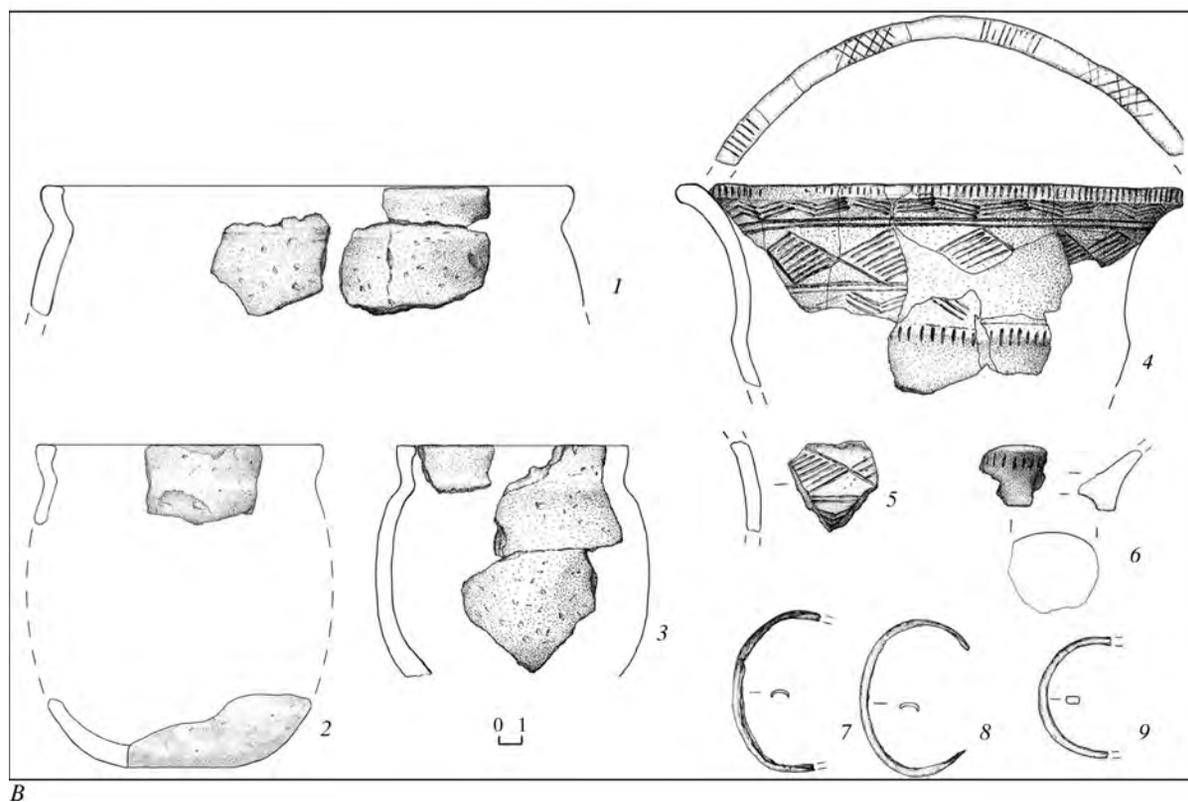
⁵ В данном случае речь идет о ныне широко известном памятнике салтово-маяцкой культуры Маяцком городище, расположенном в Дивногорье на юге Воронежской обл. Ко времени выхода статьи стали известны первые находки с него.

⁶ В результате полевых исследований 2011 г. в центральной группе этого могильника было зафиксировано 15 насыпей.



А

Б



В

Рис. 6. Иллюстрации, сделанные по результатам исследований В.Н. Глазова могильника в дубовой роще у с. Тюнино. А, Б – по данным отчета (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 8, 9, 9об., 10). В – по итогам работы с коллекцией № 152 Отдела археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ.

ка был найден “маленький осколок красноватого кремня” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 8об.). Ныне он утрачен.

Наибольшее число находок содержал последний из раскопанных под руководством В.Н. Глазова курганов (№ 5). Сопоставление данных отчета и сохранившейся в ГЭ керамики выявило существенные несоответствия. В коллекции сохранились фрагмент (склеенный из трех частей) браслета (рис. 6, В, 9) и фрагменты сосудов (рис. 6, В, 3–6). “Сегментобразный кусок желтоватого кремня” ныне утрачен; в публикации А.А. Иессена имеется его фотография (1934. С. 97. Рис. 2, 5), там же указано, что от орнаментированного сосуда в коллекции имеется восемь фрагментов, а от двух других – по одному, при этом опубликовано фото наиболее крупных орнаментированных черепков и прорисовки всех трех сосудов из отчета, а для двух из них – и авторские рисунки профилей (Иессен, 1934. С. 96. Рис. 1, 2–4; С. 98. Рис. 3). Сохранившиеся фрагменты керамики не позволяют безоговорочно согласиться с информацией, содержащейся как в отчете В.Н. Глазова, так и в первой публикации материалов. Это касается как общего количества обнаруженных сосудов, так и их характеристики.

Анализ коллекции (учитывая предшествующую работу реставраторов ГЭ) позволяет констатировать, что фрагменты № 4 и 8 принадлежат одному сосуду, в отчете В.Н. Глазова указанному как “1) глиняная миска (ваза?)”. Уже при обнаружении это были “отдельные крупные черепки, развалившиеся от легкого прикосновения”, но все же автор раскопок смог указать высоту, диаметр “по верхнему краю” и дна миски. Особо он отметил, что “бока ее переходили ко дну крутыми плечиками, под большим тупым углом”. К настоящему времени сохранился в реставрированном виде фрагмент верхней части этого сосуда, соответствующий по венчику примерно его половине, а в месте максимальной высоты охватывающий венчик, шейку, плечико и ребро с незначительным заходом на нижнюю часть тулова. При сопоставлении диаметра сосуда с размером, указанным в отчете, обнаружилось полное соответствие, однако утрата нижней его части, включая дно, не позволяет оценить степень достоверности остальных сведений, приводимых В.Н. Глазовым. Мы можем лишь указать на наличие в коллекции двух фрагментов (№ 16, 17): соответственно дна и придонной части с фрагментом дна и поддоном, которые, однако, нельзя однозначно ни отождествить с данным сосудом, ни признать принадлежащими одному и тому же, но другому сосуду. В коллекции есть фрагмент стенки сосуда № 5, орнаментированный аналогичным образом,

но однозначно соотносить его с описанным выше оснований нет.

В коллекции также хранятся фрагменты еще от двух сосудов из кургана № 5, 6, 12 принадлежат одному, № 7, 10, 11, 14 – другому. Сопоставление сохранившихся фрагментов с характеристикой соответствующих находок в отчете не позволяет их отождествить. На то есть несколько причин: оба они горшковидной формы, примерно одинакового облика, неорнаментированные, к тому же изначально были фрагментированы, так что автор выборочно смог указать их параметры. В частности, ни у одного из этих горшков не указан диаметр венчика, а в настоящее время – это единственная достоверная величина. В связи с этим мы можем лишь констатировать факт наличия двух фрагментированных сосудов без увязки их с конкретными находками В.Н. Глазова.

Происходящий из этого же кургана браслет – фрагментированный, плохой сохранности, относится к категории прутковых.

Прежде чем проследить судьбу материалов, происходящих с тюнинских курганов, после их первой публикации и высказать собственные суждения по их интерпретации, хотелось бы завершить характеристику работ В.Н. Глазова.

Сам автор раскопок оказался неудовлетворенным их результатами. Он писал, что “...потратив много времени над раскопкой двух наиболее массивных курганов, оказавшихся пустыми, я не нашел нужным продолжать раскопки этой группы, не представляющей особого интереса, а только подтверждающей отчасти исследования Вейнберга... Крестьяне указали на подобный же довольно массивный курган (вроде № 1), находившийся на опушке их надельного леска, но..., предвидя подобные же результаты, я ...прекратил работу с грустным сознанием, что и эта поездка моя оказалась почти безрезультатная за отсутствием в Задонском уезде Дивьих гор и предполагавшегося там интересного могильника. Из всего этого только лишний раз можно убедиться, насколько убоги и ненадежны наши статистические сведения о памятниках древности и насколько развито на Руси кладоискательство, сводящее часто на нет все труды археолога!” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 10об., 11об.).

Поскольку полученные материалы лежали вне сферы исследовательских интересов В.Н. Глазова, после написания отчета он не возвращался к их анализу. По его просьбе вещи были переданы на хранение в ИРАО (с 1931 г. – в фондах ГЭ). Обратим внимание на тот факт, что в отчете В.Н. Глазов указал на отличную от предложенной А.А. Спи-

цыным датировку комплексов. По его мнению, “как вскрытые им семь курганов, так и исследованные в 1888 г. г. Вейнбергом Тюнинские курганы, скорее, можно отнести к медному веку, а не к каменному. За это говорят круглодонные горшки и находка медных браслетов при полном отсутствии железа, не встреченного ни в одном из этих курганов” (РА ИИМК. Ф. 1. 1910 г. Д. 68. Л. 10об., 11).

После выделения абашевской культуры тюнинские материалы, благодаря публикации А.А. Иессена (1934), вновь привлекли к себе внимание. Сам исследователь высказывался за одновременность группы курганов в тюнинской дубовой роще и соседней с ней на Тюнинском селище и относил данные памятники “к абашевскому варианту развития родового общества в Восточной Европе во второй половине II тыс. до н.э.”, а обнаруженный здесь инвентарь интерпретировал как аналогичный вещам из Абашева, Чувашской республики, по раскопкам П.П. Ефименко, Галичского клада, Верхне-Кызылского клада на Южном Урале и на Верхнем Тоболе (Иессен, 1934. С. 98–100). Исследователи более восточных территорий, занимающиеся распространением абашевской культуры дальше на восток впоследствии придерживались этой точки зрения и использовали тюнинские древности суммарно как западные (юго-западные) аналогии собственным находкам (Ефименко, Третьяков, 1961. С. 87; Халиков, 1961. С. 225; Сальников, 1967. С. 128).

Археологи, изучавшие памятники в Подонье, предпринимали более детальный и критический анализ этих материалов, особенно во второй половине 1960–1970-х годах – в период активного накопления новых источников по эпохе бронзы региона. Уже в первом монографическом издании, посвященном эпохе бронзы на Среднем Дону, П.Д. Либеров неоднократно обращался к находкам из тюнинских курганов (1964. С. 112, 113, 127, 130, 152, 153), правда, ссылаясь при этом лишь на указанную публикацию А.А. Иессена. Справедливо полагая, что “в связи с недостаточностью материала для датировки памятников абашевской культуры на Среднем Дону, поскольку исследования находятся в начальной стадии, мы вынуждены ограничиться некоторыми сопоставлениями, позволяющими лишь наметить такую датировку”, он тем не менее предполагал, что “наиболее ранними памятниками абашевской культуры на Среднем Дону является керамика, найденная Л.Б. Вейнбергом в 1888 г. и В.Н. Глазовым в 1910 г. у с. Тюнино” (Либеров, 1964. С. 127). Предположение аргументировалось тем, что “круглодонные сосуды этих погребений действительно близки сосудам абашевской культуры Правобережного Поволжья” (Либеров, 1964. С. 127). При этом исследователь считал, что име-

ющийся “оригинальный сосуд типа вазы с поддоном, который не похож на обычную круглодонную керамику, не встречается в керамике Среднего Поволжья, хотя количество исследованных памятников на этой территории настолько значительно, что не идет ни в какое сравнение с исследованными памятниками Среднего Дона”. “Нам кажется, что названный сосуд хронологически является более поздним и потому не может быть исходным для датировки поволжской керамики, а также для вывода абашевской культуры из южных районов, т.е. с территории северных районов ямной культуры” (Либеров, 1964. С. 128).

Более детальный и критический анализ тюнинских материалов был предпринят А.Д. Пряхиным, причем точка зрения исследователя не оставалась неизменной. В 1971 г. он высказался не только за территориальное, но и за хронологическое разделение тюнинских могильников на первый и второй (расположенные соответственно на Тюнинском Селище и в дубовой роще), из которых первый был отнесен автором к древнеямному времени, а второй – к абашевской культуре (Пряхин, 1971. С. 7). Тогда же им была предпринята повторная публикация некоторых материалов из раскопок В.Н. Глазова по итогам работы с коллекцией из ГЭ (Пряхин, 1971. С. 111. Рис. 33). Отмечая, что реконструкции керамики неверны, так как “навешаны формами сосудов из более ранних погребений первого могильника”, А.Д. Пряхин уточнил их профилировку, отрицая возможность реконструкции округлого дна, и высказался за принадлежность фрагмента днища с поддоном сосуду из группы “тиглей на поддоне” (1971. С. 111). При этом он воздержался от определения места этих материалов среди абашевских древностей, поскольку считал, что “предлагать хронологическую шкалу всех или большинства известных абашевских памятников Дона пока преждевременно” (Пряхин, 1971. С. 190). В монографическом же исследовании 1977 г. А.Д. Пряхиным дана иная оценка тюнинским древностям: оба могильника характеризуются как абашевские (с. 3), так же указывается, что “в архиве С.Н. Замятина (архив ЛО ИА АН СССР) есть прорисовка кованого наконечника копья из Тюнино, происходящего из работ Л.Б. Вейнберга” (с. 26). Дополнительно каких-либо суждений о материалах из другого могильника в дубовой роще исследователь не высказывает.

К оценке тюнинских материалов с позиции их культурной принадлежности неоднократно обращался и А.Т. Синюк. Интерпретируя тюнинские сосуды как древнеямные, он в качестве аргументов указывал такие признаки, как круглодонность, вытянутые пропорции, ракушечную примесь в глине, крупную штриховку по поверхности. Каменные

кладки были сопоставлены им с традициями энеолитических племен, оставивших в Надпорожье могильники типа Чаплинского, Никольского и т.п. (Синюк, 1971. С. 202). Эта точка зрения нашла отражение и в монографической работе А.Т. Синюка, где он писал о памятниках как о “весьма спорных, а ввиду отсутствия необходимой документации, не поддающихся восстановлению”, но тем не менее дающих представление о древнем времени на Дону (Синюк, 1996. С. 25).

Работа непосредственно с коллекцией из тюнинских курганов в фондах ГЭ, а также возможность привлечь гораздо более широкий круг источников по сравнению с теми, которыми располагали наши предшественники, позволяет нам вновь обратиться к интерпретации ее материалов.

Горшковидные сосуды из курганов № 3, 5, по нашему мнению, относятся к категории посуды, составляющей по классификации А.Д. Пряхина подтип Пг – “различные по назначению горшки с вертикально расположенным невысоким, часто уплощенным сверху венчиком” (1971. С. 154). Она не получила широкого распространения в доно-волжской абашевской культуре (по подсчетам А.Д. Пряхина составляет 4,6% (учтено 6 экз.) (1977. С. 91. Табл. 1), в других абашевских культурах ее еще меньше (по подсчетам А.Д. Пряхина – 0,4% – в средневолжской, 1,4 – в уральской)).

Детализируя в дальнейшем исходную классификацию при анализе керамической серии Подклетненского могильника, А.Д. Пряхин и В.И. Беседин установили, что существенная разница между горшковидными и колоколовидными сосудами обнаруживается по одному признаку – степени отгиба шейки: у горшковидных сосудов она ближе к вертикальной (2001. С. 20). Они же показали, что эта категория сосудов относится к числу сравнительно поздних для доно-волжской абашевской культуры – “горшковидные сосуды появляются в погребениях III группы, но более характерны для IV” (Пряхин, Беседин, 2001. С. 20). Наибольшее сходство проявляется между горшковидными сосудами из курганов № 3, 5 и сосудами из насыпи кургана № 38 Подклетненского могильника (Пряхин, Беседин, 2001. С. 23. Рис. 5, 19, 20). Дополнительно укажем еще на то, что из погребения 1 кургана № 17 Подклетненского могильника, также относящегося к III обрядовой группе, происходят два браслета “из толстого округлого в сечении прута (Пряхин, Беседин, 2001. С. 23. Рис. 5, 5, 6)”, аналогичные браслету из кургана № 5 Тюнинского могильника. По мнению исследователей, они “связываются с позднеабашевскими древностями Подонья и памятниками так называемого покровского типа в Поволжье” (Пряхин,

Беседин, 2001. С. 27). В целом, именуя III обрядовую группу в Подклетненском могильнике “более поздней”, А.Д. Пряхин и В.И. Беседин пишут о том, что она “соответствует воинским захоронениям абашевского круга Восточной Европы и Зауралья, с которыми синхронизируется считающийся одним из наиболее ранних на Средней Волге Пепкинский курган” (2001. С. 29). К этому можем добавить, что и узкожелобчатые браслеты из кургана № 3 также относятся к категории достаточно поздних абашевских украшений, впоследствии унаследованных носителями срубной культуры.

Прежде чем высказать оценочные суждения в отношении орнаментированного сосуда из кургана № 5, относящегося к категории чаш–мисок (?), еще раз укажем на отсутствие дна, существенно ограничивающее его информативные возможности. Особенности оформления именно нижней части тулова у таких сосудов имеют принципиальный характер. Исходя из этого, можем констатировать, что подобная керамика (с учетом особенностей формы и орнамента) маркирует процесс интенсивных связей между носителями всех трех абашевских культур. В качестве аналогий укажем на сосуды с памятников средневолжской абашевской культуры: 1 Пеленгерского могильника, могильника Виловатово 2 (Большов, 2003. Рис. 9, 2; 32, 3, 4; 56, 3); с памятников уральской абашевской культуры: могильника Нижне-Чуракаево (Сальников, 1967. Рис. 2, 7, 12). Согласно точке зрения воронежских исследователей, неоднократно высказывавшейся в печати, это взаимодействие, фиксирующееся с развитого этапа доно-волжской абашевской культуры, и в дальнейшем имело место и носило “импульсный” характер (Пряхин, Матвеев, 1994. С. 49; Беседин, 1996. С. 11–13).

К настоящему времени нами локализовано местонахождение тюнинских памятников, проведена рекогносцировка их границ, детально обследована дневная поверхность на предмет сохранности всех объектов, выявленных предыдущими исследователями.

Памятники расположены в южной части территории, теперь уже и географами именуемой Монастырским лесом, в пределах Галичьегогорского отрезка р. Дон. В целом Монастырский лес занимает изрезанный балками и сложенный на поверхности зандровыми песками левый коренной долины Дона от с. Кошары до г. Задонска (Задонский р-он Липецкой обл.). Его высота над уровнем реки колеблется на разных участках от 20 до 65 м (Мильков, 1982. С. 13–15; Двуреченский и др., 1982. С. 85).

После сопоставления имеющихся в нашем распоряжении планов местности, выполненных во время работ Л.Б. Вейнберга, и современных географических карт детальному обследованию подвергся участок указанного лесного массива, расположенный севернее Задонска непосредственно за с. Тюнино, включая русло р. Проходня. Его общая протяженность в направлении север–юг составила 2 км, запад–восток – 1,5.

К сожалению, безупречных признаков для локализации замечательной ямы (она же “погребнице”, “пещера”) и “каменных боевых курганов” на Тюнинском селище обнаружить не удалось. Нет видимых следов и отмеченных Л.Б. Вейнбергом “многочисленных” курганных насыпей по левому берегу р. Проходня. Надо полагать, это следствие интенсивного антропогенного воздействия, выразившегося в активной распашке и площадной высадке лесонасаждений.

По правому же берегу р. Проходня обнаружены достаточно хорошо сохранившиеся насыпи 23 курганов (диаметры колеблются от 11 до 28 м, при высоте – до 1,86). При наличии в юго-западной части и в настоящее время расположенной здесь дубовой рощи одиночного кургана (№ 23), остальные образуют три компактные группы (соответственно из 3, 4, 15 насыпей), из которых самая многочисленная – центральная. В ней, в центре пяти курганов (№ 6, 8, 10, 11, 15) имеются следы застарелых раскопов в виде заплывших ям, появление которых мы склонны связывать с работами В.Н. Глазова. Насыпи остальных курганов отчетливо фиксируются, а поверхности их имеют в основном хорошую сохранность благодаря задернованности и нахождению в лесном массиве. Отмеченные обстоятельства открывают перспективы для дальнейшего изучения тюнинских древностей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ “Могильники эпохи бронзы у с. Тюнино на Верхнем Дону: история исследования и современное состояние” № 11-11-48001а/Ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акинъшин А.Н.* Вейнберг Леонид Борисович // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. Воронеж, 2006а.
- Акинъшин А.Н.* Геронтий // Воронежская историко-культурная энциклопедия: персоналии. Воронеж, 2006б.
- Беседин В.И.* Керамика доно-волжской абашевской культуры в системе древностей абашевской общности // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Тамбов, 1996.
- Большов С.В.* Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 2003 (Тр. Марийской археолог. экспедиции; Т. VIII).
- Вейнберг Л.Б.* Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Воронеж, 1891.
- Двуреченский В.Н., Григорьевская А.Я., Дроздов К.А.* По известняковым кручам. Ландшафтные участки Галичьегорского отрезка // Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.
- Доклад о действиях ИАК за 1888 год // Отчет ИАК за 1882–1888 годы. СПб., 1891.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961 (МИА; № 97).
- Иессен А.А.* Раскопки В.Н. Глазова у села Тюнино в 1910 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 6.
- Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.
- Мильков Ф.Н.* Морфология речной долины Верхнего и Среднего Дона // Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.
- Поликарпов Н.* Историческая записка о Воронежском губернском музее (1832–1894 гг.). Воронеж, 1896.
- Пряхин А.Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
- Пряхин А.Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- Пряхин А.Д., Беседин В.И.* К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.* Стратифицированный срубный курган Подгоренского могильника // Тр. Воронежского областн. краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994.
- Раскопки Л.Б. Вейнберга близ гор. Задонска // Зап. ИРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. Нов. сер. СПб., 1896 (Тр. Отделения русской и славянской археологии. Кн. первая; 1895).
- Раскопки А.А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1906 год. СПб., 1909.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Синюк А.Т.* Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Канд. дис. М., 1971.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.
- Спицын А.А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губ. // Зап. ИРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. Нов. сер. СПб., 1896 (Тр. Отделения русской и славянской археологии. Кн. первая; 1895).
- Спицын А.* Историко-археологические разыскания: I. Ископные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Нов. сер. Ч. XIX. СПб., 1909.
- Таинственная пещера // Петербургский листок. № 215. 8 (20) августа 1888 г.
- Халиков А.Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. М., 1961 (МИА; № 97).

GERMANIA–SARMATIA II: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М.Б. Щукина / Ред. О.А. Щеглова, М.М. Казанский, В. Новаковский. Сост. О.А. Радюш, К.Н. Скворцов. Калининград; Курск. Калининградский областной историко-художественный музей, Курский государственный областной музей археологии, 2010. 403 с., ил.

Сборник “Germania–Sarmatia” посвящен археологии европейского Барбарикума от позднелатенского времени до ранней фазы эпохи Великого переселения народов. Как известно, римляне делили “варварские” территории Европы на два больших региона: Germania, к западу от Вислы, где доминировали оседлые народы, и Sarmatia, к востоку от Вислы, куда входила не только кочевая понто-каспийская степь, но и все территории Восточной Европы. Надо отметить, что на сегодняшний день сборник “Germania–Sarmatia” – единственное продолжающееся русскоязычное издание, полностью посвященное проблемам “варварской” археологии. Поэтому представляется логичным, что данный выпуск посвящен памяти выдающегося русского археолога–“варвариста” Марка Борисовича Щукина.

Сборник состоит из 20 статей, написанных археологами России, Украины, Польши, Германии и Литвы. Открывается Введением – словом о М.Б. Щукине, написанном В. Новаковским, одним из ведущих польских специалистов по варварской археологии, и Предисловием О.В. Шарова и М.М. Казанского – двух наиболее успешных исследователей “щукинской” школы, и не случайно, что при их участии Марк Борисович опубликовал две коллективные монографии (Мыц и др., 2006; Shchukin et al., 2006).

Статьи сборника “Germania–Sarmatia” могут быть разделены на четыре тематических блока: археология германцев и других оседлых варваров Центральной и юга Восточной Европы, археология западных балтов, межрегиональные и внешние контакты европейского Барбарикума римского времени, вооружение и военное дело варваров и римлян.

Статья М.Б. Щукина (с. 15–30) о ранних вандалах открывает первый блок. Она представляет собой перевод доклада, прочитанного на английском языке в 2002 г. в Республике Сан-Марино на Международном круглом столе, посвященном вандалам. В работе М.Б. Щукин подчеркивает роль носителей пшеворской культуры, которых он для позднеримского времени идентифицирует с вандалами, в миграциях германских племен на территорию современной Западной Украины. Также рассмотрен вклад вандалов в формирование военно-политических структур варваров III–IV вв. Особый интерес представляет идея М.Б. Щукина о вандалах как о передаточном звене кельтских военных традиций позднелатенского времени. Как участница этого мероприятия могу засвидетельствовать большой интерес, проявленный со стороны западных коллег к докладу Марка Борисовича, сопровождавшемуся долгой конструктивной дискуссией. Хочется отметить высокое качество перевода, выполненного О.А. Радюшем, а также сделанный им же удачный подбор иллюстраций, аналогичных тем, которые М.Б. Щукин продемонстрировал в Сан-Марино.

Работа В. Новаковского (с. 33–42) посвящена проблеме присутствия славян на Одере и Висле в римское время и в эпоху Великого переселения народов. Этот некогда “большой”

вопрос польской исторической школы автор рассматривает с привлечением как археологических, так и письменных источников, прежде всего “Германий” Тацита и “Географии” Птолемея. Очень интересно замечание автора о специфике античных источников: информаторами о варварах в большинстве случаев выступали купцы, шпионы и пр. – чаще всего жители слабо романизированных пограничных провинций с довольно низким уровнем образования, подчас плохо знавшие латынь и греческий, отсюда и возможное значительное искажение передаваемой ими информации. В. Новаковский рассматривает географическую локализацию народов, упомянутых у Тацита и Птолемея, при этом констатирует, что как по Тациту, так и по Птолемею в бассейне Вислы и Одера можно локализовать народ – лугии, а нижнее течение Вислы занимают готы. Места для славян или для их прямых предков там не остается. Что же касается венедов, считающихся историческими предками славян, то они, как справедливо отмечает В. Новаковский, могли представлять огромный конгломерат народов, не обязательно только славянских.

Касается В. Новаковский и вопроса об антах. Следует при этом отметить, что сомнения автора относительно славянства антов необоснованы. В. Новаковский опирается на тексты о войнах готов с антами (Иордан, *Getica*, 246, 247) и аланами (Аммиан Марцеллин, XXXI. 3.3), при этом он считает, что оба источника описывают одно и то же событие, следовательно, противники готов – анты и аланы – один и тот же народ. Между тем Аммиан Марцеллин говорит о моменте первого появления гуннов в понтийских степях: “...гунны, пройдя через землю аланов, ...присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха... Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва все более усиливала ужас надвинувшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью. Витимир, избранный после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам... Но после многих понесенных им поражений он пал в битве...” (Аммиан Марцеллин, XXXI. 3.1–3). У Иордана же описаны последующие события, когда остроготы уже какое-то время находились под властью гуннов: “...Амал Винитарий... с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов...” (Иордан, *Getica*, 245, 246). Иными словами, гото-аланская война явно предшествует гото-антской. Но в целом точка зрения В. Новаковского на венедов как политический феномен представляется вполне справедливой, как и его заключение о том, что славян в римское время в вислодерском бассейне не было.

Новый и исключительно важный материал опубликован в статье Р.В. Терпиловского и Л.И. Билинского (с. 45–55). Это по-

гребение воина, обнаруженное на р. Сейм между с. Мутин и Камень в Сумской обл. Оно справедливо отнесено авторами к финалу предримского времени (конец фазы А3) или к периоду предримского/началу римского времени (А3/В1), т.е. к рубежу н.э. и определено как германское, связанное с традициями ясторфской и пшеворской культур. К этой же традиции и к тому же времени, как показали авторы, принадлежит и известное погребение из Пересыпок, обычно определявшееся как вельбаркское. Оно, кстати, как и Мутин расположено в районе современного Путивля. В целом авторы относят эти два погребения, кремации из Пересыпок и Мутина, к позднелатенской группе памятников типа Харьевка, отличительная особенность которых – наличие выраженных ясторфских и пшеворских черт. Заключение, к которому приходят авторы, крайне интересно и значимо, так как меняет уже сложившиеся представления о миграциях германцев на территорию Восточной Европы.

Статья О.В. Петраускаса и Е.В. Сеницы (с. 113–132) посвящена щитковым фибулам черняховской культуры группы VI по типологии О. Альмгрена или группы 20 по А.К. Амброзу. Для территории черняховской культуры авторами учтено 32 экз. таких фибул, представленных в приложении к статье. Рассмотрены их морфологические и конструктивные особенности, территория распространения (лесостепная часть черняховской зоны), датировка (конец фазы С2 и в основном фазы С3 по хронологии европейского Барбарикума, т.е. 300–370 гг.), намечены генезис и развитие. Авторы осторожно предполагают, что щитковые фибулы являются одним из германских маркеров черняховской культуры. По мнению О.В. Петраускаса и Е.В. Сеницы, застёжки этого типа могли быть признаком определенного социального статуса их владельцев. В целом выводы авторов представляются обоснованными, хотя подчеркиваемая ими типологическая связь между щитковыми и двупластинчатыми фибулами нуждается в дополнительной аргументации. Действительно, скандинавские (Орслев, Сандерумгорд, Шерринген и др.) и центральноевропейские (Закшув, Страже) материалы позднеримского времени позволяют наметить особую линию эволюции двупластинчатых фибул на базе исходных “княжеских” прототипов Северной Европы (Магомедов, 2001. С. 68; Mastykova, 2007. Р. 209). Представляется, что речь может идти о параллельных линиях развития двух различных групп фибул – щитковых и двупластинчатых, причем граница между ними будет довольно размытой.

В статье М.В. Любичева (с. 149–177) рассматриваются памятники так называемого горизонта Боромля (Боромля, Букреевка 2, Головино 1, Войтенки 1 и т.д.). Они получили неоднозначную трактовку в варварской археологии. М.В. Щукин видел в населении горизонта Боромля скорее носителей вельбаркских/пшеворских традиций (2005. С. 51). М.В. Любичев считает, что эти памятники, относящиеся к фазам С1в–С2 (середины III – начала IV в.), надо выделить в отдельный “праславянский” горизонт Боромля, который предшествовал появлению “классической” черняховской культуры к востоку от Днепра, на стыке фаз С2 и С3, т.е. около 300 г. Этот горизонт сопоставим с киевской культурой Среднего Поднепровья и Подесенья, памятниками верхнеднепровского варианта черняховской культуры (или типа Демьянов-Черепин) и памятниками типа Каширки-Седелок на Дону. Все вместе они образуют “праславянскую” культурную провинцию позднеримского времени. По мнению М.В. Любичева, население, соотносимое с горизонтом Боромля, продвинулось в Днепровское лесостепное Левобережье из Верхнего Поднепровья. Подтверждение этому автор видит в распространении фибул типа Альмгрен VII с высоким приемником иглы.

Точка зрения М.В. Любичева уже стала предметом дискуссии, в частности с А.М. Обломским (2009), и, надо полагать,

обсуждение этой темы будет продолжено. Мне же хочется ограничиться двумя замечаниями методического порядка. Во-первых, известное уравнение Г. Коссинны “археологическая культура = этнос”, используемое М.В. Любичевым и его оппонентами, не универсально: иногда оно оказывается справедливым, а иногда – нет. Во-вторых, мне представляется неправомерным в археологической номенклатуре (археологические группы, культуры, провинции) использовать такие этнические или лингвистические понятия, как “славяне”, “венеды”. Археология – наука, изучающая культурогенез, а не этногенез, – без широкого и квалифицированного привлечения данных внешних источников, прежде всего письменных, на мой взгляд, не в состоянии самостоятельно решать вопросы этнической истории.

Две очень интересные публикации этого же блока посвящены введению в научный оборот нового черняховского материала.

Одна из них – статья О.А. Радюша – об исследовании поселения Пены в Курском Посеймье (с. 179–213), в которой автор детально характеризует исследованный им памятник (поселение и связанный с ним могильник), приводит подробное описание найденных объектов и вещевого инвентаря. Некоторую путаницу вносят отсылки на хронологию Е.Л. Гороховского, опубликованную лишь в тезисной, декларативной форме и поэтому недоступную для проверки специалистами. Например, непонятно, каким образом Е.Л. Гороховский, а вслед за ним и О.А. Радюш делят фазу С3 (т.е. 300/320–350/370 гг.) хронологии европейского Барбарикума на ранний и поздний этапы. До сих пор это никому не удалось сделать. Само существование отдельной фазы С3 для черняховской и вельбаркской культур в свое время даже отрицалось некоторыми исследователями, например К. Годловским.

Общая датировка памятника, предложенная О.А. Радюшем, – от второй половины III – рубежа III/IV (фаза С2) до конца IV в. (фаза D1), когда поселение прекращает функционировать. Отмечу лишь, что маркирующие предметы фазы D1 на поселении отсутствуют, а опубликованные находки в целом вполне укладываются в хронологические рамки фаз С2 и С3. О.А. Радюш справедливо относит исследованный им памятник к черняховскому кругу древностей, хотя и подчеркивает присутствие в лепной керамике инокультурных элементов, связанных с киевской культурой.

Другая статья Ю.Ю. Башкатова (с. 215–239), вводит в научный оборот новые черняховские материалы, на этот раз из южной части Днепровского лесостепного Левобережья близ устья р. Псел. Это поселения Барбара I и Дмитровка III, детальная публикация которых и составляет основу работы.

Первое из них, Барбара I, по находкам бус и керамическим импортам автор относит, со ссылками на работы О.В. Гопкало и С.В. Диденко, ко второй половине III – первой четверти IV в., т.е. к фазе С2. Хочу заметить, что стеклянные полиэдрические и сердоликовые призматические со срезанными углами бусы вполне могут принадлежать и фазе С3, т.е. 300/320–350/370 гг. (Ivanišević et al., 2006. Р. 67–69. Fig. 66, 28, 29; Р. 82. Fig. 67, 65; Мастыкова, 2009. С. 101, 102. Рис. 114, 14–16). По Ю.Ю. Башкатову, здесь фиксируется присутствие двух групп разнокультурного населения – германской и позднескифо-сарматской традиций.

На поселении Дмитровка III автор выделяет два культурно-хронологических горизонта: ранний, горизонт 2, возможно, первой половины IV в. с керамикой южной (позднескифо-сарматской) традиции и более поздний, горизонт 1, видимо, гуннского времени, последняя четверть IV – первая половина V в. (найденны характерные трехлопастная “гун-

нская” стрела и фрагмент зеркала типа Карповка-Анке 4). По мнению автора, черняховское население, оставившее поселение Барбара I и Дмитровка III (горизонт 1), было по составу полиэтничным.

Исследование Д.В. Акимова об автохтонном населении донской лесостепи в эпоху Великого переселения народов (с. 241–251) замыкает первый тематический блок. Автор отмечает, что на сегодняшний день существуют две точки зрения на историю заселения бассейна Верхнего Дона римского времени и эпохи переселения народов. Согласно А.М. Обломскому, после середины III в. сарматское и местное оседлое население покинуло Верхнее Подонье, но практически в это же время на эту территорию приходят переселенцы, оставившие здесь так называемые памятники типа Каширки-Седелок. А уже в эпоху переселения народов имеет место следующая миграционная волна, соотносимая с памятниками типа Чертовичское-Замятино.

По мнению же А.П. Медведева и Д.В. Акимова, оседлое местное население, проживавшее здесь еще в первые века н.э., остается в регионе и продолжает существовать на этой территории и в эпоху Великого переселения народов. В качестве обоснования этой точки зрения автором приводятся находки датирующих вещей позднеримского времени. Однако надо отметить, что интерпретация некоторых предметов дискусионна. Так, по фрагменту металлического зеркала с городища Иштутино трудно судить, имело оно центральную петлю, типичную для изделий второй половины III – VII в., или все же у него было боковое ушко, характерное для более ранних зеркал, причем последние могут “доживать” до начала гуннского времени (см. Kazanski, 1993. P. 176). Кстати, рельефный декор на зеркале с городища Иштутино, как мне кажется, все-таки более типичен для зеркал с боковым ушком. Но в целом автору удалось выявить ряд хронологически показательных находок, свидетельствующих о сохранении на Верхнем Дону автохтонного населения вплоть до V в. По мнению Д.В. Акимова, оседлое местное население и появившиеся здесь в позднеримское время мигранты с других территорий занимали две разные географические зоны: первые – в основном к востоку, а вторые – к западу от Дона.

Меньший по количеству, но очень компактный по содержанию блок статей, посвящен западнобалтским древностям на территории бывшей Восточной Пруссии.

Это в первую очередь статья К.Н. Скворцова и Т. Ибсена о подкурганном захоронении “всадника” конца II в. (период B2/C1, т.е. 160/180–200 гг.) на могильнике Березовка/Гросс Оттенхаген (с. 253–274). Авторами рассматривается погребение 114 – частично разрушенный погребальный комплекс с кремацией “всадника”, сопровождавшийся женским и парным конским захоронениями. По размеру погребального сооружения, инвентарю, некоторым элементам обряда эта могила выделяется из общего числа “всаднических” захоронений самбийско-натарангской культуры раннеримского времени и, по всей видимости, принадлежит человеку с особым социальным статусом. Правда, трудно согласиться с мнением авторов, что присутствие парных фибул во второй кремации свидетельствует о женской атрибуции этого захоронения. Наличие парных фибул, как показали последние исследования кремированных костных материалов М.В. Добровольской, в равной степени характерно как для мужских, так и для женских захоронений самбийско-натарангской культуры. Антропологическая экспертиза кальцинированных останков из погребения 114 не проводилась, по крайней мере в статье об этом ничего не сказано. В этом случае заключение К.Н. Скворцова и Т. Ибсена о принадлежности этих останков девушке-подростку неправомерно.

Как отмечают авторы, погребения с невысокими насыпями и каменными кладками распространены как у западных балтов, так и на соседних германских территориях. Можно, правда, спорить о том, являются ли данные погребения самбийско-натарангской культуры действительно курганными, поскольку на сегодняшний день насыпи на них практически отсутствуют. Также спорным является вопрос об истоках погребений с каменными кладками. Некоторые исследователи, в частности В.И. Кулаков (его работы процитированы в рецензируемой статье), считают, что такие погребения с каменными конструкциями отражают германское влияние на балтов.

По мнению К.Н. Скворцова и Т. Ибсена, в материалах погребения 114 прослеживается скорее пшеворское влияние, хотя конкретных параллелей они не указывают, упоминается лишь обычное для пшеворской культуры наличие предметов вооружения. Впрочем, как подчеркивают сами авторы, присутствие оружия в погребениях характерно и для скандинавов. Что же касается появления в самбийско-натарангской культуре обряда захоронения “всадника” с конем, то приводится общепринятая ныне точка зрения: появление этого обычая связано с германосарматскими контактами в ходе Маркоманнских войн. В заключение К.Н. Скворцов и Т. Ибсен приходят к справедливому выводу, что рассматриваемое погребение сочетает черты как самбийско-натарангской культуры раннеримского времени, так и аллохтонные элементы и его следует изучать в сложном контексте взаимоотношений различных варварских этнокультурных групп центральноевропейского и циркумбалтийского Барбарикума.

В работе О.А. Хомяковой рассмотрена одна из категорий вещевого инвентаря самбийско-натарангской культуры – пластинчатые браслеты (с. 277–291). Ранее они специально не изучались, поэтому такое исследование представляется очень своевременным. Семнадцать экземпляров таких браслетов были разделены на 3 типологических варианта, по совстречаемости с другими вещами в закрытых комплексах установлена их дата: периоды B2/C1–C2 хронологии европейского Барбарикума (т.е. 160/180–300/320 гг.), хотя, по мнению автора, более всего они характерны для периодов C1b–C2 (220/230–300/320 гг.). Среди возможных прототипов этого типа украшений О.А. Хомякова называет вельбаркские змеевидные браслеты. Мелкое замечание – автор упоминает умбоны типа Цилинг D1/“Конин”, цитируя известную работу Н. Цилинга, где типы умбонов и рукоятей щитов имеют цифровую и литературную нomenclатуру, но забывает назвать исследование М.Б. Щукина, в котором они и получили свое название “Конин” (Šćukin, 1993. P. 323–333; Щукин, 2011. С. 167–178).

Е.А. Калашников в своей статье представляет вновь выявленные могильники позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов на территории Надровии и Самбии (с. 293–306). Это некрополи Черняховск/Альтхоф-Инстербург и Коврово/Наутцау, раскапывавшиеся еще в довоенное время, но с тех пор исследованиям не подвергавшиеся. Рассматриваемый Е.А. Калашниковым материал в целом укладывается в рамки III–V вв., однако некоторые датировки, предложенные автором, кажутся спорными. Так, янтарные грибовидные бусы-подвески, подобные найденной в погребении 1 могильника Черняховск/Альтхоф-Инстербург, широко распространявшиеся в позднеримское время от Абхазии до Галлии, датируются не только III в., но доживают и до первой половины V (см. подробнее Мастыкова, 1999. С. 171–202). Что же касается подвязной арбалетной фибулы типа Альмгрен 161, происходящей из погребения 1 того же памятника, то, как установлено еще А.К. Амброзом, также существуют не только в III в., но и в IV в., по крайней мере в его первой половине (застежки типа 16-2-I-2; см. Амброз, 1966. С. 63, 64).

Удивляет и дата погребения 3 на могильнике Коврово/Наутцау, оно отнесено к первой четверти V в. Однако ни обнаруженный в этом комплексе материал, ни общее состояние хронологии древностей эпохи Великого переселения народов не дают оснований для столь точной датировки. Тем не менее статья Е.А. Калашникова является крайне полезной, поскольку в ней квалифицированно представлен новый, ранее не известный материал.

Следующий блок, состоящий из четырех статей, посвящен межрегиональным контактам европейского Барбарикума. В двух статьях рассматривается материал античного происхождения, в двух других освящены “внутренние” связи Германии – Сарматии.

В статье О.В. Гопкало и В.С. Тылищак подробно публикуются римские импортные изделия из черняховского некрополя Чернелив-Русский (Западная Подолия, Украина) (с. 79–95). Среди них, в частности, имеются редкие для черняховской культуры римские бронзовые сосуды, детали римского воинского снаряжения, фрагменты доспехов, уникальные виды украшений – бронзовый браслет с листовидными подвесками, металлическая цепь с нанизанными стеклянными бусинами и т.д. Введение этого весьма значимого материала в научный оборот, его подробный анализ и подбор параллелей – несомненная заслуга авторов. Остается лишь пожелать скорейшего полного издания материалов этого некрополя.

Г.В. Бейдин и К.В. Мызгин разбирают находки боспорских монет в черняховском ареале (с. 135–146). Это сравнительно новый вид источников, поскольку еще в 1980-е годы монеты Боспорского царства на черняховской территории были абсолютно не известны, в то время как сейчас авторы располагают сведениями о 22 находках. Большая их часть происходит с восточной окраины черняховской культуры, из лесостепи между Пслем и Северским Донцом. Вряд ли, как полагают Г.В. Бейдин и К.В. Мызгин, все эти монеты попали к черняховцам в результате Готских войн на Черном море, так как значительная их часть датируется более поздним временем. Иными словами, боспорские монеты поступали к варварам не только в качестве военных трофеев, но и в результате торговых контактов с Северным Причерноморьем. Неясной, по мнению авторов, остается и культурная принадлежность самих варваров, поскольку атрибуция памятников Днепровского Левобережья III в. остается предметом дискуссии (см. выше о статье М.В. Любичева).

В работе А.А. Васильева рассматриваются изделия римского времени, имеющие фасетчатый или ячеистый декор: удила из кочевнических погребений Кишпек и Экажево на Северном Кавказе и пряжка поясной гарнитуры из “княжеского” погребения Варпелев в Дании (с. 97–111). Эти памятники могут быть датированы в пределах поздней фазы периода C2, т.е. концом III – началом IV в. Выявление группы изделий с фасетчатым или ячеистым декором – наиболее сильный момент этого интересного исследования. Статья содержит детальный анализ уздечных гарнитур поздних сармат, пряжек позднеримского времени, а также крайне любопытные замечания по хронологии позднеримского времени в Барбарикуме.

По мнению А.А. Васильева, характер декора на вещах из Кишпека, Экажево и Варпелев свидетельствует о прямых контактах между Скандинавией и понто-кавказским регионом. Такая интерпретация, а также отнесение предметов с фасетчатым/ячеистым декором к изделиям варварских ремесленников уже вызывали возражения. Большинство специалистов все же определяют поясную гарнитуру из Варпелев как позднеримскую продукцию, а появление одинакового декора на датских и северокавказских вещах может быть связано не столько с кон-

тактами внутри Барбарикума, сколько с общим для обоих регионов воздействием римских художественных традиций (см. подробнее Kazanski, 2011. P. 91–101).

В своей статье А.А. Васильев ссылается на так называемый Корпус случайных археологических находок (с. 101), практически полностью посвященный изданию грабительских находок из частных коллекций. Цитирование такого рода “литературы” недопустимо, так как по сути – это пропаганда публикаций незаконно добытого археологического материала.

В статье С.В. Воронятова и Д.А. Мачинского речь идет о германских копьях с сарматскими тамгами (с. 57–77). Известно, что они появляются в период B2 (70–170 гг.), основная часть находок принадлежит периоду C1a (160/180–210/230 гг.). Их распространение отражает германо-сарматские военные контакты. Тамги на копьях, несомненно, имели магическое значение и в частности обеспечивали воинскую удачу (см. подробнее Šćukin, 1993. P. 325, 326; Щукин, 2005. С. 66, 67; Shchukin et al., 2006. P. 19; Щукин, 2011. С. 172, 174). По мнению авторов статьи, сарматские тамги распространяются у германцев как “трофейные знаки”, присвоенные готами после победы над сарматами-спалами (Иордан, *Getica*, 28). Возникает вопрос: почему копья с тамгами слабо представлены в ареале вельбаркской и черняховской культур, соотносимых с готами (две находки), зато хорошо известны у германцев пшеворской культуры, Нижнего Одера и Скандинавии (11 находок), не имевших никакого отношения к победам готов? Более логичным кажется предположение М.Б. Щукина о том, что германцы заимствовали сарматский престижный знак своих союзников в эпоху Маркоманнских войн. Когда же сарматы (спалы) были побиты готами, знаки потеряли свою магическую силу и вышли из моды (Šćukin, 1993. P. 326; Щукин, 2011. С. 174).

Авторы полагают, что готы, придя в Восточную Европу, закрепились на Волыни и отождествляют эту территорию со страной Ойум готских легенд (Иордан, *Getica*, 28). Однако точка зрения М.Б. Щукина, локализовавшего Ойум в северопричерноморской степи и лесостепи, явно предпочтительнее (2005. С. 149. Рис. 52; Shchukin et al., 2006. P. 20, 35). Действительно, придя в Ойум, готы “без замедления” вступили в войну со спалами (Иордан, *Getica*, 28). Последние давно идентифицированы как сарматское племя *Spalaei – Palaei*, локализованное Плинием на Дону (Pline, *Hist. Nat.* VI. 22). Находясь на Волыни, воевать с донскими народами затруднительно, поэтому С.В. Воронятов и Д.А. Мачинский выдвигают дополнительную гипотезу о переселении спалеев куда-то на запад, ближе к готам. Однако какие-либо упоминания о спалах-спалеях к западу от Дона, подтверждающие такое предположение, отсутствуют. По логике рассказа Иордана, в “крайнюю часть Скифии, соседящую с Понтийским морем” (Иордан, *Getica*, 28), у Меотиды (Иордан, *Getica*, 39), готы переселяются после битвы со спалами (Шаров, 2010. С. 257). Но и в этом случае готский Ойум может быть локализован где-то в украинской лесостепи, не исключая и территории к востоку от Днепра, или в днепровской степи, откуда легко было атаковать донских сармат. Что касается Днепровского Левобережья, то здесь уже в период C1b, т.е. во второй трети III в. появляются памятники с вельбаркской керамикой, например Головно-1 (Обломский, 2002. С. 56–58; 2009. С. 267, 273), а военное проникновение готов в направлении Дона и Азовского моря (см., например, Васильев, 2005; Шаров, 2010), скорее всего, должно было предшествовать стабильному расселению носителей вельбаркских культурных элементов.

Очень важный блок статей посвящен “военной” археологии и истории военного дела у варваров. Сюда относится работа Г.А. Вознесенской и М.Е. Левады, посвященная металлографическим исследованиям оружия из пшеворского могильника

в Гаче (с. 309–317). Авторам удалось идентифицировать предметы вооружения – три меча и шесть наконечников копий, до этого считавшиеся “беспаспортными”, провести их исследование. В статье содержится подробный анализ этих находок: морфологическая, технологическая и типологическая характеристики, локализация, датировка. В целом это оружие по типологическим признакам может быть отнесено к периодам B2–B2/C1–C1a, т.е. к интервалу от конца I до первой половины III в. Введение в научный оборот этого хоть и небольшого, но тем не менее крайне содержательного материала – несомненная заслуга авторов; остается присоединиться к их пожеланию о полном издании материалов могильника Гач.

В обстоятельной статье И.Р. Ахмедова рассматриваются одноплезийные мечи/скрамасаксы из Никитинского могильника на Оке (с. 319–341). Это очень важная категория находок, фиксирующая военные контакты финно-угорского населения Оки. Автор приводит полную сводку скрамасаксов на памятниках культуры рязано-окских могильников, подробно публикует материал из наиболее показательных погребений. Дается хронология этих предметов, показано их место в общем контексте истории вооружения варваров Восточной и Центральной Европы в конце античности и начале средневековья. И.Р. Ахмедов приходит к обоснованному заключению, что скрамасаксы как элемент интернациональной “воинской” культуры эпохи переселения народов появились у населения рязано-окской культуры в гуннское время. Возможно, появление этого клинкового оружия отражает включение местных финнов в военно-политическую орбиту гуннской “державы” и их связи с населением более южных областей, например Верхнего Дона. В постгуннское время, в результате новых культурных импульсов, исходящих с запада и юга, одноплезийные короткие мечи становятся стандартной категорией воинской экипировки финнов рязано-окской культуры.

Статья А.Е. Негина о позднеимских шлемах с продольным гребнем (с. 343–357) уводит нас далеко за пределы восточноевропейского Барбарикума. Автор обоснованно полагает, что для изучения этой категории находок следует привлечь сведения о защитном вооружении Востока, так как римские двучастные шлемы с гребнем являются продуктом синтеза разных оружейных традиций. В работе представлена практически полная подборка позднеимских двучастных шлемов с гребнем, к которой, видимо, стоит добавить только что опубликованную находку из Яруга в Сербском Подунавье (Dautova-Ruševljan, Vujović, 2011). Автор предлагает схему эволюции шлемов: по его мнению, они появляются в римской армии в третьей четверти III в., когда создавались новые части тяжелой кавалерии по сасанидскому образцу. А.Е. Негин не исключает, что широкое распространение этих шлемов в Империи связано с военными реформами Диоклетиана, когда были созданы централизованные оружейные фабрики.

Работа А.К. Нефедкина основывается прежде всего на письменных, а не на археологических источниках (с. 359–368). В ней идет речь о военной организации Итало-Остроготского королевства в конце V – середине VI в. Рассматриваются военно-административная система королевства, организация придворных воинских частей, общая структура войска, воинские титулы и звания, мобилизационные мероприятия (королевские смотры), система вознаграждений. Специально подчеркивается роль римского военного наследия, усвоенного готами. Статья представляет большой интерес не только для историков текстов, но более всего для археологов, не всегда, к сожалению, в достаточной степени владеющих письменными источниками.

Завершают сборник очень интересные мемуары П. Куликаускаса о его пребывании в Кенигсбергском университете в

1938–1940 гг. (с. 371–386). Они хорошо передают атмосферу предвоенной немецкой и прибалтийской археологии. Многие впечатления автора знакомы археологам, работавшим в Германии уже в наши дни, например, неприятное открытие, что усвоенный школьно-университетский немецкий язык недостаточен для углубленной работы на немецких семинарах и в библиотеках. Также неизменным осталось и доброжелательное отношение немецких коллег к иностранцам, приезжающим на учебу или стажировку.

Подводя итог хочется пожелать составителям и редакторам сборника более строго относиться к публикуемым работам. Однако сделанные замечания несколько не умаляют научной ценности рецензируемого издания. Его выход – важное событие в варварской археологии. Введенные в научный оборот материалы позволяют взглянуть на проблемы изучения древностей римского времени и эпохи Великого переселения народов с точки зрения общеевропейских исторических процессов, где, по сути, не было четкой границы между Германией и Сарматией. Будем надеяться, что издание получит успешное продолжение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1966 (САИ; Д 1-30)
- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 2000.
- Васильев А.А.* О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.
- Йордан.* О происхождении и деяниях гетов. “Getica” / Лат. текст, пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. СПб., 2001.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
- Мастыкова А.В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеимского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.
- Мастыкова А.В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М., 2009.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., 2006.
- Обломский А.М.* Днепровское лесостепное Левобережье в позднеимском и гуннское время (середины III – первая половина V в. н.э.). М., 2002.
- Обломский А.М.* О времени и характере распространения черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья (наши разногласия) // Ostrogothica. Харьков, 2009.
- Шаров О.В.* Данные письменных и археологических источников о появлении германцев на Боспоре (проблема выделения “германских древностей” на Боспоре) // STRATUM plus. 2010. № 4.
- Щукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005.
- Щукин М.Б.* О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // STRATUM plus. 2011. № 4.
- Dautova-Ruševljan V., Vujović M.* Kasnoantički šlem iz Jarka. Novi-Sad, 2011.

- Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A.* Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris, 2006.
- Kazanski M.* Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IV^e–V^e siècles // Dis F. Vallet, M. Kazanski. L'armée romaine et les Barbares du III^e au VII^e siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993.
- Kazanski M.* Kishpek, Ekazhevo and Varpelev: on the Problem of Pontic-Scandinavian Relations in the Late Roman Period // *Inter ambo maria*. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period. Simferopol, 2011.
- Mastykova A.* Le costume féminin de la civilisation de Černjahov avec des fibules en tôle métallique // Hrsg J. Tejral. Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit. Brno, 2007.
- Plin l'ancien.* *Historiae naturalis libri XXXVII* (éd. E. de Saint-Denis). Paris, 1972.
- Šćukin M.* A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lancers) // Dir. F. Vallet, M. Kazanski. L'armée romaine et les Barbares du III^e au VII^e siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993.
- Schchukin M., Kazanski M., Sharov O.* Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford, 2006 (BAR; Intern. Ser. 1535).

Институт археологии РАН, Москва

А.В. Мастыкова

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА / Гл. ред. М.М. Кульшарипов. Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. Т. I. М.: “Наука”, 2009. 400 с., ил.

Создание любой многотомной серии – дело сложное и ответственное. Всякий этнос или народ заслуживает того, чтобы его исторический путь был наиболее полно и по возможности объективно вписан в историческую летопись российской и мировой истории. В этом плане идея проекта по написанию 7-томной истории башкирского народа, безусловно, заслуживает одобрения и поддержки. Особенно читателя обнадеживает заверение главного редактора М.М. Кульшарипова в том, что “в многотомном труде сделана попытка избежать субъективных взглядов и отклонений, конъюнктурных соображений при освещении проблем, событий и явлений истории башкир” (с. 7). Вместе с тем чуть ниже главный редактор безапелляционно заявляет, что “...история башкирского народа на протяжении многих десятилетий подвергалась фальсификации, освещалась тенденциозно, целые ее страницы преданы забвению или изучены весьма поверхностно”. И далее “субъективистского характера искажения коснулись практически всех периодов и этапов исторического прошлого башкирского народа. Эта тенденция особенно ярко проявилась в попытках с позиций европоцентризма приписать всю разнообразную древнюю историю и культуру Южного Урала лишь этносам индоевропейского происхождения. Вопреки археологическим, фольклорным, письменным материалам до сих пор широкое хождение имеет тезис о поздней тюркизации Южного Урала” (с. 7). Авторы рецензии вынуждены цитировать большие куски из Введения, потому что в них, по существу, содержатся, по словам редколлегии, методологические и теоретические установки “без крайностей формационной и цивилизационной методологии”.

Перейдем теперь к рассмотрению первого тома с учетом серьезных и обнадеживающих заявлений редколлегии и текстов авторов статей и разделов.

Структурно том состоит из четырех разделов: археологического, антропологического, лингвистического и фольклорно-мифологического. В предисловии к первому тому В.В. Овсянников особо подчеркивает значимость южноуральского ландшафта “как колыбели башкирского народа в том, что культурная традиция в нем не прерывалась” (с. 11). В разделе “От редакционной коллегии” (с. 7, 8) содержится подобие историографического очерка – чуть более страницы – в котором бе-

ло перечислены некоторые проблемы и имена, хотя среди них почему-то вообще не упомянута книга С.И. Руденко, издававшаяся несколько раз. М.М. Кульшарипов уверяет (с. 9), “что более глубоко вопросы историографические и источниковедения представлены в каждом томе”, но пока издан том. I. В этом томе эти вопросы “представлены” вначале на одной странице, а потом в разделах и главах, но не всегда удовлетворительно.

Том начинается с раздела “Исторический Башкортостан”, автор – А.В. Псянчин. Ссылаясь на мнение И.Г. Акманова, исторический Башкортостан он помещает в пределы громадной территории – от Илека на юге до Камы в районе устьев рек Вятка, Иж и Очер на севере. На западе башкирские земли доходили до Волги в районе Саратова и Самары, а на востоке – до верховьев р. Исети и Тобола (с. 13–20). Этот раздел имеет по меньшей мере два крупных недостатка: во-первых, автор настойчиво пишет об “историческом Башкортостане”, не давая ни определения, ни границ, ни истории термина (с. 15–17). А история у данного термина имеется: впервые этнографическое понятие “Древняя Башкирия” было введено Р.Г. Кузеевым в его ставшей уже классической монографии “Происхождение башкирского народа” (1974). Время сложения данной области с центром на Бугульминско-Белебеевской возвышенности исследователь датировал X в. н.э., а ее распад связывал с распадом Золотой Орды в XV в.

Во-вторых, автор дает компилятивную и краткую физико-географическую характеристику Башкортостана (с. 17–20), причем она практически лишена исторической ретроспекции и динамики (несмотря на то что сейчас опубликованы многочисленные результаты почвоведческих исследований и реконструкций климатических и ландшафтных ситуаций Урало-Поволжья на различных этапах его истории). Подобный подход автора раздела вызывает недоумение еще и потому, что в первом томе была сделана попытка дать представление об истории Южного Урала на протяжении 300 000 лет. В том же виде, в каком физико-географическое описание современного Башкортостана приведено в рассматриваемой книге, оно лишено всякого исторического смысла.

Доказательство “историчности Исторического Башкортостана” дается в банальном перечислении имен средневеко-

вых авторов, в чьих сочинениях так или иначе присутствует этноним “башкорт”, без какого бы то ни было научного историко-этнографического анализа (с. 16). А подобный анализ необходим, поскольку все эти сведения, оставленные в разное время при разных обстоятельствах, с разными целями и разными авторами или посещавшими Урало-Поволжье, или просто упоминавшими его в своих сочинениях, отличаются фрагментарностью, а зачастую и противоречивостью.

Разделы “Палеолит” (с. 23–53, В.Г. Котов), “Мезолит” (с. 54–63, В.Г. Котов), “Эпоха неолита и энеолита” (с. 64–86, В.С. Мосин) представляют собой археологические статьи, дающие в общем виде представление о древностях каменного века на Южном Урале. Написанные разными авторами и в разных манерах, они, к сожалению, не позволяют читателю выявить характер преемственности и связей на протяжении длительного обитания человека на данной территории.

Раздел “Исторический Башкортостан в бронзовом веке” (с. 87–90, автор не указан) содержит главы “Синташтинская культура” (с. 90–105, А.В. Епихамов), “Алакульская культура” (с. 105–122, А.В. Епихамов), “Срубная культура” (с. 123–146, Ю.А. Морозов), “Культура позднего и финального бронзового века” (с. 147–166, М.Ф. Обьденнов). Вероятно, по этому разделу можно сделать значительное количество конкретных замечаний, хотя в целом он написан квалифицированно, что тем не менее не избавило его от ряда заметных недостатков.

Во-первых, не имеет решения вопрос о начале бронзового века (так же как в предыдущем разделе не решается вопрос о конечной дате энеолита). В тексте указанной главы (с. 87–89) просматривается склонность авторов увязывать начало бронзового века с Циркумпонтийской провинцией, временем “ямной культурно-исторической общности” и III тыс. до н.э. Однако в тексте не удалось найти ответа на вопрос, какие же памятники III тыс. до н.э. – начала бронзового века имеются на территории Башкортостана. Более того, главы или раздела, посвященных ямным древностям, в тексте первого тома нет. Конкретные обзоры начинаются с синташтинской культуры, датируемой XIX–XVIII вв. до н.э. (с. 92) и локализуемой восточнее и южнее р. Урал (с. 91, рис. 29). Что было на основной части Башкирии до XIX в. до н.э. – глубочайшая тайна.

Во-вторых, на рис. 29 мы видим расположение довольно многочисленных памятников абашевской культуры (как раз в основной части Башкортостана). Однако раздел “Абашевская культура” в книге отсутствует – это вторая “великая загадка”, никак не объясненная.

Вообще глава “Исторический Башкортостан в бронзовом веке” оставляет впечатление эклектичности и несогласованности ее авторов в понимании места и роли носителей археологических культур этого периода в культурно-исторических процессах исследуемого региона. Например, раздел “Срубная культура” (Ю.А. Морозов) заканчивается заключением автора о том, что историческая судьба “позднесрубного населения” остается пока неизвестной, ибо переходное от бронзового к железному веку время на Южном Урале “остается сравнительно слабо изученным” (с. 146). Однако на следующей странице, открывающей раздел “Культуры позднего и финального бронзового века” (М.Ф. Обьденнов), мы читаем, что за последние десятилетия данный период в истории древнего населения региона получил значительную источниковую базу, позволяющую “пересмотреть традиционные представления о развитии археологических культур региона”, где в это время “мощно процветает бронзолитейное производство, создаются предпосылки для формирования и расцвета культуры и искусства раннего железного века” (с. 147).

Поскольку глава “Исторический Башкортостан в бронзовом веке” в целом не имеет развернутой исторической преамбулы, где давалась бы историко-культурологическая характеристика эпохи применительно к региону Южного Урала, то составляющие ее разделы – это, по сути, очерки археологических культур, представленных в регионе. В данном случае – очерки культур лесной полосы Южного Урала позднего и финального бронзового века. Кстати, если рассматривать данный раздел с точки зрения неискушенного в археологии читателя, сразу же возникает вопрос, что это за эпоха – поздний и финальный бронзовый век, и чем она примечательна в историческом контексте? Ни из текста, представляющего собой сугубо археологическое описание черкаскульской, межовской и маклашевской археологических культур, ни из “слепой” карты (рис. 46), где кроме перечисленных обозначены ареалы еще трех культур рассматриваемого периода, абсолютно не понятно, какие природно-климатические, этногенетические, этнополитические механизмы и факторы определяли ход культурно-исторических процессов на Южном Урале в указанный период. Каким образом взаимодействовали (и взаимодействовали ли) носители археологических культур, проживавшие в различных ландшафтных зонах (а ландшафт – см. первую главу “Исторический Башкортостан” – играет существенную роль в становлении и развитии этнической культуры), и к каким культурным результатам это привело (допускаем, что автор рассматриваемого раздела сознательно обходит проблему этнокультурного контекста для данного периода). Перечень подобных вопросов можно продолжать до бесконечности.

Абсолютно непродуманной и какой-то поспешной выглядит заключительная часть главы “Исторический Башкортостан в бронзовом веке” (с. 167). Здесь совершенно очевидно просматривается, с одной стороны, “туманное” представление автора (или авторов) о разнице между этногенетическими и расогенетическими процессами (иначе никак не объяснишь пассаж о взаимодействии населения срубно-алакульской общности – предположительно индо-ариев – с населением межовской и маклашевской культур – носителями уральского расового типа), с другой стороны, автор (или авторы) старательно обходит вопрос об угорском этнокультурном компоненте в культурах переходного периода от бронзового к раннему железному веку. Это несмотря на то, что в трудах М.Ф. Косарева, А.Ф. Шорина и М.Ф. Обьденнова (двое последних исследователей неоднократно выступали соавторами) этнокультурная принадлежность зауральских лесных культур позднего бронзового века давно и устойчиво определяется как древнеугорская. Вольно или невольно, но возникает мысль о некой конъюнктурной заданности рассматриваемого раздела. Во всяком случае утверждение о том, что плотность населения бронзового века на Южном Урале достигала (в тексте раздела – “достигал”) уровня, характерного для современного сельского населения Башкортостана (с. 167), выглядит более чем странным с точки зрения науки, но вполне естественным с точки зрения конъюнктуры. Никаких палеодемографических исследований эпохи бронзового века на территории Южного Урала никто пока не проводил, равно как и по демографии, географии и плотности сельского населения современного Башкортостана¹.

Раздел “Исторический Башкортостан в раннем железном веке” (с. 168–267) имеет сложную структуру. Он начинается с краткой главы “Общая характеристика раннего железного века” (с. 168–170, В.К. Федоров), которая представляет собой популярный очерк о начале железного века и основных

¹ Очевидно, такие результаты можно получить из материалов последней переписи населения, но полностью они пока не опубликованы.

культурных процессах на Южном Урале в раннем железном веке. “Исторический Башкортостан в свете античной традиции (VII в. до н.э. – IV в. н.э.)” (с. 170–172, Е.А. Круглов) – популярное перечисление письменных свидетельств, не все из которых определенно относятся к Южноуральскому региону. А.Х. Пшеничнюк написал краткую вводную главу “Культура ранних кочевников” (с. 173–174) и конкретные главы “Савроматская культура” (VII–IV вв. до н.э.) (с. 174–180), “Раннесарматская (прохоровская) культура (IV–II вв. до н.э.)” (с. 180–201), “Среднесарматская (сусловская) культура (II в. до н.э. – I в. н.э.)” (с. 201–205), “Позднесарматская культура (II–IV вв. н.э.)” (с. 205–213). Эти главы, освещающие археологию раннего железного века южноуральских степей, написаны вполне квалифицированно. Тем более странно, что в основном с ними связана публикация карт, несоответствующая разумным требованиям. После карт вполне приемлемого вида и легенд (рис. 1, 16, 29, 34 на с. 24, 54, 91, 107) идут карты на рис. 46, 54, 58, 67 на с. 118, 175, 181, 202. Памятники, нанесенные на них, имеют нумерацию, но легенды к ним – однострочные, номера в них не расшифрованы. Для читателя так и должно остаться тайной, какие памятники нанесены на карту. Нам совершенно не понятно, как такие грубые ошибки попали в данный том “Истории башкирского народа”. Следующие главы этого раздела имеют общее название “Население лесостепной зоны Предуралья” (с. 213–267). Среди них главы “Ананьинская культура VIII–III вв. до н.э.” (с. 213–223, В.В. Овсянников), “Караабызская культура” (V–IV вв. н.э.) (с. 223–245, В.В. Овсянников), “Население Месягутовской лесостепи” (с. 245–254, Н.С. Савельев), “Пьяноборская культура” (II в. до н.э. – первая половина III в. н.э.) (с. 255–267, С.Э. Зубов). Осознавая сложный характер этого материала, вряд ли следует считать уместными конкретные замечания (в любом случае они могут стать предметом дискуссии). Тем не менее некоторые из них обойти нельзя, поскольку они принципиально влияют на результаты восприятия и понимания этнокультурной составляющей эпохи раннего железного века на Южном Урале, ибо, как отмечает один из авторов этого раздела В.К. Федоров, “начиная с эпохи раннего железа, заметную роль, помимо природных и хозяйственно-культурных факторов, играет в истории человеческого общества на Южном Урале этнический фактор” (с. 170).

Как уже отмечалось выше, в контексте освещения истории региона рассматриваемый раздел написан сложно и неравнозначно. А.Х. Пшеничнюк – автор главы по культуре ранних кочевников (с. 173–213), дает пространные, с точки зрения изложения археологического материала качественные очерки культуры ранних кочевников на всех этапах их присутствия на Южном Урале. Исторический аспект проблемы автором практически не затрагивается, кроме, пожалуй, заключительной последней фразы главы о ранних кочевниках, из которой следует, что культурные достижения ранних кочевников региона – савроматов и сарматов – “послужили мощным фундаментом для их потомков – башкир” (с. 213). Очевидно, автору следовало бы пояснить, в каком аспекте он считает башкир потомками сарматов – в расогенетическом (как считает антрополог Р.М. Юсупов) или этнокультурном (как считают Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова). А то получается некоторое противоречие, не совсем понятное даже специалистам-археологам: поздних сарматов А.Х. Пшеничнюк (вслед за Ф.А. Сунгатовым) рассматривает как один из этнических компонентов турбаслинской культуры, появившейся на территории современного Башкортостана в середине I тыс. н.э. Н.А. Мажитов эту культуру трактует как уже бесспорно древнебашкирскую. Однако Р.М. Юсупов в своих работах показывает, что в расогенезе населения Южного Урала носители турбаслинской культуры никакого участия не принимали.

Главам, посвященным племенам эпохи раннего железного века лесостепной зоны Предуралья (точнее племенам пограничной территории между зонами смешанных и широколиственных лесов Волго-Камья и Приуралья) (автор В.В. Овсянников) явно недостает системности и четкости изложения и исторической интерпретации материала. По форме и содержанию эти главы – археологические очерки с элементами археологической же историографии. Концептуально – это эклектика из высказываний исследователей 1950–1960-х годов, “разбавленная” тезисами самого автора, в значительной степени умозрительными.

Глава “Население Месягутовской лесостепи” (автор Н.С. Савельев) по своему объему уступает только главе “Караабызская культура”, что отнюдь не соответствует ни месту, ни значению данной территории в этнокультурной истории Южного Урала, но вполне адекватно отражает область научных интересов ее автора (равно как и глубину осмысления и представления редакционной коллегией рассматриваемого тома (В.В. Овсянниковым, В.К. Федоровым, Ф.Г. Хисамитдиновой) проблем этнокультурной истории региона в эпоху раннего железного века). В то же время очевидно, что и сам автор данной главы не совсем четко представляет себе связь своего материала с этнокультурными процессами, имевшими место в регионе в эпоху раннего железного века. Иначе как понять первую фразу этой главы: “Ранее для айских памятников Месягутовской лесостепи была предложена общая датировка в пределах рубежа V–IV вв. до н.э...” (с. 245). Что это такое – “айские памятники”, где и когда они бытовали, каково их место в этнокультурной карте Южного Урала? На эти вопросы рассматриваемая глава ответа не дает, поскольку дальнейший текст трактует “айские памятники” как историческую данность, правда, существовавшую в некоем абстрактном пространстве, ибо карты “айских памятников” нет, собственно говоря, как и карт других культур, описываемых в данной главе. “Слепые” карты на рис. 54, 58 и 67 этой лакуны не заполняют.

На этом фоне выгодно отличается содержание главы “Пьяноборская культура” (С.Э. Зубов). Автор единственный, кто в рассматриваемом разделе затронул вопросы этнокультурной принадлежности носителей этой культуры, благодаря чему любопытствующий читатель с трудом, но сможет догадаться, что предшествующие пьяноборской и являвшиеся ее генетической основой ананьинская и караабызская культуры тоже были оставлены представителями финно-угорского этноса. Правда, вызывает недоумение оценка автором исторической судьбы носителей пьяноборской культуры, данная на основе исследований 1970–1980-х годов. Хотя за последние, как минимум, 20 лет появились и были опубликованы исследования, вполне убедительно доказывающие этногенетическую связь пьяноборской культуры с мазунинской.

Под общим названием “Исторический Башкортостан в гуннскую эпоху” выступают главы “Ранние гунны на Южном Урале” (с. 268–273, М.М. Кульшарипов и Н.А. Мажитов) и “Внешний вид и антропологический облик гуннов” (с. 273–277, С.Г. Боталов). К этим главам нет иллюстраций, кроме карты и рисунка “Реконструкция воинов гуннской эпохи” (рис. 89, 90). Обе главы не оставляют позитивного впечатления. В “Ранних гуннах на Южном Урале” речь идет в основном о хуннах/гуннах по письменным источникам, об активности гуннов в “сако-усуньской среде”, о странах Каогай-Янь и Яньчай. Лишь на двух последних страницах (с. 271, 272) дано краткое описание памятников вроде Темясовки, Кызыл-Адыр, городищ Имендяшевского и Уфа II. Авторы предпочитают называть оставившее их население гуннами, не обращая внимания, например, на высказанное тут же (с. 273) мнение С.Г. Боталова о “фактическом отсутствии краниологических определений из

погребальных комплексов гуннов Восточной Европы времен Аттилы”. В конце главы М.М. Кульшарипов и Н.А. Мажитов намекают на тюркоязычие тиссагетов, фиссагетов и иирков, не имея к этому никаких прямых указаний.

Написанная С.Г. Боталовым глава “Внешний вид и антропологический облик гуннов” не содержит фактов с территории Башкортостана, кроме “находки медальона с изображением тетрархов” из “уфимских курганов турбаслинской культуры” (с. 276). Глава представляет собой компиляцию из антропологических данных, письменных свидетельств, тенденциозно трактованных вещей находок вроде вышивок из Ноин-Улы и золотой пластины из Сибирской коллекции Петра I (с. 275). С.Г. Боталов рассматривает этот материал сбивчиво (см., например, то, что он пишет об эфталитах) и не приходит к определенному выводу.

Раздел “Ранние этапы расогенеза и этногенеза башкирского народа” (с. 279–309) написан антропологом Р.М. Юсуповым и состоит из глав “Антропология населения в эпоху бронзы” (с. 281–295) и “Антропология населения в эпоху раннего железа” (с. 296–309). В главе об эпохе бронзы речь идет в основном о краниологии населения срубной культуры, приводится мнение о его европеоидности и лишь в самом конце “обращает на себя внимание тот факт, что на некоторых разрушенных черепках эпохи бронзы довольно четко прослеживаются признаки местной уральской расы” (с. 295).

В главе о раннем железном веке Р.М. Юсупов пишет о “заметных включениях монголоидных признаков” у савроматов (с. 301), о “некотором ослаблении европеоидных черт прохоровцев по сравнению с савроматами” (с. 304), об усилении монголоидной примеси в среднесарматское время (с. 306), о продолжении этого процесса в позднесарматском периоде (с. 307), что привело к смене “основного европеоидного расового типа сарматов”, “типом смешанного европеоидно-монголоидного происхождения” (с. 308). Автор подводит читателей к мысли о том, что “исторические корни современных тюркоязычных башкир” “берут свое начало из глубин обширного мира савромато-сарматских и сако-массагетских кочевников” (с. 309).

Небольшой раздел “Башкирский язык в системе алтайских языков” (с. 313–331, А.В. Дыбо и Ф.Г. Хисамитдинова) производит противоречивое впечатление. Вначале (с. 313–315) приводятся данные о тюркоязычности башкир, затем авторы дают сведения об алтайской семье языков (с. 315–331) – на наш взгляд, явно избыточные, занимающие почти весь объем раздела. Лишь в самом конце А.В. Дыбо и Ф.Г. Хисамитдинова пишут о том, что “в I–IV вв. н.э. происходит отпочкование и башкирского языка”, что было результатом распада алтайской семьи в IV–III вв. до н.э., и “тюркского праязыка” с конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. (с. 331). Неясно, насколько обоснованы эти предположения.

Раздел “Мифологические представления древних башкир” (с. 333–360) открывается главой «Башкирский героический эпос “Урал-батыр” как исторический источник» (с. 335–338, В.Г. Котов). Автор повторяет свою любимую идею о «сходстве структуры, отдельных персонажей и их функций, мифологической основы эпосов “Урал-батыр” и “Акбузат” со структурой и семантикой изобразительных композиций в палеолитических пещерных святилищах», и о “литературной обработке мифа в III–II тыс. до н.э.” и о превращении мифа в героический эпос (с. 338).

Далее идет раздел “Башкирский фольклор как исторический источник” (с. 339–360, Ф.А. Надршина), представляющий собой пересказ и анализ тех произведений башкирского фольклора, “в которых наиболее отчетливо сохранились следы археологических воззрений древнейших предков башкир”. Та-

ких археологических сюжетов и мотивов довольно много, но остается нерешенной проблема датировки их и фольклорных произведений, вообще поиска и датировки исторических реалий в фольклорном материале (Ф.А. Надршина в конце главы кратко останавливается на таких реалиях, связываемых с событиями гуннской эпохи (с. 359, 360)).

Основной текст завершается кратким Заключением (с. 361–364, на двух языках, В.В. Овсянников), дополняется библиографией (с. 365–393), перечнями археологических памятников и сокращений (с. 394, 395).

В заключительной части рецензии хотелось бы подчеркнуть, что написание истории любого народа-этноса представляет собой чрезвычайно сложную, а порой и трудноразрешимую задачу. Сложность в первую очередь состоит в глубоких корнях историко-культурной преемственности. Это означает, что чем дальше в исторический процесс погружается исследование в поисках первопредков, тем менее ясной становится картина, тем легче декларировать наличие общих предков для разных этносов. Иными словами, общими далекими предками многих современных народов могли выступать племена бронзового и раннежелезного веков и средневековья. Но это абсолютно не определяет “первенство” того или иного народа на той или иной территории. Территория Южного Урала с эпохи палеометалла до средних веков была занята племенами таких крупных культурно-исторических общностей, как древнеямная, абашевская, срубная, алакульская, черкаскульско-межевская и др., носителями которых являлись представители индо-европейского, финно-пермского, угорского этносов. Здесь пересекались культурные ареалы и границы различных социокультурных миров северной Евразии II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Каким был вклад каждого из них в этногенез башкир – это специальная тема, которой следовало бы посвятить отдельный раздел рассматриваемого тома. Вместо этого его авторы ограничились монотонным повторением одной и той же сентенции о том, что кто бы и когда бы ни проживал на территории Южного Урала, все они были предками башкир. Это в конечном итоге полностью обезличило само содержание процесса формирования древнебашкирского этноса, который по самой хронологии своего зарождения ко времени, описываемому в данном томе, никакого отношения не имеет.

Идея написания многотомной истории башкирского народа вполне оправдана. Башкирский народ представляет в Российской Федерации один из крупных тюркоязычных народов-этносов, внесший свой вклад в историко-культурные процессы Южного Урала и сопредельных территорий. В отечественной историографии уже имеются обобщающие работы по истории и этнографии башкирского народа. В современных условиях действительно необходимо фундаментальное исследование, основанное на новом теоретико-методологическом уровне осмысления его историко-культурного наследия. Однако это требует серьезной научно-исследовательской и организационной подготовки. Написанию и изданию обобщающих томов должен, на наш взгляд, предшествовать выпуск специальных монографических и документальных публикаций по всем важнейшим проблемам темы.

Рассмотренный первый том “Истории башкирского народа” по своему содержанию и существу и является таким коллективным монографическим сборником, посвященным описанию и осмыслению главным образом археологических древностей Южного Урала. Вряд ли его можно рассматривать как том по истории башкирского народа, поскольку этого народа-этноса в эпоху камня, бронзы и раннего железного века еще не существовало. Поэтому в названии тома было бы правильным указать, что это материалы к освещению историко-культурных процессов, предшествовавших соб-

ственно истории башкирского народа. Археолог-профессионал хотя и не найдет там каких-то новых оригинальных идей (можно допустить, что в издании подобного рода они и не очень нужны), но во всяком случае составит себе представление о тенденциях развития археологической мысли в Уфимском научном центре РАН. Что же касается читателя, неискушенного в археологических “изысках”, но стремящегося узнать что-то о древней истории своего края, то он

Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

просто запутается в археологических терминах и понятиях, подаваемых вне исторического контекста и не археологу ничего не говорящих.

Необходимо признать, что том I “Истории башкирского народа” при своих положительных качествах отличается многими недостатками, в том числе крупными и бросающимися в глаза, хотя имеющими разное происхождение: от недостаточной авторской компетентности до явно неудовлетворительной редактуры.

В.С. Горбунов, В.А. Иванов,

Г.Т. Обыденнова

В.А. Коренько

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. ТЮРБЕ ХАНА ХАДЖИ ГЕРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: “Дикое Поле”, 2010. 176 с., 346 ил.

Книга посвящена публикации результатов археологического исследования мавзолея первых правителей Крымского ханства, не без ложной скромности определенное авторами как памятник, “пока что, без преувеличения, являющийся наиболее значимым археологическим и одновременно ориенталистским открытием XXI в. в Украине” (с. 6).

Она состоит из Введения, Глав 1–3, Заключения, Списка литературы, Приложений 1–5, нескольких страниц Благодарностей и Словаря. Согласно Содержанию, авторами совместно с разной степенью участия, выполнена только Глава 1. Главы 2, 3 и Заключение являются индивидуальным вкладом Н.А. Гаврилюк. Приложения подготовлены привлеченными со стороны специалистами.

Глава 1 под общим и отчасти символическим названием “Проблемы изучения Тюрбе хана Хаджи Герая” (Н.А. Гаврилюк, А.М. Ибрагимова) имеет четыре пункта: “Хан Хаджи Герая и его время” (Н.А. Гаврилюк, А.М. Ибрагимова), “Мавзолеи (тюрбе) в Крыму” (Н.А. Гаврилюк), “Тюрбе хана Хаджи Герая” (Н.А. Гаврилюк, А.М. Ибрагимова) и “Методика и особенности археологических и консервационно-реставрационных работ на памятнике” (Н.А. Гаврилюк).

Исторический обзор отличается компилятивностью и адаптированным характером изложения научного материала с редкими опосредованными ссылками на литературные, преимущественно случайные источники. Комплекс общественных и религиозных зданий, наряду с дюрбе Хаджи Герая включавший в себя медресе, хамам, мечеть и мусульманское кладбище XVI–XVIII вв., исследователями трактуется как самое раннее кюллие Бахчисарая, а его возникновение связывается с влиянием османской градостроительной культуры (с. 12–14).

Описание собственно археологических работ, которые велись вокруг дюрбе, охватывая строение по всему периметру в виде ленточной траншеи (с. 17, рис. 101), – предельно беглое и малоинформативное. План раскопа, стратиграфия и чертежи выявленных сооружений, рисунки находок, графическая фиксация упомянутого в тексте небезынтересного впускного погребения с наконечником стрелы (с. 17) не даны. Столь же поверхностно и без иллюстраций представлены результаты археологического исследования остальных участков у мавзолея, культурный слой которых подвергся вскрытию, – перед входом в здание и на территории смежного с ним кладбища. Археологический контекст объекта в публикации фактически отсутствует.

Проблемы, связанные с изучением внутреннего пространства усыпальницы, по мнению авторов, были обусловлены несколькими специфическими особенностями, в свою очередь сказавшимися на методике работ: климатическими показателями и физико-химическими характеристиками среды, мусульманским погребальным обрядом и соответствующим ему инвентарем, сложностью графической фиксации объекта. В качестве сугубо археологической особенности определено физическое состояние захоронений и их сохранность. Первые три проблемы авторам раскопок удалось преодолеть посредством привлечения профильных специалистов, четвертую они решали самостоятельно.

Опыт проведенной работы дал исследователям основание для целого ряда обобщений, которые могут быть полезными при изучении аналогичных объектов. И хотя, по заверениям авторов, все они были соблюдены, реальные результаты, представленные в монографии, свидетельствуют об обратном. Касаются они прежде всего вывода о необходимости обязательного участия в подобных мероприятиях специалистов “в разных областях научного знания” (с. 28). Несмотря на то что началу раскопок предшествовала достаточно длительная “комплектация экспедиции сотрудниками, способными провести исследование столь сложного памятника” (с. 20–22), в состав рабочей группы почему-то не были включены профессиональные архитектор и искусствовед. Последствия данного упущения наглядно демонстрирует Глава 2 “Архитектурно-археологическая характеристика Тюрбе хана Хаджи Герая” (в Содержании она представлена как “Архитектурные особенности Тюрбе хана Хаджи Герая” (Н.А. Гаврилюк)), которая состоит из “Описания верхнего яруса Тюрбе” и “Экстерьера верхнего яруса Тюрбе хана Хаджи Герая”.

Мавзолеем автором определяется как сложное архитектурное сооружение восьмигранной формы с порталом, имевшее нижний ярус-усыпальницу, в котором были помещены погребения, и верхний ярус с мраморными саркофагами, предназначенный для погребально-поминальных действий. Исследовательница утверждает, что хан Менгли I Герая возвел дюрбе над могилой своего отца, причем в него “органично вписались остатки старого погребального сооружения, построенного для погребения хана Хаджи Герая” (с. 29). Основание для данного вывода – сведения неназванных литературных источников и ссылка на результаты археологических раскопок 2007 г. Не противоречит ему якобы и свидетельство А.М. Ибрагимовой, согласно

которому в 2000–2005 гг. “під час дослідження пам’ятки було виявлено два будівельних періоди: будівництво склепу Хаджи-Герая та зведення мавзолею Менгли-Герая” (Ибрагімова, 2007. С. 37). Однако при этом конкретных подтверждений, прежде всего стратиграфических, данному наблюдению ни одним из авторов не представлено. Сама же кладка нижней (подземной) части здания, уверенно интерпретируемая исследователями как остатки первичного погребения, в конечном итоге может оказаться обычной субструкцией, характерной для подобного рода сооружений.

Недоразумения, сопровождавшие предполагаемое отождествление гробницы мавзолея Менгли I Герая с летописной усыпальницей Хаджи Герая, вне всякого сомнения могли быть устранены посредством полноценного обзора истории изучения памятника и анализа всех известных письменных источников, но они в данной монографии отсутствуют.

Здание дюрбе воспринимается как набор отдельных, практически не соотнесенных друг с другом деталей и декорированных поверхностей. Отсутствие элементарных понятий об архитектонике привело автора главы к тому, что вместо цельного представления о постройке появилось бессистемное и совершенно непрофессиональное описание, состоящее преимущественно из разрозненных пассажей о той или иной части мавзолея, насыщенных путанными и невыразительными определениями (с. 29–56). Как следствие, характеристика объекта превратилась в своеобразный пазл с многочисленными лакунами и соответствующим выводом: “Фактически усыпальница первых Гераев возведена по канонам архитектуры сельджукских медресе Малой Азии” (с. 65).

Отдельно рассматриваются граффити на поверхности фасадов дюрбе (с. 56–60). Настенные рисунки самодельных художников, существенно трансформируя реалии окружающего мира, обычно являются благодатной почвой для интерпретаторов, и предложенные автором трактовки тому подтверждение. В этой связи достаточно показателен выдуманный исследователем “знак рода Гераев”, который помещен над входом в усыпальницу и имеется на монетах (с. 57, 79, рис. 102, 216). На самом деле, по крайней мере в последнем случае, речь может идти лишь о фрагменте легенды аверса, сообщающей “Чекан Крыма Года 918” (Волков, 2008. С. 69. № 1).

Глава 3 “Усыпальница – археологическая характеристика” (в Содержании представлена под названием “Результаты археологического исследования усыпальницы Тюрбе хана Хаджи Герая” (Н.А. Гаврилюк)) состоит из “Описания погребений” и “Реконструкции последовательности захоронений в усыпальнице”. В гробнице обнаружены остатки 18 погребений разной степени сохранности, которые располагались в 2 ряда вдоль западной стены. Захоронения совершались в деревянных гробовищах с богато декорированным тканевым покровом, крепившимся к доскам фигурными пластинами из бронзы и позолоченного серебра. Отдельные детали некоторых табутов украшены резным растительным орнаментом. Тела были завернуты в одинарный или двойной саван либо кожу. Один из покойников, предположительно ребенок, мог иметь одежду с костяными пуговицами и застежкой в виде стержня. В семи погребениях выявлены подушки и одеяла. В качестве подставок табута использовались обработанные каменные блоки и специальные железные треножники.

Захоронения в дюрбе совершены с соблюдением мусульманского погребального обряда, характерные особенности которого позволили исследователям разделить погребенных на две группы и локализовать наиболее ранние погребения, а затем выделить погребения двух ханов – Хаджи Герая и Менгли I Герая (с. 91, 92). Предположительно идентифицировано также

коллективное захоронение хана Сахиб I Герая, убитого вместе с членами своей семьи, среди которых были маленькие дети и сын-подросток (с. 93).

Покрытие пола в склепе выполнено из красноглиняной плитки шестигранной формы, что в публикации правильно указано лишь один раз (с. 77). Обычно же при описании усыпальницы данные изделия фигурируют как восьмиугольные плитки; более того, со ссылкой на фотографию (рис. 125), где они представлены как гексаэдры, автор делает весьма неожиданное сравнение: “Пол погребального сооружения выложен восьмиугольной плиткой, повторяющей форму Тюрбе” (с. 69). Причем на обмерном чертеже (рис. 133) плитка изображена в виде неправильных пяти-, шести- и семигранников. Из содержания публикации неясно, проводилась ли полная зачистка и соответственно фиксация поверхности пола склепа, а также, согласно требованиям методики, его прокопка на доступных для исследования участках (покрытие местами разрушено и утрачено, см с. 77) после изучения захоронений или хотя бы перед тем, как останки погребенных были возвращены на прежнее место. Вследствие неравномерной осадки здания пол усыпальницы сильно деформирован, а она сама пронизана мощными трещинами с меридиональным простиранием (с. 70). Поскольку нигде, особенно с западной стороны строения, где наблюдаются наибольшие разрывы конструкций и сильное отклонение стены наружу, раскопки не доведены до материка, первоочередная задача преемственного археологического исследования осталась невыполненной: не выяснено состояние фундамента и не установлены причины, ослабившие основание и вызвавшие повреждение здания.

Настораживает отношение авторов монографии к библиографическим источникам, которое при ознакомлении с содержанием работы вызывает по меньшей мере недоумение: так, некорректно использование отдельных публикаций. Показателен пример привлечения в качестве аналогий нумизматических материалов из раскопок крепости Чембало, представленных в отчетах С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыца в виде самостоятельных приложений (с. 79, 101). Так как при определении монетных находок экспедиции Государственного Эрмитажа с разным успехом принимало участие несколько специалистов, в ссылке стоило бы указать не непосредственных исследователей памятника, а конкретного исполнителя и автора соответствующего раздела – И.В. Волкова (2008. С. 69–76). В иной ситуации Н.А. Гаврилюк, ссылаясь на мою статью, датирует мавзолеем Мухаммед-Шах-бея XIV в. (с. 37), тогда как мною на основании материалов археологического изучения он однозначно отнесен ко времени правления хана Шахин-Герая, т.е. к последней четверти XVIII в., около 1778 г. (Кирилко, 2009. С. 463). Недопустимо произвольной является также датировка 1395–1454 гг. привлекаемого ею же в качестве аналогии резного наличника мангупского донжона со ссылкой на выводы Е.А. Айбабиной (с. 50), хотя в указанном источнике подобная информация отсутствует (Айбабина, 2001. С. 160, 161. Прим. 422). Совершенно неуместен обширный пассаж о св. Клименте, не имеющий ни к данному объекту, ни ко времени Хаджи Герая абсолютно никакого отношения (с. 10).

Список литературы, использованной исследователями при подготовке монографии, поражает скромностью, несоизмерной со значимостью памятника (с. 101–103). Отечественные издания представлены всего 34 позициями, зарубежные – 13, из них 2 указаны дважды, а 1 обозначена только фамилией автора и годом, сетевые ресурсы содержат 6 наименований. Библиографическая информация имеет многочисленные лакуны и ошибки. Вне внимания исследователей дюрбе осталось также несколько важных работ (Гайворонский, 2006. С. 5, 6, 48; Крамаровский, 1995. С. 28–30; Сюжук, 2001. С. 24, 28), которые

способствовали бы более качественному изучению памятника, в частности помогли бы воздержаться от привлечения случайных аналогий (с. 37–39, 64).

Авторы монографии, утверждая, что “книга носит характер научного отчета” (с. 96), по отношению к публикуемым материалам позиционируют себя весьма скромно: “Мы, не будучи по профилю образованию, научным интересам и основным направлениям работы ни османистами, ни тюркологами, ни медиевистами, воздерживаемся пока от комментариев и обобщений, хоть сколько-нибудь далеко выходящих за рамки первичного археологического описания, анализа” (с. 96). При этом издателем они представлены как профессионалы высочайшего класса, особо преуспевшие, по меньшей мере, в методике полевых археологических исследований и “в области изучения археологии и истории средневекового Крыма” (с. 174). Последнее в свою очередь вступает в явное противоречие с содержанием публикации. Для авторов, из которых одна – “практикующий полевой археолог с большим опытом, формировавшимся в новостроечных экспедициях” (с. 174), а другая имеет “опыт, полученный в Ольвийской экспедиции Института археологии НАН Украины” (с. 174), откуда родом многие корифеи отечественной археологической науки, включая и официального рецензента книги член-корреспондента НАН Украины С.Д. Крыжицкого, предельно низкий уровень археологических исследований памятника, насколько можно судить по представленным материалам, – непозволительная роскошь. Но даже рассматривая монографию как научный отчет, нельзя не отметить примеров грубейшего нарушения действующей методики полевых археологических исследований, в разработке многих положений которой, как не парадоксально, активно участвовала одна из исследовательниц (Инструкция, 2004. С. 135–140). Использование в качестве масштаба случайных предметов (строительного уровня, да еще ярко-малинового цвета) свидетельствует о плохой подготовке к вскрытию усыпальницы. Исключая отдельные изображения, ни на чертежах, ни на фотографиях нет масштабных линеек. На планах погребений имеются условные обозначения, но не даны номера находок, что, например, в случае с захоронением 8 могло бы устранить явное разногласие трех взаимоисключающих локаций в описании места обнаружения единственной монеты усыпальницы: “у предполагаемой головы слева”, “под камнем”, «в заполнении “подушки”» (с. 78, рис. 204). На ряде планов погребений (рис. 204, 236, 254) и практически всех фотографиях (за исключением рис. 148) отсутствуют стрелки с указанием севера. Нет рисунков находок. Подписи к иллюстрациям в большинстве своем не отражают их содержания (рис. 30, 148, 149, 212, 245) либо несут ложную (рис. 21, 116, 125), совершенно отвлеченную (рис. 167), порой абсурдную по смыслу (рис. 291, 156, 196) или просто недостаточную по объему информацию (рис. 9, 19, 134, 191).

Следуя рекомендации авторов рассматривать публикацию как отчет об археологических раскопках, нельзя не заметить на ее страницах проблем методического характера, прежде всего связанных с отсутствием стратиграфий и качественных обмерных чертежей, уступивших место предельно упрощенным и несопадающим друг с другом схемам (рис. 21, 30), равно как с дефицитом информации обо всех находках. При археологическом изучении памятника в 1991 г. мной на ограниченном по площади участке исследований (в пределах шурфа 1.5×1.5×1.75 м, почти полностью занятого кладками) были обнаружены несколько фрагментов керамических изделий с широким временным диапазоном (Кирилко, 2009. С. 464, 465. Рис. 28), тогда как на всей территории вокруг здания, судя по содержанию монографии, не найдено ни одного артефакта, что представляется маловероятным. Отмеченные недостатки

особенно усугубляются тем, что верхние отложения культурного слоя уже утрачены, а сам объект после возвращения ему первоначальных функций практически недоступен для новых раскопок.

В качестве заключения исследовательскую часть работы завершает реконструкция политической ситуации в регионе с попыткой определить историческое место данного памятника. Однако после того, как дочь Тохтамыша Джанике ханым, родившаяся в конце XIV в. и умершая в 1437 г., была названа современницей хана Менгли I Герая, появившегося на свет только в 1445 г. (с. 16, 37, 94), видимо следует согласиться с предложением Н.А. Гаврилюк и А.М. Ибрагимовой трактовать публикацию исключительно как научный отчет о раскопках. В противном случае многие аспекты крымской истории, представленные в ней, могут оказаться еще более сомнительными.

Одна из авторов монографии, будучи известной любительницей покуражиться над стилистическими ошибками коллег (Гаврилюк, 2006. С. 4, 18, 429, 450, 462; Биляева *ma in*, 2008. С. 94–101), не отстала от оных и сама (с. 18, 22, 30, 33, 37, 41, 60, 69, 70, 82, 89, 91). Характерен пассаж о погребении 9: “Прах собран и вместе с остатками антропологии перезахоронен” (с. 81). Причем в этом случае автор даже не погрешила против истины, поскольку после первичного осмотра захоронений внутри усыпальницы по совершенно непонятным причинам их полное антропологическое изучение было свернуто, не получив в дальнейшем ни естественного продолжения, ни логического завершения, ни мало-мальски приемлемого объяснения необходимости его прекращения. Прилагаемого же к монографии краткого отчета А.Д. Козак о результатах предварительных наблюдений 2007 г. (с. 103, 104. Приложение 1) явно недостаточно для того, чтобы убедительно обосновать глобальные выводы авторов книги об идентификации отдельных покойников. При этом материалы ДНК-анализа, отбор образцов для которого во время исследований внутри усыпальницы осуществлялся научным сотрудником Института молекулярной химии и генетики НАНУ (согласно еще одной опубликованной версии – Института микробиологии НАНУ), также остались невестребованными (с. 70, 157).

Другие приложения к монографии представлены более полно. Высоким научным уровнем выделяется публикация результатов совместной работы группы украинских и румынских специалистов по изучению кожи, использовавшейся в качестве основы покрова табута, в котором мог быть захоронен хан Сахиб-Герая (с. 86, 87, 93). Настоящее уточнение необходимо, поскольку в названии Приложения 2 “Оценка археологической кожи из погребения 16 *Тюрбе* хана Хаджи-Герая” (с. 104) загадочным образом исчез фрагмент текста (утраченная часть мной выделена курсивом), полностью изменив его суть, а кожа, принадлежавшая погребению XVI в., ошибочно датирована XIV (с. 105). Под общей редакцией В.П. Плавана и Л. Миу в Приложении 2 представлены следующие рубрики, охватывающие все основные направления исследования: “Введение” (L. Miu, C. Gaidău), “Повреждения кожи на макроскопическом и микроскопическом уровнях” (C. Chelaru, M. Vilsan, L. Miu), “Оценка повреждения кожи на мезоскопическом уровне с помощью TG/DTG, DTA и DSC анализов” (P. Budrugaec), “Оценка повреждений кожи на молекулярном уровне с помощью методов инфракрасной, ультрафиолетовой спектроскопии и рентген-флуоресцентного анализа” (M. Giurginca), “Определение природы растительных дубильных материалов для выделки кожи” (В.П. Плаван, M. Giurginca), “Рентген-флуоресцентный анализ” (D. Şeclăman, C. Chelaru, M. Vilsan), “Оценка повреждений на мезоскопическом уровне с применением сканирующей электронной микроскопии (SEM) и энергодисперсного анализа (EDAX)” (В.П. Плаван,

В.З. Барсуков), “Микробиологические исследования (часть I)” (С. Groza, С. Chelaru, М. Vilsan), “Микробиологические исследования (часть II)” (Р. Качан).

Посредством использования комплекса неразрушающих бесконтактных методов избирательного действия совместными усилиями исследователей получена предельно полная информация о состоянии найденной в усыпальнице кожи с оценкой степени деградации материала и выявления причин его разрушения, а также создана качественная основа для разработки практических рекомендаций по консервации данной группы артефактов.

В Приложении 3 “Применение методов лазерного сканирования в археологии на примере архитектурно-археологического памятника Тюрбе хана Хаджи Герая” (В.А. Сафонов, С.И. Ижецкий, Г.В. Цишевский, С.А. Паславская) представлены общие сведения о техническом обеспечении и методике обмерных работ с помощью специальных электронных приборов, определены конкретные результаты и обозначены преимущества по сравнению с традиционными способами графической фиксации строений. Посредством лазерного сканирования и анализа информации создана исключительно точная и абсолютно объективная математическая трехмерная модель здания мавзолея, которая допускает бесконечную последующую актуализацию путем уточнения или наложения данных другого формата. Остается только сожалеть, что полученное таким образом виртуальное отображение объекта, судя по иллюстрациям монографии (рис. 21, 30, 121, 122, 126), при камеральной обработке не было трансформировано в полноценные обмерные чертежи – детальные ортогональные проекции фасадов, планы и разрезы, более приемлемые для практического применения.

Результаты изучения эпиграфических источников памятника содержатся в Приложении 4 “Надписи мезара и портала Тюрбе хана Хаджи Герая” (В.Н. Тимченко). На основании уточненного перевода посвятельной надписи “тач капы” исследователем сделан вывод о том, что Менгли Герая приурочил завершение строительства мавзолея в месяце шеввале 907 г.х. (20 февраля–21 марта 1501 г.) к празднику Навруз (с. 147).

Завершает монографию Приложение 5 “Палеоботанические исследования материалов из раскопок склепа хана Хаджи Герая” (Г.А. Пашкевич). Публикация содержит информацию о сортах сливы, вишни, кизила, маслины и лесного ореха, косточки которых были найдены в заполнении подушек нескольких погребений.

В качестве особой заслуги авторов раскопок памятника необходимо отметить своевременное, непосредственно в ходе полевых исследований, привлечение ими к работам высококвалифицированных профильных специалистов, что в значительной мере позволило избежать ощутимых утрат и существенно минимизировать повреждение погребального инвентаря

усыпальницы. Насколько беспомощной и невыразительной порой выглядит собственно архитектурно-археологическая часть монографии, настолько профессиональными являются, вызывая восхищение, представленные в Приложениях материалы междисциплинарных и естественно-научных изысканий.

Несмотря на множество недостатков, значимость самой публикации несомненна, ибо благодаря довольно оперативному введению в научный оборот результатов археологических раскопок, информационный потенциал этого неординарного памятника частично стал доступен широкому кругу исследователей. Не меньшую ценность имеет приобретение практического опыта, наглядно подтвердившего старую истину: “Есть несколько способов разбивать сады: лучший из них – поручить это дело садовнику” (К. Чапек).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабина Е.А.* Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. Симферополь, 2001.
- Біляєва С.О., Болтрик Ю.В., Галенко О.І та ін.* Про “першу в світі археологенну катастрофу”, п’яту колонку та редакційну тенденційність // Археологія. 2008. № 3.
- Волков И.В.* Определения монет из раскопок 2007 г. в крепости Чембало // Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 г. СПб.; Симферополь, 2008.
- Гаврилюк Н.О.* Від редакції // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Вип. 8. Київ; Запоріжжя, 2006.
- Гайворонский О.* Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь, 2006.
- Ибрагімова А.М.* Кирк-Єр – Бахчисарай. Постановка проблеми атрибуції ранньотатарських пам’яток за результатами польових досліджень 2000–2005 рр. // Археологія. 2007. № 2.
- Інструкція до оформлення Наукового звіту про проведенні дослідження археологічної спадщини // Археологія. 2004. № 1.
- Кирилко В.П.* Археологическое исследование мусульманских мавзолеев-дюрбе Бахчисарая // STRATUM plus: 2005–2009. № 6. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009 (Причерноморские этюды).
- Крамаровский М.Г.* Мавзолеи и зияреты средневекового Солхата // Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Екатеринбург, 1995.
- Сюцук Ю.Г.* Мусульманские мавзолеи Крыма: типы, структурные аналогии // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. Вип. 2. Одесса, 2001.

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Симферополь

В.П. Кирилко

НЕМЕЦКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС “АРХЕОЛОГИЯ ВОКРУГ СЕВЕРНОГО МОРЯ”.

Бремен (Германия), 3–7 октября 2011 г.

В немецком городе Бремене прошел Седьмой международный конгресс, посвященный вопросам археологии и истории региона вокруг Северного моря. Конгресс был проведен Немецким археологическим союзом (*Deutscher Archäologen-Verband*), который проводит подобные мероприятия каждые три года. В конгрессе участвовало порядка 500 ученых-исследователей из девяти стран мира. Помимо специалистов из разных частей Германии в конгрессе приняли участие археологи из Голландии, Швейцарии, Австрии, Франции, Великобритании, Дании, Греции и Литвы. Рабочим языком конференции был немецкий, но несколько докладов было сделано на английском. В работе конгресса также приняли участие восемь немецких книжных издательств и три компании-производителя оборудования для проведения археологических исследований. Была организована пресс-конференция для местных и федеральных средств массовой информации. По словам главного организатора конгресса профессора Уты Халле, проведение пресс-конференций – это обязательная часть работы археолога, сопровождающая каждые раскопки, тем более такие крупные научные мероприятия.

Конгресс начал свою работу со второй половины дня понедельника и продолжался всю рабочую неделю. Пленарные заседания по случаю открытия и закрытия конгресса были соединены в одно мероприятие – прием в городской Ратуше, прошедший вечером второго дня работы конгресса. Заседания проходили в течение трех дней в Университете Бремена и сопровождались обширной экскурсионной программой. Последний день работы целиком был занят выездными экскурсиями по северным и южным окрестностям Бремена. Кроме того, одним из важных мероприятий конгресса был публичный доклад, состоявшийся в зале городской филармонии.

Работа конгресса была организована в рамках 14 постоянно действующих рабочих групп (*Arbeitsgemeinschaften*): теории, неолита, бронзового века, железного века, Римской империи и варваров, поздней античности и раннего средневековья, средних веков и нового времени, археологии в музее, археологии как профессии, геоархеологии, студенческой археологической ассоциации, компьютерных приложений и количественных методов в археологии, почвы и археологии, естественно-научной археологии. В последний день заседаний работала краеведческая секция “Археология вокруг Северного моря”. Заседания каждой рабочей группы были посвящены определенной тематике.

В этом году профессиональное объединение немецких археологов, интересующихся теорией, отметило свое 20-летие и, в отличие от предыдущих конгрессов, провело большое количество заседаний. В первые два дня они проходили по теме “Понятие время – опыт времени – дух времени”. Было заслушано 14 докладов немецких, английских и швейцарских археологов. В выступлениях, зачастую повторявших одни и те же идеи, и дискуссиях основное внимание было сосредоточено на нескольких проблемах. Насколько правомерно использование европейских концепций времени для анализа древних

культур? Каким образом возможна реконструкция собственного представления о времени древних обществ? Что подразумевается под понятиями “преемственность” и “изменение” в археологии? Как соотносятся понятия “преемственность” и “традиция”? Звучала критика в адрес типологического метода, в частности, обсуждались погрешности его применения при датировании археологического материала. Начинаясь несколько раз на эту тему дискуссия неизбежно заканчивалась выводом о том, что радиоуглеродный анализ и другие естественно-научные методы заменить его в ближайшей перспективе не смогут. В целом следует отметить, что заседания “теоретиков” привлекали большое внимание и сопровождались оживленными обсуждениями.

Третий день был посвящен истории науки, тема заседания – “Меценаты, финансирование и структуры финансовой поддержки первобытной археологии”. *С. Грюнвальд* (Университет Лейпцига, Германия) в своем докладе “О цене исследования – расходы и модели финансирования в первобытной археологии Германии 1900–1950 гг.” показала соотношение государственного и частного финансирования немецкой археологии и изменения в соотношении долей этих источников на протяжении первой половины XX в. Доклад *С. Шютце* (Музей Фоке, Бремен, Германия) “Людвиг Розелиус как меценат первобытной истории” был посвящен деятельности известного предпринимателя и истории созданного им в Бремене в начале 1930 г. Музея древнейшей истории Германии. *Ю. Шахтманн* в совместном с *Т. Видерой* (Археологическое ведомство Саксонии, Дрезден, Германия) докладе “К вопросу о принудительном труде в первобытной археологии 1933–1945 гг.” представила документально известные случаи использования труда узников концлагерей при проведении раскопок. *Д. Мазарски* (Музей Фоке, Бремен, Германия) рассказал об организационных структурах СС по поддержке первобытной археологии и способах включения в них профессиональных археологов. Доклад *Р. Першке* (Музей Лихтенберга, Берлин, Германия) “Бункер в кургане” был посвящен использованию в качестве военных укреплений археологических памятников в годы Второй мировой войны и борьбе за право изучения и использования подобных памятников между “Немецким обществом по изучению древней германской истории и наследия предков”, Вермахтом и ведомством Розенберга. *М. Елузик* (Университет Гёттингена, Германия) посвятил свое выступление роли профессора археологии Петера Паульсена в создании и развитии школы для руководящего состава СС, так называемой Хаус Германии. Его доклад назывался “Археолог в служении окончательной победе”. Завершила работу секция *К. Райхенбах* (Университет Лейпцига, Германия) с докладом о финансировании и организационной структуре польской археологии в 1949–1953 гг.

Как мы видим, все доклады по истории науки были посвящены истории XX в. и большая часть из них – истории нацистской Германии. Частично это отражает реальную ситуацию в изучении истории немецкой археологии, частично вызвано тем, что бременские археологи в настоящее время занимаются

разработкой большого исследовательского проекта, посвященного именно этому времени.

О докладах по археологии следует сказать, что все они соответствовали заявленной тематике, и в программе конференции не было ни одного доклада, носящего отчетный характер.

Центр изучения Восточной Европы,
Университет Бремена, Германия

Многие ученые-археологи представляли результаты своих работ, выполненных в последние десятилетия.

Обзор конгресса выполнен при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта.

О.С. Свешникова

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА МЕРПЕРТА (1922–2012)



Прощальное слово!

29 января 2012 г. после продолжительной болезни скончался один из патриархов российской археологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник Института археологии РАН Николай Яковлевич Мерперт. Его смерть – это большая невосполнимая утрата для нашего института, отечественной науки и мировой археологии.

Н.Я. Мерперт родился 26 ноября 1922 г. в Москве и жил до середины 50-х годов на Арбате. Здесь он окончил в 1940 г. среднюю школу № 59 им. Н.В. Гоголя и отсюда ушел служить в армию. После излечения от тяжелого ранения, по-

лученного в октябре 1941 г. на фронте, он возвратился домой и с 1942 по 1945 г. был студентом кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1946 г. Николай Яковлевич поступает в аспирантуру ИИМК АН СССР – ИА РАН, а по ее завершении в 1949 г. зачисляется в штат института. С тех пор и до конца своих дней он оставался сотрудником Института археологии РАН, где прошел все ступени научной карьеры (от младшего научного сотрудника до заведующего отделом неолита и бронзового века и главного научного сотрудника) и вырос в крупнейшего в мире специалиста по энеолиту и бронзовому веку Евразии.

Мне сегодня особенно тяжело еще оттого, что я потерял своего ближайшего друга, с которым вместе работал и у которого постоянно учился более 60 лет. Мы познакомились с Николаем Яковлевичем в декабре 1949 г., когда я поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР. Через год я уже стал участником его экспедиции на Волге, и с тех пор наша совместная работа и дружба не прерывались.

Не один сезон мы трудились в Куйбышевской экспедиции и вместе копали на Северном Кавказе – в Чечено-Ингушетии, а также на Балканах – в Болгарии. Начиная же с 1969 г., когда была организована Институтом археологии АН СССР первая российская экспедиция в Месопотамию, в течение 35 лет нам довелось вместе осваивать археологию Двуречья и Ближнего Востока. Мы как-то подсчитали, что только за годы работы в Месопотамской экспедиции мы прожили с ним в одной палатке в Ираке и Сирии около 70 месяцев.

Забегая вперед отмечу, что успехи нашей Месопотамской экспедиции широко известны и общепризнанны, а вклад же лично Николая Яковлевича в ее достижения просто огромен и неограничен. Он провел 12 полевых сезонов в Ираке и 16 в Сирии. Мы подготовили и издали совместно с Николаем Яковлевичем почти 100 работ. Среди них представлен ряд монографических исследований, которые были оценены как вклад российской науки в изучение древней Месопотамии и удостоены Государственной премии России в области науки.

Трудно представить, как многому я научился у Николая Яковлевича за эти и многие другие годы, сколько общих и специальных знаний приобрел, работая с ним. Всем хорошо известно, как Николай Яковлевич был энциклопедически образован и как много он знал в различных областях археологии, истории и культуры в целом.

Путь Н.Я. Мерперта в археологию не был прямолинейным. В студенческие годы он активно увлекался античной археологией, а в аспирантуре, уже в Институте археологии, Николай Яковлевич стал специализироваться в области раннесредневековой археологии и защитил кандидатскую диссертацию по известному Салтовскому могильнику. В дальнейшем же он посвятил себя изучению энеолита и бронзового века обширных регионов Евразии, от волжско-днепровских степей и Пред-

кавказья до Балкан, Анатолии и Месопотамии. Невозможно переоценить его вклад в изучение степных культур III–II тыс. до н.э. Восточной Европы, особенно ямной и срубной культурно-исторических общностей. Многолетние полевые исследования в Болгарии позволили Николаю Яковлевичу ввести в научный оборот значительные по масштабу новейшие данные и создать серию блестящих трудов по археологии энеолита и бронзового века Балкан.

Как известно, Николай Яковлевич работал также в Центральной Азии и Африке и оставил нам ценные труды по монголоведению и египтологии. Большого и отдельного разговора заслуживают его исследования в области библейской археологии. Работы Н.Я. Мерперта не ограничивались изучением отдельных культурных феноменов и регионов евразийского пограничья. Он также активно и весьма плодотворно занимался разработкой таких крупных и фундаментальных проблем науки, как “неолитическая революция”, формирование и развитие древнейших цивилизаций в истории человечества, индоевропейская проблема и др. Н.Я. Мерперту принадлежат около 400 научных трудов и публикаций, включая 10 монографических исследований. Просто поразительно, как удалось ему столько сделать и как поистине велик его вклад в развитие российской археологии и исторической науки!

Общеизвестно, что Николай Яковлевич создал свою школу археологии, подготовив более 40 кандидатов и докторов наук. Таким редко кто из наших коллег может похвалиться! А сколько учеников, прослушавших его лекции в МГУ, а также в Богословском университете Москвы, успешно работают в научных центрах, вузах и музеях страны?! Многие из них – ныне известные и признанные ученые, и все они по праву гордятся, что являются учениками Николая Яковлевича, так же как он гордился тем, что был учеником самого В.А. Городцова. Особо хочу подчеркнуть здесь же, что с именем Н.Я. Мерперта связано и рождение российской школы месопотамской археологии. Во время своей первой командировки в Ирак зимой 1967/68 г. он совместно с Н.О. Бадером зафиксировал к западу от г. Мосул, в долине Синджара группу теллей под названием Ярымтепе. Три из этих поселений – Ярымтепе I, II и III, представляющие хассунскую, халафскую и убейдскую культуры дописьюнной Месопотамии (VI–IV тыс. до н.э.), стали объектами беспрецедентных по масштабу многолетних исследований нашей экспедиции в Ираке.

Николай Яковлевич был не только выдающимся ученым и педагогом, но и блестящим полевиком. Ему пришлось участвовать и руководить многими крупными экспедициями

Институт археологии РАН, Москва

Института археологии в России и за ее рубежами. Это позволило вписать немало ярких страниц в историю отечественной археологии и стать ее гордостью.

За долгие минувшие годы мне удалось близко узнать не только Николая Яковлевича. Я был знаком с его родителями – Яковом Ивановичем и Милетиной Михайловной, дружил с его женой Татьяной Гавриловной и поддерживаю добрые отношения с его дочерью Надей, внуками Колей и Машей и правнучкой Настей. Благодаря этому, а главное нашей многолетней дружбе и совместной работе мне удалось узнать, как рос и формировался Николай Яковлевич как ученый, гражданин и прежде всего как человек.

Когда я познакомился с ним, это был молодой красивый мужчина с густой черной шевелюрой. Вскоре же мне пришлось узнать, какой он знающий и талантливый человек и насколько широки его познания в области истории, русской литературы и музыки, особенно классической, оперной. Нельзя было не удивляться тому, как блистательно он знал и, главное, понимал музыку. А как же поразительно трудолюбив был Николай Яковлевич! Он постоянно был в работе и не представлял свою жизнь без каждодневного упорного труда. Именно талант и трудолюбие сделали его творческую деятельность яркой и плодотворной.

Особенно хочу отметить, что Николай Яковлевич был наделен высоким чувством гражданского долга. Это со всей полнотой проявилось, в частности, во время Великой Отечественной войны. Известно, что он воевал в самые тяжкие первые месяцы войны под Старой Руссой и Новгородом на Северо-Западном фронте и долго лечился затем в госпитале. Об этой и других страницах своей жизни Николай Яковлевич искренне и подробно рассказал нам в своих мемуарах, изданных совсем недавно, в конце прошлого года (Мерперт Н.Я. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. М., 2011).

Многие-многие из нас испытали на себе, каким добрым и отзывчивым, внимательным и заботливым был всегда наш Николай Яковлевич. Богатством этого человека были прежде всего его обширные знания, и ими он щедро делился со всеми, кто в них нуждался. Прекрасный рассказчик, обладавший редким чувством юмора, Николай Яковлевич притягивал к себе людей, удивляя их своими разносторонними интересами.

Вот таким выдающимся ученым и светлым человеком сохранится в нашей памяти незабвенный Николай Яковлевич.

Прощай, дорогой друг, и спасибо тебе за все, за все, что ты сделал для нас, своего любимого института и нашей науки.

Вечная и добрая тебе память!

Р.М. Мунчаев

ЛЕОПОЛЬД ДМИТРИЕВИЧ СУЛЕРЖИЦКИЙ 04.05.1929–24.01.2012

Дверь лаборатории на втором этаже Геологического института РАН (ГИН), за которой слышался голос Леопольда Дмитриевича Сулержицкого, была дверью в Науку. Войдя в нее, археолог окунался сразу в непривычный антураж и запах раскаленной печки для спекания образцов, кипящих под вытяжкой ведерок со щелочью, стаканов с кислотой, струящейся воды из крана, где в раковине остывает в водяной бане образец, горы фарфоровых плошек и фторопластовых стаканов на полках. А главное среди этого “дыма и пламени” вас радушно и с улыбкой встречал Леопольд Дмитриевич, похожий на Гефеста в своей кузнице. Переступил порог, крепко пожали руки – и дальше

разговоры, тетради с результатами датирования, образцы, сохнувшие в плошках или пересыпанные в баночки, на которые столько надежд. Подняв очки на лоб, Леопольд Дмитриевич сверяет номера. Самое большое счастье – это разговоры с ним в паузах лабораторной обработки, когда образец разлит по стаканам и крутится в центрифуге, а у вас есть целых 20 минут...

Леопольд Дмитриевич Сулержицкий происходил из семьи известных московских театральных деятелей. Обладая несомненным музыкальным дарованием, он круто изменил свою судьбу, переквалифицировавшись из музыканта в геолога. В ноябре 1959 г. Л.Д. Сулержицкий был зачислен в штат ГИН

АН СССР, в только что организованную лабораторию абсолютного возраста, где проработал всю жизнь.

Л.Д. Сулержицкий стоял у самых истоков радиоуглеродного метода. Вместе с коллегами он принимал участие в разработке методик и усовершенствовании инструментальной базы лаборатории. Им приготовлен эталонный измерительный препарат (Э-5), который используется всеми радиоуглеродными лабораториями бывшего Советского Союза. Леопольд Дмитриевич занимался разработкой ряда важных теоретических проблем, связанных с применением радиоуглеродного метода. Так, еще в 1968 г. им был обнаружен эффект обеднения древесины вулканических областей радиоуглеродом за счет поглощения растениями мертвой углекислоты вулканических газов. Позднее эффект был подтвержден американскими учеными.

Исключительно широк спектр интересов Леопольда Дмитриевича: он вел работы по датированию оледенений и морских трансгрессий, археологических стоянок и миграций животных, вулканических извержений и цунами, изменений климата и смен биоценозов, определял возраст затонувших кораблей и многого другого. Широка и география датированных образцов: от Антарктиды на юге до Исландии и Шпицбергена на севере, от Никарагуа на западе до Чукотки на востоке. В своих путешествиях Леопольд Дмитриевич предпочитал северные районы Сибири и Дальнего Востока. С ним всегда была фототехника, благодаря чему осталась огромная коллекция широких слайдов с видами его любимых мест и обработанных им разрезов.

Десять полевых сезонов Л.Д. Сулержицкий провел на Таймыре. Он разработал методику датирования костного материала, позволившую использовать кости как надежный объект радиоуглеродных исследований.

За долгие годы работы Л.Д. Сулержицким было продатировано огромное количество костяных образцов по мамонтовой фауне Северной Евразии. Эти пионерные исследования дали принципиально новые сведения об истории позднеледникового и раннеголоценового времени, а также путях миграций животных.

Более 20 полевых сезонов Л.Д. Сулержицкий провел на Камчатке и Курильских островах. При его непосредственном участии была выполнена огромная работа по датированию позднеледниковых и голоценовых вулканических отложений региона, позволившая решить фундаментальную проблему реконструкции вулканической активности Камчатки за последние 10 000 лет.

Около 3000 ^{14}C дат было получено в лаборатории ГИН для археологических памятников различных эпох и регионов на территории СССР (Сулержицкий Л.Д., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродное датирование археологических объектов в лаборатории Геологического института РАН // Радиоуглерод в археологических и палинологических исследованиях. СПб., 2007). Главным критерием при выборе археологических объектов для датирования была их научная значимость. Во многих случаях Л.Д. Сулержицкий сам выезжал в археологические экспедиции, что обеспечивало корректность отбора образцов и интерпретации результатов.

Среди основных циклов работ Л.Д. Сулержицкого по датированию археологических объектов можно выделить следующие:

Верхнепалеолитические стоянки Русской равнины (Костенки, Авдеево, Зарайск, Сунгирь и др.), Сибири (Янская, Берелех, Дюктайская пещера, Ихине, Усть-Менза, Большой якорь и др.), Камчатки (Ушки). Благодаря разработанной методике надежной очистки образцов костей фауны были получены серии дат, создавшие надежную основу хронологии верхнего палеолита Русской равнины, Якутии и Забайкалья (Sulerzhitskiy L.D., Romanenko F.A. Age and period of Mammoth fauna Asiatic Arctic region distribution // Cryosphere of the Earth. 1997.



V. 1; Сулержицкий Л.Д. Черты радиоуглеродной хронологии мамонтов Сибири и Севера Восточной Европы (как субстрата для расселения человека): Матер. симпозиума "Первичное расселение человечества". М., 1997; Сулержицкий Л.Д., Праслов Н.Д. Новые данные по хронологии палеолитических стоянок Костенки на Дону // ДАН. 1999. Т. 365. № 2; Сулержицкий Л.Д., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Возраст археологического памятника Сунгирь и особенности природной среды времени обитания первобытного человека // *Homo Sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000; Сулержицкий Л.Д. Время существования некоторых позднеледниковых поселений по данным радиоуглеродного датирования костей мегафауны // РА. 2004. № 3; Сулержицкий Л.Д., Соколов Д.Д., Тутубалин В.Н. Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2004. № 3);

Прибайкальские и Забайкальские памятники от неолита до железного века. Датировались антропологические материалы из погребений китойской, серовской, исаковской и глазковской культур. В результате была принципиально скорректирована хронологическая схема, разработанная на археологических материалах (Сулержицкий Л.Д., Мамонова Н.Н. Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1); Памятники неолита и "перезиточного неолита" Камчатки. Была создана опорная хронологическая шкала для памятников последних 7000 календарных лет (Сулержицкий Л.Д., Кренке Н.А. Раскопки стоянок Ковран 27 и 32 и создание шкалы радиоуглеродных датировок для памятников долины реки Ковран на Камчатке // АО-2001. 2002);

Мезолит и неолит лесной полосы Восточной Европы, в том числе Оленеостровский могильник, стоянки Беливо 4а, Берендеево 1, Веретье 1, Воймежная, Замостье, Лукинчиха, Черная 1, Шагара и др. В результате обоснованы представления

о возрасте мезолитических (веретье, иеневская, бутовская), неолитических (верхне-волжская, льяловская) и энеолитических (волосовская, шагарская) культур. В некоторых случаях археологам пришлось изменить традиционные представления о хронологии на 2000 лет и более (Сулержицкий Л.Д., Зарецкая Н.Е., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское VII // ТАС. 2000. Вып. 4. Т. 1; Sulerzhitskiy L.D., Zaretskaya N.E., Ponomareva V.V., Zhilin M.G. Radiocarbon studies of peat bogs: an investigation of South Kamchatka volcanoes and Upper Volga archaeological sites // Radiocarbon. 2001. V. 43. № 2; Сулержицкий Л.Д., Ошибкина С.В., Спиридонова Е.А. Динамика природных условий и человек в голоцене (по материалам стоянки Лукинчиха) // РА. 2006. № 4);

Финальная бронза и железный век Волго-Окского бассейна, в том числе такой эталонный объект, как Дьяково городище. “Колебания” археологов в определении возраста финала дьяковской культуры, которые достигали 400 лет, удалось успешно преодолеть: были получены четкие хронологические рубежи возникновения городищ, периодов их наиболее активного функционирования (Сулержицкий Л.Д., Кренке Н.А. Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. № 194; Сулержицкий Л.Д., Кренке Н.А. Хронология городищ дьякова типа в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // РА. 2006. № 2; Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна Средней Оки // Древние

памятники Окского бассейна. Рязань, 1993; Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А. Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // Финно-угры в России. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1993);

Средневековые памятники древнерусского времени и эпохи Московского царства, в том числе культурный слой Москвы, могильники и поселения Русского Севера. Эта работа имела существенное методическое значение, так как помимо радиоуглеродных датировок были распространены достаточно детальные хронологические реперы, основанные на сложившихся представлениях о хронологии вещевых комплексов и керамики (Sulerzhitskiy L., Alexandrovsky A., van der Plicht Jo. et al. The early history of Moscow: ¹⁴C dates from Red Square // Radiocarbon. 1998. V. 40. № 2).

Таким образом, спектр выполненных Л.Д. Сулержицким работ охватил весь хронологический диапазон археологических памятников, доступных радиоуглеродному датированию. Была создана хронологическая система, которая еще многие годы прослужит опорой и отправной точкой для будущих работ.

В последние несколько лет из-за тяжелой болезни Леопольд Дмитриевич не выходил из дома, но своими советами продолжал активно участвовать не только в работах лаборатории, но и по спутниковому телефону в полевых исследованиях.

Важно подчеркнуть, что в оставшихся с нами датах с индексом ГИН заключены особенности и качество личности Леопольда Дмитриевича Сулержицкого.

Коллеги и друзья

ПАМЯТИ ДЕДУРА СЕМЕНОВИЧА БЖАНИЯ (1953–2011)



23 июля 2011 г., рано утром, в абхазском с. Отхара во время очередного полевого сезона скоропостижно скончался известный абхазский археолог Демур Семенович Бжания.

Д.С. Бжания родился в г. Сухуми (ныне г. Сухум) 3 ноября 1953 г. В 1971 г. он окончил Сухумскую 10 абхазскую среднюю школу им. Н.А. Лакоба, после чего поступил в Тбилисский педагогический институт. Отслужив на Балтийском флоте, Демур Семенович перевелся на исторический факультет Сухумского педагогического института (ныне Абхазского государственного университета). После его окончания в 1979 г. он стал сотрудником отдела археологии Абхазского института языка, литературы и истории (АБИЯЛИ), ныне Абхазский институт гуманитарных исследований (АБИГИ), где и проработал до конца своей жизни. В 1987 г. Д.С. Бжания закончил аспирантуру Центра археологических исследований АН ГССР (г. Тбилиси).

Становление Д.С. Бжания как археолога-полевика, без сомнения, связано с именем ведущего археолога Абхазии В.В. Бжания, бывшего в 1968–1988 гг. сотрудником Института археологии АН СССР (ИА АН СССР). Именно под его руководством в совместной новостроечной экспедиции ИА АН СССР и АБИЯЛИ (Тамышское и Бамборское поселения, дольмены и др.) в 1979–1990 гг. Демур Семенович осваивал методику раскопок, познавал археологический материал, обучался методам работы с ним. Особенно много сил и времени Д.С. Бжания посвятил изучению Тамышского поселения эпохи поздней бронзы–раннего железа в Абжуйской (Восточной) Абхазии. К сожалению, богатейшие материалы этого эталонного памятника до сих пор остаются практически не введенными в научный оборот.

Своего рода “делом жизни” Д.С. Бжания стали раскопки Гагринского могильника (г. Гагра) в 1979–1980, 1984 гг., возобновленные в 2000 г. В настоящее время могильник изучен практически полностью. По материалам этих работ им совместно с В.В. Бжания (руководитель экспедиции в 1970–1980-е годы) была опубликована монография “Древний могильник в Гагре” (1991), в которой весь материал памятника был опубликован по комплексам с предоставлением планов погребений. Могильник был датирован XII–VIII или X–VIII вв. до н.э. (последняя датировка, как нам кажется, в большей степени соответствует истине). Памятник демонстрирует своеобразный локальный вариант бзыбской колхидской культуры при наличии ряда элементов, находящихся аналогии в протомеотской группе памятников и в кобанских древностях Северного Кавказа.

Плодотворный труд археологов Абхазии был прерван грузино-абхазской войной 1992–1993 гг. (в ней принял участие Демур Семенович), во время которой грузинскими оккупантами был целенаправленно уничтожен Абхазский институт языка, литературы и истории со всеми археологическими коллекциями, библиотекой, архивом. Возможно, именно это вкупе с пережитой травмой, семейными бедами, многолетней послевоенной блокадой Абхазии, стало причиной того, что Д.С. Бжания так и не завершил работу над кандидатской диссертацией, в значительной части уже написанной к концу 1980-х годов.

Жизнь в Республике Абхазия начала налаживаться на рубеже 1990–2000-х годов, возобновились археологические работы, активным участником которых стал Д.С. Бжания: в гроте Юпсы (ранний и средний бронзовый век), на Гагринском могильнике. Важной вехой стало участие Демура Семеновича в работе первой совместной российско-абхазской археологической экспедиции (руководители с российской стороны – Ю.В. Горлов и И.М. Безрученко), исследовавшей в 2001–2006 гг. на территории Сухумской крепости храмовый комплекс второй

Институт археологии РАН, Москва
Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, Сухум
Управление охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия, Сухум

половины V – VI в. В 2005 г. Д.С. Бжания начал исследовать активно разрушаемый грабителями богатейший Ачмардинский могильник (р. Хашупсе), предварительно датированный II–VI вв. При работах в Ачмарде им также были обнаружены пещера Сандриш со слоями раннего бронзового века и дольменная группа. Исследовалось и поселение раннего железного века в с. Арасадзых Очамчирского р-на. Наконец, начиная с 2008 г. Д.С. Бжания совместно с И.И. Цвинария изучал любопытный и до конца еще не понятный памятник – курган в с. Отхара эпохи энеолита – ранней бронзы.

С 1996 г. Д.С. Бжания начал работать в должности главного специалиста в Управлении охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия под руководством В.В. Бжания.

Нельзя не отметить роль Д.С. Бжания в организации и проведении абхазских археологических конференций (к настоящему времени прошли три такие конференции в 2006, 2008 и 2011 гг.), посвященных памяти выдающихся археологов Абхазии – Ю.Н. Воронова, М.М. Трапш, Г.К. Шамба. Первой “ласточкой”, свидетельствующей о прорыве научной блокады Республики, стала проведенная в 2001 г. АБИГИ при активном участии Д.С. Бжания конференция “Кавказ: история, культура, традиции, языки”. На нее впервые приехала группа археологов из России, многие из которых в последующие годы проводили археологические работы вместе с Демуром Семеновичем, публиковали совместно с ним статьи, обсуждали спорные проблемы древней истории Абхазии.

Смерть Демура Семеновича Бжания болью отозвалась в сердцах тех, кто был с ним знаком. Доброта, душевность, отзывчивость, готовность как удачно и весело пошутить, так и вовремя посочувствовать, прекрасное знание археологического материала, научной литературы – все эти качества Демура Семеновича делают потерю невозможной.

*А.Ю. Скаков
А.И. Джопуа*

А.С. Агуама

ПАМЯТИ ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ АКСЕНОВОЙ

24 апреля 2012 года после продолжительной болезни ушла из жизни Ольга Николаевна Аксенова (Евтюхова), старейший редактор журнала “Российская археология” (родилась 21.06.1930). Она проработала в нем более 40 лет (с 1970 г.), отдав журналу всю свою жизнь большого ученого и талантливого человека. Именно так – мы не оговорились. Ольга Николаевна была замечательным ученым и удивительно талантливым человеком – одним из тех, кто собирает вместе, склеивает, цементирует исследовательский коллектив. Такие люди, радуясь внутренне за возможность помочь коллегам, несут огромную (пусть не особенно благодарную) нагрузку, отвечая за исправление тысяч промахов и недоделок, которыми наполнены и переполнены поступающие в журнал статьи и которые возможны подчас у самых маститых ученых.

Для того чтобы справиться с потоком стихийно поступающего материала, мало усидчивости и трудолюбия – необходимо знание предмета. Нужно во всех подробностях знать историю науки за последние полвека, знать изнутри, помня и о взаимоотношениях между исследователями (ведь они – живые люди)

по конкретному изучаемому предмету, памятнику, проблеме. Причем это касается не одной, раз и навсегда избранной и поэтому неизбежно узковатой области. Научный редактор должен владеть вопросом энциклопедически широко, быть способным проверить новые выводы, привлечь нужную статью или монографию, вспомнить о старом справочнике или энциклопедии.

Такое искусство научного редактирования требует огромной преданности науке и достигается опытом, тратой времени, ценой многолетних усилий. Ольге Николаевне это было дано в высшей степени. Она оставалась, вплоть до последних дней работы в редакции, настоящим РЕДАКТОРОМ, трудоголиком, готовым взять на себя подчас непомерную работу. Все, что связано с подготовкой материала до этапа дальнейшей технической обработки, Ольга Николаевна знала в совершенстве. Она не только редактировала статьи сама, но и работала с молодыми сотрудниками редакции над каждым из текстов, на конкретных примерах обучая тем приемам работы с ними, которые необходимы научному редактору и вообще пишущему ученому (от



них зависит само умение мыслить) и которые, однако, давным-давно нигде не преподаются и постепенно уходят в прошлое.

Именно Ольга Николаевна стала тем “живым мостом”, который позволил сохранить и продолжить (со всеми очевидными нам, но неизбежными утратами) мощную научную традицию, заложенную в середине прошлого века альмана-

хом и журналом “Советская археология”. Ольга Николаевна хорошо понимала, что “старая” редакция, воспитанная еще в 1960-х годах, быстро уходит, и уже в 1990-х начала говорить о необходимости подготовки нового состава. На это (как, впрочем, и на многое другое) она без жалости отдавала огромную внутреннюю энергию, дарованную ей от природы. Эта энергия – редкий и ценнейший талант в любом коллективе – щедро тратилась на обучение молодежи и на моральную поддержку в трудные годы, да и просто на зажигательное веселье, готовность подстегнуть и подогнать застоявшуюся жизнь, которые были ежедневным, ежечасным вкладом Ольги Николаевны в нашу работу. “Молодую” редакцию она просто выпестовала, вынянчила, привив ей главные качества научного редактора – ответственность за конечный результат, упорство и терпение в работе, уважение к достижениям автора, к его позиции и к особенностям изложения, но также – известную снисходительность к его (всегда неизбежным) промахам.

Можно сказать, что с ее уходом редакция осиротела. Нам не хватает доброжелательной язвительности, знания жизни в мире археологии (это она за многие десятилетия изучила в совершенстве), любви к делу и просто жизненной силы Ольги Николаевны. Нам трудно простаться с ней. Ведь совсем недавно (и восьми номеров не прошло по редакционному счету) мы поздравляли ее с 80-летием. Порадуемся хотя бы тому, что она успела отпраздновать такой высокий юбилей раньше, чем ее внезапно постигла болезнь. Нет смысла повторять вехи жизненного пути Ольги Николаевны – они описаны совсем недавно, коллеги найдут их в третьем номере нашего журнала за 2010 г. Не стоит напоминать и о научных достижениях молодости – они явно бледнеют в сравнении с редакционным наследием. Если поместить в “соавторскую” библиографию все статьи, которые отредактированы ею за истекшие 40 лет, то получится грандиозный список, с которым не сравнятся библиографии известных корифеев нашей науки, выходящие отдельными книгами.

Прощайте, дорогая Ольга Николаевна. Мы будем помнить и еще больше ценить нашу многолетнюю дружбу. Ваш вклад в археологию России не будет забыт.

*Сотрудники редакции,
члены редколлегии и редакционного совета журнала
“Российская археология”*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античная древность и средние века. Свердловск; Екатеринбург	МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР. Київ	МАО	– Московское археологическое общество
АО	– Археологические открытия. М.	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
АС	– Археологический съезд	МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
ВАС	– Всероссийский археологический съезд	НАВ	– Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
ВВ	– Византийский временник. М.	НА ИИМК РАН	– Научный архив Института истории материальной культуры РАН
ВДИ	– Вестник древней истории. М.	ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры	ОР ГЭ	– Отдел рукописей Государственного Эрмитажа
ГИМ	– Государственный Исторический музей. М.	ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ДА	– Донская археология. Ростов н/Д.	ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры
ЗВО	– Записки Восточного отделения Русского географического общества	ПСРЛ	– Полное собрание средневековых русских летописей
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей	РА ИИМК	– Рукописный архив Института истории материальной культуры
ИАК	– Императорская Археологическая Комиссия	РАИК	– Русский Археологический институт в Константинополе
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры	РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР / РАН	РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.	СА	– Советская археология. М.
КФ ИА НАНУ	– Крымский филиал Института археологии Национальной академии наук Украины	САИ	– Свод археологических источников. М.
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР	СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь	СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа
		СЭ	– Советская этнография. М.

ТАС	– Тверской археологический сборник	УНЛ СтРАЭ НовГУ	– учебно-научная лаборатория “Старорусская археологическая экспедиция” Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого
Тр. ВАС	– Труды Всероссийского археологического съезда		
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея	AAs	– Ars Asiaticque
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа	BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
ЦООАИ НГОМЗ	– Центр по обеспечению и организации археологических исследований Новгородского государственного объединенного музея-заповедника	BMF(E)A	– Bulletin of the Museum for Far Eastern Antiquities
		BMA	– Bulletin of the Museum for Antiquities
		JAS	– Journal of Archaeological Science

Сдано в набор 19.04.2012 г.	Подписано в печать 30.05.2012 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл.печ.л. 24.0	Усл.кр.-отт. 13.4 тыс.
	Тираж 545 экз.	Уч.-изд.л. 25.6
	Зак. 401	Бум.л. 12.0

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”, 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6